

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\) →](#)

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
[www.sokna.ru](#) · Москва

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · [www.weekendtour.ru](#) · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
[www.art4.ru](#)

[Как отдохнуть дёшево и сердито?](#)

Куда поехать? Что выбрать? Обсуждаем летний отдых и отпуск. Спрашивайте!
[www.behappy.ru](#)

[Вся Библиотека >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ

БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

Содержание:

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ](#)

«Американские люди». — Как они выглядят? - «Палеоамериканцы» - Индейские языки — Первый из индейских вопросов

[ОТКУДА ОНИ ПРИШЛИ?](#)

Что рассказывают варрау? — Мнение лорда Кингсборо. — Десять без вести пропавших древнееврейских племен. — Предки индейцев пришли из Азии. — Что произошло 30 000 лет тому назад? — Последний американский «ледниковый период». — По обе стороны Берингова пролива. — Где проходила тропа, ведущая в Америку? — Алеш Грдличка разыскивает древнейшего американца.

[ДОЛГИЙ ПУТЬ К СРЕДНИМ КУЛЬТУРАМ](#)

INDIÁNI bez Tomahavků

Miloslav STINGL

PRAHA
1976

«Индейцы без томагавков»

М. Стингл

Перевод с чешского В.А. Каменской, О.М. Малевича

Под редакцией Р.В. Кинжалова

Москва, издательство ПРОГРЕСС, 1984 год

Америка — родной дом индейцев. — Где находится прародина индейских культур? — Охотники из пещеры Сандиа. — По стопам американских мамонтов. — Люди из Фолсома. — Кочизы — первая земледельческая культура Северной Америки. — Взгляд на индейскую кухню. — Баскет мейкерз — «корзинщики». — Жители скальных городов. — Пуэбло и первые их обитатели. — Долгий путь к средним культурам.

ИНТЕРМЕДИЯ О МАУНДАХ

Американские курганы. — Что из себя представляют в действительности маунды? — Аденская культура. — Первые города Северной Америки. — Культура Миссисипи. — Храмовый маунд Кахокиа. — Натчи. — Культ солнца. — Были ли здесь «мексиканцы»?

ЛЮДИ-ЯГУАРЫ

Где в Америке живут индейцы? — Мексика — кузница древне-американских культур. — У мексиканских озер. — Тепешпанский человек. — Кукуруза — кормилица индейцев. — Что рассказал Иштлильпочитль? — Сотворение индейского мира. — Первая американская пирамида. — Диковинные «толстяки» археолога Дюпе. — Вторжение ягуара. — Гигантские каменные головы. — Ольмеки возвращаются из глубин забвения. — Древнейшая индейская высокая культура доколумбовой Америки. — Что умели ольмеки? — Экспорт ольмекской культуры.

ОТ ТОТОНАКОВ К МИШТЕКАМ

Кто на очереди после ольмеков? — Тотонаки в штате Веракрус. — Приглашаем в тотонакские города. — Для чего служило каменное ядро? — Каково назначение тотонакских «пальм»? — Вслед за тотонаками — хуастеки. — Народ, не покорившийся даже ацтекам. — Назад, на Мексиканское горное плато. — Теотиуакан, прибежище богов. — Город, построенный великанами. — Тольтеки, учителя Мексики. — Тула, о которой никто не знал. — Первое знакомство с Кецалькоатлем. — Закладами мексиканского юга. — Гробницы и могилы Монте-Альбана. — Золото принадлежит мшштекам. — Митла, прибежище смерти. — Мит-ланские дворцы. — Мшштеки пишут книги. — Тройственный союз тарасков. — Правитель Париакури и его преемники. — Культ огня. — Йабаты. — Чичимеки. — До прихода ацтеков.

ВЛАСТИТЕЛИ МЕКСИКИ

Назад к мексиканским озерам. — Мешики. — Страна семи пещер. — Основание Теночтитлана. — Теноч и Уицилиуитль. — Создание тройственного союза. — Общественный строй ацтеков. — Простолюдины и знать. — Земледельцы, ремесленники, торговцы. — Ацтекское военное искусство. — Как и почему вели ацтеки войны? — Властители Мексики. — Ашайакатль, Тисоц, Ауисотль, Монтекума. — Не только меч. — Просвещение по-ацтекски. — Ацтекская философия. — Наука в древней Мексике. — Календарь. — Об ацтекской литературе. — Тескоко, «Париж Америки». — Несуаулькойотль, правитель-поэт. — Ацтекские города. — Прогулка по Теночтитлану. — Жизнь при дворе Монтекумы. — Боги ацтеков. — Человеческие жертвоприношения. — Зачатки монотеизма.

УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

В Центральных Андах. — Горы и побережье Перу. — Первые люди в Южной Америке. — Пунинская находка. — Пальи-Аи-ке. — Первые андские земледельцы. — Индейцы чавин — ольмеки Южной Америки. — Первая высокая культура Анд. — И первый индейский город в Андах. — Чавин-де-Уантар. — Гробницы на Паракасе. — О чем свидетельствуют трепанированные черепа? — Паракасские ткани. — Культура наска. — Гигантская галерея на Пампа-де-Пальпа. — Стометровые птицы, двухсотметровые чудовища. — Мочика — пирамиды и керамика. — Государственный строй мочкика. — Жизнь в государстве Чиму. — Чан-Чан, огромный город между морем и пустыней. — «Китайская стена» государства Чиму. — О чем повествуют чимуские легенды? — Пачакамак.

ВЕЧНЫЙ ГОРОД АМЕРИКИ

Тиуанако, «Вечный город» Америки. — У Врат солнца. — Кто строил Тиуанако? — Аймара. — Сообщение перуанского «барона Мюнхаузена». — Культура Тиуанако. — Колья под игом инков.

ИНКИ, ИЛИ КАК СОЗДАВАЛИСЬ ИНДЕЙСКИЕ ИМПЕРИИ

Тауантинсуйу, империя инков. — Страна четырех провинций. — Как появились на свет первые инки. — Манко Канак и Мама Окльо. — Рождение империи. — Кечуа, «люди из теплой долины». — Тринадцать инков. — Айлью. — Инкское земледелие. — Кто работал на перуанских полях. —

Мита. — Куско, «Пуп земли». — В дворцах и храмах инков. — Мачу-Пикчу, Ольянтайтамбо, Саксауаман. — Инкские дороги. — Проблема письменности. — Кипу, «узловое письмо». — Ольянтай. — Историография империи инков.

СТРАНА ЗОЛОТОГО КОРОЛЯ

Где находится страна золотого короля? — И кто такой Эль Дорадо? — Знакомьтесь — муиски. — Древнейшая культура Колумбии. — «Столики» и статуи из Сан-Агустина. — Культура тьеррадентро. — Золото, всюду золото. — Кимбайя. — Тайроны, ювелиры Колумбии. — Опять вернемся к муискам. — На колумбийском горном плато. — Муисские крестьяне и ремесленники. — Внешняя торговля и золотые монеты муисков. — Девять государств муисков. — Страна Тунха и страна Богота. — Сипа и саке. — Гуатавита, озеро Эль Дорадо.

ЛЮДИ НА МОСТУ

Золотые культуры Центральной Америки. — «Золотая Кастилия» и «Богатое побережье». — Таламанка. — Дикие. — Верагуас, Чирики, Кокле. — Чоротези. — Пипили. — Никарао. — Анауалинка. — Люди на «межконтинентальном» мосту.

ЗАДОЛГО ДО КОЛУМБА

Пути высоких культур. — Америка была открыта задолго до Колумба, но первыми побывали в Европе индейцы. — Индейцы в Древнем Риме. — Китайцы в древней Америке. — Ангор, Паган, Америка. — Полинезийцы в Америке. — Первые плавания норманнов в Америку. — Эйрик Рыжий, основатель древних скандинавских поселений в Гренландии. — Винланд. — Колониальная экспедиция Торфинна Карлсефни. — Первые европейские поселения в Америке. — Где они находились? — Сообщения Хельге Ингстада. — Кенсингтонский камень. — Рунические надписи и рунические карты.

КЛЮЧ К ИНДЕЙСКОМУ ДОМУ

Колумб и другие. — «Официальное открытие Америки». — Первые сообщения об индейцах. — Страница из дневника Колумба. — Европейцы знакомятся с индейскими культурами. — «Старый Свет» познает «Новый Свет». — Гуанакани, первое европейское «владение» в Америке. — Куба и Гаити. — Тор-дсильяский договор и раздел Америки. — Португальцы в Новом Свете. — Поиски несуществующих индейских империй. — Свидетельство брата Бартоломе. — И первое чешское сообщение об индейцах. — Америго Веспуччи, итальянец, подаривший новому континенту свое имя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЛЫХ БОГОВ

Приход конкистадоров. — Эрнандо Кортес из Эстрамадуры. — Кортес на Эспаньоле. — Экспедиция отплывает. — Кортес на побережье Мексики. — Малинче. — Ацтеки встречают первых испанцев. — Основание города Веракрус. — В сторону тлаш-каланов. — Битва у Чулулы. — Кортес в Теночтитлане. — Наконец-то — золото! — Испанцы против испанцев. — Поражение Нарваэса. — Восстание теночтитланских ацтеков. — Индейцы защищаются. — Монтесума, прозванный Малодушным. — Отступление из Теночтитлана. — «Ночь печали». — Битва у Отумбы. — Куитлауак во главе ацтеков. — Герой Куаутемок. — Кортес возвращается в Теночтитлан. — Сражения на мексиканских озерах. — Взятие Теночтитлана. — Смерть Куаутемока. — Белые боги остаются.

КАК УНИЧОЖАЛИСЬ ИНДЕЙСКИЕ ИМПЕРИИ

Вновь против индейских империй. Франеиско Писарро. Писарро в Панаме. — Диего де Альмагро и Бернандо де Луке. — Начало экспедиции в страну Биру. Тумбес, или испанцы в первом инкском городе. — Писарро возвращается в Испанию. — Уаскар и Атауальпа. — Испанцы в перуанских горах. Бойня в Кяхмарке. — Пленение Атауальпы. — Выкуп за правителя Атауальпу. — Писарро казнит последнего подлинного инку. — Волки продолжают грызню. Убийство Франеиско Писарро. — Горные индейцы не сдаются.

ПОИСКИ ЭЛЬДОРАДО

Поиски «Страны золотого короля». Немцы в «испанской» Америке. — Вельсеры и Фуггеры — Эхингер узнает о «золотых» индейцах. — Экспедиция Хохермута. — Экспедиция капитана Белалкасара. — Поражение эквадорских индейцев — Белалкасар на юге Колумбии — Хименес де Кесада в стране муисков — Конец свободы муисков — В стране сипы — Гибель муисков

[МАЙИ - ОДИНОКИЕ ГЕНИИ](#)

Страна майя. - Происхождение названия «майя» - Майя, вершина развития древних американских культур - Ольмеки учителя майя. — «Самые гениальные индейцы» — Три этапа майяской истории. — Домайяская эпоха. Древнее царство, Новое царство. — Свидетельство Диего де Ланда. - Первые испанцы в стране майя - Монтехо - Майя в Петене - Майяское общество — Жизнь в Древнем царстве. — Падение Древнего царства. — Тольтеки в стране майя - Майяский ренессанс - Майянская лига. - Боги и обряды майяских индейцев. — Математика, астрономия, календарь. — Майяская литература и майяские «кодексы». — «Пополь-Вух».

[СЛИШКОМ МНОГО ПИРАМИД](#)

Знакомство с городами майя. — Копан, Тикаль, Ушмаль, Чи-чен-Ица. — Пирамида в Паленке. — Настенная роспись храмов в Бонампаке. — Цибильчальтун. — Пламень высоких индейских культур угасает.

[АХИЛЛЫ АМЕРИКИ](#)

Мапуче — «люди земли». — Культура арауканов. — Первая экспедиция в страну арауканов. — Вальдивия. — Пленение и бегство Монроя. — Арауканская война. — Айявила, Линкоян, Лаутаро. — Кауполикан. — Изгнание испанцев за Био-Био. — Переговоры в Кильине и Сантьяго-де-Чили. — Антуан Орли де Тунан. — Планшю. — Конец арауканской независимости.

[ОТ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ ДО КАРИБСКОГО МОРЯ](#)

Холодная Огненная Земля. — Чоны. — Алакалуфы. - Яганы и оны. - Патагония. — Индейцы аргентинских памп. Мужественные керанди. — Примитивные индейцы Гран-Чако. — Внутренние области Бразилии. - Амазония и Мату-Гроссу. — Тупи гуарани. — Индейцы джунглей. — Охотники, рыболовы, примитивные земледельцы. — Индейцы Монтаны. — Хиваро. — Охотники на людей. — Индейцы Антильских островов. — Араваки и карибы

[ИНДЕЙЦЫ ПРЕРИЙ](#)

Назад в Северную Америку - Открытие северной половины индейского континента - Кабот. Кортесал. Коронадо, Веразано. - Взгляд на прерии — Лошадь и бизон. — Рождение культуры прерийных индейцев - Религия прерийных индейцев - Материальная и духовная культура прерийных индейцев»

[ОТ АЛЯСКИ ДО ФЛОРИДЫ](#)

Алгонкины и атапаски американского севера. Северные охотники. - Индейцы Великих озер. Северо-западные индейцы. — Рыболовы и резчики - Где родина тотемных столбов? - Бедные и богатые у северо-западных индейцев. — Индейцы Калифорнии. Индейцы юго-востока. — Крикская конфедерация. Индейцы северо-востока. Ирокезы. — Лига ирокезов - Ирокезский общественный строй. — «Моравские индейцы».

[СКАЛЬП, СКВО, ВИГВАМ](#)

Краткий индейский словарь: томагавк, вампум, калумет, пейотль, скальп, скво, типи, вигвам, язык жестов и еще кое-что.

[СМЕРТЬ НА МИССИСИПИ](#)

Первые столкновения североамериканских индейцев с белыми - Колониализм в Северной Америке - Метакон. — Восстание Понтиака - «Индиен римвел» — Чироки сопротивляются. — Флоридские семинолы. — Индейцы в Оклахоме. — Навеки за Миссисипи.

[СИДЯЩИЙ БЫК И АПАЧИ](#)

Новые столкновения за Миссисипи. — Траперы и торговцы. — «Последняя граница». — Буффало Билл и другие. — Тихоокеанская железная дорога. — «Бега». — Истребление чейеннов. — Сиу на военной тропе. — Кастер и его соратники. — Вслед за сиу — Апачи. — Бои в Аризоне. — Мангас Колорадас, Кочис, Херонимо. — Конец индейской свободы в Северной Америке.

[ЧУЖИЕ В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ](#)

Чужие в собственной стране. — Первые резервации для индейцев. — Пять «цивилизованных племен». — «Индейская территория». — Бюро по делам индейцев. — Североамериканские индейцы в период первой мировой войны. — Антииндейский расизм. — Первые попытки реабилитировать индейцев, предпринятые в США. — Индейцы и право гражданства. —

Проиндейские реформы Рузвельта. — Колье. — ИРА. — Индейцы в период второй мировой войны. — Терминационная и релокационная политика. — Бедные и богатые индейцы. — Индейцы для туристов. — Чикагская конференция. — Чего хотят североамериканские индейцы?

[КОЛОНИАЛИЗМ ПРОТИВ ИНДЕЙЦЕВ - ИНДЕЙЦЫ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА](#)

Снова в Латинскую Америку. — Индейцы под испанским и португальским колониальным игом. — Энкомьенда. — Южноамериканские индейцы в редуксьонес. — Индеец и земельная собственность. — «Королевские индейцы». — Индейцы в колониальных городах. — Индейские горняки. — Духовный колониализм в Америке. — Индейцы в иезуитском государстве. — Францисканские миссии и калифорнийские индейцы. — Индейская проблема в Латинской Америке. — Предшественники и отцы индигенизма. — Монтесино и Бартоломе де Лас-Касас. — «Бургосские законы». — Васко де Кирога у тарасков. — Возникновение национально-освободительного движения индейцев в испанской Америке. — «Неоинки». — Чешские миссионеры и индейские восстания. — Восстания мексиканских индейцев. — Восстание Тупака Амару. — Аймакасское восстание и его вождь Тупай Катари. — «Верните нам Америку!», «Белые, возвращайтесь домой!» и «Америка — индейцам!» — Восстание «городских» индейцев в Оруро. — Отношение индейцев к антиколониальной борьбе креолов.

[ИНДЕЙЦЫ В РЕСПУБЛИКАХ](#)

Участие индейцев в антииспанской революции. — Идальго и Морелос. — Индейцы в молодых латиноамериканских республиках. — Новые индейские восстания. — Бенито Хуарес, индеец, ставший президентом. — Еще об индейской земле. — Войпа рас на Юкатане. — Индейские массы в мексиканской национальной революции. — Развитие индигенизма. — Индигенизм и американистика. — Индигенизм и проблемы социального и национального положения индейцев.

[ПУТЬ К ПАЦКУАРО](#)

Южноамериканские индейцы в XX веке. — Индейская проблема в Андах. — Вооруженные восстания горных индейцев. — Кечуанское восстание. — Горные индейцы на страницах книг. — Мануэль Гонсалес Прада. — Проиндейское объединение в Перу. — Валькарсель. — АПРА и индейцы. — «Индоамерика». — Хосе Карлос Мариатеги. — «Амаута». — Карденас. — Индейское эхидо. — «План Тепекуакулько». — Конференция в Пацкуаро.

[НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ](#)

Еще раз об индейском вопросе. — Слово имеет статистика. — Сколько сейчас индейцев? — «Индейско-иберийская Америка». — Индейские комунидад. — Латиноамериканский индеец в деревне и городе. — Формы эксплуатации индейского пролетариата. — Индейский промышленный пролетариат. — Что едят индейцы? — Состояние здоровья современных индейцев. — Кока. — Развитие официального индигенизма. — Панамериканский индигенистский институт. — Национальные индигенистские институты. — Индигенистские центры. — Индейцы, ООН и международные организации. — Социальное и национальное освобождение латиноамериканских индейцев. — Индейцы в великих латиноамериканских революциях. — Кубинская революция. — Правительство Народного единства в Чили и индейцы. — Индейцы в новом Перу. — Земельная реформа и горные индейцы. — Язык кечуа в перуанских школах. — Завет Х. К. Мариатеги. — Индейцы и социализм. — Надежды на будущее.

При перепубликации гиперссылка на [Библиотекарь.Ру](#) обязательна

Вся Библиотека >>>

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
[www.sokna.ru](#) · Москва

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · [www.weekendtour.ru](#) · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
[www.art4.ru](#)

[Как отдохнуть дешево и сердито?](#)

Куда поехать? Что выбрать? Обсуждаем летний отдых и отпуск. Спрашивайте!
[www.behappy.ru](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемое вниманию советского читателя третье, дополненное издание книги чешского американиста Милослава Стингла «Индейцы без томагавков» рисует широкую панораму прошлого, настоящего и будущего индейцев Америки. Она как бы служит откликом на тот живой интерес и сочувствие к судьбам современных индейцев Америки, которые ныне проявляются в широких кругах прогрессивной общественности всего мира.

Индейцы уже давно привлекают к себе внимание. Писатели романтической школы посвящали им свои произведения, идеализируя в них жизнь индейцев, изображая их «детьми природы». Философы, например Жан-Жак Руссо, видели в индейцах людей, пребывающих в «естественном состоянии». С другой стороны, различные мракобесы уже начиная с XVI века изображали индейцев «детьми сатаны», «исчадиями ада», «животными».

С середины XIX века начинает делать первые шаги американистика — наука, главным предметом изучения которой становятся индейцы, их образ жизни и культура. Исследования одного из основоположников этой науки — выдающегося американского ученого Л. Г. Моргана — в области общественной жизни индейцев, и прежде всего его главный труд «Древнее общество» (1877), выводы общецентрического значения, к которым он пришел, привлекли внимание К. Маркса и Ф. Энгельса и получили их высокую оценку. Индейцы заняли заметное место на страницах их трудов, посвященных выявлению основных черт первобытной эпохи. За последние пятьдесят лет собраны богатейшие материалы по истории индейских обществ, позволяющие более точно оценить как уровень, достигнутый в различных областях культуры аборигенным населением Америки, так и его вклад в сокровищницу мировой культуры.

Книга М. Стингла основана на широком круге научных исследований и открытий в области современной американистики. Сам автор много путешествовал по странам обеих Америк и имел возможность непосредственно изучать как современную жизнь индейцев, так и следы их ушедших в прошлое цивилизаций, что придавало убедительность и живость его повествованию.

М. Стингл знакомит читателя с гипотезами о происхождении индейцев, критически оценивая выдвигавшиеся в свое время

теории (порой весьма фантастические) о путях заселения Нового Света; он излагает этногенетические легенды и предания самих индейцев и наконец подводит читателя к общепризнанному сейчас, обосновываемому данными археологии, антропологии и лингвистики выводу об азиатском происхождении американского человека (одним из первых эту мысль в качестве догадки высказал в середине XIX века Л. Г. Морган).

Важное значение для решения этой проблемы, как справедливо подчеркивает М. Стингл, имели антропологические исследования А. Грдлич-ки'. В настоящее время между учеными идут споры о времени появления первого человека в Америке, об уровне его общественного развития, о значении азиатских традиций в развитии ранних американских культур. Возраст американского человека ныне определяется в 25—30 тысяч лет. М. Стингл приводит убедительные данные различных исторических дисциплин, указывающие на Азию как на прародину индейцев. Однако, на наш взгляд, автор несколько переоценивает доказательность этнографических данных в этом вопросе. Устанавливаемые на основе этнографических исследований конца XIX — начала XX века некоторые параллели и сходства в элементах материальной, социальной и особенно духовной культуры индейцев и народов Северо-Восточной Азии — явление, скорее, стадийного порядка, результат независимого развития человеческих обществ в сходных условиях. Ведь сходства, параллели можно установить и между отдельными элементами культуры индейцев и некоторых народов Африки.

Широкими мазками рисует М. Стингл основные этапы истории индейских обществ и созданных ими культур в доколониальный период, их судьбы в колониальный и неоколониальный периоды, а также становление современных индейских общностей и жизнь «индейцев без томагавков».

В истории индейских культур доколумбовой Америки (так называемых археологических культур) М. Стингл определяет два этапа: культуры с азиатской традицией (сандиа) и американские индейские культуры, в свою очередь подразделяющиеся на простейшие, средние и высокие.

Книга даст читателю представление о широком диапазоне уровней развития индейцев аборигенной Америки: от примитивных охотников-собирателей, рыболовов-охотников и ранних земледельцев на стадии родового строя до развитых раннеклассовых цивилизаций (ацтеки, майя, инки, чибча) так называемой древней Америки (в которой исследователи справедливо видят американскую аналогию Древнего Востока Старого Света).

Наибольшее внимание М. Стингл уделяет древней Америке, очагам высоких индейских цивилизаций Месоамерики и области Анд. Именно здесь ко времени открытия Америки, ее завоевания и колонизации европейцами индейцы достигли наивысшей в их аборигенной истории ступени общественно-экономического и культурного развития.

Автор характеризует имеющиеся первоисточники по истории этих обществ: археологические данные; немногие уцелевшие памятники индейской литературы («Пополь-Вух» майя-киче, «Апу-Ольянтай» инков); индейские предания, записанные уже после конквисты; сообщения ранних испанских хронистов. Широко пользуясь толкованиями этих источников европейскими и американскими учеными, автор, к сожалению, не всегда дает им должную критическую оценку. Справедливо замечая, что в западной американистике есть тенденция замалчивать исследования американистов СССР и других социалистических стран, М. Стингл говорит о большом вкладе в изучение индейской Америки чешских американистов. Сам автор также имеет ряд работ по проблемам этнографии индейцев; в 1969 году в Праге вышла книга М. Стингла о майя — результат его исследований в Мексике'. Значительный вклад в изучение этих цивилизаций за последние годы внесли советские американисты. Особо следует отметить монументальный труд Ю. В. Кнорозова «Письменность индейцев майя» (М. — Л., 1963), в котором изложены принципы чтения иероглифического письма древних майя. Большое значение для изучения памятников древнего искусства и архитектуры индейцев древней Америки имеют работы Р. В. Кинжалова. Проблемами происхождения цивилизации майя и общественного строя древних майя занимается советский археолог В. И. Гуляев. Исследованию истории кечуа посвящен ряд работ Ю. А. Зубрицкого. Анализ общественного строя древних чибча содержит работа С. Ф. Созиной. Крупным вкладом в развитие советской американистики явился перевод на русский язык важнейших источников по истории древней Америки. Древние цивилизации, созданные индейцами Америки, привлекали к себе внимание ряда советских ученых (В. К. Никольского, Б. В. Шаревской, А. А. Сидорова, И. Ф. Хорошаевой и др.).

Следовательно, можно с полным основанием говорить о значительности вклада советской американистики в изучение культуры создателей древних цивилизаций Америки и жизни их современных потомков. Чтобы ориентировать читателя, в конце книги приводится библиография основных советских и иностранных работ по истории индейцев Америки, составленная В. Е. Баглай.

В книге М. Стингла увлекательно описаны изумительные достижения индейцев древней Месоамерики в области архитектуры, искусства, математики, медицины, древней цивилизации империи инков с ее совершенными монументальными сооружениями, прекрасными дорогами, дамбами и оросительными системами, а также древних культур народов чибча в Колумбии.

Достижения индейцев этих районов Америки в области культуры и науки, как справедливо замечает автор, во многом опередили достижения европейцев того же времени.

М. Стингл так же, как советские ученые и большинство других прогрессивных исследователей, рассматривает древние цивилизации Америки как результат самостоятельного развития индейских обществ Америки. Чешский ученый стремится, насколько позволяют имеющиеся научные данные, проследить преемственность местных культурных традиций в каждом из

очагов высоких американских цивилизаций. М. Стингл дает классовый анализ структуры каждого из описываемых им обществ древней Америки, общая направленность и внутренняя закономерность развития этих цивилизаций анализируется им с позиций материалистического понимания основных законов истории.

Индейцам доколумбовой Северной Америки М. Стингл уделил меньше внимания. Признавая фрагментарность приводимых им данных об индейцах Северной Америки, автор справедливо замечает, что для более или менее полного освещения жизни и культуры всех индейцев Америки нужны тома, а не одна книга. Свое внимание главным образом к Латинской Америке он объясняет тем, что там жило и живет более 90 процентов всех индейцев, что именно там ко времени открытия Америки европейцами они достигли кульминации своего независимого развития. Между тем сравнительное изучение истории индейских племен Северной Америки, их хозяйства и общественного строя могло бы послужить основой для понимания исходных, ранних этапов в истории развитых обществ Месоамерики и области Анд.

Доколумбова Северная Америка (как и доколумбова Южная) ко времени открытия ее европейцами была заселена множеством индейских племен, являя собой пеструю картину племенных культур, находившихся, как правильно отмечает М. Стингл, на различных ступенях развития родового общества. Общие закономерности развития первобытнообщинной формации проявлялись здесь во множестве местных вариантов и форм.

В Северной Америке ко времени колонизации наивысшего социально-экономического и культурного развития достигли племена, жившие в бассейнах рек Миссисипи, Огайо и Иллинойс. Именно этим племенам

М. Стингл и уделил наибольшее внимание. До последнего времени большинство американистов в культуре этих племен (как-и в культуре юго-востока Северной Америки) видели «периферию» высоких цивилизаций Месоамерики. Однако за последние годы вопрос о связях между индейцами Северной Америки и месоамериканскими цивилизациями ставится несколько иначе. Ряду ученых удалось (благодаря интенсивным археологическим исследованиям на территории юго-восточной, лесной, части Северной Америки) установить три последовательных периода в истории индейского населения этого района:

1. Архаический период (период присваивающего хозяйства). Развитый культ умерших дает основание предполагать наличие в этот период зачатков социальной дифференциации. Высшей точки развитие этой культуры в восточной, лесной зоне достигло к началу II тысячелетия до н. э. Характерно, что и на Юкатане в это время развиваются сходные доземледельческие культуры.
2. Средний период (II век до н. э. — VII век н. э.) представляется как продолжение развития культуры архаического периода, но к охоте, рыболовству и собирательству — главным видам занятий — добавляется земледелие (культура маиса) как подсобный род занятий. В долинах рек Миссисипи, Огайо, Иллинойс возникают региональные центры так называемой хоупвеллской культуры. Большие могильные курганы и сложный погребальный обряд этого периода отражают наличие социальной дифференциации.
3. Лишь на третьем, позднем этапе развития в этой области Северной Америки (VII—XV века н. э.) ученые устанавливают влияния месоамериканских культур. Но экзотические элементы, заимствованные из последних, здесь видоизменялись и приспособлялись к местным традициям. Основой развития общества на этом этапе было земледелие. Апогея оно достигло в так называемой культуре Средней Миссисипи, которая просуществовала до XV века. Памятниками ее являются пирамиды, искусно обработанные металлические изделия, художественная керамика. Все это говорит о высоком уровне развития культуры. Исследователи ее допускают наличие здесь процесса сложения городов-государств. Пожалуй, вернее было бы охарактеризовать эту культуру как предгородскую. М. Стингл вполне обоснованно видит в этой культуре среднюю ступень развития индейских цивилизаций Америки. Несомненно, она не достигла того самого высокого уровня индейской культуры, о котором свидетельствуют исторические памятники Месоамерики, Колумбии и Перу. Но в пределах Северной Америки, к северу от Мексики, это, конечно, высший рубеж.

Из разделов книги, посвященных этому периоду истории индейцев Северной Америки, читатель узнает о существовании

множества загадок и нерешенных до конца проблем. Так, например, каковы причины исчезновения культуры Средней Миссисипи, предками каких из известных этнографической науке индейских племен были создатели высоких культур на востоке Северной Америки?

Не исключено, что одним из создателей культуры Средней Миссисипи был сиуязычный народ, покинувший в начале XVI века свои поселения и города-государства и распавшийся на несколько языковых групп: 1) дхе-гиа — омаха, понка, оседжи, канза и куапо; 2) шивера — айова, ото, вин-небаго, и 3) дакота — ассинобойны.

Все три группы сиуязычных племен ко времени их первых описаний в XIX веке сохранили лишь некоторые из достижений своих предков, например, в области земледелия, строительной техники, в элементах социальной и духовной жизни, в культуре племен, живших тогда на реке Миссури. Как потомки создателей высокой культуры на востоке Северной Америки эти племена еще слабо изучены.

Американские этнографы, изучавшие эти племена в конце XIX—начале XX века, но не учитывавшие их предысторию, их этногенез, с удивлением отмечали наличие в их жизни многих элементов, не соответствовавших уже первобытнообщинным нормам эпохи родового общества.

Не менее загадочен связанный с этой же проблемой вопрос о строителях маундов (курганов). Маунды строились и хоупвеллцами, и в эпоху Средней Миссисипи, Археологи США установили многообразие форм маундов. Это многообразие говорит, несомненно, о невозможности однозначного решения загадки об этническом лице их создателей. М. Стингл склоняется к мысли, что строителями маундов были выходцы из Месоаме-рики, ассимилировавшиеся затем с местным населением. Примером такой ассимиляции он считает племя натчей (натчезов). Однако вопрос о происхождении и сущности социального устройства натчезов до сих пор не решен американистами. Вероятнее всего, различные по времени, по форме и соответственно, видимо, по назначению маунды строили различные группы индейцев. Например, благодаря работам американских археологов Дж. Гриффина, Р. Ритчи, Дж. Мак-Ниша теперь можно считать уже доказанным, что строителями некоторых маундов были отдаленные предки ирокезских и алгонкинских племен. Во всяком случае, теперь ясно, что индейское население Северной Америки ко времени открытия и колонизации материка европейцами прошло большой и сложный путь культурного развития, больших перемещений и освоения новых территорий, что без учета этногенеза отдельных племен нельзя решать вопрос о характере их социальной организации.

Из книги М. Стингла читатель в полной мере узнает о вандализме, которым сопровождалась испанская конкиста, и об «особых заслугах» церкви в уничтожении древних индейских культур и ревностном стремлении превратить индейцев в «добрых христиан», то есть покорных рабов.

О колонизации европейцами Северной Америки и ее последствиях для судеб индейцев автор пишет менее подробно. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть значение ранней колонизации французами северо-востока Северной Америки, ибо именно она положила начало меховой торговле, сыгравшей роковую роль в жизни индейских звероловов канадского Севера, до сих пор находящихся в кабале у скупщиков пушнины. На протяжении XVII—XVIII веков погоня за пушниной — «мягким золотом» — была движущим мотивом колонизации Северной Америки европейскими державами, причиной соперничества между ними и инспирируемых ими межплеменных братоубийственных войн индейцев. На ограблении и спаивании индейских охотников создавались огромные состояния первых торговых компаний в Северной Америке, в том числе пресловутой и поныне здравствующей Компании Гудзонова залива.

Сельскохозяйственная колонизация, сопровождающаяся жесточайшими формами экспроприации индейских земель, — это уже следующий этап колонизации Североамериканского материка.

Индейские культуры постколониальной Северной Америки описаны автором достаточно полно. Особое внимание чешского ученого привлекла оригинальная культура племен степной полосы Северной Америки, сложившаяся уже после открытия Нового Света. В этом районе на основе коневодства и верховой охоты на бизонов возникла и на протяжении более 200 лет развивалась яркая культура индейских кочевников, напоминавших скифов и сарматов. Она привлекала восхищенные взоры писателей XIX века, в их культуре видели собирательный тип индейской культуры. Для этнографов и историков культура степных индейцев дает почти лабораторный пример раннекочевого общества, восстанавливаемого в Старом Свете лишь по данным археологии.

С восхищением повествует автор о героическом сопротивлении индейцев колонизаторам, об их славных мужественных вождях — Понтиаке, Сидящем Быке, Текумсе, Винету и многих других индейских борцах. С гневом пишет Милослав Стингл об изуверской жестокости колонизаторов Северной Америки. Вооруженные по последнему слову тогдашней военной техники, войска колонизаторов сломили сопротивление индейцев, разбили их, согнали на бесплодные земли или заключили в резервации — эти концентрационные лагеря американского образца. С болью и глубоким пониманием рассказывает он о трагедии народа, у которого захватчики отняли все — землю, свободу, отчизну, — народа, оказавшегося лишним на своей родине.

В течение XIX века индейцы были превращены в бесправных подопечных правительств США и Канады, низведены до положения колониального народа внутри метрополии.

На большом фактическом материале автор раскрывает сущность так называемой «индейской политики» правительств США и

Канады, направленной на уничтожение индейского населения и его культуры. Геноцид, жесточайшая эксплуатация, ставка на «естественное» вымирание в резервациях от голода, нищеты, болезней, ускоренная насильственная ассимиляция — таков лишь краткий перечень средств из арсенала этой «индейской политики».

В XIX веке при правительствах США и Канады были созданы пресловутые Индейские бюро, задачей которых объявлялось проведение в жизнь правительственной «опеки» над индейцами.

Чиновники бюро — опекуны индейцев — путем самого подлого обмана обирали своих подопечных, отдавали их земли и естественные богатства на откуп разного рода предпринимателям. На захват индейских земель был направлен и принятый правительством США Закон Дауэса, о котором пишет автор (см. с. 347). В результате действия только этого закона за сорок лет — с 1890 по 1930 год — у индейцев США было отнято 90 миллионов акров земли. Обезземеливание индейцев стало настолько катастрофическим, что администрация Франклина Д. Рузвельта была вынуждена отменить этот закон. Но в 50-х годах XX века правительство США изобрело новые законы: так называемые Терминационный и Релокационный акты (см. с. 352 данной книги). Этими актами правительство США надеялось покончить с индейским вопросом, захватить индейские земли и снять с себя всякие обязательства перед индейцами. Однако протест индейского населения против этих актов, поддержанный широкими кругами прогрессивной общественности США, в том числе многими выдающимися американскими этнографами, заставил администрацию Джона Кеннеди приостановить действие этих актов.

«Индейская политика» правительства Канады, как и правительства США, характеризуется истребительными войнами против индейских племен, эксплуатацией индейцев-зверолюбов, захватом индейских земель насильственным и «мирным» путем — путем заключения грабительских договоров, переселением индейцев в резервации и превращением их в «подопечных» правительства и, наконец, попытками лишить индейцев их резервационных земель и тех немногих прав, которые зафиксированы в договорах¹.

Современные индейцы Северной Америки — индейцы без томагавков — самые бесправные и обездоленные граждане двух самых богатых капиталистических стран мира — США и Канады; они — самая нищая, наиболее дискриминируемая этническая группа среди всех этнических компонентов американской и канадской наций. По данным 60-х годов, детская смертность у индейцев составляла 53,7 на тысячу новорожденных (у белых — 25); смертность от туберкулеза — на 400 процентов выше, чем среди неиндейского населения; 90—95 процентов жилищ индейцев ниже стандартного уровня. Даже по правительственным данным в 1962—1963 годах из 3400 взрослых дакотов (резервация Пайн-Радж) 2175 не имели работы; у племен сиу (резервация Розбуд) 1720 человек (из 2996) были безработными; у племени черноногих процент безработных достигал 72,5, у чокто (штат Миссисипи) — 86,1, у пуэбло — до 89 процентов и т. д. Средний годовой доход индейской семьи колебался от 105 до 1200 долларов (для сравнения: средний годовой доход белой семьи составлял 7170 долларов). В послании президента Никсона конгрессу в июле 1970 года говорилось, что самый низкий уровень жизни в США — у индейского населения, что продолжительность жизни индейцев на треть меньше, чем белых американцев, детская смертность — на 50% выше, а заболеваемость туберкулезом в 8 раз больше, «Многие инфекционные болезни, такие, как трахома, дизентерия, — говорилось в послании, — почти исчезнувшие в Америке, по-прежнему поражают индейцев».

Индейцы никогда не мирились со своим бесправием и нищетой. Все активнее выступают они на политической арене США и Канады. Все громче звучат голоса индейцев в защиту своих прав. В ряды индейского движения становятся все новые борцы, появляются талантливые руководители и организаторы индейского единства. События последних лет убедительно говорят о том, что индейцы осознают общность целей своего движения с задачами борьбы всех трудящихся — белых и черных. Вместе с белыми и неграми индейцы протестовали против войны в Юго-Восточной Азии, против политики расизма и дискриминации, проводимой правительством США.

Индейцы в странах Северной Америки — США и Канаде — составляют около 2 процентов населения, но благодаря их чрезвычайно возросшей политической активности за последнее десятилетие индейский вопрос стал одним из злободневных в политической жизни этих стран. Наряду со статьями о бурных антивоенных демонстрациях и выступлениях негритянского населения против расизма в газетах США и Канады стали появляться сообщения о деятельности «красной силы», то есть о выступлениях индейцев. Одним из таких выступлений был нашумевший в печати захват индейцами острова Аляктрас, предпринятый ими с целью привлечь внимание общественности к своей тяжелой участи.

Современные индейцы Северной Америки — это народ с национальным самосознанием, борющийся за свои экономические и национальные права¹.

В странах Латинской Америки, где живет почти 95 процентов современных индейцев обеих Америк, их исторические судьбы сложились несколько иначе. По-разному они складывались и внутри каждой из этих стран. В ряде их индейское население было почти полностью истреблено (в Аргентине, Уругвае, на Антилских островах). Но даже в этих странах память об индейцах сохранилась до наших дней в географических названиях, народных преданиях, языке. Например, в литературном и общенародном языке аргентинцев встречается много индейских корней и слов. «Многие провинциальные говоры испанского языка Аргентины, — пишет советская исследовательница М. И. Былинкина, — продолжают существовать на основе некогда господствовавших в данных областях индейских языков»². Во многих латиноамериканских странах индейцы пережили жестокости колониального

рабства и крепостничества и стали крупнейшим компонентом современных наций Латинской Америки³. Например, индейцы и индейские метисы составляют девять десятых населения Боливии, в Гватемале — 99 процентов, в Мексике, Перу, Парагвае, Эквадоре — более половины населения.

В историю — колониальную и постколониальную — стран Латинской Америки вписаны тысячи индейских восстаний и мятежей против колонизаторов, а затем против пришедших им на смену правящих классов своих стран. В книге М. Стингла читатель найдет немало подробностей об этой важной стороне индейской истории Америки, которую обычно замалчивают западные американисты. Особенно интересны две главы книги, в которых автором собран большой материал по истории революционной борьбы индейцев Латинской Америки за свои экономические и национальные права, против всякого рода угнетателей и эксплуататоров.

Сам факт появления официального индигенизма говорит, несомненно, о том, что возрастающая революционность индейских масс, составляющих основную часть трудящегося населения большинства стран Латинской Америки (например, 85 процентов горняков Боливии — индейцы), вызывает тревогу у правящих классов этих стран, и через индигенизм они стремятся направить эту революционность в русло реформизма.

Чешский исследователь критически анализирует программы индигенизма в Мексике и Перу. Подчеркивая революционизирующее воздействие на индейские массы идей Великой Октябрьской социалистической революции — «социалистических идей свободной России», автор отмечает и раскол под их воздействием среди лидеров индигенизма. Он восторженно пишет о «социалистическом, марксистском индигенизме» Хосе Карлоса Мариатеги и осуждает антимарксизм вожаков реформистской, так называемой индейской, партии в Перу (АПРА), как и проповедь насильственной ассимиляции основателя мексиканского официального индигенизма Мануэля Гадио. Огромное воздействие на движение индейских масс оказывает ныне, по словам автора, опыт социалистического строительства на Кубе. Говоря о будущем индейских народов, М. Стингл приводит интересные материалы, свидетельствующие о процессах формирования индейских народностей и наций, о росте индейского пролетариата и его революционности¹. Взяв на вооружение социалистические идеи, подчеркивает Стингл, индейцы сами будут решать свою судьбу.

Коммунисты стран как Латинской, так и Северной Америки уделяют огромное внимание индейскому вопросу и ведут большую работу по развитию политического сознания индейских масс. Они всемерно поддерживают борьбу индейцев за экономические, политические и национальные права. В программных документах компартий этих стран справедливо подчеркивается мысль, что индейские народы смогут добиться равноправия и свободного национального развития только в тесном союзе со всеми прогрессивными силами стран Американского континента.

Книга Милослава Стингла «Индейцы без томагавков» написана ученым-марксистом, истинным другом угнетенных индейских масс, который по достоинству оценивает вклад индейцев в общечеловеческую культуру и значение борьбы современных индейских народов за будущее Американского континента.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Как отдохнуть дешево и сердито?](#)

Куда поехать? Что выбрать? Обсуждаем летний отдых и отпуск. Спрашивайте!
www.behappy.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Индейцы — неизменные спутники наших школьных лет, герои самых романтических мальчишеских мечтаний. Они знакомы нам по увлекательным и растрепанным книгам, прочитанным тайком, под партой. Мы восхищались бесстрашием наших краснокожих братьев, когда с томагавками в руках они вступали в бой с белолицыми завоевателями. Но томагавком едва ли не исчерпываются наши знания об индейцах. А между тем, если не считать эскимосов севера, индейцы — единственные исконные обитатели всей западной половины нашей планеты. Когда в 1492 году в Новом Свете появились первые европейцы, этот гигантский континент отнюдь не был необитаемым. Его населяли своеобразные, удивительные люди.

Но со времен Христофора Колумба прошло уже почти полтысячелетия. Этническая карта Америки существенно изменилась. Если в любой из других частей света преобладает какая-то одна раса, то на Американском континенте дело обстоит иначе. Так, Антильские острова у его восточного побережья населены сейчас по преимуществу людьми черной расы (а на некоторых островах — Ямайке, Гаитн, Тринидаде — они составляют абсолютное большинство). Много миллионов негров и мулатов мы находим также в крупнейшей латиноамериканской стране — Бразилии. На большей части территории США, в Канаде, Аргентине и Уругвае преобладают белые. Узкую полосу на севере Америки заселяют эскимосы. И наконец, обширные области Центральной и Южной Америки (особенно в Мексике, Гватемале, Перу, Боливии, Эквадоре, Парагвае) в основном заселены индейцами и метисами.

Объектом нашего интереса в этой мозаике рас и народов, живущих на Американском континенте, будут лишь индейцы, с которыми связана вся древнейшая история западной половины света. И не только прошлое.

Изучение жизни этого народа поможет нам взглянуть по-новому на настоящее и будущее Америки. Потому что именно у индейцев самое далекое прошлое встречается с наиболее примечательным и радужным будущим континента.

Каков же облик этих исконных жителей Америки? Хотя различные природные условия отдельных областей континента оставили свой отпечаток на тех или иных группах населения, мы без труда обнаружим множество общих, присущих всем" индейцам

отличительных черт, сближающих их с монголоидными народами Азии. Коренастая фигура, короткие носы и довольно длинные руки, небольшие кисти рук и ступни, высокий и обычно широкий лоб, слабо развитые надбровные дуги. Крупный, сильно выступающий нос (нередко, особенно на севере, так называемый орлиный). Довольно большой рот. Глаза чаще всего темно-карие. Волосы черные, прямые, густые. Рост преобладает средний, но в некоторых районах он значительно ниже среднего (например, у индейцев пуэбло и у большинства племен Огненной Земли).

Однако, как и в Азии, на Американском континенте сложилось множество вариаций этого основного монголоидного типа. Этому основному типу американского индейца нередко не соответствуют не только отдельные индивидуумы, но и большие этнические группы. Например, индейцы юга Аргентины и степной зоны Северной Америки значительно выше среднего роста, а в джунглях Венесуэлы обитают карликовые племена. Заметно отличаются от основной массы индейцев представители так называемой староамериканской группы (например, ботокуды). У этих «палео-американцев» цвет кожи значительно темнее, чем у других групп индейцев. Кстати, о цвете кожи. Мы привыкли слышать, что индейцы краснокожие. На самом же деле кожа у них не красная, а скорее, желто-коричневая. У североамериканских индейцев когда-то был распространен обычай в торжественных случаях натирать себе лицо и тело красной охрой. Поэтому, видимо, первые белые поселенцы и прозвали их краснокожими! Антропологи выделяют три основные группы индейцев: североамериканскую, южноамериканскую и центральноамериканскую, различающиеся по росту, цвету кожи и другим признакам.

Если в общем-то по физическому облику представители разных индейских племен незначительно отличаются друг от друга, то по уровню культуры между ними еще и в доколумбову эпоху существовали очень большие различия. Гениальный математик из племен майя — и едва умеющий считать представитель племен из джунглей восточной Бразилии. Философ и поэт ацтек — и примитивный охотник. Современный индеец — промышленный рабочий (а в США — даже индеец-капиталист) — и индеец-крестьянин, возделывающий землю в точности так, как ее возделывали его предки три тысячелетия назад. Когда появились первые европейцы, индейская Америка была необычайно разнолика.

Уже вскоре после того, как европейцы впервые пришли в соприкосновение с индейцами, ими стала интересоваться наука. Сначала лишь поверхностно. Но примерно с середины XIX столетия зарождается новая научная дисциплина — американистика. В общем это наука об истории, а также о материальной и духовной культуре индейцев. Некоторые считают американистику разделом этнографии. Однако американистика не ограничивается сферой этнографии, она включает также исследования антропологические, лингвистические, археологические и особенно широко — исторические. Еще первые американисты попытались внести в свою исследовательскую работу известную систему. Прежде всего они попытались осуществить классификацию исконных обитателей Америки, взяв за основу принцип языковой принадлежности. Вскоре стало ясно, что это сизифов труд.

Систематически индейские языки начинают изучаться в Соединенных Штатах. Классификация их, как основная задача, была «преподнесена» в качестве подарка «новорожденному»: одному из наиболее значительных (и поныне) исследовательских учреждений, занимающихся американистикой, — институту Смитсона в Вашингтоне при его основании в 1879 году. Ею и занялся первый директор этого института Джон Пауэлл, опубликовавший после пятнадцати лет исследований свой труд «Языковые семьи индейцев Америки к северу от Мексики» («Indian linguistic families of America north of Mexico»).

Классификацией индейских языков занималось не одно поколение американистов. Особенно следует отметить Франца Боаса и великого французского ученого Поля Риве, а также ряд североамериканцев (из наших современников М. Свадеша и М. Гринберга). В Чехословакии классификацией южноамериканских языков занимался лингвист Честмир Лоукотка. Трудность задачи нагляднее всего характеризуется фактом, который Лоукотка констатировал в 1935 году в своей работе «Классификация языков Южной Америки» («Clasificación de las lenguas Sudamericanas»). Он насчитал на Южноамериканском континенте 558 языков, составляющих 94 языковые группы. Общее же число индейских языков, очевидно, перешагнет за тысячу! Среди них есть такие, на которых ныне говорят всего лишь пять — десять человек и которые завтра, возможно, канут в Лету. (Такой процесс наблюдается среди малочисленных индейских племен, живущих в глубине Бразилии.) Наряду с этим существуют языки, которыми пользуются миллионы индейцев (например, язык кечуа). Даже если допустить, что некоторые из этих языков правильнее считать диалектами, все же такое множество наречий ошеломляет. Ведь во всей Европе, от Атлантики до Волги (правда, без Кавказа), мы насчитаем сегодня лишь несколько десятков языков. Причем языков в большинстве случаев весьма родственных, объединяемых в немногочисленные основные группы: славянскую, романскую, германскую и т. п. Индейские языки мы, разумеется, тоже можем объединить в несколько основных групп — семейств. Но при этом мы не сможем отыскать ни единого общего признака для всех индейских языков Америки! Правда, долгое время все лингвисты были убеждены, что индейские языки имеют полисинтетический характер. Вместо объяснения приведем пример. Мы взяли его из языка микмаков, обитающих на северо-востоке Северной Америки и принадлежащих к алгонкинской языковой семье. Если, к примеру, мик-мак хочет сказать вам: «Они собираются съесть свою пищу совместно», ему достаточно для этого одного слова: «Najdejetoiwewoolowgooddullaol-teedissuneega».

С языком связана и письменность. Сейчас, собственно, все имеющие свою письменность индейские племена пользуются латиницей. В том числе и те, особенностям языка которых она не слишком соответствует. (Примером может служить

основанный на различии тонов язык мексиканских сапотеков, где высоту тона отдельных слогов приходится обозначать различными дополнительными знаками перед слогом или после него, или слоговое письмо североамериканских чероков, в котором большинство из 80 с лишним слогов азбуки обозначается латинскими буквами; так, буквой «а» обозначается слог «го».) Но проблема языковой принадлежности отдельных индейских племен — это лишь один из первых вопросов, которые напрашиваются сами собой, когда мы начинаем изучать индейцев. А ведь таких «индейских проблем» множество. Проблем сложных и увлекательных. Их-то и пытается осветить эта книга. И осветить в соответствии с истиной. Рассказать, как жили и живут индейцы — индейцы без томагавков.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Тренинг "Мужчина и женщина"](#)

Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ОТКУДА ОНИ ПРИШЛИ?

Вопросы, вопросы, вопросы... Некогда Поль Гоген написал под одной из самых прославленных своих картин: «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?» Индейцы, хотя, возможно, и без столь глубокого философского подтекста, тоже ставили перед собой эти три основных вопроса. На вопрос «Кто мы?» они отвечали: «Мы люди». Некоторые индейские племена именно так и называли себя — «люди». Например, знаменитые чилийские арауканы называют себя мапуче, что значит «люди земли».

На другой кардинальный вопрос — куда идут индейцы? — мы попытаемся дать ответ в заключительных главах этой книги. А сейчас нас больше всего интересует третий вопрос: откуда они пришли? Итак, откуда же пришли индейцы? Сами они находили ответ на этот вопрос в дорогих их сердцу преданиях и легендах, вот хотя бы в той, где рассказывается, откуда пришло в Америку (или, точнее, как явилось на землю) большое индейское племя варрау, живущее в центральной Гвиане.

А было это так....

Давным-давно, в начале существования человеческого рода, жили варрау в прекрасной стране, высоко над небесами. Кроме варрау, эту райскую землю населяли только птицы, на которых охотились юноши племени. И вот один из них, по имени Окнонте, преследовал как-то птичку. Выстрелил из лука, но стрела пролетела мимо цели. И исчезла...

Искал, искал Окнонте стрелу и наткнулся на отверстие, в которое она провалилась. Заглянул он туда и увидел внизу нашу землю. Мир, изобилующий стадами диких кабанов, несчетным множеством ланей и иных животных: никем не тревожимые, они паслись и бродили по зеленым ле-сам и просторам саванн. Отверстие в небе оказалось достаточно широким, и Окнонте решил сплести из волокон хлопка лестницу, чтобы спуститься вниз. Друзья помогли ему, и вскоре лестница была готова. Но из райского птичьего царства варрау до земли оказалось довольно далеко, лесенки не хватило. Тогда друзья Окнонте удлиннили лесенку и крепко-накрепко привязали ее наверху. И вот смелый Окнонте стал спускаться по ней, хотя это было и небезопасно. Ветер раскачивал лесенку, и юноша каждую минуту мог сорваться. Но отважному не страшны никакие преграды. Вот наконец он ступил на землю. И от изумления остолбенел. Сколько тут было всего! Какая богатая и удивительная жизнь! Сколько невиданных

животных! У каждого по четыре ноги! И какие же они большущие! Все казалось юноше чудом. Он видел, как крупные животные пожирают свою добычу, и сказал себе: попытаюсь и я умертвить одно из этих больших животных, а затем съесть. И застрелил из лука молодую лань. Развел костер, сварил мясо, а затем... затем отведал его. О, как вкусно! Наевшись, он вернулся по лесенке домой. Подъем, разумеется, был еще тяжелее, чем спуск. С собой Оконоте прихватил кусок мяса, чтобы дома похвастать добычей. Вкус мяса и яркий рассказ Оконоте воодушевили всех. «Не хотим больше тут оставаться! Много ли толку от здешних крошечных птишек! Пойдем туда, вниз, на изобилующую зверьем землю, которую открыл для нас, для племени варрау, Оконоте. Там столько пищи! Идем!» И они пошли. Спустились по плетеной лесенке в этот полный жизни мир. Все они были очень молоды: никто из людей тогда еще не успел состариться. Через отверстие в небесах протащили варрау и своих малышей. И вот наконец все они в целостности и сохранности оказались на земле. Все, кроме одного, последнего. Вернее, одной, последней, потому что это была женщина. Слишком толстая, она не смогла пролезть через отверстие в небе и застряла. Ее муж, спускавшийся предпоследним, хотел ее протащить, но голова у него закружилась, и он поспешил спуститься на твердую почву. На земле варрау возбужденно обсуждали случившееся. Женщины громко роптали, заступаясь перед мужчинами за свою подругу: «Виданное ли это дело, чтобы муж бросил свою жену? Пускай тогда поднимется наверх кто-нибудь другой из мужчин, лучше всего доблестный Оконоте. Ведь он уже взбирался по этой лесенке. Пусть возьмет себе в помощь одного или двух юношей поотважней и вызовет эту несчастную». Но мужчины боялись взбираться наверх. И вождь варрау решил так: «Даже если вы силой вытащите эту женщину, сами вы все равно погибнете, разбившись о землю. Ведь она вас сшибет при падении. И варрау потеряют лучших своих мужчин». Вскоре лесенка оборвалась, а толстая женщина так и осталась наверху. И останется торчать в этом отверстии на веки вечные.

А мы, варрау, никогда больше не увидим свою утраченную птичью родину там, на небесах, потому что толстая женщина наглухо закрыла своим телом отверстие в небе...

Вот как пришло на землю племя варрау.

Такого объяснения было для племени вполне достаточно. Но над вопросом о происхождении индейцев задумывались не только они сами. По поводу этой кардинальной проблемы американистики, — как ее правильно охарактеризовал аргентинский американист Хосе Имбельони, существовали десятки научных теорий вплоть до начала XX века, преимущественно псевдонаучных, а подчас и совершенно фантастических.

В колониальный период господствовало мнение, что индейцы не жили в Америке «испокон веков», что Америка — не исконная их родина и что в Новый Свет они откуда-то переселились. Прародину индейцев эти первые американисты, естественно, пытались найти с помощью библии. Еще в первой половине XVI века в библии искал ответа на вопрос: «Откуда пришли в Америку индейцы?» — восторженный почитатель и друг индейцев епископ Бартоломе деЛас Касас. У него на этот счет никаких сомнений не было. Разве не говорится в писании, что после завоевания Палестины из Израиля было изгнано десять племен? Вскоре гипотеза об израильском происхождении американских индейцев нашла сотни поборников. В XVI веке в их числе были Диего Дуран и Гонсалес Фернандес де Овьедо, в XVII — Хуан де Торкемада, Грегорио Гарсиа и другие. Пожалуй, наиболее яростным сторонником теории израильского происхождения индейцев был раввин Менас ибн Израэль, автор известного труда «Происхождение американцев», вышедшего в 1650 году в Амстердаме и переведенного на десятки языков. Христианская Европа XVII века нещадно преследовала евреев. Погром следовал за погромом, и потому неудивительно, что исследование раввина о вновь открытой части света и ее обитателях было снабжено выразительным подзаголовком «Вот надежда Израиля». Надо сказать, что теорию, утверждавшую, будто нынешние индейцы — потомки десяти изгнанных еврейских племен, еще не так давно отстаивали многие уважаемые и весьма заслуженные исследователи. Упомянем хотя бы об одном из них — англичанине лорде Кингсборо. В середине XIX века он на собственные средства издал едва ли не все известные в ту пору индейские рукописи древней Мексики, составившие огромное многотомное собрание, и все это с целью доказать, что ацтеки и остальные индейцы Мексики были прямыми потомками тех самых израильтян. Эти поиски дорого обошлись лорду: издание рукописей поглотило все его состояние — 32 тысячи фунтов стерлингов, а затем Кингсборо пришлось за свое увлечение заплатить и жизнью (поставщик бумаги упек злосчастного лорда в дублинскую долговую тюрьму, где тот умер от тифа). Вместе с Кингсборо кануло в вечность и «учение» об иудейском происхождении индейцев. В нескольких американских деревнях действительно живут индейцы и метисы иудейского вероисповедания. Одну такую индейскую отомийскую деревню (Вента Приета в Центральной Мексике) посетил Эгон Эрвин Киш и интересно рассказал о ней в своей книге «Находки в Мексике» («Objevy v Mexiku»), в главе «Звезда Давида над индейской деревней». Индейцы, а еще чаще метисы (особенно в Мексике) воспринимали веру Моисееву от еврейских жителей латиноамериканских городов, когда те в пору антисемитских погромов укрывались в индейских деревнях. Итак, словно бы специально для того, чтобы подтвердить идеи лорда Кингсборо и других сторонников израильского происхождения индейцев, такие индейцы-иудаисты были найдены.

Упоминание о переселении десяти израильских племен было отнюдь не единственным местом Ветхого завета, которое заинтересовало ученых, искавших прародину индейцев. Так, еще в XVII веке внимание многих привлекло следующее место из Третьей книги царств (глава IX, стих 27 и 28): «... И послал Хирам на корабле своих подданных-корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли

царю Соломону».

Ну конечно же, эта легендарная земля Офир и есть прародина индейцев, сказочно богатая, прекрасная, далекая страна, где, по словам Библии, растут редкостные деревья. Страна, расположенная где-то за морем. А где за морем нашли европейцы несметные сокровища золотых россыпей? В Америке, в особенности на земле инков. И вот уже один из первых историков Америки, Хуан де Акоста, делает вывод: «Многие полагают, что земля Офир, о которой сказано в священном писании, и есть наше Перу». В это же время (в XVII веке) появились и другие версии о происхождении индейцев. Так, например, испанец Энрико Мартинес, посетивший Латвию, утверждал, что люди, живущие в окрестностях Риги, чрезвычайно похожи на индейцев, из чего явствует, что индейцы — выходцы из Латвии! В 1638 году паптер Антонио Каланча сделал открытие: дескать, индейцы по происхождению татары. Многие утверждали, что индейцы — потомки лучших мореплавателей древности — финикийцев, ибо только финикийцы сумели бы переплыть море. Сторонники этой точки зрения считали даже индейцев прямыми потомками жителей славной финикийской метрополии — города Тира, бежавшими из него при приближении войска Александра Македонского и попавшими в Америку. Иные же доказывали, что индейцы — потомки беженцев из Карфагена, разрушенного римскими воинами. Как нам удалось выяснить, предками индейцев считались также и древние шумеры, и малайцы, и африканские берберы, и египтяне, и жители Молуккских островов. А по мнению знаменитого английского пирата Уолтера Рэли, первый инка Манко Капак был не кто иной, как британский корсар!

Шли годы. Развивалась наука. На смену Библии приходит эволюционная теория Дарвина. Вместо Адама и Евы теперь ищут прародителей человека среди представителей животного мира. С этого времени и вопрос о происхождении индейцев ставится иначе: а не происходят ли американские индейцы от местных, характерных лишь для Америки животных — предков человека? Человекообразные обезьяны, как известно, в Америке не водятся. В 20-е годы нашего столетия этот широко распространенный факт пыталась опровергнуть (кстати, это была первая и последняя попытка такого рода) одна французская экспедиция, заявившая, что обнаружила в джунглях Венесуэлы нескольких обезьян, передвигавшихся на задних конечностях. Был сделан также снимок убитой самки «американской человекообразной обезьяны». Это сообщение и «портрет» обезьяны вызвали ликование среди всех сторонников полигенизма. Но увы, вскоре выяснилось, что загадочная обезьяна — обыкновенная черная коата (*Ateles paniscus*). Сенсация лопнула как мыльный пузырь. Но это отнюдь не означало краха концепции «местного, американского происхождения индейцев». Ведь человек Американского континента мог произойти и от видов обезьян, давно уже исчезнувших с лица земли.

Значительно больший интерес вызвала в 80-е годы XIX века теория известного палеонтолога, аргентинца итальянского происхождения Фло-рентино Амегино. Амегино был сторонником полигенизма — учения, согласно которому отдельные группы людей возникали самостоятельно, независимо одна от другой. Таких «колыбелей» у человечества, по мнению профессора Агассиса, одного из ведущих представителей этой теории, на земном шаре было восемь, и Америка была «колыбелью» индейцев. В 1884 году Амегино составил гипотетическую таблицу «американских предков» индейцев. Древнейшего из них он назвал тетрапротогомо, затем следовали: трипротогомо, дипротогомо и, наконец, непосредственный предшественник «американского человека» — протогомо. Верным последователем Амегино был известный чешский путешественник Альберто Войтех Фрич, который выступил даже с докладом о деятельности Амегино на международном конгрессе американистов в Вене. Чешский путешественник делает еще более смелые заключения. Он пишет: «Раскопки доказывают не только то, что часть индейцев автохтонна, но и то, что все человечество и все млекопитающие происходят из Южной Америки. Человек вместе с различными представителями животного мира вышел из Патагонии и Африки и, пройдя через Азию, Северную Америку, Панаму, а также через иные, ныне опустившиеся на дно океана континенты, вернулся назад уже в совершенно ином облике» («А. В. Фрич среди индейцев» — «A. V. Frich mezi Indiany»). Но обратимся снова к Амегино. Правильность своей теории он пытался подтвердить несколькими своими находками (сделанными в селениях Мирамаро, Некоча и других местах Аргентины). По примеру Амегино десятки его горячих последователей перекапывали почву Америки от Аляски до Огненной Земли, желая подкрепить новыми доказательствами «патриотическую», «стопроцентно американскую» теорию своего учителя. Амегино удалось найти лишь так называемых тетрапротогомо и дипротогомо. При более тщательном изучении этих находок оказалось, что скелет (найденный в 1907 году) принадлежал не примату амегиновского типа, а какому-то вымершему южноамериканскому хищнику. Лобная же кость дипротогомо (находка Амегино 1909 года) ничем не отличалась от лобной кости современного человека. Такого рода явные ошибки, а иной раз и просто курьезы случались и с другими учеными, искавшими следы протогомо. Так, американский геолог Херольд Кук в 1922 году нашел в Небраске зуб, по его мнению, принадлежавший амегиновскому прачеловеку. По имени его этот пращур индейцев был назван гесперопитекус Херольда Кука. А через несколько лет выяснилось, что зуб гесперопитекуса Кука не что иное, как зуб вымершей теперь североамериканской свиньи (*Prosthenops*).

Итак, с годами несостоятельность учения Амегино и его последователей обнаруживалась все более и более. Позже было окончательно доказано, что никогда никакие предки человека в Америке не жили. Американистам пришлось вернуться к своим первым предположениям относительно происхождения индейцев и вновь начать поиски прародины предков вне пределов Америки. Ученые уже не руководствовались поверхностным сходством или словом Библии. Но и в век науки неумолимо работает фантазия. Она-то и придала романтичность поискам прародины индейцев. На вопрос, откуда пришли индейцы, обычно давался

ответ: из не существующих ныне стран или даже с не существующих ныне материков. Не раз такие фантазеры высказывали предположение, будто индейцы — последние потомки людей, населявших некогда Платонову Атлантиду, погрузившуюся в океан. Если «атлантические гипотезы» имели хоть видимую наукообразность, то гипотезы об иных «погибших материках» явились плодом чистой фантазии. Такова, например, «теория» о происхождении индейцев из страны Му, якобы расположенной где-то в восточной части Тихого океана. Об этой стране Му проведаль некий Джеймс Черчвуд благодаря чудесным табличкам, которые дал ему какой-то индийский монах. Парагвайский писатель Моисе Бертони «обнаружил» в Тихом океане еще одну исчезнувшую землю, на которой якобы обитали предки индейцев. Он называл ее Аркинезией. Тихий океан вообще был облюбован такими «сторонниками погибших континентов». Один из последователей Бертони, некий Реджи-нелд Иноч даже написал об этом книгу «Тайна Тихого океана». Крупнейшим пропагандистом «научных» теорий такого рода стал Джордж Макмиллан Браун из Крайстчерчского университета в Новой Зеландии (например, в книге «Народы и проблема Тихого океана» — «Peoples and problem of the Pacific», 1927). Однако и Атлантида, и страна Му, и другие тихоокеанские материки, и Аркинезия еще не исчерпали списка погибших континентов, которые назывались в качестве «родины индейцев». Так, Льюис Спенс, автор ряда работ об индейской культуре, издал в начале нашего столетия книгу еще об одном континенте — Антилии, якобы находившемся вблизи восточных берегов Америки, в районе Карибского моря.

Всех этих псевдоисследователей, безусловно, нельзя принимать всерьез. Ведь нет ни единого доказательства, что описанные ими «исчезнувшие континенты» вообще когда-либо существовали, в частности отсутствуют какие бы то ни было геологические свидетельства. Поэтому истинные ученые в поисках прародины индейцев должны были обратиться к уже известным частям света. В нашем веке прародину индейцев уже не искали ни в Европе, ни в Африке, ни на Ближнем Востоке. Следовательно, оставались Азия, Австралия, Океания и Антарктида. Из множества новейших гипотез внимания заслуживает предположение португальского антрополога Мендеса Корреа. Он считал, что предки нынешних индейцев пришли в Америку из Австралии. Но каким путем? Австралийцы, утверждал он, добрались до Америки не морем, а по суше! Вероятно, через Тасманию и через цепь антарктических островов, тогда необитаемых, они дошли до южной оконечности Америки — Огненной Земли. В научных кругах вновь вспомнили об этой оригинальной идее несколько лет назад, когда британская экспедиция во главе с сэром Виваном Фачсом, прошедшая через всю Антарктиду, высказала предположение, что этот материк состоит в действительности из двух небольших, тесно соприкасающихся друг с другом континентов, один из которых является непосредственным продолжением американских Анд. Если бы данное предположение подтвердилось, можно было бы допустить, что австралийские эмигранты добрались до Америки по этому гипотетическому сухопутному мосту. Но против смелой и, безусловно, интересной гипотезы Мендеса Корреа выдвигаются два довода, которые решительно ее опровергают. Во-первых, во времена, когда «австралийские предки» индейцев должны были прийти на Огненную Землю, а оттуда распространиться по всей Америке, в Антарктиде, очевидно, уже господствовали те же климатические условия, что и сейчас. А во-вторых, что еще важнее, на всей этой трассе археологами не было обнаружено ничего, что могло бы служить археологическим подтверждением версии португальского профессора.

Заселению Южной Америки, проходившему якобы двумя волнами (одна из Австралии, другая из Океании), немало внимания уделил также один из крупнейших американистов мира — французский ученый Поль Риве, в частности, в серии работ «Малайополинезийцы в Америке» («Les Malayo-Polynesiens en Amerique»), и особенно в книге «Происхождение американского человека» («Les origines de l'Homme americain»). Риве обнаружил некоторые совпадения в словарном составе языков австралийских племен, с одной стороны, и патагонских и огненноземельских индейцев языкового семейства чон — с другой. Например, зуб в австралийских языках — уогга, уагга, в языках семейства чон — *orr*, *horr*.

Подобные же соответствия нашел Риве и между наречиями североамериканского языкового семейства хока и некоторыми языками Океании.

Однако все эти моменты сходства нельзя переоценивать. (Между прочим, десятки других американистов, например профессор Сэпир, с большей или меньшей обоснованностью говорили о чертах сходства между языками американских индейцев и языками тех или иных, чаще всего азиатских, племен.) Многие бесспорные совпадения были, к примеру, установлены между тунгусскими языками Северо-Восточной Азии и некоторыми индейскими, между тибетским и даже шумерским языками и некоторыми наречиями перуанских индейцев!

Так что и «океанийская теория» Поля Риве оказалась необоснованной. Прародиной индейцев, с территории которой они двинулись некогда в свой «американский поход», можно, таким образом, считать только один континент — Азию.

Неопровержимые доказательства азиатского происхождения индейцев представили нам одновременно несколько наук. Во-первых, антропология, установившая множество явственно выраженных монголоидных черт в строении тела индейцев.

Помимо выступающих скул, особый интерес представляет так называемое «монгольское пятно» — небольшое, четко ограниченное скопление пигмента в области поясицы, типичное для большинства представителей племен желтой расы, населяющих Азию (особенно часто оно встречается у японских детей). Такое пятно и поныне можно наблюдать у большого числа только что появившихся на свет индейцев. Позднее, но еще в детском возрасте, это «монгольское пятно» у них пропадает.

Другая научная дисциплина, представившая нам немало ценных доказательств азиатского происхождения индейцев, — это

этнография, которая обнаружила множество сходных черт в материальной культуре индейцев и обитателей Восточной Азии. И если отмеченные этнографические аналогии в области материальной культуры нынешних жителей Восточной и Северо-Восточной Азии и Америки можно считать достаточно убедительными, то аналогии в области духовной культуры, как справедливо подчеркивает немецкая американистка Ева Липе, буквально поразительны. Она приводит целый перечень таких черт сходства. Особенно наглядно эта близость проявляется в религиозных представлениях: например, жители Сибири и индейцы американского севера поклоняются одним и тем же животным и растениям, а шаманские обряды индейцев (даже у значительно более южных — чилийских арауканов) и поныне очень напоминают обряды сибирских шаманов — те и другие обожают число «четыре» и т. п.

Но самые важные и наиболее надежные доказательства представляет нам третья наука — археология. Именно она помогла найти и ответ на вопрос, когда пришли индейцы в Америку. В этом отношении американистике помогла еще одна наука — физика. Точнее, самая молодая из отраслей физики — ядерная физика. Она дала исследователям неоценимый археологический хронометр.

Доктор Уиллард Либби, североамериканский ученый, занимающийся ядерной физикой, еще задолго до войны, в 1933 году, установил, что благодаря космическому излучению в верхних слоях атмосферы возникают радиоактивные вещества. Одним из таких веществ является тяжелый радиоактивный углерод C^{14} , отличающийся от «нормального» углерода, который имеет атомный вес 12. Этот радиоактивный углерод поглощают из окружающей среды все живые организмы: люди, животные, деревья, растения. Но как только они умирают, процесс поглощения прекращается, а накопленный организмом углерод начинает понемногу распадаться. Физики высчитали, что период полураспада радиоактивного углерода равен 5568 годам. За 11136 лет, то есть за 5568 лет, помноженных на два, распадается три четверти C^{14} , содержащегося в органической материи. В результате применения такого метода был с довольно большой точностью определен возраст скелетов людей и животных, обнаруженных в пещерах, где жили первые обитатели Америки — охотники времен раннего палеолита. Опираясь на данные, которые представили ученым археология и антропология, американистика получила возможность установить время прихода охотников раннего палеолита из Азии в Америку. Это произошло примерно 20—30 тысяч лет назад. Совершенно очевидно, что азиатские предки индейцев не все сразу переселились в Америку, а переходили постепенно, несколькими волнами.

Итак, мы знаем теперь ответ на ряд частных вопросов, касающихся основной проблемы американистики. Мы знаем, кем были предки индейцев и откуда они пришли. Остается еще вопрос, как и каким путем добрались они до Америки, которая, как известно, лежит «за морем». При взгляде на карту ответ напрашивается сам собой: через Берингов пролив. Но, конечно же, просто это выглядит только на карте: ведь ширина Берингова пролива достигает нескольких десятков километров, а предки индейцев, жившие 20 или 30 тысяч лет назад, еще не могли иметь никаких средств передвижения по воде. Каким же образом преодолели они водную преграду между Азией и Америкой? Тут на помощь нам приходит геология. Геологи утверждают, что в те времена, когда азиатские предки нынешних индейцев впервые вступили на американскую землю, все пространство Северной Америки было покрыто огромным ледником. Кончался он далеко на юге, на территории теперешних США, в штатах Массачусетс, Индиана, Иллинойс, Миссури и др. Этому последнему, так называемому висконсинскому оледенению предшествовали в Америке еще три ледниковых периода. Мы знаем также, что четвертый американский ледниковый период окончился примерно в то же время, что и европейское вюрмское оледенение, — около 9 тысяч лет до н. э.

Таким образом, первые американцы, направляясь на юг, должны были пройти по этому гигантскому панцирю, высота которого составляла в среднем 1500 метров. Возможно ли это? Геологи отвечают, что в висконсинском леднике, очевидно, еще 40 тысяч лет назад западнее Скалистых гор открылся первый большой проход. По этому — то естественному коридору и могли пройти на юг охотники времен раннего палеолита, следуя за добычей. Было также доказано, что широкий пояс побережья нынешней Аляски, прилегающий к Берингову проливу, вообще не подвергался оледенению. Последний ледниковый период оставил на поверхности земли реки, которые сейчас текут в море. И море находилось тогда на несколько десятков метров (примерно на 85) ниже теперешнего уровня мирового океана. Все это дает основание думать, что нынешний, не слишком глубокий Берингов пролив во времена перехода прародичей индейцев из Азии в Америку вообще не был покрыт водой, что в результате общего снижения уровня моря он возвышался над океаном и, таким образом, явился естественным мостом, четко обозначенной тропой, по которой шли в Америку переселенцы из Восточной и Северо-Восточной Азии. Можно предположить, что в продолжение всего последнего американского ледникового периода из Азии в Америку переходили все новые группы переселенцев, превращаясь таким образом из азиатов в «американцев», «индейцев». Лишь примерно 11 тысяч лет назад, когда потепление растопило в Америке висконсинский (а в Европе вюрмский) ледник, вода в океане снова поднялась, образовался Берингов пролив и уже навсегда разорвалась пуповина, связывавшая мать-Азию с Новым Светом — индейской Америкой.

Окончательный ответ на ряд важнейших вопросов американистики дал американец (чех по происхождению) профессор Алеш Грдличка. И хотя наша книга посвящена индейцам, а не тем, кто их изучал, все же сделаем здесь исключение и расскажем об этом человеке.

Алеш Грдличка родился 29 марта 1869 года в Гумпольце. Отец его был столяром. Ужасающая нищета, царившая на тогдашней

Высочине, вынудила его покинуть родные места. Спасая себя и своих семерых детей (Алеш был старшим из них), родители Алеша, как и десятки тысяч других чехов, устремились в «землю обетованную», в Соединенные Штаты Америки. Алешу было тогда тринадцать лет. Он знал уже греческий и латынь и готовился к приемным экзаменам в четвертый класс гимназии. В Новом Свете наши выходцы из Гумпольца устроились в Нью-Йорке на табачной фабрике. Можно было ожидать, что Алеш скоронит свои выдающиеся способности в грудах табачного листа на десятичасовой изнурительной работе. Но юноша не сдался. Каждый вечер после работы он ходил в школу и наконец сдал выпускные экзамены. Затем его направили учиться в медицинский колледж. Закончив его, он стал врачом. Казалось бы, теперь недавний подсобный рабочий мог быть доволен своим положением. Но Алеш Грдличка неудержимо стремился к науке, к знанию. Оставив доходную врачебную практику, он поступает работать в медицинский научно-исследовательский институт, что более отвечало его научным интересам. Здесь, в Мидлтауне (штат Нью-Йорк), Грдличка углубился в науку о человеке — антропологию. К этому времени он был уже автором нескольких научных работ, привлечших к себе внимание. В 1896 году Грдличка уезжает учиться в Париж к знаменитому антропологу Манувье. Это было первое из нескольких десятков совершенных Грдличкой путешествий. Во время этой поездки он навестил свою родную Чехию. По возвращении в Америку Грдличка со всем пылом приступил к изучению ее коренных обитателей. Для ознакомления с жизнью современных индейцев он посещает индейские резервации, выезжает и за пределы США. Результатом этих поездок явился ряд исследований (Грдличка писал их на английском языке), например «Туберкулез среди отдельных индейских племен в Соединенных Штатах» («Tuberculosis among certain Indian tribes of the United States») или «Физиологические и медицинские исследования среди индейцев юго-западных штатов Америки и северной Мексики» («Physiological and medical observations among the Indians of Southwestern United States and Northern Mexico»).

Но главное внимание Алеш Грдличка уделяет не медицинским проблемам, а решению основного вопроса американистики: откуда пришли в Америку предки современных индейцев? В пору, когда он начал заниматься этим вопросом, в науке всецело господствовала теория Амегино. И потому Грдличка прежде всего отправился в Южную Америку, чтобы на месте составить себе мнение о древних останках «исконного», как считал Амегино, американского человека. Он проводит свои исследования в Аргентине, Перу, позднее и в Центральной Америке, но больше всего на Панамском перешейке. Все собранные сведения Грдличка обобщил в обширном труде «Древний человек в Южной Америке» («Early man in South America»). Гипотезе Амегино об «отечественном происхождении» индейцев он противопоставил свою теорию об их азиатском происхождении.

Доказать это, разумеется, было не так-то просто. В 1912 году Грдличка едет в Сибирь и Монголию, чтобы познакомиться с современным их населением. Но наибольшее значение имели его многолетние исследования на севере Америки. Под верхним слоем земли Грдличка искал и находил следы длительного пути первых пришельцев в Северную Америку. Особый интерес при решении вопроса о происхождении индейцев и об обстоятельствах, сопутствовавших их появлению в Америке, имели его раскопки, произведенные у самого «входа» на Американский континент — на побережье Берингова пролива, на Аляске. О результатах этих раскопок он убедительно рассказал в своей книге «Алясский дневник» («Alaska diary»). Экспедиции на Аляску дали такой материал в подтверждение гипотезы об азиатском происхождении индейцев, что полемика с Грдличкой становилась невозможной. После того как он изложил свои взгляды в ряде основополагающих работ, посвященных этой теме («Происхождение и древнейшая история человека в Америке», «The origin and the antiquity of man in America»; «Приход человека из Азии в свете современных открытий», «The coming of man from Asia in the light of recent discoveries», и др.), центральный вопрос американистики можно было считать решенным окончательно и бесповоротно.

Вклад Грдлички в американистику и мировую науку получил повсеместное признание. Естественно, что наибольший резонанс его труды имели в самой Америке. Правительство Соединенных Штатов назначило профессора Грдличку, чеха с трудно произносимой фамилией, директором антропологического отделения Американского национального музея в Вашингтоне. Этим важнейшим в США антропологическим центром Алеш Грдличка руководил беспрерывно вплоть до самой смерти. Научное наследие профессора Грдлички оценено по достоинству и в Советском Союзе. Когда 5 сентября 1943 года Грдличка умер, Академия наук СССР посвятила его памяти специальное заседание.

Грдличка не дождался освобождения своей оккупированной родины. Но он поддерживал международное антифашистское движение всем своим огромным научным авторитетом. И это понятно: ведь антропология этнография всей своей сущностью противостоят расистской доктрине нацизма. Алеш Грдличка, сын бедняков с Высочины, а позднее исследователь столь крупного масштаба, что в XX столетии рядом с ним можно вставить лишь немногих ученых, навсегда сохранил верность родине и своим именем прославил Чехию во всем западном полушарии.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Как отдохнуть дешево и сердито?](#)

Куда поехать? Что выбрать? Обсуждаем летний отдых и отпуск. Спрашивайте!
www.behappy.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ДОЛГИЙ ПУТЬ К СРЕДНИМ КУЛЬТУРАМ

Итак, Алеш Грдличка познакомил нас с первым охотником протомон-голоидного типа, вступившим на землю Америки примерно три десятка тысяч лет назад, в период позднего палеолита. Но с течением времени облик американского человека менялся, как менялось и лицо самой Америки. Одиннадцать тысяч лет назад отступил ледник, оставив в память о себе лишь несколько гигантских озер в США и Канаде, изменился и климат. Постепенно континент обрел свой нынешний вид.

На гигантской территории Америки, растянувшейся от полюса до полюса, от океана до океана, открыты материальные следы многих индейских культур, от самых примитивных до высокоразвитых. Диффузио-нисты, преимущественно представители так называемой «культурно-исторической школы», основанной директором этнографического музея в Кёльне Гребнером, полагают, что любое человеческое открытие, любой прогресс в области материальной или духовной культуры всегда возникает у какой-либо одной группы людей — в одном племени, одной культуре, а затем распространяется как бы по закону диффузии. Так, например, диффузионисты уверены, что изобретение лука, металлургия, рабовладение и государственный строй индейских империй, культ солнца и т. д. были перенесены индейцами в Америку откуда-то извне, из тех мест, где все эти нововведения впервые возникли. Отдельные диффузио-нистские направления в достаточной мере отличаются друг от друга. Довольно большую роль в изучении высокоразвитых американских культур прежде, к примеру, играла так называемая «гелиолитическая» школа. Сторонники ее утверждали, что все высокие культуры — и в Старом и в Новом Свете — явились лишь репродукцией, повторением древнеегипетской культуры. В конкретно интересующем нас географическом районе, в доколумбовой Америке, диффузионисты всех толков и направлений отказывали местным обитателям — индейцам в способности к какому бы то ни было самостоятельному развитию. И поэтому занимались изысканиями (зачастую весьма надуманными), ставившими целью обнаружить истоки и очаги происхождения высоких американских культур вне пределов Нового Света. Однако современная наука, бесспорно, доказала, что высокие культуры исконных американцев и все их замечательные успехи как в материальной, так и в духовной области возникли на основе самобытного развития. Совпадали же порой со Старым Светом лишь условия этого

развития.

Но, отвергая учение диффузионистов о несамобытности индейской культуры, мы все же должны помнить, что на протяжении первых десяти тысяч лет жизни в Америке древние индейцы (вероятно, они обитали тогда еще только в Северной Америке) в культурном отношении ничем не отличались от своих предков, живших где-то в Азии. Таков был уровень культуры древнейших индейских охотников, известный нам по раскопкам в пещере Сандиа в североамериканском штате Нью-Мексико. Следы сандийской культуры, практически во всем совпадающей с культурой предков американских индейцев, живших в Восточной Азии несколько тысячелетий назад, мы находим еще в одном месте — в Абилине (штат Техас). Это становище сандийских охотников должно быть упомянуто особо в связи с тем, что его первооткрыватели (и прежде всего американский археолог Лэйтон) поначалу полагали, будто «абиллинские люди» жили здесь еще до наступления висконсинского оледенения, то есть задолго до того, когда в действительности на землю Америки ступила нога первого человека. Ныне эти взгляды пересмотрены, но за абиллинскими охотниками осталось почетное право считаться — вместе с их более известными ровесниками из Сандии — старейшими из всех зафиксированных наукой обитателей Америки. Так как их культура была тождественна культуре, которую несколько тысячелетий назад принесли в Америку первые индейцы со своей первоначальной родины, то весь этот период истории можно обозначить как «эпоху азиатской традиции». Прямыми наследниками ее явились многие культуры, возникшие уже в Америке. Мозг и руки индейцев неустанно развивали, обогащали унаследованные традиции, пока на основе этой палеолитической культуры и на основе первых американских культур не возникло наконец великолепное здание индейской цивилизации с ее ослепительными вершинами — культурами прославленных ацтеков, инков и особенно майя.

Попытаемся ознакомиться несколько подробнее с первыми обитателями Америки. Практически все пропитание им давала охота. Причем охота в основном на крупных животных, которые в ту пору — в период последнего американского оледенения — водились в Северной Америке. Люди из Сандийской пещеры охотились на верблюдов, на американских мамонтов — типичных животных того периода, а чаще всего на вымершего предка или, вернее, старшего родича прерийных бизонов — бизона Тейлора. Были найдены в Америке и останки вымершего великана, родственника нынешних индийских и африканских слонов — гигантского мастодонта.

Оружие древнейших индейцев было еще крайне примитивным. Они не знали даже лука и стрел. Единственным орудием нападения и обороны служили копья с каменными наконечниками. Впервые палеолитический «арсенал» древних охотников был найден в наносах реки Делавэр близ города Трентон (нынешний Нью-Джерси) в 1875 году.

Самые ценные и, безусловно, древнейшие свидетельства обитания американских индейцев были обнаружены при дальнейшем исследовании упомянутой пещеры Сандиа. В 1936—1940 годах археолог Фрэнк С. Хиббен нашел здесь ряд образцов кремневого оружия, напоминающих по своему характеру оружие салютрейской культуры в Европе. Вместе с этим оружием Хиббен и его коллега Кирк Брайен нашли кости бизона Тейлора, вымерших позднее американских лошадей, мамонта и мастодонта.

Проведенные исследования позволили в конце концов установить и эпоху, когда жили люди из пещеры Сандиа. Было это около 25 тысяч лет назад. Возраст обиталища старейших индейских охотников в Тьюл Спрингс (Невада) был определен в 23 тысячи лет. Подобные же находки, рассказывающие о древнейшей истории американских индейцев, были сделаны и в других областях североамериканского юга и юго-запада, больше всего в Техасе и на юге нынешнего штата Айова.

Позднее в Америку хлынула следующая волна «переселенцев» из Азии. Они разбрелись по неведомому континенту, но еще долгое время не покидали пределов Северной Америки. Постепенно они приспособивались к новым природным условиям. Так образовалась самостоятельная ветвь монголоидной расы. Соответственно и культура их развивалась теперь независимо от азиатской культуры.

И все же развитие шло весьма медленно. Первая сложившаяся уже в Америке культура (существовавшая примерно за 15 тысяч лет дон. э.) — культура фолсомская, названная так по месту, где были найдены ее следы, не отличается слишком заметным прогрессом сравнительно с позднелитической культурой обитателей пещеры Сандиа. Центром фолсомской культуры был опять-таки североамериканский юго-запад (штат Нью-Мексико). Впрочем, следы этой культуры обнаружены почти на всей территории нынешних Соединенных Штатов. Это по преимуществу кремневые наконечники копий, которыми фолсомские охотники убивали бизонов.

Все фолсомские люди без исключения были еще охотниками. Только после них в Америке происходит «неолитическая революция» — коренной переворот, вызванный переходом к земледелию.

Первой земледельческой культурой в Америке была культура кочизи. В это время три или три с половиной тысячи лет назад впервые начали выращивать кукурузу. Она возмещала индейцам доколумбовой Америки отсутствие всех других видов зерновых, которыми обладал Старый Свет. И в это же время обитатели другой части Северной Америки, края Великих озер, впервые, пока что холодным способом, пробуют обрабатывать металл. Сначала это медь, которую индейцы находили в чистом виде... Между тем индейское население субарктических областей Северной Америки (нынешних Канады и Аляски) все еще остается на уровне примитивной культуры, основу которой составляет исключительно охота на крупных животных (теперь это главным образом карибу) и рыболовство.

Вслед за первой североамериканской земледельческой культурой — культурой кочизи — на обоих побережьях Северной Америки в

историю этой части Нового Света вошла культура куч раковин или, скорее, кухонных куч. Точная ее датировка, однако, до сих пор вызывает затруднения. Что такое, собственно, представляли эти кухонные кучи? Индейские рыбаки, жившие здесь многие и многие сотни лет назад, бросали на эту свалку остатки пищи, костяные иглы, ножи и другие инструменты, часто сделанные из раковин (отсюда и второе название культуры). И теперь такие кучи раковин для американистов — богатое, ценное свидетельство о жизни тогдашних индейцев.

Непосредственно за кочизи на юго-западе Северной Америки возникает новая земледельческая культура, в основе которой также лежало возделывание кукурузы — культура баскет мейкерз — «корзинщиков» (примерно 200 год до н. э. — 400 год н. э.). Она получила свое название от особого вида водонепроницаемых корзин, имевших форму горшка, которые «корзинщики» плели, чтобы варить в них кашеобразную еду. Однако они не разводили под корзиной огня, а лишь бросали в нее раскаленные на костре камни, согревая ими пищу.

«Корзинщики» еще жили в пещерах. Но внутри этих пещер — и это чрезвычайно интересно — они уже строили настоящие дома. Основным местом обитания этих индейцев была Аризона. Здесь, особенно в Каньоне мертвого человека, в различных пещерах были найдены их многочисленные следы. Сухой воздух законсервировал ряд предметов материальной культуры «корзинщиков». А по сохранившимся остаткам деревянных балок их хижин ученые примерно определили время, когда эти пещеры были обитаемы. Так, например, дерево построек «корзинщиков» близ Фолл-Крик в южном Колорадо можно отнести (при допущении некоторых отклонений) к 242, 268, 308 и 330 годам н. э.

В эпоху, когда на североамериканском юго-западе доживала свой век культура «корзинщиков», складывается новая культура, культура так называемых жителей скальных городов (по-английски их обычно называют клифф-двэллерс), которые возводили свои «города» под естественными отвесными стенами песчаника или туфа, либо в глубоких каньонах рек североамериканского юго-запада, либо, наконец, прямо в скалах. Их дома, при постройке которых широко использовались пещеры, созданные самой природой, разрастались по горизонтали и по вертикали, втискивались в углубления скал и громоздились друг на друга. Для возведения стен, как правило, применялись адобы — высушенные на солнце кирпичи,

Такие поселения мы находим на североамериканском юго-западе в каньонах нескольких больших рек. Много их в каньонах рек Менкос и Рио-Гранде-дель-Норте, еще больше — в знаменитом каньоне Колорадо. Здесь самое крупное из известных нам поселений клифф-двэллерс, ныне носящее испанское название Меса-Верде.

В этих индейских городах рядом с прямоугольными жилыми помещениями мы всегда находим круглые постройки. Это святилища, носившие у индейцев название пива. Они же являлись и своего рода «мужскими клубами». Хотя строили их исключительно женщины, входить в эти капища им было запрещено.

Мы говорим здесь о «городах». Но, пожалуй, вернее будет сказать, что строители этих поселений в скалах и в глубоких колорадских каньонах возводили не город, а один большой дом. Каждое помещение лепилось вплотную к другому, ячейка к ячейке, а все вместе они представляли собой гигантскую постройку, похожую на пчелиные соты и насчитывавшую несколько десятков, а то и сотен жилых помещений и святилищ. Так, например, дом-город Пуэбло-Бонито в каньоне Чака имел 650 жилых помещений и 20 святилищ, или кив. Этот полукруглый дом-город, в стенах которого можно было бы разместить всех жителей небольшого чешского городка, был крупнейшим сооружением всей доколумбовой Северной Америки. Немногим уступали ему огромные дома-города Пуэбло-Пеньяска-Бланка (всего в пяти километрах от Пуэбло-Бонито), Пуэбло-Пинтадо (тоже в каньоне Чака) и др. Большое число святилищ (кив) в каждом из таких домов-городов свидетельствует о важном факте: развитие земледелия здесь шло рука об руку с развитием религии. Ни один из скальных городов не имеет собственной агоры, некоего сборного пункта для решения общественных вопросов. Однако в каждом из них — десятки храмов.

Спустя несколько столетий эти люди оставляют свои удивительные города, выдолбленные в скалах или укрытые под утесами юго-западных каньонов, и переселяются — в буквальном смысле слова — ближе к солнцу. Свои новые поселения (мы теперь называем их пуэбло, так же как и дома-города в каньонах рек) они строят на плоских, круто обрывающихся возвышенностях, именуемых месами (mesa — по-испански «стол»).

Новые пуэбло тоже растут, как пчелиные соты. Дом прирастает к дому, и так образуется огромный, весьма импозантный «замок», ослепительно-белые стены которого видны издалека. Жителей таких пуэбло, независимо от их языковой принадлежности, мы обычно называем общим именем индейцы пуэбло. Это и есть последняя, высшая ступень в развитии доколумбовых культур Северной Америки. Индейцы пуэбло — косвенные наследники жителей скальных городов, а также представителей значительно менее известных земледельческих культур — хохокам и мо-гольон.

Однако уровень развития земледелия у индейцев пуэбло неизмеримо выше, чем у их предшественников. Они соорудили разветвленные оросительные системы, которые в этой довольно засушливой области имели огромное значение. Основной земледельческой культурой была все та же кукуруза (они выращивали более десяти ее сортов), кроме того, выращивались тыква, красный стручковый перец, салат, фасоль, а также табак. Поля возделывались деревянной мотыгой. Наряду с этим индейцы пуэбло приручали собак и разводили черепах. Охота стала для них лишь дополнительным источником пропитания. Они охотились на оленей, а чаще на полностью вымерших ныне животных, немного напоминавших южноамериканскую ламу. Охота была одним из мужских занятий. Мужчины также ткали и изготавливали оружие. Женщины же возделывали поля. Постройка

жилищ была тоже исключительно женским делом. Индейцы пуэбло были замечательными гончарами, хотя, как и все остальные группы индейского населения Америки, до прихода первых европейцев они не были знакомы с гончарным кругом. Производством керамики мужчины и женщины занимались сообща.

В пуэбло женщины играли значительную роль. В эпоху появления первых испанцев практически во всех индейских племенах полностью преобладал матриархат. Обрабатываемые угодья находились в совместном пользовании и распределялись поровну между женщинами — главами семейств. После свадьбы муж переселялся в дом своей жены, но лишь на правах гостя. «Развод» осуществлялся без всяких затруднений. После разрыва супружеских уз из дома должен был уйти муж. Дети же оставались у матери.

Жители каждого пуэбло делились на ряд родовых групп. Названия им давались обычно по имени какого-либо животного или растения. И этот тотем все члены рода считали своим древним предком. Несколько родовых групп составляли фратрию — родовое объединение, которое также носило имя животного или растения. Собираясь по фратриям, жители пуэбло совершали религиозные обряды, во время которых обычно изображался весь жизненный цикл того или иного тотемного животного, например антилопы. В жизни индейцев пуэбло религия занимала исключительное место. Религиозные представления были неразрывно связаны с земледельческими навыками. Когда у матери появлялся ребенок, она первым делом мазала рот новорожденного кашицей из кукурузной муки. Отец той же кашицей рисовал на всех стенах жилища священные знаки. Точно так же и все остальные важнейшие события жизни в сознании индейца пуэбло были связаны с кукурузой, этой дарительницей жизни. Главными божествами считались солнце и мать-земля. Немалую роль в их жизни играли совместно отправляемые религиозные обряды, в особенности ритуальные танцы. Пожалуй, важнейшим из них был так называемый танец змей. Это был ритуальный акт поклонения змеям — легендарным прародителям индейцев. Священнослужители танцевали, зажав в зубах гремящую змею. Однако никогда не случалось, чтобы во время танца эта опасная змея ужалила кого-либо. По окончании обряда женщины обсыпали гремящих змей зернами кукурузы.

Особое значение для индейцев пуэбло имела и до сих пор имеет так называемая качина. Это нечто вроде танцевальной драмы, которая исполнялась в обрядовых масках, изображавших те или иные божества. Миниатюрные воспроизведения этих божеств представляют собой «детские качины» — куклы, известные в Америке и поныне. Получая в подарок такие куклы, индейские дети должны были заранее учиться распознавать персонажей обрядовых танцев.

Все религиозные обряды совершались или на площади пуэбло, или чаще в киве. Женщины, как мы уже знаем, доступа в киву не имели. Строго запрещался вход в киву и несовершеннолетним юношам. А чтобы был затруднен доступ в святилище и для взрослых мужчин, стены кивы не имели входа. Проникнуть туда можно было лишь через небольшое отверстие в крыше, на которую взбирались по приставной лесенке. Внутри святилища находился своеобразный алтарь с изображениями тотемных животных той или иной фратрии. Например, в «змеиной киве» главным украшением была завеса с пришитыми к ней полыми телами змей, сделанных из ткани. Во время обряда жрец, находившийся за завесой, просовывал руку в тело такой змеи, заставляя ее шевелиться.

Но почему, собственно, описанию пуэбло и их жителей мы уделили больше внимания, чем какой-либо другой из индейских групп, населявших доколумбову Северную Америку? Во-первых, потому что вплоть до середины XIX столетия жители пуэбло североамериканского юго-запада не соприкасались тесно с белыми и таким образом сохранили без существенных изменений характерные черты своей культуры, которая в течение последних шести—восьми веков не претерпела никаких качественных преобразований. (А ведь множество таких пуэбло, населенных потомками одного племени, например прославленное Орауби, существует уже целое тысячелетие.)

Есть тут и еще один довод, имеющий для познания исторического прогресса всей доколумбовой Америки основополагающее значение: в своем самостоятельном развитии индейцы Северной Америки не смогли перешагнуть ту грань, которую индейцы юго-запада достигли в XII—XIII столетиях. Между тем земледельцы Мексики и Центральных Анд достигли такого же уровня культуры уже не менее чем 18 веков назад. Они жили оседлыми деревнями, выращивали кукурузу, хлопок и ряд других культурных растений. У них наблюдался огромный прогресс в развитии социальной и политической организации, возникали сложные религиозные представления, связанные с преклонением перед силами, в глазах верующих способными как-то повлиять на урожай и т. п. Они начинали возводить и первые храмы — пирамиды, из которых мы считаем древнейшей пирамиду в Куикуилько (Мексика). Следовательно, именно в пуэбло завершается одна эпоха индейской истории и начинается другая.

Этот исторический этап, непосредственно вслед за которым в Центральной Америке и Андах началось развитие высоких культур, лучший знаток данной эпохи в Мексике Джордж Вайян обозначил как средние культуры.

О создателях античных пуэбло средних культур в Мексике и Андах, несмотря на многочисленные археологические исследования, мы знаем еще довольно мало. «Выполнив свою историческую миссию» — послужив животворной почвой для появления более высоких культур, они незаметно сошли со сцены доколумбовой истории своих стран. Между тем как на североамериканском юго-западе этнографы, впервые посетившие удивительные глиняные пуэбло, в середине XIX века собственными глазами увидели то, что мы называем ныне средними культурами...

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ИНТЕРМЕДИЯ О МАУНДАХ

Прежде чем надолго расстаться с североамериканскими индейцами, вы должны еще посетить восточную часть нынешних Соединенных Штатов: бассейн Миссисипи и земли, лежащие к востоку от этой великой реки. Ибо здесь — на востоке Северной Америки — мы сталкиваемся с одной из важнейших и вместе с тем поразительнейших проблем истории североамериканских индейцев. В научной литературе она получила лаконичное хюзначение маунды, которое некоторые наши переводчики пытаются передать словом «курганы». Однако в славянских языках это слово связано с весьма определенным, устоявшимся понятием, и потому для нас более удобным будет английский термин «маунды», используемый повсеместно, и притом не только в американистской литературе.

Проблема маундов волнует уже несколько поколений американистов. Речь идет, собственно, не об одной проблеме, а о целом их комплексе. Начнем с самой важной из них: что же представляют собой эти окруженные столькими загадками маунды? В общих чертах маунды — это весьма разнородные земляные насыпи и развалины различных сооружений из глины или камня.

Любознательный читатель сразу же спросит: разнородные? Стало быть, каждый маунд не похож на другие? Но для чего вообще они служили? На это приходится ответить, что назначение всех до сего времени открытых маундов (а их на востоке США обнаружено уже несколько тысяч) до сих пор полностью не выяснено.

Некоторые маунды действительно были курганами. Эти древние захоронения имеют форму круга, иногда эллипса. Но высота их весьма различна. Такие маунды-захоронения мы находим, например, в Северной Каролине, Вирджинии, Кентукки и других штатах. Иные маунды — просто земляные насыпи, на которых возводился деревянный храм или святилище. К таким храмовым маундам принадлежит, вероятно, самая известная группа маундов, открытая археологом Уорреном Мурхидом в 1925 году близ города Этова в Джорджии.

Другого типа маунды представляют собой ступенчатую земляную пирамиду. Таков крупнейший маунд Кахокиа неподалеку от реки Миссисипи. Эта самая большая пирамида Северной Америки имеет основание площадью 350 X 210 метров и в высоту достигает 30 метров.

Но, пожалуй, наиболее интересную группу составляют фигурные маунды, с которыми мы встречаемся в штатах Висконсин, Огайо и ряде других мест США. Это остатки весьма обширных насыпей, очертания которых воспроизводят в огромном увеличении контуры тела какого-либо животного. Так, в Огайо мы знаем два маунда, напоминающих тело змеи. Один из них имеет более 300 метров в длину. «Тело» этого строения-змеи несколько раз изгибается и заканчивается гигантской спиралью. «Крокодилий маунд», найденный неподалеку от поселка Ликинг в Висконсине, длиной до 60 метров, изображает, как явствует уже из его названия, американского крокодила (аллигатора). Большой маунд в Южной Дакоте воспроизводит очертания черепахи. А близ Крауфорда в том же Висконсине более ста лет назад была открыта группа из шести маундов, изображающих гигантских птиц с распростертыми крыльями.

Можно предположить, что родиной строителей этих удивительных фигурных маундов и был штат Висконсин. В диссертации Ч. Рау «Фигурные маунды висконсинской культуры» («The effigy mound culture of Wisconsin 1956») мы находим полный перечень всех известных науке маундов такого типа. В их числе упомянуты 24 маунда в форме птиц, 11 оленьих маундов, 16 маундов, изображающих кролика, 20 медвежьих и т. д. Всего Рау зарегистрировал в одном только штате Висконсин 483 маунда! Очевидно, сооружая фигурные маунды, древние жители Америки воспроизводили в них образ своих тотемных предков.

Но исследователей, да и не их одних, весьма интересовал вопрос, каково было назначение всех этих гигантских сооружений. Ведь для создания многих из них требовалось огромное число рабочих рук. Так, например, для сооружения упоминавшегося уже маунда Кахокиа в штате Иллинойс потребовалось — по точным подсчетам — не менее 634 355 кубометров земли. И это в эпоху, которая не знала даже простой лопаты!

Единого ответа на вопрос о назначении маундов невозможно дать хотя бы потому, что их, как мы видим, нельзя привести к одному общему знаменателю. Могильные маунды были попросту кладбищами древних североамериканцев. Маунды, изображающие птиц, ланей и бизонов, очевидно, служили религиозным целям. Другие (например, огайский маунд Эншент, представляющий собой пятикилометровый вал), весьма вероятно, были крепостями.

И как невозможно дать общий, пригодный для всех случаев ответ на вопрос, почему строились маунды, так не можем мы и определить какую-либо общую дату их появления. В последние годы, с тех пор как в распоряжении науки оказался точный радиоактивный хронометр, у нас появилась возможность с уверенностью сказать, что древнейшие типы маундов — это, безусловно, могильные маунды. В Северной Америке они появляются впервые около трех тысяч лет тому назад. Их творцы были носителями так называемой аденской культуры, получившей свое название от одного из знаменитейших могильных маундов, который был обнаружен в пещере «Адена» крупного землевладельца и губернатора штата Огайо Т. Уоррингтона, расположенном близ города Чиликоте. Люди аденской культуры были в буквальном смысле слова одержимы преклонением перед своими мертвыми. В их честь они строили эти маунды, некоторые — довольно высокие; например, Грейв Крик Маунд в вирджинском городе, ныне даже получившем название Маундсвилл, достигает 25 метров высоты. Впрочем, об аденской культуре нам известно очень мало. Земледелие в Северной Америке лишь зарождалось, социальное расслоение у носителей аденской культуры тоже было в самом зачатке.

Традиции аденской культуры развивает новая культура — хоупвелл-ская, представители которой уже не только строят гигантские надгробья, но также возводят маунды, явно предназначенные для религиозных обрядов. Таков хотя бы восьмизантный маунд в городе Ньюарке (штат Огайо), который местные жители превратили в площадку для игры в гольф! Люди хоупвеллской культуры в отличие от носителей аденской культуры были уже полностью оседлыми земледельцами, основу их питания составляла кукуруза. Хоупвеллское общество постепенно расслаивается на привилегированных и непривилегированных. Большую роль, как свидетельствуют и обрядовые маунды, играет в этой культуре религия, и особенно выделяются те, кто руководит религиозными обрядами, — жрецы.

Хоупвеллская культура исчезает из истории древних Миссисипи и Огайо в середине первого тысячелетия нашей эры. На смену ей приходит новая, сильная, несравнимо более прогрессивная культура, которую мы называем по имени реки, в бассейне которой встречаемся с ее следами особенно часто, культурой Миссисипи. Именно эта культура строит в этой части Северной Америки, с одной стороны, гигантские храмовые маунды, с другой — земляные ступенчатые пирамиды. Культура Миссисипи, бесспорно, вершина культурного развития доколумбовых индейцев Северной Америки в восточной и центральной части нынешних Соединенных Штатов. На юго-западе, в области культуры пуэбло, одновременно протекает самостоятельный, своеобразный и столь же важный для понимания характера отдельных этапов развития процесс формирования средних культур. То, что привносит миссисипская культура, для истории этой части континента имело настолько революционное значение, что поневоле возникают вопросы, кто ее творцы, где их родина, откуда пришли импульсы этой великой «культурной революции» в истории Северной Америки?

Ведь люди культуры Миссисипи возводили не только отдельные — пусть даже гигантские — маунды, но и располагали их в настоящих городах, наиболее известный из которых — Кахокия — находился по соседству с нынешним Сент-Луисом. Этот город имел не менее 30 000 жителей, то есть был самым крупным из известных нам поселений доколумбовых индейцев Северной Америки. Кахокия (как и другие города этой культуры) была обнесена деревянной оградой пятиметровой высоты. Над городом возвышался огромный земляной маунд, на вершине которого стояло главное святилище Кахокии. Во всем городе было еще сто других маундов. На некоторых тоже стояли храмы, на иных были выстроены роскошные жилища владык города. Те, кто не удостоился чести жить на маундах, рядовые кахокийцы, обитали в бесчисленных хижинах в самом городе и за его стенами. На огородах возле своих жилищ они выращивали кукурузу и фасоль. Ловили рыбу и охотились на водяных птиц — лебедей, гусей и уток. Кахокийцы создавали также прекрасные образцы керамики, а из меди изготавливали ножи и острия копий.

Управление городом требовало хорошей организации. Для строительства гигантских маундов, безусловно, нужно было собрать тысячи, а возможно — и десятки тысяч рабочих и целенаправленно руководить их трудом. В обществе тут уже явно выделилась знать — светская и духовная, — селившаяся в буквальном смысле слова выше, чем простой люд, который ютился у подножия господских маундов. Это уже собственно классовое расслоение миссисипского общества распространялось и на загробную жизнь. В одном из маундов Кахокии был найден скелет какого-то высокопоставленного умершего, покоившегося на подстилке из 12 000 жемчужин и ракушек. Мертвого сопровождали в последний путь бесчисленные дары, в особенности прекрасно отполированные камни, а кроме того — шесть мужчин, очевидно его слуги. Они были убиты, когда умер их господин. Неподалеку от могилы этой высокопоставленной особы в общей яме лежали скелеты пятидесяти трех женщин, вероятно жен похороненного, тоже, видимо, убитых, когда умер их муж.

Жители Кахокии и других подобных «маундовых городов» центра, востока и особенно юго-востока Северной Америки, по всей вероятности, очень скоро подошли бы к созданию настоящих городов-государств. Появление белых и другие причины, которых мы пока точно не знаем, воспрепятствовали этому. Во всяком* случае, эти города и вся культура Миссисипи — самые высокие ступени культурного развития, достигнутые в доколумбовы времена в этой части Северной Америки.

И вновь возникает вопрос. Кто они — эти строители Кахокии? И шире — кто они, строители североамериканских маундов? Надо учесть, что маундами в Соединенных Штатах интересуются уже более 150 лет. Еще в ту пору, когда даже среди самых образованных североамериканцев господствовало убеждение, что истинный археолог может работать исключительно в классических областях Старого Света — Греции, Египте или Месопотамии — и что доколумбова Америка не создала в этом отношении ничего достопримечательного, для маундов делалось исключение. Кроме того, именно маунды направили исследовательскую мысль на изучение истории доколумбовой Америки.

Впрочем, самих творцов этой истории и создателей этих удивительных маундов еще долгое время искали в Старом Свете. Строительство маундов — на основании все того же упоминания библии о десяти изгнанных израильских племенах — опять-таки приписывалось евреям. Другие авторы той поры утверждали, что создателями маундов были вавилоняне — потомки строителей легендарной Вавилонской башни. Самые эрудированные вспоминали то место из Гомера, где рассказывается, как Ахиллес воздвиг могильный холм над прахом своего умершего друга Патрокла. Найденные во время раскопок обломки бронзового оружия еще более укрепили их в мысли о троянском или греческом происхождении маундов.

Но бронзовые орудия труда и оружие мы находим в маундах лишь как исключение. В более же древних маундах-гробницах чаще встречаются каменные орудия (наконечники стрел, каменные топоры, палицы, молоты). Керамика, которую мы обнаруживаем в отдельных маундах, в каждом из них своеобразна. Но нигде она не достигает уровня, известного нам по доколумбовым пуэбло или по изделиям жителей скальных городов.

Из металлов строители маундов пользовались медью, а позже изредка и золотом. Типичными находками в маундах являются также каменные, а иной раз и глиняные трубки, весьма похожие на современные. В каждой группе маундов столь же часто попадаются диски из крупных раковин и украшенные ракушками мемориальные доски. На этих досках, а также на редких медных мемориальных досках (относящихся к так называемой культуре этова в Джорджии) мы находим стилизованные изображения, очень напоминающие мексиканские.

То обстоятельство, что в значительном отдалении от морского побережья мы встречаем в маундах раковины, а в областях североамериканского востока, где не было залежей меди, обнаруживаем медные предметы, доказывает, что три тысячи лет назад на востоке нынешних Соединенных Штатов уже существовали индейские торговые пути чрезвычайно большой протяженности. Так, например, из богатейшего источника почти чистой меди — Айл-Роуэл в нынешнем Мичигане — переправляли тогда медь к индейцам, жившим у самого Мексиканского залива. Такого рода находки доколумбовой «индустрии» должны были подсказать ученым, занимавшимся проблемой происхождения маундов, принципиальный ответ. Но для этого необходимо было провести широкое обследование маундов. И поскольку в первой половине XIX века изучение их стало, так сказать, патриотическим долгом каждого культурного североамериканца, вскоре были перекопаны сотни маундов. Многие из этих исследователей, в своем большинстве дилетанты в науке, навеки вписали свои имена в историю американистики. Например, Сайрус Мур. Мур был владельцем хлопковых плантации. Каждую зиму, когда заканчивались полевые работы, он вместе с гь рабочими отправлялся вверх по Миссисипи или Огайо и перекапывал маунд за маундом. А весной, на обратном пути, его судно останавливалось в каждом городе, и Мур демонстрировал местной верхушке свои многочисленные находки, сопровождая объяснения игрой на банджо

Некоторым из американских плантаторов ради изучения маундов даже не надо было покидать своих владений, поскольку маунды находились на принадлежащей им земле. Многие известнейшие группы маундов и сейчас носят имена этих землевладельцев. Так, едва ли не крупнейшая из известных науке земляных гробниц, обнаруженная неподалеку от города Чилликота в штате Огайо, носит имя владельца этой территории А древнейший культурный слой, установленный в маундах, назван хоупвелл-ским в честь фермера Хоупвелла, на землях которого археолог Миллз впервые обнаружил соответствующую культуру.

Интерес к маундам в США проявляли и высшие представители государственной власти. Достаточно сказать, что один из наиболее выдающихся американских президентов, Томас Джефферсон, весьма серьезно занимался их изучением. Кстати, один маунд находился на территории его собственного сада в Вирджинии. Еще до того, как Джефферсон стал президентом, он произвел раскопки нескольких маундов и даже написал о своих находках книгу «Вирджинские заметки» («Notes of Virginia») опубликованную в 1801 году. Упоминания о маундах мы находим и в переписке Джорджа Вашингтона. А один из его преемников, президент «ильям Генри Гаррисон, посвятил им свою работу «Рассуждение об аборигенах долины Огайо» («Discourse on the aborigines of the Valley of the Ohio»), в которой ставит все тот же вопрос: кто такие строители маундов и куда они делись? Безусловно, однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. С полным основанием мы можем, однако, утверждать, что строители разных видов маундов и сами отличались друг от друга. Наиболее древние маунды-гробницы, а также фигурные маунды, обнаруженные в северных районах США, относят сейчас к хоупвеллской культуре. Эта культура занимает немаловажное место и в истории востока Северной Америки. Наряду с более ярко выраженной хоупвеллской культурой многие американисты пытались выделить при раскопках маундов и другие культуры, иногда лишь локального значения, называемые обычно по имени места, где чаще всего встречаются соответствующие археологические памятники (например, культура маундвилл).

Вместе с тем затруднительно назвать конкретные племена, которые могли быть их строителями. Еще 130 лет назад президент Гаррисон высказал предположение, что эти маунды были построены мексиканцами (точнее, древними мексиканцами,

то есть ацтеками). Его точка зрения получает сейчас все большее признание, хотя об этнической принадлежности этих пришельцев из Центральной Америки до сих пор идут споры. Так, например, известный американист Поль Рэдин приписывает строительство самых крупных маундов майя. Практически юг и юго-запад Северной Америки были вполне достижимы для жителей Центральной Америки. В их распоряжении было два пути туда: они могли двигаться пешком через северную часть нынешней Мексики в Аризону, а оттуда в бассейн Огайо и Миссисипи или же из нынешних портов Табаско и Веракрус на челнах пробираться вдоль побережья Мексиканского залива к устью Миссисипи, а затем вверх по этой реке на север. Медные мемориальные доски, найденные в храмовых маундах Джорджии, имеют сходство с мексиканскими изделиями. Золотые украшения из тех же маундов тоже скорее соответствуют вкусам мексиканцев, чем «моде» тогдашних индейцев Северной Америки. О многом говорит и общий вид этих маундов. Пирамиды с возведенными на них храмами были весьма распространенным явлением в Мексике. А поскольку на алтарях этих храмов жители Мексики приносили ритуальные человеческие жертвы, мы можем предположить, что строители первых «плоских» маундов и в этом подражали мексиканцам. Учтем также, что мексиканцы имели гораздо больше опыта в создании таких монументальных сооружений, требовавших участия десятков тысяч людей. К тому, чтобы считать родиной строителей этих южных маундов именно Мексику, склоняет нас и следующее соображение: в ту же пору, когда на юго-востоке Северной Америки появились первые храмовые маунды, здесь возникает и земледелие, известное до тех пор лишь на юго-западе Северной Америки, на противоположной части континента, с которой тогда практически не существовало контактов.

Остается еще один вопрос. Первых строителей маундов, живших три тысячи лет назад, то есть людей, принадлежавших к хоупвеллской культуре, мы, естественно, не можем считать непосредственными предками какого-либо из индейских племен той эпохи, когда в Северную Америку проникают европейцы. А как быть со строителями плоских храмовых маундов? Если они действительно пришли из Мексики, скажем в VIII столетии н. э., то впоследствии, хотя, безусловно, и смешались с местным населением и, возможно, приняли его язык, все же должны были сохранить некоторые «мексиканские» черты в своей политической организации.

Таким индейским племенем, по своей политической организации значительно превосходившим в период появления первых европейцев все другие племена Северной Америки, некоторые американисты (например, Оливер Лафарж) считают натчезов. Натчезы населяли к тому же самый центр месторасположения маундов. Существенно и то, что у натчезов, как и у индейцев Мексики, еще в доколумбовы времена зарождаются классы. И во главе племени стоит не демократически избранный вождь, а настоящий самодержавный властитель, которого натчезы называли «Солнцем» оолнце облачался — и это тоже весьма напоминает высокие культуры Мексики — в одеяние из птичьих перьев. Голову его украшала корона из перьев. Властителя окружали сотни добровольных служителей, которые носили его на носилках. Когда же Солнце «заходило», то есть когда владыка умирал, его добровольные служители кончали жизнь самоубийством. И так, на вершине общественной пирамиды у натчезов стоял почти обожествляемый властитель — Солнце. Ступенью ниже были знать и благородные. Правящей верхушке подчинялась классово не дифференцированная народная масса. Можно допустить, что представители натчезской аристократии, которых здесь застали в эпоху после Колумба белые, были прямыми потомками мексиканских эмигрантов. Очевидно, эти ассимилировавшиеся завоеватели тысячелетие назад и начали строить здесь великолепные памятники. И так, мы имеем все основания искать родину натчезов в Мексике. В той Мексике, где задолго до того, как жители скальных городов стали выдалбливать в колорадских утесах свои теперь уже потемневшие от времени жилища, задолго до того, как были воздвигнуты большие маунды североамериканского юга, задолго до того, как на высоких местах индейцы североамериканского юго-запада выстроили первые пуэбло, — задолго до всего этого здешние индейские обитатели, так же как и обитатели Центральных Анд, заложили основы самых блестящих культур позднейшей доколумбовой Америки — тольтекской, ацтекской, майяской. Об этих высоких культурах говорят часто, ко, увы, только о них. И это несправедливо. Высокие культуры начала XVI века, с которыми встретились в Мексике Кортес и его соратники, естественно, возникли не на пустом месте, а на основе предшествовавших им культур. К сожалению, о них мы знаем гораздо меньше. Сокровища этих замечательных культур многие столетия лежали, а иные и по сей день лежат глубоко под землей. Или под водой, во мраке забвения. Только в наше время после трудных, увлекательных, порой почти детективных поисков эти погребения древних мексиканских культур стали раскрываться и дарить нам свои тысячелетниеклады.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\) →](#)

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ОТ ТОТОНАКОВ К МИШТЕКАМ

Сведения об «археологических» ольмеках (но отнюдь не о традициях ольмекской культуры) теряются в конце VI столетия н. э. На последней из известных нам и имеющих дату ольмекской стеле числовое обозначение времени ее установки соответствует 593 году н. э. Таким образом, на протяжении восьми веков мы имеем датированные свидетельства собственно ольмекского периода истории Месоамерики. Новые открытия, возможно, еще более расширят временные границы существования «архаических» ольмеков. Ольмеки еще поклонялись ягуару, еще волокли за десятки миль пятидесятитонные плиты из своих каменоломен, расположенных в кратерах погасших вулканов, а их посев уже всходил. Первые семена ольмекской культуры пали на землю их ближайших соседей. На побережье Мексиканского залива наследие ольмеков восприняла новая, хотя и не достигшая их славы культура тотонаков.

Тотонаки, как и ольмеки, жили у берегов Мексиканского залива, в нынешнем штате Веракрус (главным образом в районе порта этого же названия), а также в штате Пуэбла. При изучении тотонаков большую роль сыграло то обстоятельство, что с ними встретились уже первые пришельцы из Европы, для которых как раз территория тотонаков в течение всей эпохи конкистадоров служила вратами в Месоамерику. Через эти врата проник в Мексику и знаменитый участник экспедиции Кортеса, ее позднейший хронист Берналь Диас. В сообщениях первых европейцев, посетивших то-тонакские владения, обитатели их характеризуются как трудолюбивые земледельцы, возделывающие тропические культурные растения, особенно бататы и маниок. Тотонаки жили в деревнях и в нескольких настоящих городах, но при этом не были (за исключением небольшой тотонакской территории в горах Сакатлана) объединены в некий союз или империю.

Каждой деревней управлял родовой вождь. Из тотонакских городов назовем хотя бы важнейшие — Семпоалу, Тахин и Халапу. В связи с этими городами впервые на страницах нашей книги мы, хотя и чрезвычайно кратко, ознакомимся с монументальной каменной месоамериканской архитектурой. Наиболее полные сведения мы имеем о главном центре то-тонаков — Семпоале. В 1519 году город посетили первые европейцы и оставили нам его описание.

Главные религиозные постройки Семпоалы были соединены в огромный комплекс, занимающий примерно пять тысяч квадратных метров. Основными центрами отправления религиозного культа (а важнейшей его особенностью, как во всех высоких месоамериканских индейских культурах, были ритуальные человеческие жертвоприношения) служили обе главные пирамиды семпоальского комплекса. Следующей по значению святыней был так называемый Храм черепов, стены которого были украшены несчетным числом вылепленных из глины человеческих черепов, расположенных друг над другом пятью рядами. До того времени, когда религиозным центром тотонаков стала Семпоала, это почетное назначение выполнял не слишком удаленный от нее Тахин. Он был населен с момента возникновения тотонакской культуры (600 год н. э.) и вплоть до начала XIII века.

Особо интересная постройка Тахина — семиэтажная пирамида с сотнями ниш, украшенная рельефными изображениями змеев. На одной из сторон этой пирамиды сооружена лестница, насчитывающая 364 ступени — по числу дней в году, ибо у представителей месоамериканских высоких культур вся жизнь была строго подчинена календарю. Последний день — триста шестьдесят пятый — знаменовала собой площадка на вершине пирамиды, на которой, видимо, и приносились человеческие жертвы. Религия, как мы видим, играла у тотонаков исключительно важную роль. К сожалению, наши сведения о ней весьма туманны. (Так, например, первые испанские монахи сообщали, будто тотонаки верят в «святую троицу». Такого рода протополитические свидетельства, разумеется, только сбивают с толку.)

В действительности главным богом тотонаков был бог дождя. Ему и другим божествам тотонакского пантеона (богине небес, богу солнца, богу кукурузы и т. д.) служили сотни жрецов. О них рассказывает в своем дневнике и Берналь Диас. Он пишет, что экспедиция Кортеса видела в Семпоале много тотонакских священнослужителей, одетых в черное, с волосами, обгагреными кровью множества человеческих жертв. Больше всего таких жертв приносилось богу дождя. Помимо обычных жертвоприношений, распространенных также у ацтеков и майя, тотонаки регулярно приносили в жертву детей. Во время больших празднеств, проводившихся каждый третий год, кровь детей смешивалась с благовонным соком некоторых деревьев и семенами растений. Священнослужители, приготавлившие эту смесь, оделяли ею, как бы причащали, всех взрослых участников обряда.

С религиозными представлениями тотонаков, очевидно, связан весьма загадочный предмет, который очень часто находят во время раскопок то-тонакских культовых центров. Это нечто вроде каменного ярма, похожего на те, в которые впрягают ослы, но оно всегда бывает украшено богатым стилизованным рельефом. Эти странные предметы, как правило, имеют форму подковы длиной до полуметра и шириной до 30 сантиметров. О назначении их и поныне идет спор. По мнению одних, таким ярмом труп жертвы закреплялся в «правильном положении». Согласно другому, более правдоподобному объяснению, это ярмо сжимало шею избранной для ритуального обряда жертвы, не позволяя ей пошевелиться.

Не меньшие споры вызывают так называемые тотонакские каменные «пальмы». Они, безусловно, родственны ольмекским обрядовым секирам, а название свое получили по явному сходству с пальмовым листом. Большинство этих предметов имеет форму трехгранной призмы с отверстием внутри; в то же время они изображают различных стилизованных животных или человека. Поскольку эти «пальмы» чаще всего находят в гробницах тотонакских вельмож и особенно жрецов, можно полагать, что назначение их было помочь душе умершего преодолеть препятствия на пути в загробный мир. С кровавым культом тотонаков удивительно контрастируют многочисленные находки еще одной специфически тотонакской вещицы — пластического изображения неизменно смеющегося человеческого лица или детского личика. В других местах Америки изображения «человека, который смеется», мы нигде не находим.

Тотонаки населяли земли на побережье Мексиканского залива с VII века н. э. вплоть до прихода первых испанцев. Но где-то между 1050 и 1100 годами на севере тотонакской территории (севернее реки Тушпан) появляется новая этническая группа — хуастеки. По языку хуастеки были близкими родственниками майя, однако по уровню культуры стояли много ниже не только майя, но и своих соседей тотонаков, и своих предшественников ольмексов. И все же хуастеки играли в доколумбовой Мексике значительную роль. Поэтому мы не можем не упомянуть о них, перечисляя основные культуры индейской Мексики. В истории Месоамерики хуастеки оставили память о себе как о жестоких, но отважных и умелых воинах. Даже ацтекам, самому воинственному племени позднейшей Мексики, так и не удалось полностью покорить хуастеков. Более того, один из последних ацтекских властителей, Тисок, получил в 1481 году от хуастекского войска порядочную трепку. Мы знаем также, что хуастеки шли в бой абсолютно нагие, что они любили татуировку, украшали зубы пластинками из обсидиана или нефрита и искусственно деформировали свои черепа. С воинственными хуастеками не могли справиться и европейские завоеватели. Свою первую победу над конкистадорами хуастеки одержали в 1519 году. А спустя два года они встретились в бою с карательной экспедицией, посланной против них Кортесом. Но покорить их оказалось не под силу даже самому Кортесу, победителю ацтеков. Ему удалось лишь выгнать их из деревень в тропические леса. Когда испанцы вторглись в первый же хуастекский храм (они думали найти здесь такие же сокровища, что и в Теночтитлане), то обнаружили там лишь скальпы, снятые с испанских солдат, побежденных хуастеками за два года перед тем.

Надо сказать, что хотя религия занимала в жизни хуастеков важное место, храмовая архитектура не получила у них сколько-нибудь значительного развития. От архитектурных традиций всех остальных культур Месоамерики ее отличает одна

примечательная особенность. Хуастеки испытывали какое-то непреодолимое отвращение к прямым линиям, углам, резким выступам. Подавляющее большинство их храмов и дворцов имело округлую форму. А если хуастекскому строителю все же надо было возвести прямую стену, он закруглял хотя бы угол.

Как и в других теократических культурах, ведущую роль в жизни хуастекского общества играли жрецы, которые часто прибегали к своего рода черной магии, возбуждая в своих соплеменниках священный ужас различными чародейскими трюками.

Но прежде всего хуастеки были превосходными воинами. Пожалуй, только благодаря этому своему таланту они и сумели продержаться в течение первых пятидесяти лет кровавого владычества конкистадоров. Таким образом, они избежали судьбы многих других индейских групп Америки и не были уничтожены. Ныне потомки этих легендарных воинов занимаются земледелием на склонах нагорья Сьерра-Мадре-Ориенталь.

В начале I столетия н. э., вскоре после того, как на берегах Мексиканского залива началось головокружительное развитие ольмекской культуры, и в самом сердце Мексики, на Месете, под влиянием ольмеков, а может, даже и прямо из ольмекского семени, занесенного на запад, также возникают первые высокие культуры, вернее сказать, первая из них, которую мы обозначаем как теотиуаканскую, по названию ее культового центра Теотиуакана, лежащего посреди Мексиканской долины (в 42 километрах от нынешнего города Мехико).

Само его название — Теотиуакан — ацтекского происхождения. Примерно оно означает «город, где человек превращается в бога». Подлинного наименования создателей этой культуры и их фантастического культового центра мы уже никогда не узнаем. Дело в том, что в последнее столетие перед приходом испанцев ацтеки во всей Мексике подвергли полной ацтекизации все местные названия и собственные имена.

Как и все другие высокие культуры Месоамерики, теотиуаканская оставила нам в качестве прямого свидетельства своей зрелости лишь одну свою составную часть — монументальную архитектуру. Все остальное, как и в большинстве других месоамериканских культур, пока что скрыто от нас. Но архитектура Теотиуакана говорит более чем красноречиво.

Теотиуакан был, бесспорно, самым крупным, самым значительным религиозным центром — культовой столицей доколумбовой Мексики (к которой, однако, мы принципиально не причисляем область майя). Его величие поражало даже ацтеков, сумевших в довольно короткий срок выстроить столь красивый город, как Теночтитлан. Поэтому они считали, что Теотиуакан построен теми, кто населял мир еще до тольтеков, то есть великанами (по-ацтекски — кинаме), жившими якобы в ту самую вторую эру, которая, согласно Иштлильпочитлю, завершилась гигантским землетрясением. А что на земле когда-то действительно обитали великаны, выстроившие себе столицу Теотиуакан, на это у ацтеков были «бесспорные» вещественные доказательства. Они предъявили их и первым пришедшим в Мексику испанцам. Это были кости мамонтов, обитавших на Месете еще 12—15 тысяч лет назад. По верованиям ацтеков, именно в Теотиуакане родились Солнце и Луна.

О гигантском городе великанов и его строителях еще до прихода Колумба возникали самые причудливые представления. Да и позднее, вплоть до нашего времени, вопрос о том, кем же был построен Теотиуакан, остается одной из важнейших проблем американистики. Часть ученых считает теотиуаканцев предшественниками тольтеков и называют их тео-тиуаканскими тольтеками или классическими тольтеками. Но дело обстоит не так просто. Возможно, что теотиуаканцы вообще не принадлежали к какому-то одному племени и что объединял их не общий язык, а общие религиозные представления. Мы знаем, что они были хорошими земледельцами — выращивали кукурузу, хлопок и фасоль, а из хлопковых волокон делали замечательные ткани. Теотиуаканцы шили себе из этих тканей длинные юбки — энагуэс и кофты — уипилес; индианки Мексики носят их и до сих пор. Теотиуаканцы были также великолепными гончарами, превосходными художниками, создателями прекрасных мозаик из камней-самоцветов и т. д. Во главе теотиуаканского общества стоял единый вождь, он же был и верховным жрецом. Жрецы вообще были окружены в Теотиуакане великим почетом. Они носили длинную черную тунику, а на голове некое подобие папской короны. Религия в Теотиуакане играла, видимо, еще более важную роль, чем в других теократических культурах Месоамерики. Главным богом теотиуаканцев был, вероятно, бог дождя, соответствующий ацтекскому Тлалоку. Богу дождя был, несомненно, посвящен и сам Теотиуакан. Да и панмексиканский змей в птичьей оперении Кецалькоатль является здесь одним из изображений бога дождя. Весьма стилизованные изображения этого бога мы встречаем на десятках великолепных настенных рисунков, украшавших практически все без исключения здания Теотиуакана и городов, принадлежащих к теотиуаканской культуре.

Более детально религиозные представления теотиуаканцев нам неизвестны. Но эти люди построили бессмертный памятник своей вере, свой Ватикан древней Америки, свою метрополию, по имени которой мы те-зерб их называем. Роскошный Теотиуакан, по единодушному мнению американистов, был крупнейшим городом всей доколумбовой Мексики. И этот великолепный город, заняв площадь 750 гектаров, собственно, никогда не был населен. Это был лишь гигантский религиозный центр со множеством пирамид, святилищ и жилищ жрецов. Осью этого необычного города был широкий бульвар протяжением почти два километра, по которому проходили к главным святилищам религиозные процессии и толпы паломников. Позднее ацтеки дали ему название Мишкоатли (Дорога мертвых). Вдоль этой Дороги мертвых возвышаются самые большие в Америке пирамиды. И среди них высочайшая — Солнечная. Периметр ее основания достигает тысячи метров, а высота — 63 метров. Не менее знаменита другая гигантская пирамида — Лунная. Из шестнадцати остальных отметим ту,

которую ацтеки посвятили позднее «змею в птичьей оперении» — богу Кецалькоатлю. Ее украшают — по числу дней в году — 365 оперенных змеиных голов. Исконные доацтекские названия теотиуаканской пирамиды нам не известны.

Теотиуакан служил своему назначению несколько столетий, точнее — с начала I до конца VII столетия н. э. А затем теотиуаканцы исчезают во мраке мексиканской истории. Исчезают так же, как исчезли ольмеки, как исчезло множество других немаловажных создателей культур индейской Америки. Возможно, они перенесли своих богов в иное место. Хотя бы в Чолулу или в Шочикалько (Город украшенных цветами домов). А может быть, их истребили неизвестные нам воинственные племена. Ведь Теотиуакан, как и остальные города теотиуаканской культуры, не был далее огражден стеной. Да и ратное искусство в этих теократических культурах не процветало. Но что бы ни уничтожило теотиуаканскую культуру — военное ли нападение, внутренние раздоры или эпидемии, — результат был один: гибель, исчезновение.

Как раз в это время на историческую арену индейской Америки выходят едва ли не самые знаменитые и загадочные персонажи — тольтеки.

Еще первые европейские собиратели преданий мексиканских индейцев приписывали тольтекам и их легендарному главному городу Толлану (Тула) величайшие деяния и высочайшую культуру. Ацтеки, эти неограниченные — перед приходом конкистадоров — владыки Мексики, признавали своими единственными предшественниками тольтеков, а себя считали непосредственными продолжателями тольтекской традиции. Само слово «тольтек» стало в ацтекском языке равнозначным понятием «художник», «архитектор», «строитель». Имя свое тольтеки получили от названия главного города их государства — легендарного Толлана, о котором с восхищением рассказывал Ицтлильшочитль. Превозносили Толлан и многие другие хронисты. Саахун записал сообщения своих «информаторов» о великолепных толланских дворцах, украшенных зеленым нефритом, красными и белыми раковинами и т. д.

Столь часто повторяемые хвалы Толлану, исходившие к тому же от эгоцентричных и самодовольных ацтеков, но могли не заключать в себе рационального ядра. И однако о месте, где находился Толлан, американисты до недавнего времени вели ожесточенные споры. Хотя в мексиканском штате Идальго и поныне существует город с названием Тула, в окрестностях которого уже много лет назад была обнаружена небольшая пирамида, факт этот не привлек сюда археологов. Единственный «ученый», обративший внимание на эту пирамиду еще в середине прошлого века, был француз Дезире Шарне.

На родине Шарне правил тогда Наполеон III, мечтавший о завоевании Мексики. И «американист» Шарне выехал в «будущую колонию», чтобы выяснить ситуацию. Археологическая миссия Шарне была, по сути дела, лишь прикрытием для его разведывательной деятельности. Как известно, мексиканская авантюра Наполеона III потерпела крах. Кое-кто при этом даже поплатился жизнью. Но не Шарне. В 1885 году Шарне, которому нельзя отказать в известной одаренности, снова появляется в Мексике, в Туле, на этот раз как агент другого честолюбивого француза, multimиллионера Лорийяра. Этот мечтавший о славе делец последовал примеру своих американских коллег и предоставил средства для археологических исследований в Центральной Америке. Руководство экспедицией он поручил Шарне. В конце концов богач Лорийяр в самом деле прославил свое имя, но весьма своеобразным образом. Когда его экспедиция посетила развалины некогда прекрасного города майя Йашчилана, она присвоила ему новое название — Лорийяр.

Итак, Шарне еще раз вернулся в Тулу. Он осмотрел толланскую пирамиду, пообчистил ее, порядком попортил и снова уехал, после чего никто больше в Тулу не верил. Ученые вспомнили об этом провинциальном мексиканском городке лишь в 30-е годы нашего века, когда Касо (о чем речь впереди) открыл Монте-Альбан и этим оживил у всех веру в правдоподобность древних преданий. Археологи приступили к раскопкам в Туле. И вот на окраине безвестного городка весьма скоро были обнаружены остатки пышной столицы. Теперь стало ясно, что это и был легендарный Толлан — главный город тольтекского государства, объединявшего, помимо самих тольтеков, также и ряд других индейских племен. В кодексе Чимальпопока говорится, например, о конфедерации старейших мексиканских городов, в которую входили Куаучинанко (в нынешнем штате Пуэбла), Куаунаук и Уастепек (в штате Морелос) и Куауапан (в нынешнем федеральном округе). И столицей этой конфедерации якобы была Тула. В том же кодексе (а также в книге Ицтлильшочитля и других источниках) мы находим имена отдельных правителей тольтекской династии, избравших Толлан своей резиденцией. Поскольку не кто иной, как тольтеки, впервые, очевидно, ввели самую большую единицу времени, принятую и всеми более поздними индейцами Мексики, особенно ацтеками, — пятидесятидвухлетний цикл, то во многих сообщениях длительность правления или жизни тольтекских «королей» определяется ровно в 52 года, что, безусловно, не соответствовало действительности.

Если мы на основе противоречивых сведений различных кодексов и первых хронистов попытаемся выяснить, с какого времени господствовала в Толлане тольтекская династия (и следовательно, когда был заложен Толлан), то придем к выводу, что первый правитель первой тольтекской династии вступил на престол примерно в 720 году.

Тольтеки долго странствовали, покинув свою прежнюю родину, называвшуюся Тлапаллан, и наконец их вожди облюбовали место для новой столицы. Первый из толланских правителей носил имя Чальчиутланецин. За ним следовали, как сообщают источники, Накошок, Митль-Тлакомиуа, правительницы Шихикеницин и Иштакальцин. Самым же знаменитым и вместе с тем последним правителем первой тольтекской династии был безмерно прославляемый и позднее обожествленный «змей в птичьей оперении» — Кецалькоатль, вступивший на престол в 925 году.

Подлинное имя Кецалькоатля было Се Акатль Топильцин — по наименованию года, в котором он родился. Согласно тольтекским верованиям, он был сыном бога небес и богини матери-земли. Се Акатль Топильцин, согласно преданию, стал реформатором календаря, создал новые сплавы драгоценных металлов, способствовал расцвету искусств и т. д. Вопреки неустанному стремлению этого правителя привить тольтекам и другим племенам его многонациональной империи веротерпимость, в годы его правления возникли глубокие религиозные распри, закончившиеся междоусобной войной, и в конце концов Топильцин в 947 году вынужден был бежать из Толлана. Как гласит легенда, он вернулся в места, где жили его древние предки, на восток, к морю, в страну Тлаллан-Тлапаллан-Тлат-лайайан (Страна черного и красного цвета). Чтобы это сообщение стало понятней, надо учесть, что выражение «черным по красному» в древней Мексике имело то же значение, что у нас «черным по белому», то есть письменность. Стало быть, Кецалькоатль вернулся на свою родину у морских берегов, где возникло черное и красное письмо, иначе говоря, в Оль-мекан, на бывшую территорию племени ольмеков.

Вместе с Топильцином, изгнанным, очевидно, нетольтекской частью населения империи — ноновальками, покинули Толлан и большие группы тольтеков. Они переместились на юг Мексики, и там их влияние сказалось главным образом на культуре миштеков.

Религиозные распри, пошатнувшие империю, закончились, по всей вероятности, победой сторонников бога Тескатлипоки, культ которого от этого «второго поколения тольтеков» переняли и чрезвычайно развили ацтеки. А на покинутый трон толланских правителей вступила новая династия. Мы можем назвать ее «змеиной», поскольку имена всех правителей этой династии, кроме первого, Матлалошочитля (Десять Цветов), заключали в себе титул «зм^Ай». Таковы Митлакоацин, Тлилкоацин и, наконец, Секоатль, более известный под другим своим именем. — УэмаК (родился около 1098 года). О Секоатле-Уэмаке нам рассказывают многочисленные сообщения первых хронистов. УэмаК якобы женился на чужеземке. Этим он навлек на себя неприязнь своего народа и потому покончил жизнь самоубийством. Но и его добровольная смерть не отвела от тольтеков несчастья, навлеченного чужеземкой. Вспыхнула страшная эпидемия, а затем в довершение бед жителей Тулы постиг небывалый голод. И шесть лет спустя после смерти УэмаКа тольтеки навсегда покинули свой славный город.

Итак, главный город тольтекского государства — Толлан (Тула) — был найден. Впрочем, многие из его кладов наверняка еще скрыты в недрах земли, под пыльными улицами нынешней Тулы. Из числа уже открытых дворцов и храмов тольтекского Толлана особое внимание американистов привлекает храм, который, как мы теперь знаем, был посвящен Утренней звезде. Развалины этого храма были обнаружены лишь в 1940 году, после того как археологи раскопали холм, ничем не привлекавший внимания нынешних жителей Тулы. Под слоем земли была обнаружена шестиэтажная пирамида, имевшая в основании площадь 43 X 43 метра, украшенная рельефными изображениями змея в птичьем оперении и орла (орел у тольтеков был символом мужества). Широкий вход в храм-пирамиду был украшен двумя каменными колоннами, увенчанными головами покрытых оперением змеев. Своды святилища поддерживались почти пятиметровыми каменными статуями, изображавшими не то тольтекского правителя и верховного жреца, не то тольтекских воинов. Каждая из гигантских статуй (всего их было найдено восемь, и теперь они являются главной достопримечательностью Тулы) была сложена из четырех блоков, составлявших одно туловище. Наряду с этими «атлантами» в Туле были найдены каменные статуи тольтекского бога дождя и бури, известного американистам под именем Чак-Мооль. Странная фигура лежащего бога, видимо, символизировала восходящее солнце. В животе этой статуи имеется отверстие, куда и складывались жертвоприношения. Тольтекские постройки и статуи в последнее время были также найдены в Чолуле и некоторых других городах Мексики.

До сих пор мы с вами были в центре Мексики — на Месете — и на востоке ее. Север Мексики еще в доколумбову эпоху принято было считать землей варваров. И действительно, на территории, лежащей к северу от Месеты, за всю историю доколумбовой Мексики не возникло какой бы то ни было высокой культуры. Следовательно, нам остаются еще запад и юг. В древней истории Месоамерики именно юг Мексики имеет исключительное значение. Ведь именно здесь были найдены сказочные гробницы, в буквальном смысле полные золота.

Если Теотиуакан и некоторые другие доацтекские города как бы сами выставляли навстречу американистам свои покрытые оперением змеиные головы, то эти гробницы с золотом, напротив, таились от них глубоко под землей.

Возле города Оахака, в южной части Мексики, возвышался поросший лесом холм. Назывался он Монте-Альбан. У одного из современных ученых, мексиканского американиста Альфонсо Касо, явилась мысль его раскопать. И вот оказалось, что под этим весьма заурядным холмом спал древний город, в котором на протяжении полутора тысяч лет, если не более, жили люди удивительно высокой культуры. Они строили храмы, а когда хоронили своих близких, то, отправляя их в загробное странствие, клали в гробницы золотые вещи и другие драгоценности необыкновенной красоты. Открытие в Монте-Альбана может быть по справедливости приравнено к открытию Трои, в историческое существование которой никто не верил, пока Шлиман ее не откопал.

Обнаруженные здесь руины свидетельствуют, что этот сапотекский город был одной из крупнейших столиц доколумбовой Америки. Важнейшие объекты Монте-Альбана окаймляют с четырех сторон гигантскую площадь (мы называем ее сейчас по-испански — пласа). Еще больший интерес, чем храмы, дворцы и высокие стелы, представляют гробницы этого древнего

сапотекского города. Поскольку наиболее чтимых лиц здесь хоронили глубоко под землей, гробницы их не стали добычей грабителей-конкистадоров. (Хотя, бесспорно, многие из них все же были разграблены.)

По иероглифическим надписям на гробницах (например, «7 бирюза» или «4 обезьяна») трудно судить, какой сан имел покойный государственный деятель или жрец. Дело в том, что мы не знаем, обозначено ли в такой надписи имя умершего или это только дата его смерти. В древней Мексике действительно имя человека нередко сочетало в себе название

какого-либо предмета с порядковым числительным. Но, с другой стороны, надо помнить и об особенностях сапотекского календаря. Их год длился 260 дней и состоял из четырех «сезонов» по 65 дней, а эти сапотекские «кварталы» в свою очередь распадалась на пять «месяцев» по 13 дней. И вот поскольку в надписях на гробницах ни одно из числительных не превышает тринадцати (например, мы находим здесь запись «13 смерть»), то более вероятным представляется, что здесь обозначены не имена, а лишь даты рождения и смерти похороненных.

Гробницы эти построены из камня и неизменно накрыты сверху большой каменной плитой. Скорее всего, это было искусственное воспроизведение тех пещер, где в более древние времена индейские народности южной Мексики погребали своих вождей и жрецов. Согласно космологическим представлениям сапотеков, они на заре истории появились на свет из больших пещер. Видимо, тем же путем им и следовало возвращаться к давно усопшим предкам. Впервые и, быть может, в последний раз за всю историю американских исследований Касо нашел гробницы, способные соперничать своим великолепием с египетскими усыпальницами. Монтеальбанцы (для индейцев это уже совсем необычно) даже украшали свои «искусственные пещеры» мертвых богатой настенной росписью. А могилы они наполняли десятками глиняных сосудов, на которых изображали своих диковинных богов. Первую монтеальбанскую гробницу Касо обнаружил осенью 1931 года. А 9 января следующего года, ровно в 4 часа 30 минут вечера, его ассистент Хуан Валенсуэло увидел чудо. Когда он вполз через узкое отверстие во вновь обнаруженную гробницу (она получила порядковый номер семь) и зажег электрический фонарик, то подумал, что теряет рассудок. Он увидел клад, пролежавший под землей нетронутым более восьмисот лет. Эту находку сравнивали позднее с открытием гробницы фараона Тутанхамона. Семь дней и семь ночей экспедиция Касо выносила из гробницы предметы огромной художественной ценности. Всего их оказалось тут около 500, и среди них великолепная, чрезвычайно тонкой работы маска бога Шипе Тотека, ожерелья из необычайно крупных жемчужин, серьги из нефрита и обсидиана, золотые браслеты с богатой чеканкой, золотые ожерелья, состоящие из 900 звеньев, золотая табакерка, драгоценные украшения из бирюзы, ракушек и серебра. И тут же находились урны и человеческие черепа, высеченные из чистого горного хрусталя. А ведь хрусталь — один из самых твердых минералов на земле.

Более полутора сотен таких чудесных гробниц обнаружили американисты в 1931—1932 годах в сапотекском Монте-Альбане. Однако ни одна из них по своему богатству уже не превосходила знаменитой гробницы номер семь, о которой в ту пору толковала вся мировая печать.

Но Монте-Альбан полон не только золотых сокровищ. Он полон и загадок. Хотя в окрестностях Монте-Альбана сапотеки жили еще два тысячелетия назад, хотя на том же месте они жили и во времена Колумба и живут до сих пор, но работа, написанная первооткрывателем этого сапотекского города, озаглавлена так: «Монтеальбанская гробница номер семь принадлежит миштекам». В самом деле, теперь установлено с полной достоверностью, что в известный период (в эпоху, обозначаемую как «Монте-Альбан V» и охватывающую XIV и XV века н. э.) сапотеки были изгнаны из своего золотого города миштеками. Так что усопшие из монтеальбанской гробницы номер семь (восемь мужчин и одна женщина) были скорее всего членами миштекской семьи, правившей в Монте-Альбане. Самыми роскошными золотыми ожерельями и серьгами был украшен мужчина, которого мы и должны считать одним из миштекских правителей. Впрочем, даже золото едва ли могло сделать его красивым. У него был огромный горб и голова, обезображенная какой-то неизвестной болезнью.

Когда сапотеки были изгнаны из Монте-Альбана, они создали новую метрополию в Йоопаа. Ацтеки называли ее Митла, что значит Жилище смерти, или Дом (вечного) упокоения. Действительно, Йоопаа выполняла роль некоего месоамериканского Бенареса. По представлениям индейцев, здесь находился вход в преисподнюю, врата в загробную жизнь. Можно предположить поэтому, что в Йоопаа-Митлу стекались паломники со всей Мексики, чтобы тут дожидаться своей смерти. Свидетельством именно такого назначения этого города могут служить Дворец колонн, Северный дворец, Южный дворец, отличающиеся от других памятников древнемек-сиканской архитектуры прежде всего тем, что они росли не ввысь, а ширирь и имели только один этаж. Дворцы эти были украшены фризами, мозаиками из белого камня и превосходными настенными рисунками. И просто не верится, что уже в нашем столетии часть сохранившихся фресок была уничтожена, потому что одно из помещений главного дворца местный священник приспособил под свинарник! В развалинах Йоопаа-Митлы по-здесь повторяется лишь одно символическое изображение — ступенчатая спираль, носившая название шикальколицуки (буквально «украшения на тыкве»). Это было крайне упрощенное изображение головы оперенного змея, а стало быть, изображение Кецалькоатля.

Йоопаа была резиденцией верховного жреца, высшего религиозного руководителя сапотеков. Сапотеки называли его Виха-Тао (Видящий). Своим могуществом Видящий превосходил даже правителя сапотеков, ибо одному только Виха-Тао была открыта воля богов. Он один мог говорить с ними. И только он один обладал даром прорицания. Простые смертные не смели даже лицезреть Видящего. В своем роскошном дворце он жил в полном уединении и, надо полагать, в строгом безбрачии. И все же по крайней мере раз в жизни великому жрецу надлежало нарушить этот зарок, ибо он сам должен был зачать своего преемника. Во

время религиозных празднеств ему приносили опоенную особым напитком избранную для него девушку, целомудрие которой неусыпно оберегалось. Сын великого жреца и этой девушки становился впоследствии новым Видящим. Будущие жрецы обучались в особых «семинариях». Главным богом сапо-текского пантеона (вообще же наши сведения в этой области весьма скудны) был бог дождя Косихо. В знак особого почитания к его имени присоединяли титул Питао (Великий).

Одной из важнейших особенностей культуры сапотек было изобретенное ими собственное иероглифическое письмо. Некоторые сапотекские иероглифы (например, иероглиф «солнце») расшифровал первооткрыватель Монте-Альбана Касо. Мы знаем теперь и сапотекские цифры, которые, как у майя, писались черточками и точками. Но большую часть их знаков мы до сих пор не понимаем. Письменность сапотек, возникшая под явным влиянием ольмекской, позже развивалась вполне самостоятельно. И потому огромное большинство их иероглифов отличается как от письма майя, так и от иероглифов ольмек.

Всего нам известно сейчас более ста сапотекских иероглифов.

Древнейшие и, безусловно, наиболее интересные для американистики надписи украшают каменные плиты с изображением так называемых дан-сантес (танцоров), как их называют нынешние мексиканцы. Фантастические фигуры этих танцоров мы видим на каменных плитах, которыми была выложена земляная пирамида — одна из построек, окаймлявших монтеальбанскую «пласу». Эти мужские фигуры, в большинстве своем обнаженные (лишь половые органы иногда прикрыты цветком), запечатлены на камне в столь неестественных позах, как если бы они совсем не имели костей. При этом у них кривые ноги, шишковатые головы, уродливые, припухшие губы. Ваятели, казалось бы, ставили своей целью показать дегенеративность моделей. Тела этих безобразных танцоров местами, особенно на животе, исписаны иероглифами, пока еще не поддающимся прочтению.

Многими чертами своей культуры сапотекам были близки их соседи — миштеки. Древнейшие их следы приводят нас в VII век н. э. Но лишь после того, как на миштеков оказал значительное влияние контакт с тольтеками, которые в конце XII века, покинув Толлан, обосновались на миш-текской земле, лишь с этого времени начинает с головокружительной быстротой развиваться «классическая» миштекская культура. Поскольку миштеки в отличие от сапотек и представителей большинства других значительных мексиканских культур не создали единого государства и централизованной власти, некоторым тольтекским семействам удалось в конце концов захватить власть в отдельных миштекских «княжествах». Из истории ацтеков мы знаем, что Монтесума Первый женился на дочери одного из таких тольтекских властителей миштекского «княжества» Дза-винданда (или, как писали ацтеки, Атональцина). Объединяла миштеков общая религия. Культурным центром их был город Ачиутла. Здесь, в главном храме миштеков, верховный жрец стерег гигантский смарагд, который миштеки называли «сердцем народа». Это был как бы символ священного, внегосударственного единства миштеков.

Лучшим доказательством высокого уровня, достигнутого миштеками в период «тольтекского влияния», является как раз седьмая гробница в Монте-Альбана. Предметы, найденные здесь, свидетельствуют о том, что миштеки, как и сапотеки, вписали свое имя в историю индейской цивилизации своей металлургией и ювелирным искусством. Особенно хороши их филигранной работы изделия из листового золота.

Миштеки не создали такой монументальной архитектуры, как остальные месоамериканские народы. Блеск государственной мощи миштеков тоже не был столь великолепен. Тем не менее мы имеем о них значительно больше точных исторических сведений, чем о творцах любой из уже упомянутых высоких месоамериканских культур, и это потому, что миштеки создали замечательное пиктографическое письмо, которое ученым удалось расшифровать. И по счастью, сохранилось несколько кодексов, рассказывающих нам не только о религиозных представлениях миштеков, но и о событиях начиная с 838 года (то есть с года основания первой миштекской династии в Тилатонго) или даже с 692 года (в кодексе Бодли) до испанского завоевания. А в одном из кодексов описываются и события после захвата Мексики испанцами вплоть до 1642 года. Ни один из других народов Америки не оставил нам такой точной, досконально датированной хроники своих деяний почти за целое тысячелетие. Наиболее ценная из миштекских рукописей — Венский кодекс — состоит из 52 листов и имеет в длину 13,5 метра. Хранящийся в Англии кодекс Нэт-тол имеет длину 11 метров 22 сантиметра и состоит из 44 листов. Все шиггекские кодексы уделяют особое внимание личности наиболее прославленного миштекского вождя, носившего имя Восемь Олень (1011— 1063).

Итак, в пространных, но отнюдь не скучных книгах миштеков мы нашли доказательства их славы, их высокой культуры. Свообразным отражением миштекской культуры явилась позднее культура их северных соседей — могучих ацтеков. Ацтеки научились у миштеков очень многому. Наиболее существенно, что они переняли у миштеков письменность, но и развитием художественных ремесел ацтеки обязаны тем же миштекам. Но прежде, чем мы вернемся на Месету, прежде чем заглянем в государство ацтеков, посетим еще один район, где возникла одна из значительных месоамериканских индейских культур — мексиканский запад. На первый взгляд в сравнении с ольмекским и тотонакским востоком, тольтекским и теотиуаканским центром, сапотекским и миштекским югом западным землям Мексики нечем похвастать. А между тем уже первый вице-король Новой Испании Антонио де Мендоса поручил одному францисканскому монаху написать сообщение о западно-мексиканской индейской народности, которой вышеназванный правитель отводил совсем особую роль в истории Мексики. Этой культурной народностью были тараски, обитатели нынешнего мексиканского штата Мичоакан. Мичуакан, как называют его индейцы, означает в переводе «Край рыбаков». И называется он так по праву: гордостью этого, пожалуй самого живописного, штата Мексики является множество больших пресноводных озер, знаменитейшее из которых — Паццуаро — лежит на высоте почти

2200 метров над уровнем моря и до сих пор дает добрый улов тысячам рыбаков. На берегах Пацкуаро и вырос главный город древнего тарасканского государства — Цинцунцан (Город колибри). С этой местностью связана древнейшая история тарасков, как записал ее для нас упомянутый испанский хронист. Дело в том, что тараски, так же как позднее ацтеки, переселились в этот прекрасный горный край со своей первоначальной родины, но где она находилась, американистам до сих пор не известно. Придя к озеру Пацкуаро, три до той поры враждовавшие группы тарасков объединились в «тройственный союз». Создание этого союза тараски приписывают своему первому настоящему правителю Тариакури, внучатый племянник которого Цици Пандакуре распространил затем владычество тарасков далеко на север и на юг. Его сын Тангашоан Цинтича был первым верховным вождем тарасков, вступившим в сношения с белыми. В Теночтитлане он встретился с Кортесом. Позднее он разделил судьбу многих индейских властителей эпохи испанского завоевания: в 1532 году он был сожжен на костре жесточайшим из конкистадоров Нуньесом де Гусманом за то, что отказался сообщить ему местонахождение своего клада. Но мог ли он открыть то, чего уже вообще не существовало? Национальный клад тарасков захватил еще несколькими годами ранее другой испанский авантюрист, Кристоаль де Олид, не слишком хваставший этим приобретением перед своими сотоварищами по разбою.

То обстоятельство, что у тарасков был верховный вождь, наглядно показывает, как далеко зашел у них процесс создания государства. Тарас-канский правитель обладал абсолютной властью. Он сам выбирал себе преемника. Таковым мог быть его сын или племянник. Правитель был не только гражданским и военным предводителем тарасков, но также верховным судьей и первосвященником. Отражением этой «папской» роли «короля» был тот факт, что только он один имел право охранять изваяние высшего бога тарасков Курикаури. У правителя был ряд советников: для дел воинских, судебных или связанных с религией. Религиозные представления тарасков были очень сложны. В основе их лежало поклонение огню, вполне естественное в вулканическом районе, каким является Мичоакан. Имя главного бога тарасков — Курикаури, первоначально почитавшегося лишь в Пацкуаро, дословно означает «Великий носитель огня». А основной заботой жрецов, которых называли «возжигателями огня» — кури-ти-эча, была обязанность раскладывать костры и возжигать огонь во славу Курикаури. Культ божественного огня затрагивал в обществе тарасков все области жизни. Например, новобрачный получал право войти к своей супруге лишь после того, как разведет перед ее домом большой костер. В жертву священному огню приносились взятые в бою пленные. Перед сожжением их украшали символами Курикаури — высокой короной и золотыми дисками. Если мы попытаемся проанализировать характер этого главного божества, то и тут обнаружим традиционное диалектическое единство противоположных начал, в котором можно видеть краеугольный камень всего философского учения месоамериканских индейцев: с одной стороны, Курикаури — это божество небес, божество молодого жгучего небесного солнца, с другой — бог земли, огнедышащей вулканической мексиканской земли. Другие тарасканские божества: Уренделуа Бекара — утренняя звезда; Шаратанга — луна, почитавшаяся сначала лишь в храмах Цинцунцана, владицица урожая; затем бог юга Мимишкоа и бог севера Уитцнауа и, наконец, богиня дождевых облаков, имени которой мы не знаем. Своеобразное почитание ее вызывало удивление и ужас у первых европейцев, посетивших Мичоакан. Наиболее пышные торжества в ее честь устраивались на теплых целительных водах Синапекуаро, у берегов горного озера Куицео. Это происходило осенью, когда тучи и туман покрывали долины лесистого Мичоакана. Участники обряда бросали в бурлящие источники Синапекуаро сердца человеческих жертв. Они считали, что эти сердца, уже холодные, сгущали пары источников, как бы создавая маленький искусственный священный дождь во славу богини дождевых облаков. Если «удавалось вызвать» таким путем дождь, дальнейшая судьба участников обряда должна была сложиться счастливо. И они весело танцевали, вздымая к небу свои золотые ожерелья. Обрядовые золотые предметы тарасков отличались, должно быть, необычайной красотой. Недаром испанцы так стремились завладеть золотым кладом тарасканских правителей. Но захвативший его Кристоаль де Олид приказал переплавить эти шедевры в испанские песо. Поэтому об искусстве тарасканских золотых дел мастеров мы знаем чрезвычайно мало. Тараски достигли высокого совершенства не только в художественных ремеслах. Славилась также их керамика, украшенная рисунками, искусная обработка обсидиана, что вполне естественно для жителей вулканической страны, обработка меди (в этом искусстве тараски превзошли все другие культуры Месоамерики), и, наконец, особо прославились они своими мозаиками из перьев. Хотя архитектура тарасков и не достигла, скажем, уровня сапотекской архитектуры, но мы не можем не поражаться, глядя на развалины великолепных памятников их монументального зодчества. Типичнейшими его образцами являются так называемые йакаты, воздвигнутые на гигантских постаментах, например главный храм в Цин-цунцане; основанием ему служит огромная платформа длиной 425 и шириной 250 метров, на которую нужно было подниматься по десяткам ступеней. На вершине этой платформы стоят пять храмов (йакат) в виде соединенных между собой круглых пирамид. Храмы тарасков и «правительственные» здания в отличие от аналогичных сооружений некоторых других месоамериканских культур всегда соединялись в один гигантский каменный массив. Наряду с цинцунцанским нам известны и еще несколько таких комплексов.

От всех соседних индейских групп, создавших высокие культуры до-колумбовой Месоамерики, мичоаканские индейцы резко отличались и своим языком, а всего больше своим внешним видом: мужчины и женщины весьма тщательно, до самых корней, удаляли волосы с головы и других частей тела. Поэтому ацтеки называли их куаочпанме (плешивые). Для удаления волос тараски пользовались металлическими пинцетами, а жрецы — даже золотыми.

А теперь, совершив путешествие по северу, востоку, югу и западу Мексики, вернемся в ее центр — на Месету. Часть тольтеков,

покинувших Тулу после падения своей «империи», осела под именем кулу а неподалеку от Тескоко, самого большого мексиканского озера. На его восточном побережье они основали город Кулуакан. Другие представители тольтеков дошли до Юкатана и Оахаки, а еще одна большая их группа после смерти Уэмака, в конце XII века, достигла даже территории нынешних центральноамериканских республик — Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа. Здесь их под именем пипилей еще застали первые испанцы.

Вакуум, образовавшийся на Месете после распада могучего тольтек-ского государства, заполнили чичимеки («собачий народ»). Для ацтеков и других позднейших культурных народов Мексики чичимеки были тем же, чем для римлян варвары. Эта группа, состоявшая из нескольких кочевых племен, живших первоначально на севере Мексики, примерно в середине XII столетия тронулась с места и во главе со своим легендарным вождем Шолотлем двинулась на юг. После сокрушительного удара чичи-меков слава и мощь тольтеков были утрачены безвозвратно и уже ничто не преграждало Шолотлю путь к самому сердцу Мексики — мексиканским озерам. Здесь на небольшом холме, который с той поры называется Шолок, по приказу Шолотля чичимеки разбили свой первый лагерь. В начале XIII века чичимеки создали небольшое государство, столицей которого в последние годы правления Шолотля и во время владычества его преемника был город Тенайука на западном берегу Тескоко (примерно в 14 километрах от нынешнего Мехико).

В течение нескольких десятилетий чичимеки впитывали культуру покоренных ими тольтеков и вскоре даже превосходили своих предшественников. Особого могущества и развития культуры чичимеки достигли при четвертом своем правителе — Кинацине (1298—1357). Кинацин (Крикун) вписал свое имя в историю чичимеков несколькими важными деяниями. Во-первых, он перенес столицу государства из Тенайуки в Тескоко, во-вторых, призвал в свой новый город группу миштекских ученых, чтобы они научили чичимеков письменности и календарю, и, наконец, направил послов к воинственным сородичам чичимеков, остававшимся на севере Мексики, с целью склонить их к переселению на Месету, дабы еще усилить могущество чичимеков. Приглашение было принято. Часть вновь прибывших осела в Тескоко, другая часть — в нынешней Сьерра-Неваде, где позже она создала собственное государство — Тлагкалу. И еще одна реформа Кинацина имела большое значение для позднейшей истории Мексиканской долины. Этот четвертый чичимекский правитель отрекся от родного наречия и принял для себя и своего племени новый язык — язык кулуанских тольтеков. А поскольку это был один из диалектов языка науатль, на котором говорили ацтеки, последними пришедшие в Мексиканскую долину, то этой реформой Кинацин, сам того не ведая, открывал звери для сближения ацтеков с чичимеками.

При преемнике Кинацина — пятом чичимекском правителе Течотола-де — прочное единство чичимекских племен утрачивается. Бывшие чичи-неки — потомки Шолотля — сосредоточиваются теперь в городе Тескоко. Их сородичи, пришедшие на Месету вслед за собственно чичимеками, создают на берегах озера самостоятельные города-государства. Важнейшим из них стал Шалтокан, город-государство племени отоми, основанный его вождем Чиконкуа на одном из озерных островов близ северного побережья. Большое значение приобрел также город могучего племени тепанское Аскапоцалько. С этики городами-государствами — Аскапоцалько, Тескоко, Шалтока-ном, Кулуаканом и другими — позднее встретится и вступит в борьбу народ, который во всех отношениях триумфально завершит развитие высоких индейских культур доколумбовой Мексики, — прославленные ацтеки.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ВЛАСТИТЕЛИ МЕКСИКИ

Во всей Америке нет другого места, которое бы так привлекало доколумбовых индейцев, как небольшая территория на побережье мексиканских озер, а вернее, одного, центрального озера — Тескоко. Тепешпанский человек, первобытные земледельцы, теотиуаканцы и тольтеки — все они жили на берегах этого озера или неподалеку от него.

И еще до того, как в Мексиканскую долину и к озеру Тескоко пришли ацтеки, это небольшое пространство было, так сказать, перенаселено. Прямо на берегах озера и в его ближайших окрестностях выросли десятки городов и деревень: Сумпанго, Чалько, Экатепек, Текпайокан, Ситлаль-тепек, Куатитлан, Попотла, Шочимилько, Тлакопан, Койоакан и многие другие. Из них для позднейшей истории ацтеков наибольшее значение имели три прибрежных города, которые в момент появления ацтеков в Мексиканской долине были самыми крупными и могущественными: Аскапоцалько, Кулуакан и Тескоко.

Каждый из этих городов представлял собой самостоятельное государство, во главе которого стоял верховный вождь племени. Аскапоцалько, как мы уже знаем, был центром тепанекского государства, в Тескоко правили наследники Шолотля, по своему происхождению чичимеки, и, наконец, жители Кулуакана считали себя (и, как мы знаем, вполне обоснованно) потомками тольтеков, которые в пору гибели тольтекского государства покинули Тулу, двинулись на юг, в Мексиканскую долину, и основали на берегу озера этот город. Впрочем, сами они свое древнее тольтекское племя называют аколоа. Мы видим, таким образом, что все племена, создавшие на берегах Тескоко города-государства, явились сюда лишь незадолго до ацтеков, и притом все — с севера. Тем же путем пришли сюда в XIII столетии н. э. и ацтеки.

Сами ацтеки называли себя мешика в память о легендарном древнем племенном вожде Мешитли, который правил ими в ту пору, когда они покинули свою легендарную прародину Астлан (от ее названия и образовано слово «ацтек»¹). Видимо, это был остров посреди обширного озера. Мешики жили на нем до 1068 года. В тот год, как повествуют сказания, они собрали свои пожитки и вместе с восемью другими родственными им племенами, жившими по соседству, двинулись на юг. Все эти и многие другие племена Месоамерики говорили и до сих пор говорят на диалектах одного языка — науатль (на'уатль). Вот почему все

эти племена мы объединяем общим наименованием — науа (на'у а).

Будущие ацтеки, возглавляемые вождем Мешитли, несли впереди статую своего племенного бога Уцилопочтли (очевидно, одного из обожествленных древних вождей мещиков), которая якобы обладала даром человеческой речи и провидения и указывала мещикам, куда, каким путем и когда им следует идти. Двигаясь на юг, в центральную часть Мексики, они, согласно ацтекским преданиям, неоднократно делали остановки — каждый раз не менее чем на год. Они отыскивали подходящую землю, распахивали ее и засеивали. Когда же поля давали урожай, а женщины успевали народить детей, они снова пускались в путь.

В одну из таких остановок мещики прожили несколько лет на своей второй, не менее легендарной прародине — Чикомосток (Край семи пещер). Возможно, что эти семь пещер символизируют семь родов, из которых состояло тогда племя мещиков. Но возможно и то, что Чикомосток лишь иное название Астлана.

Из дальнейших остановок мещиков хронисты упоминают еще место, называемое Коатльтепек (Змеяная гора). Здесь в 1143 году будущие ацтеки отмечали окончание пятидесятидвухлетнего цикла — праздник Нового огня. Тремя годами позже они добрались до уже необитаемой к тому времени Тулы. И хотя главный город тольтекского государства был мертв уже 86 лет, общение с тольтеками, все еще жившими в окрестностях Тулы (по языку тольтеки были близкими родственниками ацтеков, они тоже говорили на языке науатль), коренным образом обогатило культуру ацтеков. Здесь, неподалеку от развалин Тулы, мещики осели на 20 лет. И этот двадцатилетний контакт с тольтекской традицией неузнаваемо изменил североамериканское полукочевое индейское племя.

В 70-е годы XII века мещики вновь пускаются в путь, чтобы отыскать свою землю обетованную. Когда они дошли до озера Паццуаро, многим показалось, что во всем мире не найти места более прекрасного, и они изъявили желание остаться в этом райском краю навсегда. Те из них, кого озеро особенно манило и кто больше других был утомлен дневным переходом, сбросили с себя одежду и попрыгали в воду. Другие, менее решительные пожелали узнать волю племенного идола. Но Уцилопочтли изрек: «Это еще не та земля, которую мы ищем». И пошел без промедления продолжать путь. Тогда мещики сказали ему, что многие их сородичи купаются в озере и далеко отплыли от берега. Но Уцилопочтли стиял на своем и даже приказал мещикам захватить с собой одежду купающихся. И когда купальщики выбрались на берег, они не нашли ни своей одежды, ни своего племени. Вот и остались они на берегах озера Паццуаро и живут тут по сей день. Так, если верить ацтекским преданиям, которым нельзя отказать в поэтической прелести, появились на свет уже известные нам тараски.

И все же мещики нашли наконец место, которое понравилось как им самим, так и их богам. Когда они в XIII веке добрались до Мексиканской долины, до берегов Тескоко, то решили окончательно здесь обосноваться. Но, как нам известно, на берегах этого озера уже существовали к тому времени десятки городов. Плодородной прибрежной земли уже не хватало для всех, и отдельные племена вели между собой жестокую борьбу. Но подходы к озерам они не стерегли. Ацтеки беспрепятственно дошли до Тескоко и неожиданно объявились здесь в качестве незваных гостей.

В ту пору предводительствовал ими племенной вождь Теноч. По его имени мещики и получили свое третье название — теночки. Народ Теноча обосновался на берегу озера, на холме Чапультепек (Гора кузнечика).

Но мещики прекрасно понимали: соседние племена не замедлят сделать все возможное, чтобы уничтожить своих новых соперников. Поэтому они пытались обеспечить себе «место под солнцем» с помощью различных брачных контрактов. Своим новым Еждем мещики избирают Уцилиуит-ля, сына знатной ацтекской женщины и одного из наследников правителя города Сумпанго. Но и это не помогло. Вскоре властитель Кулуакана даже приказывает убить Уцилиуитля.

Теноч со своим племенем поселился на Горе кузнечика в 1256 году. Но и через четверть столетия ацтеки не сумели изменить своего подневольного, полузависимого положения. Им приходилось платить дань окрестным городам, служить в армии Кулуакана, когда властитель этого города Чалчутлатонак воевал с городом Шочимилько, и т. д. И даже победа, которую принесла их помощь войскам Кулуакана, ничуть не улучшила положения теночков. Как раз наоборот. В 1325 году (когда Кулуаканом правил Кошкоштли) кулуаканцы решили окончательно расправиться с незваными гостями и стали готовиться к ночному нападению на ацтекский «квартал». Однако мещики вовремя узнали о грозящей им смертельной опасности и темной ночью на сотнях лодок покинули Ку-луакан. Они блуждали по озеру, выискивая на его берегах безопасное пристанище. Но берега повсюду были заселены, и попытка пройти через территорию любого из прибрежных городов-государств могла кончиться ::. Ным уничтожением в то время очень еще немногочисленного и слабо = :> оружейного племени.

Таким образом, у ацтеков оставались лишь две возможности: умереть з :ем или жить в буквальном смысле на воде. Они выбрали жизнь. Кружа г.; озеру, мещики нашли болотистый необитаемый островок и поселились на нем. Только с этого дня, который обозначен в ацтекском календаре как 1 текпатль и соответствует нашему 1325 году, и начинается подлинная история ацтеков. Своему островному поселению они дали название Теночтитлан. Прежде всего в самом центре островка они воздвигли храм, посвященный Уцило-почтли. От храма провели линии на запад, юг, север и восток, разделив таким образом весь остров на четыре примерно равных «квартала» — Куэпан, Теопан, Мойотлан и Астакалько, где и поселились четыре -птекские фратрии, составлявшие племя.

Строительство Теночтитлана было очень затруднено из-за нехватки дерева и камня, и потому ацтеки были вынуждены покупать все строительные материалы у своих более удачливых соседей в прибрежных горо-zas. Платили они тем, что давало

им озеро: водоплавающей птицей, раками, тростником. На неприглядном островке посреди озера недоставало и: пригодной для земледелия почвы. Поэтому и землю для полей ацтекам приходилось добывать со дна озера. Как раз к этим временам относится одно из удивительнейших изобретений ацтеков — чинампа — плавучие сады (искусственные плавучие острова из ветвей и прутьев, засыпанных плодородной землей). Эти плавучие поля приносили исключительно высокий урожай. Даже в наше время ацтекские жители предместий нынешней столицы Мексиканской республики — Шочимилько, Чалько и других — частично ведут свое хозяйство этим способом.

Однако ацтекам в их островной эмиграции посреди необозримых просторов озера Тескоко не хватало не только земли, но также и питьевой воды. Пришлось построить нечто вроде танкера и привозить на остров воду, купленную в Чапультепек. Так понемногу ацтеки преодолевали трудности, связанные с их пребыванием на негостеприимном островке посреди соленого озера. Могущественные города-государства, разумеется, с неудовольствием наблюдали, как прямо из вод озера вырастает новый город, уже украшенный множеством великолепных построек, город с быстро растущим населением. А поскольку островной город находился в той части озера, на которую притягало город-государство Аскапоцалько, властитель его Акольнауак принудил мешиков платить ему надлежащую дань. Таким образом, даже и после бегства с материка ацтеки не избавились от зависимого положения. В 1338 году — спустя тринадцать лет после основания Теночтитлана — начались раздоры между отдельными ацтекскими родами, и в конце концов недовольные роды переселились на соседний, до той поры пустовавший островок Тлателолько. Но и этот второй ацтекский город оказался под властью Аскапоцалько. Тлателолькские ацтеки, не имевшие собственного племенного вождя, сами попросили нового правителя Аскапоцалько Тесосомака, сына уже умершего к тому времени Акольнауака, дать им в вожди одного из своих сыновей. Так на трон тлателолькских ацтеков вступил Каукауицауак. С этого времени племя мешиков более чем на сто лет было разделено на два самостоятельных города-государства. Впрочем, большинство ацтеков по-прежнему оставалось в значительно более крупном Теночтитлане. Через 51 год после основания Теночтитлана ацтеки избирают своего первого подлинного властителя. До той поры во главе их стоял племенной вождь. Первым настоящим повелителем ацтеков был Акамапичтли (1376—1395). И избрание его принесло ацтекам удачу. Матерью этого вождя была дочь правителя могущественного Кулуакана, отцом — ацтек. Этот родственный союз обеспечил ацтекам помощь Кулуакана в борьбе против Аскапоцалько. А когда после смерти Акамапичтли правителем стал его четвертый сын, второй настоящий вождь ацтеков, Уицилиуитль (Перышко Колибри), дань, которую до той поры ацтеки платили Аскапоцалько, была заменена чисто символическим подношением нескольких рыб.

По предложению ацтекского совета Уицилиуитль женился на дочери аскапоцалькского правителя, которую звали Айаукиуатль. Ребенок, родившийся от этого брака, и стал главным «аргументом», побудившим владыку Аскапоцалько освободить Теночтитлан от унижительной подати.

Тем временем на побережье озера все более обострялись распри между отдельными могущественными городами-государствами. Тепанекскому Аскапоцалько первоначально противостояло чичимекское Тескоко. Ацтеки, которым мы теперь уделим главное внимание, были связаны родственными узами и с Тескоко. Властитель этого города Иштлилыпочитль (которого не следует путать с его позднейшим тезкой, на чьи сообщения мы здесь опираемся) женился на одной из дочерей первого повелителя мешиков Акамапичтли. От этого брака родился самый выдающийся во всей Мексиканской долине неацтекский правитель, прославленный Несауаль-койотль.

Долголетняя война, которую тескокский Иштлилыпочитль вел с аскапоцалькским Тесосомаком, закончилась наконец перемирием.

В ту пору в Теночтитлане умирает Уицилиуитль, и мешики выбирают своим владыкой Чимальпопоку (Дымящийся Щит). На его правление больше, чем перемены в самом Теночтитлане, влияли внешние отношения. Дело в том, что на побережье снова вспыхнула война между воинственным, но теперь уже престарелым Тесосомаком и Иштлилыпочитлем, правителем Тескоко. Воспользовавшись тем, что Аскапоцалько было занято войной, ацтеки в короткий срок создали одно из своих величайших творений — дамбу, соединившую Теночтитлан с берегом. Теперь они могли посуху перебираться через озеро. К тому же дамба чрезвычайно облегчала доставку питьевой воды в быстро растущую ацтекскую столицу.

Итак, круг изоляции был прорван. Но возмездие не заставило себя ждать. Когда воинственный Тесосомак умер, правителем тепанеков стал его младший сын Маштла (до той поры он был правителем в тепанекском городе Койоакане). Будучи не менее воинственным, чем его отец, Маштла оказался к тому же вероломным и жестоким. Он разослал своих людей, повелев им коварно умертвить правителей всех городов, которые могли стать на пути тепанеков. И естественно, что первой жертвой пал (в 1428 г.) строитель дамбы, вождь мешиков Чимальпопока. Его судьбу должны были разделить Несауалькойотль — новый властитель Тескоко, правитель Кулуакана и многие другие.

На погребение Чимальпопоки собрались все подвергшиеся опасности правители городов, и, поскольку вероломный замысел Маштлы уже стал им известен, они тайне договорились объединить свои силы и, не теряя времени, напасть с нескольких сторон на Аскапоцалько. Между тем ацтеки, не вняв совету Аскапоцалько, которому они все еще подчинялись, выбрали своим новым вождем Ицкоатля (Обсидиановый Змей). Это вызвало гнев Маштлы. Но ацтеки не стали дожидаться, когда он со своими войсками вторгнется в Теночтитлан, и сами начали военные действия.

Ицкоатль разослал во все стороны послов с просьбой о поддержке. На этот раз оба ацтекских города выступили совместно, поскольку освобождение от господства Аскапоцалько было и в интересах тлателолькских мешиков. Третью армию против Аскапоцалько выставил Несауалькойотль, властитель Тескоко. Союзные войска внезапно атаковали Аскапоцалько с трех сторон и после битвы, продолжавшейся два дня и две ночи, разрушили его до основания. Жители остальных населенных тепанеками городов, в том числе и наиболее крупного из них — Тлакопана, перешли на сторону победивших мешиков.

Итак, Теночтитлан не только освободился от ига Аскапоцалько, но и сразу же сделался одним из самых могущественных городов Мексиканской долины. И находчивые ацтеки, используя создавшееся положение, меняют тактику: от обороны переходят к наступлению. Вместо того чтобы платить податей Аскапоцалько, они теперь хотят сами собирать дань, властвовать. Но у мешиков пока еще недостаточно сил, чтобы осуществить этот замысел. И вот Ицкоатль предлагает тлакопанским тепанекам и Тескоко создать тройственный союз как для обороны, так и главным образом для нападения. Так, в 30-е годы XV столетия возникла военная конфедерация, все три участника которой формально были равноправны, но, по сути дела, первую роль с самого начала стали играть ацтеки. Главным городом конфедерации становится ацтекский Теночтитлан. В вопросах внутренней жизни, в решении собственных дел все три государства остаются независимыми. Но внешняя политика, и особенно решение военных и некоторых других важнейших вопросов, взаимно согласовывается.

Делами конфедерации руководил некий «высший совет», находившийся также в Теночтитлане. Его членами были три уэйтлатоани, то есть правители трех городов-государств, а именно ацтекский правитель кулуа текухтли (кулуа, как мы знаем, были потомками тольтеков, и ацтеки полагали, что продолжают их род, поскольку мать первого настоящего ацтекского правителя Акамачитла происходила из этого племени), чичимека текухтли (жители Тескоко, как известно, считали себя наследниками чичимеков) и правитель тепанекского города Тлакопана тепанека текухтли.

Три первых уэйтлатоани разделили между собой, а тем самым и между своими преемниками обязанности по руководству делами конфедерации. Несауалькойотль, властитель Тескоко, взял на себя ответственность за законодательство и общественные постройки, Тотокиуацин из Тлакопана — за развитие искусств и ремесел, а Ицкоатль оставил за собой вопросы внешней политики, решение споров между членами конфедерации и должность высшего военачальника объединенных войск. Так уже с самого начала Ицкоатль (и в его лице ацтеки) стал главой тройственного союза. В последующие годы Тлакопан отошел на задний план, а Тескоко превратился в своеобразный мексиканский Париж: тут было пристанище муз, тут жили мешикские философы и правоведы.

Мы уже познакомились с верховным вождем .ментиков, которого, не зная точного наименования, мы называем правителем. Но как, собственно, выглядело ацтекское общество в те последние сто лет существования Теночтитлана, которые превратили ацтеков в самую могущественную силу доколумбовой Мексики, а Теночтитлан — в крупнейшую столицу индейской Америки? Все ацтекское общество делилось в первую очередь на два антагонистических класса. Сами мешики, пользовавшиеся обычно чрезвычайно возвышенными, сложными, теперь подчас не поддающимися расшифровке обозначениями, в данном случае выражались совершенно недвусмысленно: привилегированных членов общества они именовали текухтли — зная, а всех прочих людей, без привилегий, — масеуалли (во множественном числе — масеуальтин), что буквально означает «простолюдин».

Начнем со знати, о которой кодексы и первые хроники рассказывают нам значительно подробнее. В позднейшие времена ттптул текухтли носили только высшие сановники Теночтитлана, а в провинции — правители отдельных ацтекских городов и деревень. Текухтли в отличие от остальных мешиков не облагались налогами. Государство доверяло им высокие должности и наделяло роскошными одеждами и украшениями. Пищу, красивое жилище, многочисленную прислугу и наложниц для текухтли обязаны были поставлять жители управляемого им города или деревни.

Текухтли — представитель высшего слоя ацтекского общества — удостоивался добавляемой к его имени частицы цин, которую можно сравнить с английским словом «лорд». Например, прославленный Куаутемок, герой обороны Теночтитлана во время борьбы с испанцами и наиболее известный противник Кортеса, именовался также Куаутемоцин.

В самом Теночтитлане указанных взаимоотношений между текухтли, с одной стороны, и управляемым им городом или деревней — с другой, не существовало. В Теночтитлане положению текухтли соответствовала должность палыгуллека — вождя одного из двадцати традиционных ацтекских родов — кальпулли. За последние сто лет существования Теночтитлана выборы кальпуллека превратились в чистую формальность, ибо на этот важный пост монополизировали члены привилегированных ацтекских семей. Кальпуллеком (а за городской чертой Теночтитлана — гекухтли) мог теперь стать только сын знатного.

Таким образом, знатность превращается у мешиков в наследственный институт. Отсюда другое ацтекское обозначение этой привилегированной группы — пилли, буквально — «сыновья». При этом имелись в виду сыновья именно знатных лиц. Позднее, однако, это название стало применяться к низшим группам привилегированных слоев. Впрочем, ацтекскому текухтли или пилли, если он не состоял на службе, вообще-то говоря, не было от его знатности никакого проку. Дело в том, что у ацтеков частной собственности в современном смысле слова не существовало. Знатному же государство предоставляло содержание. Разумеется, только в качестве жалованья за службу.

Кальпулли, как род, осуществляли связь со всем племенем через тла-тоани (ораторов), также происходивших из знати. Каждый род был представлен в ацтекском совете одним делегатом. (Высший совет собирался, как правило, один раз в месяц, то есть раз в двадцать дней.) Все два-зять ацтекских родов были разделены на четыре фратрии. В Теночтитлане каждая из этих фратрий заселяла один из четырех «кварталов» города.

Ацтекский совет — тлатокан — избирал «от имени всего народа» шесть высших представителей ацтекского государства. Среди них главную роль играло лицо, которое руководило внешней политикой (первоначально только Теночтитлана, а позднее и всей конфедерации) и которое одновременно являлось главнокомандующим ацтекских войск (для воинственного народа это было всего важнее). Соответственно этой главной своей обязанности властитель Теночтитлана и назывался тлакатекухтли. Это звание носил, например, Монтесума Второй, а также и все его ранее упомянутые предшественники. Должность тлакатекухтли наследовали представители привилегированных ацтекских семей. Именно с тлакатекухтли имели дело первые испанцы, поскольку это лицо руководило всеми сношениями с иностранцами, объявляло войну и заключало мир.

Ацтекский тлакатекухтли еще при жизни назначал себе преемника (чаще всего из числа своих ближайших родственников). Впрочем, формально до последних дней существования государства властитель мешиков (ацтеков) избирался. В этом отношении обычаи Теночтитлана резко отличались от традиций союзного ему Тескоко, где по закону новым властителем становился сын от первой жены. (Кроме главной жены, у правителя были сотни, а то и тысячи других жен. Например, у властителя Тескоко Несауальпилли, сына Несауалькойотля, было якобы более двух тысяч жен.)

Следующим по значению сановником после тлакатекухтли, этого «императора» по европейским понятиям, являлся сиуакоатль, буквально — «женщина-змея». Это был подлинный «вице-король» мешиков. Когда тлакатекухтли во главе войск конфедерации отправлялся в поход, сиуакоатль заменял его и был высшим авторитетом во всех внутренних вопросах, он стоял также во главе верховного суда, в состав которого входило еще тринадцать высокочтимых мужей.

В «государственном совете», помимо тлакатекухтли и сиуакоатля, заседали еще четыре высоких сановника.

На нижней ступени общественной лестницы стояли рядовые ацтеки — масеуальтин (простолюдины). Каждый масеуалли жил в одном из двадцати кальпулли Теночтитлана. Главным занятием мешиков было земледелие. Из общинной земли, называемой кальпоалли, род выделял каждому масеуалли участок, доходом с которого он со своей семьей кормился.

Основной культурой, которую возделывали мешики, была кукуруза. Из нее делали муку и пекли лепешки. Кукуруза, эта главная пища ацтеков, имела свою покровительницу — богиню Синтеотль. Ацтекские крестьяне возделывали также агаву, бобы, перец, а из покоренных областей получали какао, из бобов которого приготавливался напиток, который они называли шоколатль. (В самом деле, именно от ацтеков наряду со многими иными дарами человечество получило культуру возделывания деревьев какао, способ приготовления и даже само название шоколада.) От ацтеков же пришло к нам слово томат (томатль), ибо они первыми стали выращивать помидоры. Ацтеки курили, а стало быть, и выращивали табак. Крестьяне держали и некоторых домашних животных, дававших им мясо, главным образом собак и индеек.

Некоторые думают, что с алкогольными напитками познакомили индейцев белые. Это не совсем так. Из листьев агавы (ацтеки называли ее магей) они получали сок, который путем брожения превращали в крепкую водку, называвшуюся октли (теперь мексиканцы называют ее пульке). Из агавы ацтеки извлекали много пользы: из ее шипов они делали иглы и булавки, корни шли в пищу, а листьями агавы они покрывали крыши своих домов. Основным земледельческим орудием ацтеков было коа — некое подобие деревянной мотыги.

Наряду с земледельческим трудом другой главной обязанностью ма-сеуалли была служба в армии конфедерации. Воевали они охотно. И не только потому, что участие в сражении было для ацтеков самой увлекательной игрой, самой почетной обязанностью и лучшим способом прославить богов, но и потому, что только в армии простолюдин своим мужеством мог заслужить награду, которая давала ему доступ в привилегированные слои ацтекского общества.

Еще ниже на социальной лестнице, чем простолюдины, стояли группы людей, пользовавшихся личной свободой, но презираемых ацтекским обществом. К ним прежде всего принадлежали тлалмаитль (буквально — «рука, у которой нет земли»), то есть крестьяне, по каким-то еще не совсем нам ясным причинам лишенные права на земельный надел и вынужденные поэтому предлагать свои услуги более счастливым соплеменникам.

И наконец, ниже всех стояли настоящие рабы, по-ацтекски — тлатла-котин. На одной из иллюстраций к тексту Саахуна мы видим семью рабов, шею которых (включая и детей) сжимает деревянное ярмо!

В Теночтитлане существовало, собственно, два вида рабов. Сами ме-шики могли стать рабами или потому, что совершили какое-либо преступление, согласно ацтекским законам (например, кража ребенка и ограбление святыни карались именно таким образом), или даже потому, что были слишком бедны и сами продавали себя в рабство своим богатым соплеменникам. Рабы-ацтеки через какой-то промежуток времени могли выкупиться на волю. Хозяин отпускал раба на свободу после того, как тот в присутствии четырех надежных свидетелей давал клятву, что к определенному сроку возместит владельцу свою «стоимость».

Гораздо больше рабов приводили в Теночтитлан из своих победоносных походов ацтекские войска. Чаще всего пленников ожидала

смерть. Их сотнями приносили в жертву во время кровавых ритуалов. В более поздние времена мешики нередко вместо дани требовали от покоренных племен определенного числа рабов. А те, чтобы выполнить эту повинность, совершали набеги на соседей. Так, например, Сумпанго посылало в Теночтитлан пленных тлапанеков, Сиуатлан — куитлатеков и т. д.

К концу XV века мешики начинают понимать, какое значение для экономического развития Теночтитлана имеет подневольный труд. И хотя принесение рабов в жертву богам еще имеет место, но все больше становится рабов — бесправных труженников. Возникают даже два специальных рынка, один — в Тлателолько, другой — в Аскапоцалько (теперь уже принадлежавшем мешикам), где идет торговля оставленными в живых пленными-рабами.

До известной степени вне общей социальной лестницы и главное вне строго централизованной государственной субординации ацтекского общества оставалась еще одна привилегированная группа, значение которой в последнее столетие существования Теночтитлана все более возрастало.

Это были купцы, по-ацтекски — почтена. Они жили в особых кварталах Теночтитлана, заключали браки исключительно в своей среде, и только их дети могли быть купцами.

Ацтекские купцы имели собственного бога-покровителя — Йакатекухт-ли, которого изображали в виде странствующего купца. А поскольку купцы были богаты, они в месяц панкецалистли совершали в Аскапо-цалько торжественные обряды, посвященные Йакатекухтли, и при этом приносили ему в жертву десятки людей. У ацтекских купцов были даже собственные судьи, независимые от центральной власти. Свои привилегии купцы заслужили прежде всего тем, что доставляли ацтекским полководцам весьма ценные сведения о военном и экономическом положении стран, которые они посещали. Учитывался и их вклад в дело процветания Теночтитлана. Из областей, не покорившихся военной мощи ацтеков, купцы привозили много ценных товаров. Например, перья священной птицы кецаль из далекой Гватемалы. Торговые путешествия ацтекских купцов были весьма продолжительны — обычно более года. На семью купца в период его отсутствия налагались различные ограничения. Так, его жене и детям дозволялось мыться не более одного раза в 60 дней.

Свои товары купцы продавали на рынках отдельных ацтекских родов, а также на центральном рынке Теночтитлана. Были и специализированные рынки. В Чолуле, например, возник своего рода аукцион по продаже драгоценных камней, в Акольмане продавались собаки и т. д.

Главным торговым центром мешиков был второй по величине ацтекский город Тлателолько. Отсюда еще во времена правления вождя Куаух-тлата (1428—1467), когда оба ацтекских города существовали отдельно, стали отправляться в далекие путешествия первые караваны купцов, привозившие ацтекам многие, дотоле неизвестные им товары и продукты. Здесь же, в Тлателолько, впервые в истории индейской Америки купцы объединились в своеобразную гильдию, получив абсолютную монополию на внешнюю торговлю. Позднее это объединение играло в общественной жизни Тлателолько исключительно важную роль. Во главе его стояли два лица, именовавшихся почтекатлатохке (буквально — «господа торговли»). Им было пожаловано право прибавлять к своему имени частицу «цин».

Когда Тлателолько было вновь присоединено к Теночтитлану, аналогичные объединения, пользовавшиеся льготами и привилегиями, возникли и в этом городе. А ко времени прихода первых испанцев подобные купеческие объединения уже существовали в восьми городах Мексиканской долины.

Купцы приумножали богатство ацтекского государства. Однако главная роль в расширении могущества и славы Теночтитлана и всей конфедерации принадлежала армии тройственного союза, в которой уже с начала его существования ведущее положение занимали, разумеется, сами мешики. Теночтитлан постоянно содержал небольшие отряды воинов. Но по-настоящему грозная армия создавалась лишь во время войны. Тогда воинами становились все ацтекские мужчины, способные носить оружие. Даже священнослужители обязаны были участвовать в походах. Сподвижники Кортеса определяли общую численность ацтекской армии в 150 тысяч человек. Такого числа солдат не имела тогда ни одна европейская держава. Члены ацтекского кальпулли (рода) образовывали воинское соединение. Ацтекская армия, представлявшая собой основную военную силу тройственного союза, состояла, следовательно, из двадцати отрядов, каждый из которых имел собственный родовый знак и собственного военачальника. Кальпулли обеспечивал и снабжение своего отряда. Пять таких отрядов составляли более крупное формирование, своего рода «корпус». Этих формирований было четыре — по числу фратрий. Командовавшие воинскими частями начальники назывались тлакатеккатль (буквально — «тот, кто муштрует людей»). Для большинства из них война была единственным занятием, и они пользовались многими привилегиями. В соответствии со своим рангом ацтекские военачальники носили определенную форменную одежду, украшенную желтыми или зелеными перьями, а то и золотом. Верховный правитель ацтеков (например, Монтесума) надевал великолепный многоцветный плащ из птичьих перьев, унизанный нефритовыми подвесками. На спине этот плащ был украшен изображением бабочки с золотым туловищем и крыльями из перьев зеленых птиц. Золотая бабочка была символом ацтекского бога войны Ицнапалотля. Рядовые же воины ходили в простой хлопчатобумажной одежде. Особо отличившиеся в бою воины и военачальники незнатного происхождения получали доступ в привилегированные слои. Ацтекские «рыцари за заслуги», стараясь подчеркнуть свою отвагу, называли себя «орлами» или «ягуарами». Перед сражением они надевали кожу ягуара или украшали себя орлиными перьями. Свои привилегии они, по ацтекским верованиям, сохраняли и в загробном мире. «Рыцари за заслуги» могли даже сделаться высшими военачальниками. Однако верховных военных должностей

удостаивалась только «подлинная», наследственная знать.

Война (по-ацтекски — йаойотль) у мешиков считалась одним из видов служения богам. Два знака — вода плюс огонь, которыми обозначалось понятие «война» в ацтекских кодексах и которые в своем сочетании составляли выражение «атльтлачинолли», — уже сами по себе указывают на то, что в представлениях ацтеков война имела и какой-то второй, скрытый мистический смысл. Ведение «священной войны», естественно, подчинялось строгим правилам. Уже само объявление войны представляло собой сложную церемонию. Если тройственный союз решал подчинить себе какую-либо независимую страну или еще не покоренное племя, то к правителям этого города или страны одна за другой направлялись три делегации, которые должны были уговорить их добровольно присоединиться к конфедерации. Сначала к «заранее намеченному неприятелю» направлялось посольство Теночтитлана, возглавляемое специально назначенным для ведения переговоров послом — какахноцином. Какахноцин обращался к высшему совету соответствующего города с предложением добровольно присоединиться к тройственному союзу, обещая свою охрану и требуя разрешить его купцам доступ на свою территорию, поместить в своем главном храме изображение бога Уицилопочтли и без сопротивления принять обязательство регулярно присылать определенное количество предметов в качестве «добровольного дара». И тут же какахноцин вручал список требуемых «даров». Если город не выражал согласия, посол от имени конфедерации безвозмездно передавал ему щиты и копья («чтобы вы не могли сказать, будто мы напали на вас, когда вам нечем было защищаться»).

По прошествии месяца (то есть через 20 дней) город посещало новое посольство конфедерации, на этот раз руководимое ачуауцином — специальным посланником Тескоко — второго члена тройственного союза. Ачуацин повторял то же предложение. Если «неприятель» продолжал упорствовать, «война нервов» достигала кульминационной точки. Еще через 20 дней отправлялось новое посольство, возглавляемое самим властителем Тлакопана — третьего члена конфедерации. Если и на этот раз «неприятель» отказывался покориться конфедерации, объявлялась война.

Но и после этого военные операции начинались не сразу, а лишь в тот день, который жрецы-прорицатели находили особо благоприятным.

Наступление войск конфедерации всегда было тщательно подготовлено. Стратегические планы тройственного союза основывались на информации, полученной от купцов, и донесениях «разведывательной службы». Армия конфедерации использовала разветвленную сеть лазутчиков. В языке науатль они имели специальное название кимичтин, первичный смысл которого — «мыши». Кимичтин в одежде того или иного враждебного ацтекам племени проникали на его территорию и добывали необходимые сведения.

Во время войны ацтеки для ближнего боя чаще всего использовали деревянные копья с наконечниками из обсидиана. Берналь Диас, участник экспедиции Кортеса, десятки раз встречавшийся с ацтеками в бою, отмечает в своей хронике, что эти обсидиановые наконечники были опаснее железных наконечников испанцев. В бою ацтекский воин защищал себя деревянным щитом, обтянутым кожей. Военачальники же сверх того защищали голову деревянным шлемом. Для ведения боя на более дальнем расстоянии использовались луки и стрелы. Но ацтеки предпочитали встречаться со своим противником в рукопашном бою один на один. В этом случае каждый ацтек имел возможность не только показать свою личную воинскую доблесть, которая почиталась наивысшей добродетелью, но и взять своего противника в плен. Пленные и составляли ценнейшую военную добычу ацтеков. Приобретение пленных, которых можно было принести в жертву богам, являлось если не главной целью, то, во всяком случае, одной из главных целей военных походов ацтеков.

Эту столь жестокую, на наш взгляд, цель войны мы должны, однако, воспринимать в общем контексте ацтекского мышления, ацтекских религиозных представлений. Своей судьбе пленный не сопротивлялся и из плена никогда не убежал. Из кодексов и рассказов первых хронистов нам известен ряд случаев, когда пленный, по какой-либо причине не принесенный в жертву, сам домогался осуществления предначертанного ему удела. Так было с одним из тлашкаланских вождей Тлауиколе, прославившимся своими подвигами в боях с ацтеками. В конце концов мешики захватили его в плен, но, поскольку ацтеки почитали отвагу более всех иных человеческих качеств, они не убили Тлауиколе и даже доверили ему командование одним из отрядов собственных войск. Тлауиколе с успехом участвовал в победоносном походе против тарасков, но, вернувшись в Теночтитлан, потребовал, чтобы его наконец убили на жертвенном камне. И вскоре кровь его сердца окропила верующих в главном храме Теночтитлана. Если по какой-либо причине пленный не был умерщвлен, часто случалось, что он сам кончал самоубийством, чтобы хоть таким образом отдать богам свою кровь, эту самую высокую в их глазах жертву.

Совсем особым установлением, в силу которого пленных приводили к жертвенному камню даже в то время, когда ацтеки не воевали, была так называемая цветочная война. Это было нечто среднее между современными маневрами и рыцарскими турнирами средневековья. В этих военных играх соревновались между собой «команды» дружественных городов, например Теночтитлана и Тескоко, и «команда», побежденная в боевом состязании (кстати, цветочные войны продолжались нередко много лет), приносилась в жертву богам. Эти цветочные войны могут служить самым несомненным доказательством того, что война у ацтеков наряду со своим «обычным» политико-экономическим назначением преследовала еще и другую чрезвычайно важную цель — быть самым великолепным, самым массовым и, следовательно, самым кровавым богослужением.

«Обычная» война, согласно общепризнанным «правилам», прекращалась в тот момент, когда войска конфедерации овладевали

главным храмом неприятельской столицы. По представлениям ацтеков это означало, что их бог войны Уицилопочтли одержал победу над богами врагов, что «справедливость восторжествовала» и вражде можно положить конец.

Теперь уже побежденная сторона направляла свое посольство. По ритуалу, опять-таки строго соблюдавшемуся, побежденные извещали победителей, что они «признают свою вину» и просят конфедерацию и ее богов принять их территорию под свою охрану и контроль. За эту «охрану» побежденные выражали готовность направлять в Теночтитлан определенное количество «даров». С этого момента «священная война» ацтеков утрачивает свою «божественную святость», и рыцари-триумфаторы сразу превращаются в жестоких эксплуататоров. И только после того, как побежденные соглашались нести все навязанные им тройственным союзом повинности, наступал мир.

Мы уже говорили, что ацтекское общество было во всех отношениях обществом классовым. Но в то время, как, например, у соседних майя эксплуататорские устремления правящего класса были полностью обращены против собственного общества, против «низших» собственного племени, основной чертой ацтекского государства являлось то, что эксплуататорские устремления ацтекской верхушки были направлены не только против простолюдинов собственного племени, но преимущественно против других племен. Богатство ацтеков выросло главным образом в результате завоеваний. За исключением тлашкаланцев, по соседству с ними не осталось племен, народности, местности, которые не подпали бы под их военный контроль и не подверглись бы жестокой эксплуатации. При этом ацтеки присоединяли к своей «империи» новые земли не в качестве равноправных провинций, а лишь как колонии в полном смысле этого слова.

В научной литературе мы подчас читаем об «обширной империи» ацтеков. В действительности колонии не принимали никакого участия в государственной жизни ацтеков. Территория ацтекского государства, собственно, ограничивалась городом Теночтитланом и его ближайшими окрестностями. Все, что находилось вне этих пределов, ацтеки не считали своей территорией, своим государством, это были лишь покорившиеся им земли. Поэтому правильнее говорить не о великой «империи» ацтеков, а об огромной территории, над которой они господствовали.

На этой территории существовало 38 частично самостоятельных в вопросах внутреннего управления племен и государств (от более или менее крупных до совсем маленьких), которые мы с полным основанием можем назвать протекторатами. С согласия конфедерации в этих протекторатах правили местные вожди. В главных городах протекторатов находились, разумеется, и ацтекские наместники — петакалькатль, обязанные наблюдать за тем, чтобы местные властители и племенные вожди проводили политику, соответствующую интересам Теночтитлана, и, главное, чтобы протектораты исправно и в предписанные сроки (через каждые 20 или 80 дней или через каждые полгода) отправляли на склады и зернохранилища Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана предписанную дань.

Для сбора дани конфедерация создала обширный аппарат так называемых кальпишки — сборщиков податей, разъезжавших по всей зависимой от ацтеков территории. В главном городе каждого протектората находилась своего рода провинциальная податная управа, где, помимо налоговых сборщиков, состояли на службе десятки писарей, тщательно фиксировавших все податные повинности и их выполнение.

Общий объем дани, взимавшейся со всех 38 протекторатов конфедерации, был колоссален. Во второй части так называемого Кодекса Мендосы мы можем прочесть перечень податных повинностей ацтекских колоний за полгода (в испанских мерах того времени). Помимо многого другого, колонии должны были отправить городу-эксплуататору:

кукурузы — 140 000 фанег (1 фанега равна 55,5 литра)

бобов — 105 000 фанег

семян масличных культур (*salvia chia*) — 105 000 фанег

бобов какао — 1260 мешков

соли — 6000 голов

красного перца — 1600 мешков

водки из агавы — 2400 кугшинов

меда — 1700 кувшинов

мешковских «сигар» — 36 000 связок

древесины — 5400 поклаж

бревен — 5400 штук

досок — 10 800 штук

бамбуковых шестов — 18 000 вязанок

расписных тыкв (сосудов) — 27 600 штук

спальных циновок — 12 000 штук

известки — 19 200 поклаж

хлопка — 4800 тюков

птичьих перьев для украшений — 32 880 свертков

одежды для воинов — 600 комплектов

одежды для высших офицеров, украшенной ценнейшим пером, — 65 комплектов

бумаги из агавы — 48 000 пачек

копаловой смолы для религиозных обрядов — 3600 корзин мячей для обрядовых игр — 16 000 штук особо нежного пера, используемого для религиозных обрядов, — 20 мешков.

«Покорность» жителей этих 38 протекторатов обеспечивали гарнизоны армий тройственного союза, размещенные в стратегических пунктах.

Население провинций ацтекской «империи» знало, таким образом, лишь трех представителей конфедерации: наместника, оккупационную армию и особо ненавистных кальпишки. Уже Берналь Диас, первый хронист экспедиции Кортеса, вспоминает, как заносчиво и высокомерно обращались ацтекские сборщики податей с населением покоренных стран (Диас впервые увидел ацтекских сборщиков податей на побережье Мексики — на земле тотонаков, в городе Куауаистлане). И горе было тем, кому нечем было платить! Военные силы конфедерации умели карать ослушников.

Начало жестокого ига ацтеков — Теночтитлана и его менее значительных партнеров по конфедерации Тескоко и Тлакопана — связано с периодом правления тлакатекухтли Ицкоатля. Возглавляемые Ицкоатлем войска конфедерации постепенно овладели всем побережьем озера. Города, которые сопротивлялись ацтекскому владычеству (например, Шочимилько), были сметены с лица земли. И когда в 1440 году Ицкоатль умер, к его преемнику и племяннику Монтесуме Первому (годы правления 1440— 1468), прозванному Илуикамина (Небесный Лучник), перешла власть уже не только над конфедерацией, но и над всей Мексиканской долиной. Единственная соперница тройственного союза, еще оказывавшая ему сопротивление, — конфедерация, объединявшая 21 город в южной части Мексиканской долины и возглавлявшаяся городом Чалько, была уничтожена Небесным Лучником. Овладев Мексиканской долиной, Монтесума Первый замахнулся и на всю Мексику. Он совершил несколько походов, подчиняя ацтекскому владычеству одно за другим мексиканские племена. Целью его было открыть Теночтитлану прямой путь к морю. Он вел войны против Чолулы, Теуакана, Аулисапана (нынешняя Орисаба). И вот наконец войска ментиков подошли к Мексиканскому заливу и овладели его побережьем.

Но Мексика лежит между двумя океанами. Теперь ацтекские войска стремились выйти и к Тихоокеанскому побережью. Во время великого похода на юго-запад они решаются проникнуть на территорию сапотексов и миштеков. После ряда сражений ацтеки в большой битве у Уашйакака (нынешняя Оахака) наголову разбили соединенные отряды миштеков и сапотексов. Эта победа Монтесумы Первого открывает конфедерации выход к Тихому океану.

Ацтекские войска становятся, таким образом, подлинным бичом божьим для всех соседних земель. Внук Ицкоатля, новый властитель Те-ночитлана Ашайакатль (годы правления 1468— 1483) продолжал завоевания деда, продвигаясь главным образом в южном направлении, и дошел до Теуантепекского перешейка, соединив тем самым теночтитланских ацтеков с родственными им по языку жителями Соконуско. Ашайакатль вновь объединил также две ветви ацтекского племени — теночтитланских и тлателольских мешиков. В формально независимом от Теночтитлана Тлателолько правил теперь племянник Монтесумы Первого Мокиуиш, которого тот посадил на тлателольский трон вместо неугодного Теночтитлану Куаухтлата. Однако Мокиуиш захотел быть чем-то большим, нежели простой марионеткой Теночтитлана. И пока Ашайакатль был занят на далеком юге Мексики своими очередными военными предприятиями, Мокиуиш начал готовить вторжение в родственник Теночтитлан. Решив пренебречь общепринятыми правилами ведения войны, он задумал покончить с господством Теночтитлана над Мексикой, овладеть этим городом и сделаться властителем обеих ветвей ацтекского древа. Его планы встретили сочувствие в ряде зависимых от ацтеков городов-государств, особенно в Чалько, а также у единственного значительного индейского племени внутренней Мексики, которое еще сопротивлялось ацтекам, — у мужественных тлашкаланцев. Но этот обширный заговор был раскрыт, и Ашай-акатль со своими теночтитланскими ацтеками успел напасть первым. В начале 1473 года ацтекские войска вторглись в Тлателолько, и город пал, несмотря на мужественное сопротивление. Так было покончено с независимостью второго ацтекского города. Тлателолько был присоединен к Те-ночитлану.

Военные походы ацтеков (целью их теперь становится уже не захват новых земель, а в первую очередь наказание непокорных и усмирение восставших) продолжались и в годы правления последних ацтекских властителей — Тисока, брата Ашайакатля, царствовавшего всего три года (1483— 1486), другого брата Ашайакатля — Ауисотля (1486— 1502), и, наконец, прославленного ацтекского правителя Монтесумы Второго, прозванного Шокойоцин (Младший).

Подробные сведения об этом последнем периоде ацтекской истории мы находим в сочинениях первых хронистов. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что как раз перед приходом испанцев внутри конфедерации впервые назревают острые противоречия. Один из трех городов конфедерации, Тлакопан, уже полностью утратил свое значение, и власть его правителя Тотокиуацина была, по существу, чисто формальной. Делами всей конфедерации заправляли ацтеки — Теночтитлан. Пока в третьем городе-государстве тройственного союза — в Тескоко — правил Несуаль-ппли, все было в порядке. Однако Несуальпилл при жизни не назначил своим преемником (как это было ранее принято в Тескоко) ни одного из нескольких десятков своих сыновей. И вот в 1515 году, когда он умер, в Тескоко объявился ряд претендентов на трон. Многие из наиболее знатных представителей города-государства хотели, чтобы ими правил «принц» Пштилыпочитль, родственник и

тезка автора двух известных книг об истории индейской Мексики. Однако трон в Тескоко занял другой сын Несауальпилли — преданный ацтекам Какама, который к тому же приходился родным племянником Монтесуме Второму, правившему в ту пору в Теночтитлане.

Казалось, все вернулось в обычную колею. Но Иштлильпochtль и его приверженцы ожидали лишь удобного случая, чтобы изгнать Какаму — марионетку ацтеков. Пока еще сохранилось старое положение вещей: ацтеки не только правили конфедерацией, но и диктовали свою волю десяткам зависимых племен по всей Мексике. Однако всякое общество, могущество которого держится на принуждении, в конце концов ослабевает. Когда испанцы скрестили свои мечи с обсидиановыми мечами ацтеков, мешки уже не могли положиться на помощь подвластных им племен. И это сказалоcь на ходе и окончательном результате роковой схватки. *Inter arma silent musae!* Когда грохочут пушки, музы молчат. Так говорили древние римляне, которых мы во многих отношениях можем сравнивать с ацтеками. И все же мы вправе сказать, что у мешиков звенели не только мечи, но и песни, что музы занимали достойное место в ацтекском обществе. Нам уже известно, что некогда полудикие теночки на своей новой родине быстро впитали культурное наследие легендарных тольтеков, а в пору своих завоевательных походов усвоили цивилизацию многих других значительных индейских народов доколумбовой Мексики, особенно миштеков. Музы сопровождали каждого ацтека уже с отроческих лет. В Теночтитлане были своего рода «государственные школы», и притом двух типов. В школах первого типа, по-ацтекски — тельпучкалли, воспитывались сыновья рядовых членов общества. Здесь детей обучали истории (главный предмет), сельскохозяйственным работам и ремеслам, а также, что вполне естественно у столь воинственного народа, большое внимание уделялось «военной подготовке». В школах второго типа (их называли кальмекак) воспитывались мальчики из привилегированных семей, и прежде всего те, кому предстояло вступить на духовную стезю либо стать военачальниками и сановниками рода или племени. Здесь главными учебными дисциплинами были ацтекская религия, организация и история ацтекского государства, письмо, чтение, счет, астрономия, астрология, стихосложение и ораторское искусство.

Посещение школы, по крайней мере в самом Теночтитлане, было обя-зательным. В этом отношении теночки на много лет опередили своих европейских современников, которые в начале XVI века явились сюда для того, чтобы «приобщить их к цивилизации».

В школы обоих названных типов — кальмекак и тельпучкалли — мальчики принимались уже после переходного возраста, обычно в пятнадцать лет. Но характер воспитания был у них весьма различен. В кальмекаках, которые существовали при святилищах (отсюда их неточное название в части американистской литературы — монастырские школы), в самом деле господствовали монастырские порядки. Воспитатели, то есть священнослужители, требовали от своих учеников абсолютного послушания, достойного поведения и большого религиозного усердия. Поскольку каждый из учеников кальмекака по окончании школы мог стать священнослужителем, они в ночное время, жертвуя сном, служили богам, и прежде всего защитнику жрецов — богу Кецалькоатлю, в сан служителей которого они уже были посвящены. По ночам, удалившись в безлюдное место, они зажигали костер где-нибудь на вершине холма, дабы благовонным дымом воздать честь богам. При этом они приносили в жертву собственную кровь, раздирая себе кожу (главным образом мочки ушей) острыми шипами агавы.

Что же касается учеников тельпучкалли, то у них было мало шансов как-то выдвинуться в будущем. Это была школа для простонародья. Здесь не учили воспитанников ни воздержанию, ни благородным манерам. Учителями в тельпучкалли были воины. Но тут учили не только сражаться за империю, но и трудиться для ее блага. В программу входило обучение строительству общественно полезных сооружений — каналов, плотин, укреплений.

А поскольку «плебс» имеет право не только на хлеб, но и на развлечения, воспитанники этих школ после занятий отправлялись в свои «клубы», называвшиеся куикакалько (дома пения). Здесь они развлекались не только пением и танцами. Теночтитлан предоставлял в распоряжение своих будущих солдат женщин (ауаниме), обязанностью которых было развлекать молодых ацтеков и посвящать их в тайны любви.

Исключительно большое внимание уделяли ацтеки развитию науки. Ее основой была собственная ацтекская философия — одно из самых достопримечательных явлений индейской цивилизации. Философией занимались тламатини (мудрые), пользовавшиеся у ацтеков чрезвычайным уважением. О существовании универсальной ацтекской философской системы свидетельствуют десятки стихов, записанных в сборнике Саахуна. Изучению философских представлений ацтеков посвящено одно из самых значительных американистских исследований последних лет — работа мексиканца Мигеля Леона-Портильи «Философия науатль» («*La filosofía nahuatl*») (она вышла в русском переводе).

Поражают исследователей и достижения ацтекской медицины, которая во многом превосходила уровень европейской медицины того же времени. В Теночтитлане каждый год приносились в жертву тысячи людей, и ацтекские врачи знали гораздо лучше, чем их европейские собратья, анатомию человека и функции отдельных органов. Были в Теночтитлане и свои акушерки, помогавшие роженицам не только во время родов, но и в течение всей беременности и послеродового периода. Впрочем, услугами их могли пользоваться только наиболее богатые семьи.

Но совершенно исключительное место среди научных дисциплин, которыми занимались ацтеки доколумбовой эпохи, принадлежало астрономии. Исходя из чисто практических нужд земледелия, ацтеки на основе своих астрономических наблюдений

выработали весьма точную календарную систему. Ацтекский солнечный год — шуитль, как и наш, имел 365 дней, но делился он на 18 месяцев по 20 дней в каждом, а в конце года к ним прибавлялось еще 5 так называемых «несчастливых» дней. Начало ацтекского года соответствовало нашему 12 февраля, а конец — нашему 11 февраля. Каждый месяц их года имел свое название, даже для каждого дня ацтекского месяца было свое обозначение и название: 1-й день — аллигатор, 2-й — ветер, 3-й — дом, 4-й — ящерица, 5-й — змея, 6-й — смерть, 7-й — олень, 8-й — кролик, 9-й — вода, 10-й — собака, 11-й — обезьяна, 12-й — тростник, 13-й — трава, 14-й — оцелот, 15-й — орел, 16-й — гриф, 17-й — движение, 18-й — нож, 19-й — дождь, 20-й — цветок. При этом название каждого дня было связано с каким-нибудь божеством. Так, первый день месяца — сипактли (аллигатор) — был посвящен богу Тонакате-кухтли, второй — Кецалькоатлю, шестой — богу дождя Тлалоку и т. д. Каждый

Шухтекухтли, последний ночной час — часом бога Тлалока и т. д.

Но был у ацтеков и второй календарь — «священный календарь жрецов», носивший название тональгоуалли. Тут год состоял из 260 дней и разделялся на 13 месяцев по 20 дней. Происхождение и значение этого календаря мы сейчас объяснить уже не можем. После Солнца и Луны главное внимание ацтекских астрономов привлекало движение Венеры. Возможно даже, что в древнейшие времена у ацтеков было принято годовое счисление, соответствовавшее синодическому периоду обращения Венеры, то есть 584 дням.

Календарная система ацтеков получала завершение в так называемых циклах, каждый из которых продолжался четырежды по тринадцать лет, то есть 52 года. В конце такого цикла, как мы знаем из мексикской мифологии, ацтеки всегда ожидали огромной, разрушительной стихийной катастрофы. К этому «концу света» ацтеки готовились в последние пять «несчастливых» дней пятидесяти второго года цикла. Детей и беременных женщин в эти дни держали взаперти. Все огни гасились. А главное — полагалось разбить всю без исключения домашнюю посуду.

В ожидании конца «старого цикла» (последний раз он отмечался в 1507 году) жители Теночтитлана собирались на холме, получившем название Звездная гора. Конец цикла наступал, когда звезда Альдебаран (по другой версии — звезда из созвездия Плеяды) достигала зенита. Правитель торжественно возжигал тогда новый огонь, и по всей стране, по всей Мексике, происходило грандиозное празднество в честь Нового огня — празднество счастливого окончания старого календарного цикла и начала нового. Повсюду вновь зажигались огни, беременные женщины и дети могли выйти из домов, а ремесленники принимались за изготовление новой посуды.

Теперь коснемся коротко ацтекской литературы, а также вопроса о том, как и на чем писали мешики. Итак, писали они либо на выделанной оленьей коже, либо на ацтекской бумаге, изготовлявшейся из магея (агавы). Листы кодексов, изготовленных из такой бумаги, подклеивались друг к другу; таким способом мексикские писцы, которые заслуженно считались художниками, создавали некое подобие наших книжек-раскладушек. Ацтекское письмо было пиктографическое, то есть слагалось из отдельных знаков-рисунков, причем сочетание нескольких таких знаков могло обозначать слово или понятие, имевшее совсем иной смысл, чем те же знаки в отдельности. Пиктографическое письмо ацтеки заимствовали у миштеков. От них же они переняли и цифры. Единицу они изображали как палец, но иногда все числа от единицы до двадцати просто обозначались точками или черточками. Двадцать обозначалось флажком. Последнее число 2-го разряда (202) изображали в виде горящего дерева (что значило «так много, как волос на голове»). Наконец, чтобы обозначить 203, то есть 8 тысяч, ацтеки рисовали мешок (что означало «столь несметное множество, сколько бобов какао в мешке»).

Ацтеки создали поразительно богатую, необыкновенно зрелую литературу. Лучший ее знаток, мексиканский американист Анхел Мариа Гари-бай, называет целый ряд литературных жанров, известных мешикам: дидактические трактаты, драматические произведения, проза. Впрочем, все эти литературные жанры играли у ацтеков лишь второстепенную роль. Под литературой ацтеки, как и остальные говорившие и писавшие на науатль племена доколумбовой Мексики, подразумевали главным образом поэзию. Если мы заглянем в словарь науатль, то увидим, что слово «куикани» имеет два значения — поэт и певец. Из этого можно заключить, что ацтекская поэзия предназначалась в основном для публичного исполнения. Произведения поэтов-певцов, нашедшие в ацтекском обществе особенно широкий отклик, благодаря устной традиции передавались из поколения в поколение. В таких стихотворениях-песнях куикани нередко изображали самих себя...

Взгляните, это я, певец, стихи слагаю, блестящие, как драгоценные нефриты, как волны моря переливающиеся, я голосом своим владею, гармонией поющих флейт владею и звоном колокольчиков, звоном золотых колокольчиков. Я пою свою благоуханную песнь, разноцветным украшениям подобную, песнь, сверкающую самоцветами, нефритом переливающуюся, пою свой гимн цветущей весне.

Тут будет уместно напомнить, что необыкновенному развитию художественной словесности в древней Мексике способствовал в первую очередь общий язык мексикских племен — науатль, диалекты которого лишь незначительно отличаются друг от друга. Широким распространением единой литературной формы языка науатль и благородством своего классического языка ацтеки были обязаны женщине, для которой Теночтитлан даже не был родиной. Было это в пору, когда ацтеки владели далеко еще не всей Мексикой. В те времена могущественный и образованный властитель крупного города-государства Тескоко по имени Течотлала (1357—1409) женился на дочери правителя города Кулуакана и перенял от нее кулуа-канский диалект науатль.

Благодаря его влиянию этот язык занял затем господствующее положение и во всей Мексике. Особая заслуга принадлежит тут одному из самых значительных деятелей за всю историю индейской Америки — властителю Тескоко Несауалькойотлю (1418—1472).

Несауалькойотль являл собой образец правителя и человека. Он дал мудрые законы своему городу-государству, был философом, каких немного можно назвать в доколумбовой Мексике, и вместе с тем, пожалуй, крупнейшим из известных нам религиозных реформаторов древней Америки. Он украсил Тескоко и его окрестности великолепными постройками (мы и сегодня еще восхищаемся его банями в Тескоцинко). Но главное — он любил стихи. И один из четырех его «министров» специально ведал науками и искусствами.

Несауалькойотль держал при дворе профессиональных поэтов, но не для того, чтобы они воспевали величие и блеск его правления, а из любви к поэзии как таковой. Чтобы способствовать развитию поэзии, он даже учредил своего рода «государственные премии», которых удостоивались победители на общенародных поэтических состязаниях, ежегодно проводившихся в Тескоко по его повелению.

С Несауалькойотля начинается золотой век литературы на языке науатль. В поэзии постепенно формируются различные жанры. Появляются определенные типы стихотворений: стихи о цветах, воинские поэмы, весенние стихи (всегда исполненные философских раздумий) и, наконец, особый тип стиха — чалькоайотль, получивший свое название по имени города Чалько, где он имел широкое распространение. Но наиболее зна-чительным жанром считались у ацтеков стихи религиозные, а среди них самыми блестящими, поистине перлами мировой поэзии были религиозные гимны (теокуикатль), частично сохраненные для нас Саахуном. Их слагали и пели в честь важнейших богов ацтекского пантеона — Уицило-почтли, Кецалькоатля, Тлалока и других. Не меньше, чем поэзию и драму, любили мешики изобразительное искусство. Надо, впрочем, сказать, что еще в период появления в Мексике первых испанцев ацтеки прекрасно понимали, что их предки всего каких-нибудь восемь или десять поколений назад были весьма примитивны и нередко называли их чичимека ацтека («варвары из Астлана»). Как известно чичимеки в глазах ацтеков были олицетворением жестокости, необразованности, примитивности. Противоположный полюс представляли, с точки зрения ацтеков, тольтеки, и все то, что в Теночтитлане было связано с изобразительным искусством и художественными ремеслами, мешики называли тольтекским. Сами мастера художественных ремесел в ацтекском диалекте науатль обозначались словом тольтека, а всякого рода искусства назывались тольтекайотль (тольтекские вещи или тольтекские

ттртгп \

Наряду с влиянием тольтеков надо упомянуть и о воздействии на ацтекские ремесла южномексиканских миштеков, безусловно способствовавших развитию в Теночтитлане и других городах Мексиканской долины чеканки по золоту. Миштекские чеканщики жили главным образом в Аска-поцалько, который впоследствии стал самым известным в этом отношении городом на всей Месете. Из золота ацтеки делали великолепные украшения (замечательный образец ювелирного искусства ацтеков хранится в ленинградском Эрмитаже) и различные бытовые предметы. К сожалению, подавляющее большинство этих великолепных изделий до нас не дошло. Ведь конкистадоры ценили не красоту, а богатство и почти все добытые грабежом художественные реликвии переплавляли в золотые слитки. В испанских архивах был найден неполный перечень художественных предметов, присланных из Мексики испанскому королю Карлу V. В числе множества других вещей тут были золотое зеркало в форме солнца, зеркало из чистого золота, украшенное головой тигра, пять вычеканенных бабочек (три из них золотые, усыпанные драгоценными камнями), череп из чистого золота, золотая черепаха, две золотые флейты, какой-то золо-юй предмет, украшенный пятью сердцами, три золотых тигра и т. д. Но от всего этого великолепия осталась только скупая запись.

В 1520 году часть драгоценностей из сокровищницы Монтекумы, которые Кортес послал Карлу V, увидал в Брюсселе Альбрехт Дюрер, крупнейший из тогдашних европейских художников. Он записал: «Никогда в жизни я не видел ничего, порадовавшего бы мое сердце больше, чем эти предметы».

Весьма популярным художественным ремеслом у ацтеков было изготовление декоративных вышивок, аппликаций и диадем из играющих всеми цветами радуги перышек колибри и других птиц. Свою одежду ацтеки расписывали батиком и другими способами. Изготавливали они и замечательные гончарные изделия, хотя и не знали еще гончарного круга. Весьма искусно ацтеки обрабатывали камень, особенно самоцветы. Еще одной художественной профессией, имевшей, однако, уже религиозное значение, было украшение человеческих черепов мозаикой из самоцветов.

Своеобразное, но чрезвычайно важное место среди ацтекских искусств занимала архитектура. Из монументальных творений ацтекских зодчих уцелело немного: фундаменты храмов в городе Мехико, городские стены в Уешотле, круглый храм в Калиштлауаке и, наконец, недавно обнаруженный храм в Малиналько. Весь этот храм, имевший форму традиционной ацтекской пирамиды, был вытесан прямо в скале. Сооружение его, несомненно, потребовало огромной затраты физической силы рабочих, пользовавшихся исключительно каменными орудиями труда.

Гениальным сооружением ацтекских архитекторов и градостроителей была великолепная столица империи Теночтитлан, самый большой в то время город Америки, а вероятно, и всего тогдашнего мира. 8 ноября 1519 года, когда в этот прекрасный

город впервые вступил со своими солдатами Кортес, в Теночтитлане было около 650 тысяч жителей. Когда Кортес вступил в Теночтитлан, он был поражен фантастическим зрелищем. И видимо, поэтому конкистадоры постарались позднее, дабы их победа выглядела убедительней, не оставить от Теночтитлана и следа. К счастью, один из солдат Кортеса, Берналь Диас, описал все увиденное им. Благодаря его описанию, правильность которого подтвердили фундаментальные археологические раскопки, нам теперь известно, каким был этот самый большой город тогдашнего мира. Теночтитлан возвышался посреди соленого озера. Он был расположен на соединенных между собой островах, а некоторые его здания возвышались на сваях. С суши город был связан тремя дамбами по числу городских ворот. Одна вела в Тепейак, другая — в Тлакопан, третья — в прекрасный прибрежный город Чапультепек. Теночтитлан пересекали не только улицы, но и каналы, и это дало основание некоторым историкам сравнивать Теночтитлан с Венецией. Гордостью города, выражением могущества ацтеков и их властителей был дворец одного из предшественников Монтекумы Второго, Ашайакатля, и в еще большей мере дворец самого Монтекумы Второго. По воспоминаниям участников испанской экспедиции, которым Монтекума предложил расположиться во дворце Ашайакатля, нам известно, как выглядел этот дворец. Он состоял из нескольких десятков каменных одноэтажных зданий, так что все семь тысяч участников похода Кортеса свободно в нем разместились. Дворец Монтекумы был еще великолепнее. Его достопримечательностью был своего рода зоологический сад, в котором содержались многие тысячи разнообразных птиц самой пестрой раскраски и немало зверей. За одними только птицами Монтекумы ухаживало три сотни слуг; змеи, предмет особого поклонения ацтеков, содержались в деревянных клетках, выложенных яркими перьями редких птиц. Наряду с диковинными птицами и зверями во дворце Монтекумы «коллекционировались» и диковинные люди: карлики и вообще всякие уродцы. О положении подданных Монтекумы свидетельствует такой факт: многие родители сами уродовали своих детей, чтобы на всю жизнь обеспечить им пропитание в этом печальном «антропологическом» музее.

Монтекума жил воистину как бог ацтекских преданий. Даже феодальное великолепие мадридского королевского двора померкло в глазах испанцев, когда они увидели богатство и роскошь дворца могущественного Монтекумы. На другой день после своего прибытия в Теночтитлан Кортес и его соратники были приглашены к Монтекуме на пир, и поэтому мы знаем, как пировал Монтекума. Кушанья подавали на стол специально назначаемые представители ацтекской знати. А Монтекуме прислуживали самые красивые девушки, отобранные из всех племен, населявших его империю. Монтекума ел много мяса — лесную дичь, индеек, молодых собак. Ежедневно ему доставляли свежую рыбу из Мексиканского залива. Чоколатль (шоколад) он пил из золотого кубка. Трубка с табаком, которую он зыкуривал после обеда, тоже была украшена позолотой. Забавляли его пуги и артисты. По вечерам его дворец освещался факелами из благовонного смолистого дерева.

У Монтекумы было множество жен, но он уделял им не слишком много внимания. Несколько раз в день он переоблачался и при этом никогда не надевал одежду, ранее уже бывшую на нем. Религиозные обряды Монтекума совершал в золотом облачении. Известно также, что он часто купался, как все ацтеки, был чрезвычайно чистоплотен.

Спустя несколько дней Монтекума показал испанцам главный храм Теночтитлана — теокалли, посвященный национальному богу ацтеков, богу войны Уицилопочтли. Храм представлял собой пирамиду высотой примерно 30 метров, на вершине которой находились два святилища. В одном — южнo-восточном — огромная статуя Уицилопочтли, украшенная цепью из золотых и серебряных сердец. А на алтаре, прямо перед статуей бога, испанцы увидели три еще кровоточащих сердца. Жрецы только что вырвали их из груди принесенных в жертву людей. Кровью был обрызган весь храм. Второе святилище было, видимо, посвящено Тескатлипоке. В этой связи коснемся религиозных представлений ацтеков. Альфонсо Касо в своей книге «Религия ацтеков» («La religion de los Aztecas») подчеркивает: «Значение религии у ацтеков было столь велико, что можно сказать не преувеличивая: вся их жизнь была тесно связана с религией». Богов и совершаемых в их честь религиозных обрядов они имели несметное множество. В этом отношении воинственных ацтеков можно сравнить с древними римлянами. Захватив какой-нибудь город, подчинив себе чуждое племя, они вместе с добычей и рабами захватывали и местных богов, включали их в свой пантеон и начинали им поклоняться в Теночтитлане.

Согласно представлениям ацтеков, наивысшими божествами был бог-творец Ометекухтли и его божественная супруга. Это были «прародители» всех ацтекских богов, а через их посредство — и всего рода человеческого. Отсюда второе имя этого бога-творца — Тонакатекухтли (Владыка нашей плоти). Эта божественная чета жила где-то бесконечно далеко во Вселенной, на самом далеком, тринадцатом небе и, будучи отделена от людей пространством и временем, никак не вмешивалась в их судьбы. Поэтому ацтеки в своих молитвах обращались лишь к тем богам, которые возникли от брачного союза этих двух на редкость плодovitых высших существ. В пору, когда испанцы пришли в Мексику, из этих богов наиболее почитаемы были три. Во-первых, изначальный племенной бог теночков, кровавый бог войны и охоты, уже известный нам Уицилопочтли — главный бог Теночтитлана. Во-вторых, Кецалькоатль (Пернатый змей) — бог знания, бог ветров, владыка над жрецами, верный покровитель почти всех индейских культур Мексики. И наконец, третьим наиболее почитаемым богом ацтеков был в то время Тескатлипока (Курящееся зеркало). Если бы не вторжение конкистадоров, этот Тескатлипока, «враг Кецалькоатля», невидимый, всемогущий и в пору появления испанцев, безусловно, высший бог ацтекского пантеона, стал бы, несомненно, единственным богом будущей монотеистической ацтекской религии, к созданию которой уже явно шло дело. Свое имя божественный Тескатлипока получил от зеркала из обсидиана, которое он якобы всегда имел при себе и в котором, мог видеть все, что когда-

либо происходило в прошлом, происходит в настоящем или произойдет в будущем.

Наряду с этими тремя главными богами в большой чести у ацтеков были различные боги и богини урожая, плодородия, дождя, покровители отдельных растений и т. д. А среди них прежде всего бог Тлалок или, вернее, множество Тлалоков. Тлалок, бог дождя, почитался по всей Месете еще задолго до прихода мещиков, а каждая община имела, кроме того, своего собственного, «местного» Тлалока. Супругой главного Тлалока была богиня рек и озер Чальчиутликуэ. Ее изображали как молодую очаровательную женщину. Сестрой Тлалока была богиня урожая Чикомекоатль (Семь змей). Богиней цветов была Шочикецаль, которая считалась и покровительницей ремесленников. Но высшее место среди богинь занимала владычица кукурузы Синтеотль. Богиней агавы была Майауэль, а четыреста ее божественных сыновей покровительствовали водке — октли. Еще одним богом водки был Тепостекатль, он же — высший племенной бог в Тепостлане. Божеством — покровителем земледелия первоначально был, вероятно, и ацтекский бог человеческих жертвоприношений Шнпе Тотек.

Весьма интересны и религиозные обряды ацтеков. Важнейшей частью ацтекского ритуала было жертвоприношение, а наивысшей жертвой считалась человеческая кровь, ибо она по религиозным представлениям мещиков была «пищей богов». В ацтекских кодексах знак* «кровь» иногда заменялся знаком «драгоценный камень» или знаком «цветок». Ацтеки полагали своей святейшей обязанностью доставлять богам эту пищу — священную кровь, обладающую особой магической силой. Ее можно было жертвовать богам и по каплям, но несравненно более действенной жертвой считалось ритуальное убийство.

Предназначенного для этой цели клали на круглый жертвенный камень, после чего главный церемониймейстер обсидиановым ножом рассекал живой жертве грудь, вырывал сердце и этим кровоточащим, еще пульсирующим сердцем окроплял алтарь. Когда испанцы из экспедиции Кортеса вошли в главный храм Теночтитлана, они насчитали там, по их рассказам, 130 тысяч человеческих черепов. Все эти люди были принесены в жертву лишь за несколько лет, предшествовавших появлению испанцев.

Религиозный фанатизм был одним из главных мотивов ацтекских завоеваний. В бою ацтеки отнюдь не стремились убить врага. В их глазах неприятель, взятый в плен, имел значительно большую цену — его можно было принести в жертву богам.

Подчас и сами ацтеки добровольно приносили себя в жертву богам, забы обрести «блаженство в загробном мире». Люди, избранные священнослужителями для заклания, окружались большим почетом, особенно те из них, кто предназначался в жертву Тескатлипоке. Еще за год до жертвоприношения среди военнопленных выбирался самый красивый и высокородный, и в течение всего этого года восемь священнослужителей обучали его властным и величественным манерам правителя. Все окружавшие воздавали ему божественные почести. В сопровождении жрецов он прогуливался по Теночтитлану, играя на флейте, и люди почтительно его приветствовали. За месяц до жертвоприношения для него выбирали четы-~ех самых красивых девушек, которые были обязаны выполнять любое его желание. А затем наступал день смерти. В сопровождении торжественной процессии обреченный шел к храму. Здесь он прощался со своими генами, и восемь священнослужителей, которые заботились о нем весь год, медленно вели его вверх по широкой лестнице. На каждой ступени храма он переламывал священную флейту. И вот он уже наверху. Здесь жрецы хватили его, и первосвященник вырывал из его груди сердце... Но ноль торжественного убийства удаивались лишь наиболее родовитые военнопленные. Рядовых же пленников приносили в жертву сотнями во время менее торжественных местных обрядов.

Иногда при жертвоприношении применялся способ, который испанцы позднее называли «гладиаторским». Пленника привязывали к тяжелому камню, оставляя ему, однако, достаточный простор для движения. Жрецы завали ему деревянное оружие, и пленный должен был сражаться с несколькими лучше вооруженными ацтекскими воинами, чьи движения, естественно, ничем не были стеснены.

Детей и женщин приносили в жертву реже. Женщин — в честь богини земли (при этом перед закланием, чтобы забыть об ожидавшем их жестоком уделе, они танцевали в течение нескольких часов подряд, пока не впадали в состояние экстаза). Детей же приносили в жертву во славу бога плодородия Тлалока. Сохранились не вполне ясные свидетельства и о других жертвенных обрядах ацтеков. Так, в честь бога огня Уэуэтеотля связанных военнопленных якобы бросали в огонь и медленно сжигали.

Почести своим богам ацтеки воздавали также песнопением, танцами и обрядовыми религиозными драмами.

Ацтеки верили, что после смерти человека его душа отправляется в солнечное царство Тлалокан, но такой участи удаивались лишь души павших в бою и убитых молнией, а также, разумеется, тех, кто добровольно вызвался принести себя в жертву. Души остальных переселялись в так называемый Миктлан.

Ацтекские жрецы — тламакаски — получали еще прозвание по имени того бога, которому они служили. Например, жрец Тлалока именовался Кецалькоатль-Тлалок-тламакаски. Имя Кецалькоатля присовокуплялось потому, что этот бог считался покровителем жрецов. Как мы видим, религиозные представления ацтеков были весьма сложны, а ритуал — исключительно жесток.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Первой из двух основных областей возникновения, а позднее и небывалого расцвета высокой индейской культуры была в доколумбовы времена Месоамерика, другой — западная часть Южной Америки, и в особенности район Центральных Анд. С первой из этих двух областей мы уже ознакомились. Теперь уделим немного внимания второй — андской. Мы уже знаем, что ацтеки уничтожили в доколумбовой Америке не только все независимые до той поры индейские государства, созданные представителями иных мексиканских культур, но и «ацтекизировали» все географические названия в Мексике. Более того, они предприняли попытку переименовать, согласно своим представлениям, всю предшествовавшую их завоеваниям историю Мексики. Все то, что напоминало о славе и могуществе доацтекских культур, подлежало уничтожению и забвению. Мы знаем также, что в XV столетии сами ацтеки уничтожили с этой целью немало собственных кодексов.

Подобное же положение сложилось и в Андах. Здесь европейцы застали крупнейшее, могущественнейшее из всех существовавших в Америке индейских государств — знаменитую империю инков. Точно так же, как и ацтеки, инки пытались вычеркнуть из памяти населения своей империи (письменности, а стало быть, и книг тут еще не существовало) все воспоминания о доинкском прошлом Центральных Анд. Пунктуальные и настойчивые, инки, создавая «инкскую» историю андской области, достигли еще больших успехов, чем теньки в «ацтекизации» Мексики и ее истории.

Один из виднейших американистов, занимающихся андской историей, Филип Эйнсворт Минз, отметил в свое время, что «вся эта территория носит неизгладимый отпечаток инкского колорита». Присутствующий в Центральных Андах буквально повсюду, «инкский колорит» склонял многих ученых к скептическому убеждению, что доинкская история андской области, характер и уровень развития предшествовавших культур уже никогда не будут познаны. К счастью, мнение этих агностиков оказалось неверным, и ныне благодаря долголетней исследовательской работе ряда археологов-американистов (Анжель, Кауфман) мы можем, пусть частично, решить это «уравнение со многими неизвестными» и получить хотя бы общее представление об основных особенностях и временной последовательности еще недавно совсем неизвестных доинкских культур западной части Южной Америки. Но прежде чем мы с вами заглянем в головокружительные глубины доинкского южноамериканского прошлого, ознакомимся вкратце с географическими особенностями андской области. Большую часть ее территории занимают сами Анды, или Кордильера-де-лос-Андес. Они протянулись с севера на юг почти на семь тысяч километров, а в ширину занимают от 150 до 900 километров. Состоят они из двух (а в Колумбии — из трех) хребтов, которые сходятся в Перу, а затем в Боливии вновь расходятся, образуя обширную территорию боливийского плоскогорья Альтиплано. На нынешней чилийско-аргентинской границе Анды снова сходятся и тянутся до самой Огненной Земли.

Из андской области можно выделить самостоятельное географическое целое — Центральные Анды. По существу, они включают в себя всю территорию нынешних южноамериканских республик Перу и Боливии, за исключением их восточных тропических районов, а также южную часть Эквадора, север Чили и северо-запад Аргентины.

Поскольку ядром данной территории является Перу (в колониальную эпоху к Перу относили и нынешнюю Боливию), то некоторые авторы объединяют все эти земли под названием «Перу».

Само Перу с географической точки зрения распадается на три резко различающиеся области: прибрежную зону, горное Перу и, наконец, восточные склоны Анд с прилегающими к ним плоскогорьями и низинами, чаще всего обозначаемые общим названием Монтанья.

В нынешней Боливии (некогда она называлась Высокое Перу) мы различаем две подобласти: боливийское Альтиплано — горную равнину, простирающуюся между двумя гребнями Анд, и территорию Восточных Анд.

Побережье Перу — пояс шириной от 20 до 150 километров — в настоящее время относится к самым пустынным уголкам земного шара. Однако в нескольких местах безжизненную пустыню пересекают реки, в долинах которых и возникали основные

культуры доинкской эпохи.

Правда, область распространения абсолютного большинства «прибрежных культур» ограничивалась долиной какой-либо одной реки, в лучшем случае захватывая и соседнюю долину. Таких рек и речек, образующих оазисы в прибрежной пустыне, свыше тридцати. Наибольшее значение для американистов имеют реки: Пиура, Ламбайеке, Пакасмайо, Чикама, Моче, Виру, Санта, Непенья и Касма, текущие через область, называемую в американистской литературе северным побережьем. В центральной части перуанского побережья мы находим реки и одноименные поселения: Гуармей, Парамонга, Супе, Чанкай, Анкон, Римак и Пачакамак. И наконец, на южном побережье — оазисы Каньете, Чинча, Писко, Паракас, Ика з Наска. Названия абсолютного большинства доинкских культур Центральных Анд, возникших на побережье, произведены от имен «породив-шпх» их животворных рек.

Дальше от моря, в так называемом «горном Перу», мы находим между отдельными отрогами «бассейны», где обитало и обитает поныне большинство индейского населения Центральных Анд.

Следуя с севера на юг, мы прежде всего встретим кахамаркский бассейн, затем бассейн рек Кальехон-де-Уайлас и Санта, далее бассейн Куско л. наконец, южноперуанский бассейн, продолжением которого — уже в Бо-тпви — является самое обширное из андских горных плоскогорий — так называемое боливийское Альтиплано, лежащее южнее крупнейшего южноамериканского озера Титикака (8300 км²) и находящееся на высоте примерно 4 тысячи метров над уровнем моря. Озеро Титикака соединяется рекой Десагуадеро с другим большим боливийским озером — Попо.

О появлении в Центральных Андах первых людей мы имеем весьма отрывочные сведения. Они пришли сюда и вообще в Южную Америку примерно 12 тысяч лет назад. Пришли единственно возможным путем — через Панамский перешеек, следуя по течению колумбийских рек Кауки Магдалены, вдоль побережья Эквадора, а оттуда уже вступили в область Центральных Анд.

Пока что американистика весьма скудно осведомлена о первых обитателях этих земель.. Мы знаем только, что это были охотники, по уровню своей культуры близкие к жившему в ту же пору фол-с омскому человеку Северной Америки. Основными объектами охоты и здесь была тогдашняя плейстоценовая фауна, особенно вымершие позднее лошади, верблюды и крупные олени. На северном побережье Перу, в Пампе-де-лос-Фосилес и прежде всего в долинах Чикама и Пакасмайо исследователи Джуниус Бэрд и Рафаэль Ларко Ойле нашли несколько древних «мастерских», где первые обитатели Центральных Анд делали свои каменные орудия. К позднему времени относится найденное Дунканом Стронгом оружие из обсидиана, которое изготовлялось на берегу залива Сан-Николас (в долине Наска).

Антропологический тип тогдашнего человека помогla определить так называемая пунинская находка. Череп и несколько костей человека, обнаруженные в эквадорском Пунине, относятся как раз к этому периоду. Извержение вулкана вместе с людьми похоронило и представителей анд-ского животного мира, в том числе гигантского южноамериканского мастодонта.

По своему типу пунинский череп соответствует нескольким черепам, найденным в первой половине прошлого столетия датским археологом Лундом в ряде пещер близ бразильского озера Лагоа-Санта. Поскольку это была первая из подобного рода находок в Южной Америке, «человек из Лагоа-Санта» вызвал множество догадок. При этом в прошлом веке был весьма завышен возраст найденных скелетов.

Однако наиболее точные сведения о древнейших обитателях Южной Америки были получены с самого дальнего юга этого континента — из Патагонии и южного Чили. Чилийская пещера Пальи-Аике, обнаруженная Джуниусом Бэрдом, — древнейшее из всех известных науке мест поселения человека в Южной Америке. Человек здесь жил уже десять тысяч лет тому назад'.

Дальнейшие исследования Бэрда (изучение «кухонных куч» — груд раковин и отбросов, которое он вел на чилийско-перуанской границе в окрестностях нынешних северочилийских городов Арика, Писагуа и Таль-таль) доказали, что и в Центральных Андах — правда, лишь на побережье — люди поселились так же, как и в Чили, задолго до зарождения земледелия и, еще не имея сельскохозяйственных продуктов, добывали пропитание преимущественно морским рыболовством.

Впоследствии на этой же территории, в богатых растительностью речных оазисах прибрежной пустыни, впервые в Южной Америке зарождается земледелие.

До настоящего времени ученые нашли на перуанском побережье пять небольших поселений — Пуэмане, Мплаго, Герро-Прието, Асперо и Уака-Приета, — в которых еще почти пять тысяч лет назад жили древнейшие южноамериканские земледельцы.

Разумеется, здесь даны уже современные названия поселений. По названию последнего из них эту чрезвычайно примитивную культуру, не знавшую еще гончарного ремесла, называют культурой Уака-Приеты. Ее носители выращивали тыкву, красный перец, особый вид фруктов, называемый «лукума», а также хлопок. Однако ни кукурузы, ни картофеля, этого важнейшего «открытия» андских земледельцев, они еще не знали. Свою пищу обитатели Уака-Приеты пополняли тем, что давало им море, — главным образом моллюсками. Жили они в хижинах — землянках, состоявших из одного, максимум двух помещений. Свои орудия труда эти первые южноамериканские земледельцы изготовляли почти исключительно из камня.

Зато они уже умели выделывать хлопчатобумажные ткани. А вскоре начали даже украшать их узорами, чаще всего образованными из стилизованных человеческих фигур. Этих древних носителей культуры Уака-Приеты американисты вплоть до 60-х годов нашего века считали первыми земледельцами Южной Америки. Но затем наступила пора великих археологических открытий в Перу. Одно из наиболее значительных — открытие французского американиста Фредерика Анжела, обнаружившего

на пустынном песчаном побережье южного Перу, в области, носящей название Пампа-де-Санто-Доминго, скелет человека, который, судя по показаниям радиоактивного углерода C^{14} , жил 8830 (± 190) лет назад! И этот человек из Сан-Доминго уже девять тысяч лет назад выращивал тыквы! Рядом со скелетом в сухой песчаной могиле были найдены остатки рыболовной сети (самой древней из известных нам на сей день) и еще простенькая маленькая флейта (опять же старейший из сохранившихся индейских музыкальных инструментов). Более поздние открытия Анжеля еще раз подтвердили, что и в Андах земледелие зародилось в шестом или седьмом тысячелетии до н. э., то есть в ту же пору, что и в Месоамерике.

Чрезвычайно важно и следующее открытие Анжеля. По соседству с Серро-Палома, южнее Лимы, он обнаружил в 1966 году древнейшее «произведение индейской архитектуры» — остатки четырехугольного каменного строения. Это строение в Серро-Палома, возраст которого (точнее — возраст органических «остатков», найденных в нем) был определен как 6300 лет, принадлежит, таким образом, к той эпохе, от которой, за исключением памятников Ближнего Востока, во всем мире не сохранилось ни единой настоящей постройки! А совсем недавно в Перу — в бассейне реки Мито — открыто и древнейшее индейское культовое сооружение. Мы называем его Храмом скрещенных рук. Неподалеку от реки Мито, в местности, именуемой Котош, развалины этого храма нашли представители нации, чьи ученые лишь начинают заниматься американистикой, — японцы. Можно считать доказанным, что Храм скрещенных рук был воздвигнут 4200 лет тому назад, в конце третьего тысячелетия до н. э. Построен он из необработанных камней. Святилище стоит на ступенчатой платформе высотой восемь метров. Внутренние стены четырехугольной постройки имеют по две-три ниши. В одной из них сохранилась фигура со скрещенными руками, от которой и произошло название этого древнейшего американского святилища. Сюда вход в Храм скрещенных рук открывают ворота более чем двухметровой высоты. Главный «алтарь», по всей вероятности, находился в северной стене, в самой большой нише.

Интересно, что около 1800 года до н. э., еще до рождения керамики, первоначальный котошский храм был «погребен» — окружен новыми стенами и на его крыше построен новый храм, от которого, как ни странно, сохранилось несравнимо меньше, чем от его предшественника. Строительство котошского храма, бесспорно, подразумевало существование уже не примитивного общества, а такого, которое способно организовать какие-то „общественные работы».

Ко второму тысячелетию до нашей эры относятся и два других, чуть более поздних произведения монументальной южноамериканской индейской архитектуры: храм в Чукитанте с отчетливо выраженным архитектурным членением и святилище в Лас-Альдас. Однако с памятниками древнейшей истинно высокой культуры Южной Америки мы впервые встречаемся несколькими столетиями позднее в местности, носящей название Чавин-де-Уантар, лежащей в гористой части континентальных районов северного Перу на реке Мосна. Вот почему эту культуру мы называем чавинской.

Надо полагать, что Чавин-де-Уантар не был городом в современном понимании, хотя его и принято называть столицей этого «теократического государства». Скорее всего, это был лишь главный центр уже вполне развитого культа, — центр, в котором постоянно жили только высшие священнослужители. Осью всех религиозных представлений чавинян было поклонение некоему божеству, похожему на животное из семейства кошачьих. Его весьма стилизованные изображения сохранились до нашего времени на десятках сосудов и стел. Стилизация мешает американистам определить точно, какое это животное, пума или ягуар, но преобладает мнение, что и здесь перед нами изображение ягуара. Наряду с бесчисленными портретами своего главного божества чавиняне оставили нам в наследство и сам свой религиозный центр, первый из таких древнейших «городов» Южной Америки. Над чавинским ансамблем, состоящим из террас, «ритуальных площадок» на холмах и каменных построек, возвышается великолепный четырехэтажный храм, который нынешние перуанцы называют Эль-Кастильо (площадь его основания 72 X 75 метров, высота 13 метров). Внутри этого здания, имеющего форму трехступенчатой пирамиды, находится ряд молелен, совершенная система вентиляционных шахт и сверх того — двадцать четыре подземных коридора. Они никуда не ведут, и назначение их совершенно непонятно. Внутри храма и на территории всего этого религиозного центра сохранились древнейшие стелы Южной Америки. Самую известную из них открыл в середине прошлого века археолог Раймонди. Фриз на стеле Раймонди, вероятно, изображает «человека-ягуара». К периоду расцвета чавинской культуры, очевидно, относится и странная каменная галерея в Серро-Сечине — ряд камней, украшенных фризами, человеческими фигурами, весьма похожими на знаменитых «танцоров» из мексиканского Монте-Альбана. А совсем недавно был открыт и первый настоящий город носителей чавинской культуры — поселение в долине реки Непенья, в местности, именуемой ныне Серро-Бланко. Стены здешних домов украшены росписью, выполненной в характерном чавинском стиле.

Однако вернемся ненадолго еще раз в Чавин, религиозный центр, давший имя этой высокой культуре Южной Америки, культуре, которая вступила на мировую арену так неожиданно и притом уже вполне «сформировавшейся» и зрелой. Кто и как строил этот «город»? Очевидно, строительный материал для возведения святилищ Чавина приносили паломники, приходившие сюда в пору главных религиозных празднеств. Затем наиболее сложные работы выполняли квалифицированные мастера-каменщики, которые вместе с руководителями строительства — зодчими и, разумеется, жрецами, на попечении которых были храмы Чавина, вероятно, жили здесь круглый год. Экономически эта первая высокая индейская культура Южной Америки опирается на длительную революцию в земледелии: примерно с IX века до н. э. чавиняне начали выращивать кукурузу. Вместе с кукурузой появляется и ряд других культурных растений. (Все американские индейцы умели выращивать около ста видов культурных

растений, перуанские — примерно треть из них.)

В тот же период была приручена собака. Вслед за ней — лама, животное, имевшее важнейшее значение в жизни индейцев в доколумбов период. Лама — близкая родственница африканского и азиатского верблюда — значительно мельче своих сородичей из Старого Света. Однако в Америке она выполняла те же функции, что и верблюд: носила грузы, давала своему хозяину мясо для пищи и шерсть для одежды, а ее помет ценился в холодном климате Анд как хорошее топливо. Интересно заметить, что лама, прирученная чавинянами, была еще пятипалая, а не парнокопытная, как современная лама. Уход за ламами уже с чавинских времен стал одной из главных забот любой индейской деревни в Андах. В государстве инков нерадивого пастуха, виновного в гибели хотя бы нескольких лам, могли насмерть забить камнями.

Вернемся, однако, к чавинянам. Археологические раскопки рассказали нам, что свои орудия труда они все еще делали из камня или кости. Из металлов чавиняне знали лишь один — золото. Однако золото использовалось ими только для изготовления предметов роскоши — главным образом для серег, неизменно украшаемых изображением божества, похожего на хищника из семейства кошачьих. Чавинская «революция» дала Перу и керамику. Предшественники чавинской культуры, как мы могли убедиться на примере Уака-Приеты, еще не были знакомы с гончарным делом.

Пытаясь объяснить столь, казалось бы, неожиданное возникновение чавинской культуры, вызвавшей коренной переворот в жизни индейцев области Анд, некоторые из американистов высказали предположение, что истоки этой культуры следует искать в других областях Америки, и прежде всего в Мексике. Дело в том, что в Тлатилько, неподалеку от Мехико, была найдена керамика, весьма напоминавшая керамику чавинян и примерно того же возраста. Образцы керамики, похожей на чавинскую и на ту, что обнаружили в Тлатилько, стали находить и на «трассе» Тлатилько — Чавин (например, на реке Бабахойо в Эквадоре, в гондурасской долине Улуа и т. д.). И тут возникло следующее соображение: божество, напоминающее хищника из семейства кошачьих, которое с упорным пристрастием изображали чавиняне, весьма похоже на ягуара, а между тем известно, что ягуары никогда не обитали в Андах. И тогда ученые вспомнили про уже известных нам таинственных ольмеков — людей-ягуаров, культурное влияние которых в Месоамерике было огромно. Ведь именно у ольмеков господствовал и был чрезвычайно развит культ ягуара, изображение которого мы находим в чавинской культуре. К тому же как раз к этой эпохе относятся обнаруженные в Перу уплощенные черепа. Между тем как именно у индейцев Месоамерики еще задолго до этого вошло в обычай искусственно деформировать череп. Все это давало основание предположить, что впервые высокую культуру в Центральные Анды принесли протоольмеки, люди из Тлатилько или еще какая-либо месоамери-канская народность. В пользу такого вывода говорит и еще одно обстоятельство: одновременно с появлением чавинской культуры получила распространение в Перу до той поры неизвестная здесь кукуруза, между тем как в Месоамерике ее выращивали уже за две тысячи лет до этого. Но существуют и совсем другие мнения. Некоторые из перуанских ученых считают, что какая-то часть чавинян ушла на север — к Мексиканскому заливу, где и стала известна под новым именем ольмеков. Другие ученые, например крупнейший перуанский археолог индейского происхождения Хулио Сесар Тельо, полагают, будто культура чавинян родилась за Андами — в Амазонии; эту версию подкрепляет и упомянутый культ ягуара. Впрочем, все это лишь догадки, хоть и не лишённые интереса. И пока новые археологические открытия не помогут объяснить загадку чавинской «революции», имеется достаточно оснований считать, что у нее были местные корни. Наконец, напомним, что чавинская культура получила распространение на весьма обширной территории побережья и внутриматериковых районов (особенно на севере Перу), и поэтому мы по праву можем назвать ее первой универсальной культурой андской области.

Великолепные традиции распространенной почти по всем Андам чавинской культуры воспринимают и развивают в дальнейшем более молодые андские культуры (преимущественно прибрежных областей). Но от чавинской культуры они отличаются тем, что сфера их распространения ограничена. Нередко воздействие их простиралось всего лишь на две-три соседние долины. Установить точно период существования этих культур весьма затруднительно. К тому же в Южной Америке еще не закончена полностью датировка с применением радиоактивного углерода C^{14} . Из местных культур, пришедших на смену чавинской культуре, заслуживают внимания прежде всего те, чьи следы мы встречаем на южном побережье Перу. Наиболее значительна так называемая культура паракас, развившаяся непосредственно из чавинской. Лучшее доказательство этого — тот факт, что на многих сосудах, относящихся к древнейшему периоду пара-касской культуры, мы находим уже знакомый нам орнаментальный мотив — похожего на кошку хищника, столь почитавшегося чавинянами.

Недружелюбная к человеку природа засушливого перуанского побережья сохранила для будущих поколений богатые клады паракасской культуры. На полуострове Паракас были обнаружены два чрезвычайно богатых места погребения, относящиеся ко временам расцвета этой культуры. Одно из них, получившее название Паракасских пещер, представляет собой систему подземных келий, вытесанных в прибрежной скале на глубине примерно восьми метров. В этих кельях ровными рядами лежат мумии древних жителей полуострова, завернутые в прекрасно сохранившуюся материю. В каждой келье было найдено по несколько десятков таких мумий (в одной даже пятьдесят пять).

Украшения и другие предметы, обнаруженные в Паракасских пещерах, свидетельствуют о том, что обработка металлов была единственным развитым видом местного ремесленного производства. Наряду с чистым золотом паракасские золотых дел мастера применяли и сплав золота с медью. Однако найденная там же керамика довольно примитивна. Эти люди все еще

пользовались орудиями труда, изготовленными из камня или Z3 кости (например, костяными ножами).

Но помимо предметов, которые мы находим в захоронениях паракасской культуры, заслуживают внимания и сами мумии. У абсолютного большинства их черепа не только деформированы, но и подвергнуты трепанации. Сначала американисты предполагали, что эти черепа проломлены в битве. Ведь в древнем Перу одним из наиболее распространенных видов оружия была так называемая макана, напоминающая булаву. Из шарообразного утолщения на конце ее (первоначально каменного, а позднее бронзового) выступало несколько острых шипов. И действительно, пшши обнаруженных здесь же макан в нескольких случаях весьма точно соответствовали проломам на черепах паракасских мумий.

Но сегодня ученые более склонны думать, что «трепанированные» черепа — результат какого-то особого культа паракасских индейцев. Черепа эти показывают вместе с тем, какое развитие еще в доинкский период получила в Центральных Андах медицина. Паракасские врачи (или, может быть, жрецы?) умели, например, извлечь из открытого черепа обломки костей, давящие на мозг и вызывающие паралич. Для такого медицинского вмешательства они, естественно, должны были иметь соответствующие хирургические инструменты. Такого рода инструменты — пинцеты, обсидиановые ножи, иглы, скальпели, даже турникеты для зажимания кровеносных сосудов — и были найдены (притом не только в Паракасе).

Отверстия в черепной кости, пробитые во время религиозных обрядов или в бою, индейские хирурги закрывали золотыми пластинками. Но свои хирургические инструменты они изготавливали из камня и кости. Инструменты эти настолько совершенны, что была даже предпринята попытка испробовать их в работе. Два перуанских врача провели с безупречными результатами несколько хирургических операций, используя инструменты и приемы, применявшиеся хирургами из Паракаса. К несколько более поздней эпохе относится другое известное место погребений этой культуры, получившее название Некрополь. Оно также было открыто на Паракасском полуострове. В 1925 году уже упоминавшийся нами американист из перуанских индейцев Хулио Тельо в результате длительных раскопок открыл небольшой подземный городок. В гробницах, сделанных из камня и необожженных кирпичей, он нашел 429 мумий, подобных тем, что были обнаружены в Паракасских пещерах. На многих из них были золотые подвески, а у некоторых золотые украшения были вставлены в уши, ноздри, рот. В могилы умерших родственники клали также каменные топоры, красивые гончарные изделия и большой запас всякой снеди. Но гордостью паракасских могил являются ткани, в которые одеты и завернуты покойники. Эти ткани расписаны великолепным многоцветным орнаментом — стилизованными изображениями птиц, зверей и диковинных страшилищ. Паракасские красильщики умели изготавливать замечательные по яркости краски, особенно синюю, зеленую, желтую и коричневую. И вообще паракасские ткани из Некрополя, по мнению специалистов, можно признать наиболее искусными текстильными изделиями древности.

С паракасской культурой тесно связана другая важная локальная культура — наска (100—500 годы н. э.), следы которой мы встречаем в долине того же названия, а также в долине Ика в южном Перу. Но если паракасскую культуру мы лучше всего знаем до ее замечательным тканям, то наска оставила нам превосходные гончарные изделия. Без помощи гончарного круга здесь создавались совершенные по форме, покрытые глазурью сосуды. Основной цвет керамики наска — ярко-красный, но наряду с красным гончары культуры наска использовали еще десять цветов.

Носители культуры наска не оставили после себя ни роскошных дворцов, ни святилищ, ни пирамид. Эти индейцы явно были прежде всего хорошими земледельцами, хорошими ремесленниками и не проявили особых способностей в качестве градостроителей или создателей государств. Однако именно с этой культурой связаны два удивительных открытия, которые еще не получили исчерпывающего объяснения. Первое из них — загадочная постройка, которой современные перуанцы дали название Ла-Эстакерия. В среднем течении реки Наска совершенно правильными рядами стоят десятки и сотни стволов альгарробы (сладкого стручечника). Центром удивительного памятника является четырехугольник, образуемый 12 рядами стволов по 20 «колонн» в каждом. В абсолютно сухой местности, где за целый день не подует ветерок, сооружение из стволов сладкого стручечника сохранилось в точно таком же виде, каким оно было создано более тысячи лет назад носителями культуры наска. Между собой археологи обычно называют этот удивительный памятник Деревянным Стоунхенджем. Настоящий, английский Стоунхендж был, безусловно, связан по своему назначению с календарем. Однако назначения индейской Эстакерии ученые еще до конца не выяснили.

Неподалеку от морского берега, в области Наска, в долине Пампа-де-Пальпа, имеющей 70 километров в длину и 2 в ширину, в послевоенные годы было сделано, очевидно, одно из самых поразительных открытий во всей Южной Америке. Эта неширокая многокилометровая долина испещрена множеством мелких углублений, составляющих ровные линии, и покрыта бесконечными рядами камней, также составляющими прямые линии, расходящиеся от холмов, пригорков и других возвышенных мест. Многие линии идут параллельно друг другу или образуют замкнутые пространства, по окраске отличающиеся от поверхности Пампа-де-Пальпа. В других местах мы находим такого же рода огромные спирали.

Эти странные ряды камней и цепочки углублений заставили наконец исследовательницу Марию Рейче посмотреть на всю долину сверху, с борта самолета. И тому, что она увидела, трудно было даже поверить. Кроме различных линий, ее взору представились огромные изображения птиц, пауков, рыб, змей, обезьян, лисиц и других животных. А поскольку эти гигантские изображения животных можно обозреть лишь с высоты птичьего полета, с «неба», напрашивается предположение, что создатели каменных

рисунков адресовали их тем, кто живет на небесах, то есть своим богам.

Авторы этой уникальной галереи, по всей видимости, тоже принадлежали к индейцам наска, населявшим эту область полтора тысячелетия назад. При этом сами изображения, запечатлевшие в этой галерее посреди пустыни животных, вероятно, почитавшихся священными, в точности соответствуют тем, какие мы видим на прославленной керамике наска.

Обзорение местности с самолета позволило американистам сделать еще одно открытие. Они увидели выложенные из камней прямые линии во много сотен метров длиной. Некоторые из них идут параллельно друг другу, иные перекрещиваются, третьи образуют огромные треугольники. Перуанская американистка Мария Рейче, попытавшаяся первой распутать клубок этой таинственной каменной геометрии, установила, что 23 прямые линии, очевидно важнейшие, расходятся из общего центра — из квадрата с трехметровым основанием. Одна из этих прямых указывает положение солнца в момент равноденствия, две другие — солнцестояние. Длина большинства прямых в точности равна 182 метрам. Иные же имеют протяженность в 26 метров. Наконец, здесь встречаются линии длиной в несколько километров.

Таким образом, создается впечатление, что эта фантастическая галерея была и своеобразным календарем для земледельческого населения южного Перу. Но как сумели эти древние индейцы настолько точно провести прямые линии по поверхности Пампа-де-Пальпа? И откуда они могли наблюдать свое совершенное произведение, если нигде по соседству нельзя обнаружить ни одной сколько-нибудь значительной горы? Кто руководил этой работой? Какой-то гениальный астроном? Или, быть может, зодчие? Или, наконец, жрецы, обращавшиеся с молитвами к животным-божествам, изображенным в этой долине? Примерно в то же время, когда возникло это удивительное творение, в пору, когда в этой области южного побережья Перу расцветала культура наска, на севере, на территории, ранее принадлежавшей носителям чавинской культуры, рождается новая значительная культура — мочика. Как и носители других высоких индейских культур перуанского побережья, мочика живут лишь в оазисах, возникших в долинах прибрежных рек. Таких оазисов здесь 24, причем один оазис отделен от другого совершенно мертвой зоной пустыни.

Однако неширокая регулярно затопляемая рекой долина, подобно долине Нила в Древнем Египте, давала своему индейскому населению прекрасный урожай. Кукуруза тут созревала дважды в год. К тому же воды близ побережья Перу относятся к числу богатейших на свете. Щедрое море предоставляло здесь мочика множество рыбы и морских моллюсков. И действительно, мочика оставили после себя целые пирамиды раковин.

Но они оставили нам и настоящие пирамиды. Особенно примечательны две великолепные пирамиды, воздвигнутые неподалеку от нынешнего перуанского города Трухильо. Одна из них, посвященная солнцу и именуемая ныне Уака-дель-Соль, была, вероятно, самой большой индейской постройкой на перуанском побережье. Длина ее равнялась четверти километра, а ширина превышала 140 метров. Соседствующая с ней Уака-де-ла-Луна, как мы видим из ее испанского названия, была посвящена луне.

Пирамида солнца и после завоевания Перу конкистадорами оставалась самым крупным сооружением на всем перуанском побережье, значительно превосходившим построенные в то время католические храмы. (Христианским священникам это не нравилось, и они попытались разрушить пирамиду, направив на нее поток запруженной реки, что им, к счастью, не удалось. Однако вода открыла тогда под наносом песка великолепные серебряные обрядовые предметы, а также большую золотую статую. Было это в 1602 году, и работами руководил некий Монтальва.) Но мочика строили не только храмы. В их государстве возводились различные общественно полезные здания и сооружения. Стоит упомянуть хотя бы о дорогах мочика, которые делались необычайно широкими, хотя их строители не были знакомы с применением колеса. Остатки этих дорог можно видеть еще и сегодня в долине Чикама. Поскольку ширина дорог у мочика всегда была в точности равна 9,8 метра, а каждая сторона некоторых их пирамид, относящихся к той же поре, равняется 98 метрам, мы можем предположить, что 98 дециметров, или 9,8 метра, были основной мерой длины у мочика. Следует также упомянуть о разветвленной системе каналов, с помощью которых мочикские земледельцы орошали поля. Один из таких каналов, гтводивший воду из реки Чикама, имел в длину 113 километров, а близ Аскопы мочика построили самый настоящий акведук высотой 15 метров.

Исключительно большой интерес не только для специалистов, но и для каждого культурного человека представляют рисунки на керамике мочика. Можно сказать с полным основанием, что на этих рисунках запечатлена ЕСЯ их многогранная культура. Мы видим тут рыбаков и крестьян, воинов и танцовщиков; по изображениям нам стала известна одежда мочика, их музыкальные инструменты, их домашние животные — лама и собака, их оружие, способы их прядения и ткачества и т. д. Благодаря тем же рисункам мы узнали, что они возделывали различные культурные растения — кукурузу, маниок, тыкву, хлопок. На той же керамике мы находим и рисунки, весьма необычные в истории индейского искусства, — воспроизведение различного рода сексуальных извращений.

Наконец, благодаря той же керамике мы кое-что узнали и об общественном устройстве в стране мочика. Демократической монолитности розового общества здесь давно уже пришел конец. Об этом свидетельствует, например, керамическая статуэтка, одновременно служившая сосудом, представляющая собой фигурку раба (может быть, военнопленного?) с деревянным ярмом на шее. Наряду с этим найдены десятки сосудов, на которых запечатлены сцены из жизни верховного властителя и областных правителей. На нескольких сосудах представлен способ передвижения властителя: четверо согбенных рабов несут его на великолепных, богато украшенных носилках, а от солнечного зноя его охраняют большими зонтами. Керамика

мочика с полной очевидностью свидетельствует (и это важно для дальнейшего развития индейской цивилизации в Андах, которая достигнет вершины в государстве инков), что у мочика уже существовало классовое расслоение. Верховный властелин (кич) был прежде всего высшим военным предводителем. На керамике он нередко изображен как с-зноша. Ему были подчинены правители отдельных долин (алаэж). К привилегированным классам, видимо, принадлежали и определенные группы частных собственников». На одном из найденных сосудов мы видим изображение ткацкой мастерской; ткачи трудятся здесь под присмотром то ли мастера, то ли хозяина. На нижнем конце общественной лестницы находились слуги, а еще ниже — рабы. В мочикском обществе имела место развитая специализация труда. Керамика показывает нам крестьян, рыбаков, лекарей, мудрецов, воинов, ткачей, музыкантов и т. д. Женщины изображались на сосудах значительно реже, чем мужчины. И притом, если не считать сексуальных сцен, всегда лишь как исполнительницы домашней работы.

Привилегированные лица украшали себя знаками своего достоинства буквально с головы до пят. Высшая группа — военачальники — носила на голове особое покрывало, украшенное птичьими перьями, маленькими золотыми полумесяцами и т. п. Они носили также золотые или медные серьги и плащ, испещренный различными геометрическими фигурами. Эти фигуры, скорее всего, были «гербами» привилегированных семей, переходящими по наследству. Обувь мочика не носили, но на ногах их наиболее «видных деятелей», изображенных на керамике, мы замечаем некое подобие носков. Рядовой мочика ходил в простой рубахе, напоминающей нынешние южноамериканские пончо. Женщины носили одну только длинную сорочку. А рабы-военнопленные ходили совсем голые, если только не принадлежали к знатному роду. Любопытно, что привилегированные мочика проявляли чувство «классовой солидарности» к попавшим в плен неприятельским военачальникам и правителям. На ряде изображений мы видим, что их и в плену носили на носилках. Главным оружием мочикских воинов были медные топоры и копья с медными наконечниками.

Государство мочика, вероятно, уже не было государством того типа, где связующим элементом, основой является религия. Почитание диковинных ягуарьих божеств — наследие древней чавинской культуры — еще доживает свой век. Однако новых богов перуанские индейцы ищут уже на небе. Инки позднее будут поклоняться солнцу. Мочика взывают к месяцу, к серебряной луне, по-мочикски — «си», почти так же (чи'кич) называет себя господствующий класс этого государства. Есть основания полагать, что кич — верховный властелин мочика — уже почитался как «земной бог» и что ему оказывались не только все «мирские», но и все религиозные почести. Об этом свидетельствует открытие, сделанное Дунканом Стронгом в долине Виру. Стронг нашел тут чрезвычайно пышную мочикскую могилу, в которой рядом с усопшим, завернутым в самые великолепные ткани, было обнаружено несколько изображений верховного бога мочика Аи Апаэка — наполовину человека, наполовину зверя из семейства кошачьих. Все эти изображения верховного бога мочика, несомненно, имели прямое отношение к погребенному. ^ Таким образом, перемены, происходившие в общественной и религиозной сферах, получают отражение в религиозных представлениях мочика, которые мы берем на себя смелость назвать переходными. Культ Аи Апаэка, наполовину человека-правителя, наполовину еще традиционного похожего на кошку хищника, был связующим звеном на историческом пути от поклонения зверю из семейства кошачьих к почитанию антропоморфно-звериных высших богов в позднейших андских культурах.

И о своих богах, о своей религии мочика опять же повествуют на рисунках, украшающих бесчисленные сосуды, которые стали нам известны благодаря великолепной коллекции их керамики, собранной лучшим знатоком этой культуры перуанцем Рафаэлем Ларко Ойле. Однако этот ученый заметил на керамике мочика еще нечто: на многих сосудах, относящихся к этой культуре, изображены бобы фасоли, поверхность которых покрыта всякого рода черточками, крестиками, кружками и точками. Изображения таких же фасолин исследователи обнаружили и на сохранившихся тканях мочика. Ларко Ойле считает, что эти фасолины заменяли у мочика бумагу, а значки на них были зарождающимся письмом. Если бы это мнение подтвердилось (пока что многие американисты полностью его отвергают), то было бы доказано существование древней письменности у индейцев Южной Америки.

Откровенность, с какой мочика запечатлели на сосудах буквально всю свою жизнь, делает их керамику великолепным и уникальным явлением. Можно считать, что керамика мочика по эпической широте изображения культуры своих создателей превосходит даже греческую керамику! Весьма существенно и то, что до нашего времени дошли десятки тысяч сосудов этой культуры. (Наиболее выдающийся из исследователей, занимавшихся ее изучением, уже упоминавшийся Рафаэль Ларко Ойле, тщательно обработал свыше 30 тысяч изделий мочикских мастеров.) Итак, небольшое государство мочика создало культуру, которую по праву можно назвать высокой. А их наследники добились в дальнейшем еще большего могущества и силы.

Преимницей мочика после длительной поры безвременья, к рассмотрению которой мы еще вернемся, стала культура чиму. На первом этапе своего существования она охватывала прежде всего земли бывшего племени мочика. Таким образом, культура чиму выросла непосредственно на почве культурных традиций мочика.

Однако если культура мочика и предшествовавшие ей прибрежные культуры (анкон, паракас, наска, куписнике) были ограничены масштабами небольшой прибрежной территории — двумя-тремя речными долинами, а иной раз даже одной долиной, то государство Чиму, или Чимор, зесьма скоро распространило свою власть на прибрежную полосу протяженностью в тысячу километров, от города Тумбес на севере до главного города нынешнего Перу — Лимы. Возникновение государства Чиму мы

можем отнести к XII—XIII векам. Эта историческая эпоха андской области иногда обозначается в американистике — и вполне справедливо — как эпоха строителей городов. Ведь в эпоху расцвета Чиму на побережье (а нередко и на удаленных от моря землях вокруг Иунгу, Уараса и в других местах) выросли десятки городов, в том числе прекраснейший из них — столица империи Чан-Чан. Он был заложен по точному урбанистическому плану на площади примерно 17 квадратных километров. Город окружали укрепления. Внутри Чан-Чан был разделен на десять кварталов, или, точнее, на десять самостоятельных архитектурных комплексов, состоявших из нескольких соединенных между собой зданий. Все эти десять кварталов чимуской столицы занимали равную площадь (примерно 450 X 350 метров). Друг от друга их отгораживала стена девятиметровой высоты. Между отдельными кварталами внутри городской черты находились прекрасно орошаемые поля, обеспечивавшие жителей основными продуктами питания. Каждый квартал имел свои водохранилища и собственное кладбище.

Наряду с городами государства Чиму внимание американистов привлекают также другие обширные строительные сооружения, и прежде всего пирамиды, хотя они не столь великолепны и к тому же значительно больше пострадали от разрушений, чем пирамиды древней Мексики. В самом Чан-Чане мы находим четыре пирамиды. Чтобы их различать, им дали названия по именам основных испанских владельцев, захвативших территорию древней чимуской столицы: Уака-дель-Обиспо, Уака-де-Толедо, Уака-де-ла-Роса и Уака-де-Конча. Для американистов наибольший интерес представляет пирамида Толедо, которая, судя по всему, как и египетские пирамиды, служила гробницей правящей династии. А ведь с таким явлением — с пирамидой в качестве гробницы — мы в индейской Америке почти не встречаемся.

Чан-Чан в доинкскую эпоху был, бесспорно, крупнейшим городом индейской Южной Америки. В нем жило свыше 60 тысяч человек, а может быть — и больше. Однако в Чан-Чане нас интересует нечто другое. Способ украшения внутренних стен домов. Настенный рисунок, обычный для индейцев мочика, в Чан-Чане заменяют отлитые фризы. Так, в одном из строительных комплексов, открытом Велардом, был найден фриз 7 метров в длину и 14 метров в ширину, изображающий людей-птиц, которые держат во рту-клюве рыб или крабов.

Жители Чан-Чана, создатели государства Чиму, как, впрочем, и все остальные индейцы Америки, не знали ни колеса, ни повозки, но при этом строили настоящие, монументальные дороги шириной в 5—8 метров, которые близ Чан-Чана расширяются до 25 метров. Кстати, многие бесценные архитектурные памятники обширного государства Чиму были обнаружены с самолета. С помощью авиации ведутся и дальнейшие поиски. Так была открыта цепь чимуских крепостей (более пятидесяти), протянувшаяся на несколько десятков километров и напоминающая современные европейские оборонительные линии Мажино, Зигфрида или пограничные укрепления домюнхенской Чехословакии. Но Джонсон и его друг Шайпи открыли в долине Санта еще один памятник культуры чиму, также не имеющий никаких аналогий во всей истории индейской Америки: длинную «китайскую стену» шириной в 5 метров, высотой примерно около 3 метров и длиной в 64 километра! Она вела (и ведет) от берега моря до находящегося высоко в горах места, называемого ныне Сучимансильо. Эта стена охраняла государство Чиму от нападений извне, точно так же, как Великая китайская стена охраняла некогда Среднюю империю.

Наряду с архитектурой наибольших успехов чиму достигли в металлургии. Особенно хорошо они научились делать сплавы металлов. Они же первыми в Южной Америке открыли рецепт бронзы (10 процентов олова и 90 процентов меди). Из бронзы и меди они делали ножи, мотыги, наконечники копий и другие вещи. Золото служило им для изготовления украшений и предметов, связанных с религиозным культом. Золотые сокровища чиму (маски, серьги) частично сохранились и до нашего времени. Но чаще они употребляли серебро, а в те времена это, как правило, было связано с обожествлением луны. Действительно, культ луны играл в их религии весьма значительную роль. Так, например, солнечные затмения в империи чиму отмечались празднествами в честь Луны, побеждающей Солнце.

Впрочем, о религии чиму мы знаем очень мало. Нет у нас сколько-нибудь точных сведений и о внутреннем устройстве их государства. Однако разделение Чан-Чана на десять самостоятельных кварталов заставляет предположить, что в каждом из них жили представители одной родственной группы, одного айлью. Вместе с тем не подлежит сомнению, что в государстве Чиму уже господствует строгая социальная иерархия. Во главе государства стоит неограниченный властитель, именуемый чиму. Чрезвычайно обширные строительные работы, например сооружение пирамид в Чан-Чане, сложенных из нескольких миллионов необожженных кирпичей, безусловно, требовали совершенной организации труда. Надо полагать, что руководило работами большое число чиновников и инженеров и заняты ими были многие тысячи рабочих одновременно. Очевидно, наследники мочика восприняли от них и хорошо продуманную полувоенную организацию государства.

Чиму — владыки государства — утверждали, что в эту страну они пришли, а вернее, приплыли, откуда-то с севера. Этим легендам мы должны уделить серьезное внимание, поскольку исследователям они дают основание искать предшественников чиму, как и предков чавинян, в доколумбовой Месоамерике. Есть тут и еще одно примечательное обстоятельство. Во всей доколумбовой Мексике мы встречаемся, как уже говорилось, с исключительно развитым культом змей. В Андах этого культа нет. Однако именно здесь, в Чан-Чане, в первых этажах его дворцов, обнаружены особые каморки, заслужившие своим мрачным видом название темницы. Но это были вовсе не темницы. Судя по всему, в этих каморках содержались священные змеи! И это еще не все: само слово «чан» на некоторых языках мексиканских индейцев означает «змея». Отсюда вполне логично заключить, что в городе Чан-Чан, резиденции династии чиму, как и во многих городах доколумбовой Месоамерики, господствовал культ змей.

Все эти черты сходства, а также и легенды о приходе первого чиму в Перу не могут быть оставлены без внимания. Возможно, когда-нибудь они помогут решить эту важную часть южноамериканского «уравнения со многими неизвестными». Рассмотрим вкратце содержание чимуских легенд. Прежде всего они рассказывают о могущественном правителе Найм-лапе, который, пристав с флотилией вальс (плотов, оснащенных парусами) в устье реки Факисльянги, сошел на берег со своей главной женой Сетерни и множеством других своих жен и детей. Наймлапу сопровождало сорок именитых мужей, и среди них его советник Окчокало, «старший повар» правителя Пита Софи, который трубил в огромную раковину, возвещая повсюду о прибытии Наймлапа, а также любимец правителя Льяпчильюльи, изготовлявший для него прекрасные украшения из птичьих перьев. На том месте, где они высадились, Наймлап построил город и дал ему имя Чот. А позднее возвел в этом городе великолепный «чудотворный*» храм. После смерти Наймлапа на трон вступил его старший сын Сиум. Он женился на прелестной принцессе Сольсдоньи, и она родила ему двенадцать сыновей. Затем, почти как в библии, чимуские легенды повествуют о двенадцати сыновьях Сиума, которые разошлись по белу свету и стали родоначальниками новых племен. Так, Нор поселился в долине Синто, Кала ушел на юг, в область Тукуме, и т. д. Отец же их Сиум оставался в Чоте и охранял «чудотворный» храм. После его смерти на трон всходили один за другим продолжатели славной династии: Эскуньяин, Маскуй, Кантипальек, Альяскунти, Нофан-Неч, Мулумуслан, Льямеколь, Ланипаткум, Акунта и, наконец, Фемпельек. Несчастный Фемпельек за свою короткую жизнь совершил немало дурных поступков и наконец навлек на свою страну немилость богов. Боги наслали на государство Чиму стихийные бедствия, неурожай и ужасный голод. Жрецы и знать поняли тогда, что Фемпельек не достоин быть властителем империи, взбунтовались и утопили его в море. После этого страной правили властители, о которых мы имеем уже более точные сведения. Знаем мы и о том, как померкла слава этого государства. В конце концов чиму были побеждены своими более сильными соперниками — инками. В 1476 году в решающем сражении, которым с чимуской стороны руководил последний властитель государства Чимо Капан, одержали верх лучше организованные и более многочисленные войска инки Йупанки, после чего Чиму было присоединено к Тауантинсуйу — государству инков.

Так сошло с исторической сцены Южной Америки могущественное государство, которое одно только и могло еще сопротивляться все возраставшей силе Тауантинсуйу. Для инков же падение Чиму открыло путь к созданию величайшего и обширнейшего индейского государства доколумбо-вой Америки.

В истории древнего Перу оставил след и еще один своеобразный независимый город, который отнюдь не был государством, а тем более «империей». Назывался он Пачакамак и играл в доколумбову эпоху такую же роль, как Дельфы в античной Греции. Тут находился единственный известный нам «оракул» Южной Америки. Оракул местного храма предсказывал перуанским индейцам судьбу еще в конце первого тысячелетия нашей эры и, следовательно, функционировал и во времена мочика и чиму, и во времена инков, которые украсили Пачакамак большим святилищем своего главного бога — солнца.

Но прежде чем отправиться по следам почитателей солнца — инков, которые являют собой вершину развития доколумбовых высоких культур в области Центральных Анд, мы должны познакомиться с еще одной значительной культурой, несколько выпадающей — но лишь на первый взгляд — из хронологической последовательности культурно-исторического процесса в доинкском Перу.

Эта культура носит имя главного своего религиозного центра — Тиуау-нако, который более чем какой бы то ни было иной город индейской Америки окружен бесчисленными легендами, фантастическими представлениями и догадками.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ВЕЧНЫЙ ГОРОД АМЕРИКИ

Тиуанако (Тиа'уанако) археологи справедливо считают самым значительным городом доинкской Южной Америки (а возможно, и столицей так называемой тиауанакской империи). Здесь, однако, необходимо предупредить читателя, что при освещении проблем, связанных с этим городом, автор будет исходить не только из фактов, достоверность которых американистами установлена — как он делал это до сих пор, — но и принимать во внимание еще не подтвержденные достаточно вескими доказательствами гипотезы.

Тиуанако расположен на боливийском Альтиплано в 21 километре к югу от озера Титикака на высоте почти 4 тысячи метров. Первоначально город этот назывался, как предполагают, Виньаймарка (Вечный город). Тиуанако — сравнительно «новое» название (оно означает «Мертвый город» и восходит к инкским временам). К тому времени, когда в нем побывал первый инка (это был четвертый инка — Майта Канак), город уже был вымершим. Даже такие прославленные строители, как инки, считали, что этот огромный «священный» центр мог построить лишь кто-то исключительный и могущественный. Видимо, потому они и приписали строительство Тиуанако Виракоче — своему высшему богу.

Непосредственно сам культовый центр (жилье здания в Тиуанако не были обнаружены) состоял из четырех основных построек, расположенных на небольшой площадке — 500 X 1000 метров. Первая из них — Акапана — пятнадцатиметровая ступенчатая пирамида. Рядом с ней внимание посетителей привлекает так называемая Каласайя — широкая площадь, огороженная рядом каменных колонн. На территории Каласайи, которую самый известный исследователь Тиуанако Артур Познанский считал развалинами «главного дворца» города, расположены знаменитые Врата солнца. Эти врата вытесаны из глыбы андезита, весящей много десятков тонн. Верхняя часть украшена рельефом, в центре которого находится большая человеческая фигура. Из головы ее как бы расходятся солнечные лучи, заканчивающиеся изображениями головы пумы. На одеянии этого тиауанакского «главного бога» мы опять замечаем изображение пумы, а также кондоров и рыб. Фигура, изваянная на Вратах солнца, бесспорно, была высшим божеством тиауанакцев. И весьма возможно, что это все тот же Кон Тикси Виракоча, которого мы знаем у инков

как бога — творца мира.

В Тиауанако сохранились и другие интересные врата, например Пума Пунку (Врата пумы), выстроенные из каменных блоков весом более 150 тонн.

Ныне внимание посетителей Тиауанако привлекают не только главные постройки этой «мегалитической столицы», но и огромные каменные монументы (представляющие собой нечто среднее между статуями и стелами), которые некогда украшали Каласайю — «Монах», «Епископ», а также самые большие каменные статуи доколумбовой Америки, превосходящие по размерам даже гигантские каменные головы ольмеков и названные по именам открывших их ученых Монолит Беннетта и Монолит Понсе Сан-гннеса. Монолит Беннетта имеет в высоту более семи с четвертью метров. Почти прямоугольная голова статуи увенчана своеобразной «коронай», глаза посажены прямо, и из них как бы текут слезы. Руки сложены на груди. Неподалеку от этой статуи при раскопках была обнаружена каменная голова пумы с синими глазами и красной пастью. Возможно, что и огромные монолиты, изображавшие, скорее всего, тиауанацких правителей, были раскрашены.

Глядя на эти грандиозные каменные статуи и на тысячпудовые квадры, из которых был построен Вечный город Америки (нигде в мире, кроме как при постройке египетских пирамид, не пользовались квадрами крупнее и тяжелее этих), мы невольно задаем себе вопрос, каким способом эти глыбы транспортировались в Тиауанако, ибо ближайшая каменоломня находилась от него примерно в шести километрах. По грубому подсчету, одну такую глыбу весом 150 тонн (!) из каменоломни до места постройки могли бы за день доставить 3 тысячи людей, запряженных в лямку. Стало быть, Вечный город Америки мог быть построен лишь в результате отлично организованного труда многих и многих тысяч рабочих.

Историческая исключительность Тиауанако прежде порождала самые фантастические предположения. Так, Х. С. Белами считал, что этот священный город вообще является старейшим городом в мире и построен 250 тысяч лет назад! Артур Познанский, у которого немало заслуг в изучении Тиауанако, утверждал, что Вечный город возник 17 тысяч лет назад и является «колыбелью американского человека». С этим неверным представлением о Тиауанако, каменные памятники которого, казалось бы, так резко отличаются от всех прочих памятников доколумбовой Южной Америки, мы встретимся и у ряда других исследователей.

Тиауанако вызвал интерес не только у американистов. Так, известный норвежский ученый Тур Хейердал считал его жителей также создателями позднейших огромных статуй на полинезийском острове Пасхи. Цитировать высказывания Хейердала мы не будем: его взгляды достаточно широко известны. Некоторые исследователи полагали, что к строительству Тиауанако причастны североευропейские викинги. А происхождение аймара, живущих по соседству с Тиауанако, связывалось даже с библейским Адамом (если поверить одному из старых боливийских авторов, Адам говорил на языке аймара!). Даже нацисты, провозгласившие викингов своими предшественниками, предъявляли права на Тиауанако. Уже после войны некоторые несерьезные авторы все еще повторяли мистическое утверждение, будто строителями Тиауанако были рыжеволосые викинги.

Но в последние годы такие же каменные памятники, хотя и меньших размеров, были найдены во многих местах Альтиплано — в Соллкатити, Чирипа, Ванкани, главным же образом в Пукара и Хуари, где обнаружены обширные подземные галереи и ряд каменных статуй. Между тем расстояние от Тиауанако до Пукара — 250 километров, а до Хуари — даже 510. Становится очевидным, что Тиауанако был не каким-то совершенно уникальным каменным городом, а центром своеобразной культуры, влияние которой с середины первого тысячелетия нашей эры распространялось не только на все горное Перу, но и на многие прибрежные долины от эквадорских границ до северного Чили.

Наиболее красноречивым свидетельством широкого распространения тиауанацкой культуры по всей области Центральных Анд служат керамика и ткани здешних индейцев, относящиеся ко второй половине первого тысячелетия нашей эры. Повсюду или почти повсюду мы здесь встречаем образцы орнамента, первоначально характерные лишь для Тиауанако, и даже мотивы, взятые со знаменитых Врат солнца в этом Вечном городе Америки.

Итак, в историческом существовании этой высокой культуры ныне уже никто не сомневается. Кто же создал ее? В начале нашего столетия американисты называли ее творцов «мегалитическим народом», но не решались сказать о нем что-либо более определенное. Позднее стали говорить о «мегалитической империи». Автор такого определения Х.УЛЛ^о Тельо считает Тиауанако центром этой империи.

Сейчас мы уже вполне достоверно знаем (и это многократно подтвердили пробы с применением С14), что периодом расцвета тиауанацкой культуры были III—X столетия н. э. К этому времени чавинская культура уже давно не существовала. И, следовательно, пумы, столь часто изображаемые в Тиауанако, не были непосредственными родственницами чавинского (или даже ольмекского) ягуара. Импульс к зарождению тиауанацкой культуры не мог также прийти из других областей Центральных Анд. Не могло его дать и какое-либо племя, пришедшее — на боливийское Альти-плано. Поэтому родоначальников Тиауанако мы должны искать в окрестностях сегодняшних развалин. Ныне, как и тысячу лет назад, здесь живут аймара, второй по численности индейский народ Южной Америки. До не-завнего времени этому народу не приписывалось сколько-нибудь заметной роли в создании высоких культур Центральных Анд. Тем не менее мы 'ерем на себя смелость высказать предположение, что не только строителями и жителями Тиауанако, но также родоначальниками и распространителями тиауанацкой культуры и, наконец, создателями тиауанацкой империи (если таковая вообще существовала) были не принадлежавшие к какому-то неопределенному «мегалитическому народу» люди, но именно аймара.

Аймара (сами себя они называют хаке — человеческие существа) в до-колумбов период, бесспорно, населяли куда более обширную территорию, чем в наши дни. Все боливийское Альтиплано, равно как и значительные территории нынешнего Перу, заселяли племена, говорившие на аймарском языке. Язык же кечуа, по мнению Филипа Эйсурта Минза, одного из зрелейших американистов, занимающихся андской областью, был в пору предполагаемого существования тиауанакской империи всего лишь языком небольшого племени пастухов лам из долины Куско. Инки сохранили нам названия некоторых аймарских племен. Было, например, племя папахе, жившее в окрестностях озера Титикака и на некотором расстоянии от него. Позднее инки подразделяли их на пакахе из Умасуу (из Водяной области, то есть с берегов озера) и пакахе из Уркусуу (из Холмистой области). Значительное племя каранги обитало к югу от реки Десагуадеро; у озера Поопо жили говорящие по-аймарски племена чарка и кильяка; в нынешнем Перу (в департаменте Пуно) — племя кава; в долине Вильканота — ханчи и т. д. Немаловажным аймарским племенем были лупаки, жившие на западном берегу озера. Именно среди них ученый монах Людовико Бертонио собирал материал для составленного им первого монументального словаря аймарского языка, вышедшего в свет в 1607 году и служащего до сих пор источником ценных сведений об аймара.

Инки были неправы, назвав всех говорящих на языке аймара общим наименованием — колья, а их область Колья. Позднее, победив аймара, они даже одну из четырех частей Тауантинсуу, населенную преимущественно аймара, назвали Кольясуу. Собственно колья во времена владычества первых инков, в пору, когда тиауанакская империя уже, очевидно, прекратила свое существование, то есть в XI и XII веках, были только одним из племен, которые жили на север от озера Титикака и объединились в новую, меньшую по размерам аймарскую конфедерацию, безусловно далеко не достигавшую значения гипотетической тиауанакской империи. Важнейшими городами Колья были Хатунколья (вероятно, столица новой аймарской конфедерации) и Паукарколья. Названия этих некогда знаменитых аймарских городов есть и сейчас, их носят две маленькие боливийские деревушки.

Первые перуанские хронисты сохранили для нас имена некоторых аймарских правителей — Чунчи Капака, Токаи Капака, Пинан Капака и др. Итак, мы снова встречаем здесь слово копак (в иных случаях капах, кка-пака и т. п.), которое было и частью имени первого легендарного инки. Если мы заглянем в самый старый аймарский словарь, словарь Бертонио, то обнаружим, что это слово аймарского происхождения ученый монах переводит как «король», «властитель». И присовокупляет: «Сие старинное слово сейчас в данном смысле не употребляется». Вернемся к инкскому преданию о Манко Капаке. А оно повествует, что, спустившись на землю, Манко Канак со своей сестрой-супругой пришел в Куско с юга, с озера Титикака. То есть как раз из области, в которой находился центр гипотетической тиауанакской империи.

Здесь уместно вспомнить одну из редко цитируемых первых перуанских хроник. Дело в том, что автор ее Фернандо де Монтесинос до недавнего времени не пользовался среди американистов доброй славой. За свои довольно необычные сообщения он даже заслужил прозвище перуанского «барона Мюнхаузена». Монтесинос был иезуитом, который как висита-дор — инспектор своего ордена в перуанском вице-королевстве — изъездил всю андскую область и всюду старательно собирал сведения о ее доинкской истории. Итогом пятнадцатилетней деятельности Монтесиноса в Америке была книга «Древние исторические и политические мемориалы Перу» («*Memories antiquas historiales y politicas del Peru*»). В этой книге мы находим перечень 90 правителей, которые правили в Андах до того, как на золотой трон вступили Манко Капак и другие инки, или, как называет их Монтесинос, Сапа инка.

Список доинкских правителей, составленный Монтесиносом, включает 21 Капака, 16 Манко, 16 Амауту, 11 Тупаков, 11 Йупанки, 10 Пачакути, 4 Синчи и 4 Айара. Все это скорее титулы вождей, чем собственные имена. И титулы весьма лестные. Первый из доинкских правителей назывался Пируа Пакари Манко. Минз, во второй раз издавший в 1920 году «Мемориалы» Монтесиноса, полагает, что этот Пируа Пакари Манко правил в III столетии. Позже Минз произвел проверку всего приведенного Монтесиносом «списка правителей» и, выяснив, что в нем одни и те же лица носят разные имена, в конце концов сам составил таблицу 40 «бесспорных правителей» — потомков Пируа Пакари Манко, правивших в Центральных Андах с III по X столетие, то есть именно в тот период, который мы определили как вероятное время существования Вечного города Америки.

Среди преемников Пируа Пакари Манко первыми значительными правителями были Тупах (Тупак) и Корна (последний якобы ввел календарь). Из позднейших правителей упомянем еще хотя бы Титу Йупанки Пачакути, после смерти которого (он пал в битве) резиденция правителей империи была перенесена в Пукаритампу. И как раз из Пукаритампу, согласно ряду вариантов предания о происхождении инков, пришел Манко Капак.

Сочинение Монтесиноса, которое столь долго замалчивалось, в результате последних открытий в Тиауанако и за его пределами предстает перед нами в совершенно ином свете. С 1920 года, когда Минз напечатал этот труд в английском переводе, содержащиеся в нем сведения стали предметом размышлений множества американистов. Свои соображения на этот счет высказали аргентинец Хосе Имбельони (в книге «*Rachacuti IX — o el incario critico*»), боливиец Хосе Феллман Веларде (в книге «*Los Imperios Andinos*») и другие.

Итак, существовала ли в горной части Центральных Анд на протяжении не менее 600 лет империя, центром которой при преемниках Титу Йупанки Пачакути был город Пукаритампу (Пукаритамбо)? И что было до этого? Может быть, и в самом деле какая-то тиауанакская «федерация»? Во всяком случае, Тиауанако был главным культовым центром Альти-плано. Но по какой

причине после смерти Титу Йупанки Пачакути Тиауанако был покинут, так и не установлено.

Позже вся эта империя, на заключительном этапе своего гипотетического существования представлявшая собой непрочную конфедерацию почти самостоятельных аймарских племен, полностью распалась. И последний «наследник трона» Манко Капак оставил свою империю и ушел на север, в область нынешнего Куско, где стал вождем небольшого местного неаймарского племени. Манко Капак создал здесь в духе тиауанак-ской традиции капак айлью — айлью правителя. И так же точно утвердил в своей новой маленькой империи тиауанакский культ бога-творца Кон Тикси Виракочи.

Тайным наречием, на котором, по сообщениям хронистов, говорили между собой члены инкской династии, члены капак айлью, в таком случае мог быть, безусловно, один из диалектов аймарского языка.

Сейчас мы располагаем лишь косвенными доказательствами существования тиауанакской империи, первой великой индейской империи в Южной Америке. Развалины Тиауанако свидетельствуют о том, что это была империя с относительно высокой степенью централизации государственной власти. Строительство гигантских тиауанакских сооружений, а главное — доставка тяжелого строительного материала требовали организованного труда тысяч рабочих. Подавляющее большинство населения этого государства, очевидно, составлял плебс — земледельцы (по-аймарски пхенка хэке — люди без титула).

Именно тиауанакские земледельцы в I веке н. э. начали возделывать на Альтиплано культуру, которая здесь сыграла такую же роль, как кукуруза в Месоамерике, и которая вместе с кукурузой является величайшим даром доколумбовой Америки человечеству. Эта культура — картофель (*Solanum tuberosum* L) с целым рядом разновидностей (*Solanum gonio-caly*, *Solanum ajan-huiri*, *Solanum curtilobum* и т. д.). Картофель выращивали тиауанаканцы, а вслед за ними все их приемники во всех областях Центральных Анд от приморских долин до Альтиплано. В доколумбову эпоху картофель являлся главным продуктом питания в андской области. Здешние индейцы даже создали свой способ консервирования картофеля. Делалось это довольно просто: отборный картофель от трех до пятнадцати суток держали ночью на холоде, а днем прополаскивали картофелины в воде и сушили их на солнце. Этот консервированный картофель назывался чунфу. Тиауанаканцы готовили из картофеля и так называемую тунту. Обмытые картофелины спрессовывались между камнями, а затем размалывались, в результате получалось нечто вроде картофельной муки. Тунту можно было хранить в течение длительного времени.

Наряду с картофелем, тиауанаканцы культивировали киноа (*Chenopodium quinoa* Willd) — перуанский рис. Из рисовых зерен делали крахмалистую муку, различные блюда из которой были обычной пищей андских индейцев. На территории тиауанакской империи возделывалась еще одна клубневая культура — ока (*Oxalis crenata* Josc) и некоторые другие культурные растения. Тиауанаканцы питались также рыбой, которую ловили в озере Титикака. Главным домашним животным и в Тиауанако была лама.

Преемники Манко Капака вошли в соприкосновение со своими прародителями уже при втором инке — Синчи Рока (около 1280 года). К тому времени тиауанакской империи по крайней мере уже сто лет как не существовало. На части ее территории возникла новая, меньшая по размерам конфедерация нескольких племен, говоривших на аймарском языке, — уже упоминавшееся Кольяо. Сын Синчи Рока, Льюке Йупанки, в начале XIII века впервые попытался завладеть Кольно. Без боя он захватил крепость Хатунколья, затем по тростниковому мосту, построенному аймара, перешел реку Десагуадеро и овладел аймарским центром Уаги. В середине XIII века четвертый инка, Майта Канак, во время нового похода в Кольяо впервые увидел развалины Тиауанако. Позднее Майта Капак разбил пятнадцатитысячную армию новой аймарской конфедерации (колья потеряли тогда около 6 тысяч воинов; армия инки — в десять раз меньше). Закончил покорение аймара седьмой инка — Йауар Уакак.

Колья еще несколько раз восставали против инкского ига. Особую известность получило восстание в середине XIV века, в котором отличились аймарские женщины. В битве у крепости, которая с тех пор стала называться Уармицукара (Женская крепость), они полностью уничтожили отряд инкской армии.

Но и восстания не помогли аймара. Так же как с карты доколумбовой Америки исчезла гипотетическая империя, так с языковой карты Америки постепенно стал исчезать аймарский язык, и население аймарских областей начинало говорить на языке кечуа. Однако в послеколумбов период этот процесс приостановился. И аймара до сих пор составляют абсолютное большинство населения, живущего по берегам и на островах огромного озера Титикака. Изучением культуры современных аймара занималась целая плеяда известных американистов. Назовем хотя бы Форбеса, Чопика, Ла Баррео и особенно Банделье, уделившего главное внимание озерным аймара, то есть говорящим на аймар-ском языке жителям отдельных островов Титикака.

Тиауанако — Вечный город Америки — мертв. Но два миллиона аймара, потомков его древних создателей живут в Америке до сих пор.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\) →](#)

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ИНКИ, ИЛИ КАК СОЗДАВАЛИСЬ ИНДЕЙСКИЕ ИМПЕРИИ

Был Юг золотым изумленьем. Плоскогория Мачу-Пикчу у самых преддверий неба полны были песен, еляя, человек разрушал гнездовья огромных птиц на вершинах, и в новых своих владеньях держал семена земледельца в пальцах, раненных снегом. Высился Куско с рассвета тронем из башен и житниц. Как цветок задумчивый мира, была эта бледная раса, в чьих слабых руках дрожали короны из аметистов. Стал прорасти на террасах маис плоскогорий высоких, и по тропинкам из лавы двигались боги, сосуды...

Да! Золотым изумленьем был индейский юг! Чудом организации и порядка, блистательным доказательством великолепных организаторских способностей индейцев — вот чем был этот индейский юг, Тауантинсуу — империя инков. Но заметим с самого начала: инки вовсе не были особым племенем или хотя бы народностью. Да и вообще словом «инка» мы обозначаем прежде всего властелина этой империи. Наряду с инкой особыми привилегиями пользовались и другие высокопоставленные представители так называемого капак айлью, родственники инки, объединенные с ним общими предками, сознанием своей принадлежности к «правлящему» айлью — роду.

Страна инков — Тауантинсуу — находилась в юго-западной части Южной Америки, в области, по которой, словно хребет по человеческому телу, проходит гигантская ось Анд. Начиная рассказ о Тауантинсуу, мы должны сразу же разъяснить, что означало это название. Тауантинсуу, или, точнее, Тау-ан-тин-суу, означает «Земля четырех частей». Это и есть правильное, употреблявшееся самими инками название их государства. Вот почему в дальнейшем мы и будем говорить не об империи инков, а о Тауантинсуу. Название это показывает, что государство инков издавна было разделено на четыре (некогда, видимо, равные) части, или провинции. Со времен древнейших легенд и преданий центром Тауантинсуу, сердцем его был город Куско с окружающей его долиной. А к нему примыкали с разных сторон, примерно с севера, востока, юго-запада и юго-востока, отдельные

вступили другие Инки, последним из которых был Тупак Амару (так называемый Первый). Однако власть этих правителей, которые после завоевания Тауантинсуйу инкскими «владычествовали» чаще всего лишь в отдаленных, еще не покорившихся конкистадорам районах Восточных Анд, была уже в значительной мере иллюзорной.

Как уже указывалось, о доколумбовой истории андской области в настоящее время известно гораздо меньше сообщений, чем об истории Мексики. Поэтому не только историю доинкских культур, но и весь период под правления первых шести инков мы знаем весьма поверхностно. О легендарном же Манко Капаке нам известно лишь то, что он основал в долине Куско свое небольшое государство. Возникновение этого государства, превратившегося впоследствии в величайшую империю доколумбовой Америки, мы можем датировать второй половиной XII века.

Когда Манко Капак умер, он, согласно легендам, превратился в ка-яень, который преемники его охраняли как драгоценную реликвию.

Второй инка, Синчи Рока, совершил первые завоевания и увеличил свое небольшое государство. При этом он продвигался на юг, к озеру Титикака. Присоединение к империи новых областей продолжалось при третьем, четвертом и пятом инках — Льюке Йупанки, Майта Капаке и Капак Йупанки, к истории завоевания этих аймарских территорий нынешней Боливии мы еще вернемся. Шестой инка, Инка Рока, впервые изменил направление инкских завоеваний и попытался овладеть областью тропических лесов, лежащих в низинах к северо-востоку от Куско. Но только при седьмом инке, Йауаре Узкаке, Тауантинсуйу становится по-настоящему могущественным государством. Уакак создал хоть и небольшую, но прекрасно обученную войсковую армию, которая под командованием талантливых военачальников Апо Майты и Вика-Кирао покорила ряд крошечных государств, расположенных по соседству с кусканской долиной. Все они были присоединены к империи.

Преемником Йауара Уакака, который, по сообщению Сьесы де Леона, был убит, стал Виракоча Инка. С помощью уже названных двух военачальников он завершил покорение племен, говоривших на языке аймара. В то время как инки воевали у озера Титикака, в непосредственной близости от Куско завязалась борьба не на жизнь, а на смерть между двумя другими наиболее могущественными в ту пору государствами. Одним из них было государство племени чанков, другим — государство кечуа, живших в непосредственном соседстве с Куско. Чанки сокрушительным ударом положили конец племенному единству кечуа. Большая часть этого племени подпала под власть победителей. Военачальники Виракочи Инки, не теряя времени, принудили остальных кечуа присоединиться к Тауантинсуйу. Это имело весьма важное значение для позднейшей истории инкской империи. Дело в том, что немногочисленное племя кечуа — «людей из теплой долины» (они вначале жили в долине реки Апуримак, в области с чрезвычайно мягким климатом) — говорило на языке, который инки, оценив присущие ему преимущества и богатство его словаря, впоследствии переняли. Со свойственной им последовательностью инки начали распространять воспринятый ими язык по всей империи. Это произошло в начале XV века. А спустя сто лет на кечуа говорило уже подавляющее большинство населения Тауантинсуйу.

Между тем чанки, нанешие роковой удар кечуанскому государству, решили уничтожить и другую свою крупнейшую соперницу — империю инков. В 1437 году — это первая дата в истории Тауантинсуйу, которую можно считать точно установленной, — они открыли военные действия. Отряды армии инки были разбиты один за другим, и вскоре враг стоял уже перед воротами Куско. Казалось, дни города и империи сочтены. Виракоча Инка вместе с избранным им себе в преемники сыном Урконом и другими членами капак айлью бежал из Куско и укрылся в горной крепости Шакишауана. Однако не все потеряли голову и сложили оружие. Те же два военачальника — Апо Майта и Вика Кирао (теперь уже очень старые) — укрылись со своими отрядами в Куско, а вместе с ними защищали Пуп земли два других сына инки, братья Уркона — Йупанки и Рока. Йупанки взял на себя командование всеми оставшимися в Куско войсками.

Чанки начали штурм города, однако защитники Куско держались стойко и мужественно. Атаки чанков с каждым днем становились слабее. Тогда на чанков внезапно ударил с фланга специально выделенный отряд инкской армии — и осаждающие превратились в осажденных. А спустя несколько часов армия чанков перестала существовать.

Месть победителей была страшна. С захваченных в плен чанков живо сдирали кожу, набивали ее золой и соломой, после чего «мумифицированных» таким образом чанков складывали в «музей воинской славы» в Куско. Спустя сто лет их еще показывали первым испанцам. Победа над чанками, самым опасным врагом инков за всю историю доколумбовой Южной Америки, означала для инков то же, что для ацтеков уничтожение Аскапоцалько.

Теперь, когда чанки были повержены и уничтожены, а кечуа присоединились к Тауантинсуйу, на всей территории материковых областей Перу уже не осталось силы, способной противостоять инкским завоеваниям. Происходят перемены и внутри империи. После смерти Виракочи Инки (1438) на трон был официально возведен его сын — малодушный Уркон. Но его брат Йупанки, победитель чанков, при поддержке военачальников, отстоявших вместе с ним Куско, совершает дворцовый переворот, берет власть в свои руки, и вскоре верховный жрец официально провозглашает вступление на престол нового, девятого инки Тауантинсуйу — Пачакутин Инка Йупанки.

Пачакутин Инка Йупанки рядом организационных мер укрепил внутреннюю стабильность Тауантинсуйу. Его сын, десятый инка, Тупак Инка Зуланки (он вступил на престол в 1471 году) неизмеримо расширил границы империи. Сначала он предпринял большую военную экспедицию на озера Перу и в современный Эквадор — в область Кито. Возвращаясь из этого похода, он с севера,

то есть со стороны, откуда его нападения никак не могли ожидать, внезапно вторгся в государство Чиму и быстро овладел ней его обширной территорией. Победа над Чиму открыла инкам доступ к морю. Тупак Инка Йупанки одну за другой захватил все перуанские п-брежные долины с их богатыми городами. Тогда же он разрушил Чан-Чэн, столицу Чиму, в наказание за то, что жители этого города не пожелали принять «солнечную религию» инков.

Вскоре по возвращении в Куско Тупак Инка Йупанки стал готовить новый поход — самую крупную военную операцию из всех осуществленных когда-либо в доколумбовой Америке. Во главе огромной армии двинулся он через земли теперешней Боливии в северную часть современной Аргентины, затем вновь перешел Анды, вступил в безводную Атакамскую пустыню на севере Чили и по нынешней территории этой страны продвинулся более чем на тысячу километров к югу — до реки Мауле.

Только здесь, встретив мужественное сопротивление чилийских арауканов, он вынужден был остановиться.

Таким образом, в 1493 году, когда Тупак Инка Йупанки умер, его сыну Уайна Капаку досталась в наследство империя, равной которой не было во всей индейской Америке. С севера на юг она простиралась почти 12-5 тысяч километров. Уайна Капак завершил дело отца, он покорил лесные племена в перуанской Монтаны и нанес поражение чиригуанам, могущественному индейскому племени, которое в начале XVI века напало на его государство с юго-востока. Однако прежде всего Уайна Капак пришел к тому, чтобы заняться наведением порядка внутри империи, беспредельно разросшейся в результате походов его отца.

Захват столь обширных территорий, естественно, требовал наличия мощной военной силы. Между тем в Тауантинсуйу было только одно «регулярное» воинское соединение, представлявшее собой личную гвардию ГЕЖКЛ. Остальные формирования создавались лишь на время войны. Каждая провинция посылала свой отряд, а затем из них составлялись более крупные соединения в провинциальных городах. Воинская повинность распространялась на все мужское население Тауантинсуйу. Дисциплина была здесь очень строгой. Воина, который во время марша вышел из рядов, могли покарать даже смертью.

Армия инков побеждала главным образом благодаря своей численности.

Можно себе представить, какое действие производил уже один вид многотысячных инкских колонн на врагов Тауантинсуйу, уступавших им численно во много раз. Если страх перед этим нескончаемым потоком войск не обращал неприятеля в бегство, наступал черед второго, «психического оружия» инков — шума. Десятки тысяч воинов принимались кричать изо всех сил, понося противника, и трубить в раковины. Если же и грозные крики не утешали врага, начиналась битва. Ее начинали лучники, осыпавшие неприятеля дождем стрел. (Эти отряды целиком состояли из покоренных инками обитателей тропических лесов.) Когда армии сближались, пращники обрушивали на врага град камней. И наконец, вступала в действие инкская пехота, вооруженная копьями и макаками. Исход боя зависел, таким образом, от рукопашной схватки. С момента исторической победы над танками в 1437 году инкская армия не потерпела поражения ни в одной сколько-нибудь значительной битве, ибо в каждом рукопашном бою на одного неприятельского воина приходилось до 20 воинов инки.

От взятых в плен военачальников вражеского войска инки избавлялись необычным способом: они заточали их в подземные казематы в Куско, кишевшие ядовитыми змеями, и те сами вершили казнь. Однако всем остальным пленным ничто не грозило. Правда, их приводили в Куско на главную площадь, где перед храмом, посвященным солнцу, они должны были пасть ниц, дабы сын солнца — инка — мог пройти по их склоненным выям. Но после этого им разрешали вернуться домой, на свою теперь уже присоединенную к Тауантинсуйу родину. В глазах инков они теперь уже не были врагами, а становились гражданами империи со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями.

Тауантинсуйу была единственной империей доколумбовой Америки, где последовательно, особенно со времени Пачакути Инка Йупанки, проводилась колонизаторская политика. Эта политика — одно из лучших доказательств организаторского таланта правителей инкской империи, а результаты ее до сих пор ощутимо сказываются в этнических и языковых особенностях населения андских республик. Во-первых, в каждой завоеванной стране инки настойчиво вводили кечуа как единый государственный язык. Наряду с этим они нередко переселяли во вновь присоединенные области империи говорящих на кечуа жителей тех областей, которые уже давно стали составной частью империи. Этим переселенцам, называвшимся митимаэ, уже была знакома инкская хозяйственная и административная система, и они привычно подчинялись ей и на новом месте жительства. Тем самым вновь присоединенные земли весьма скоро утрачивали свой самобытный характер и становились территориями Тауантинсуйу, полноправно участвовавшими в хозяйственной и государственной жизни великой империи. Коренных же жителей вновь завоеванных стран отправляли на поселение во внутренние области Тауантинсуйу. Там, в новой среде, они быстрее приспосабливались к жизненному укладу империи инков. Такая политика укрепляла единство империи и способствовала дальнейшему расширению ее границ. Так, индейцы, принадлежавшие к десяткам и даже сотням племен, нередко совершенно разнородных и весьма далеких в языковом отношении, превращались в граждан Тауантинсуйу, живущих в одинаковых экономических условиях, обладающих одним трезнем культуры и, главное, говорящих на общем для всех языке — языке кечуа. К тому времени, когда в Америке появились первые европейцы, по меньшей мере каждый четвертый индеец уже говорил по-кечтански. Этот государственный язык Тауантинсуйу является и поныне наиболее распространенным индейским языком Америки, вытеснившим во всех андских республиках все другие индейские языки, за исключением аймара. В наши дни в Перу, Боливии, Эквадоре, в северной Аргентине и на севере Чили по-кечуаиски говорят даже чаще, чем по-испански. Это язык — язык

единство андских индейцев в настоящее время представляет собой прочную основу для формирования и развития весьма многочисленной ин-Гайской народности — кечуа.

Но вернемся к Уайна Капаку, последнему инке, правившему в Тауан-тинсуу до прихода испанцев. За 34 года своего правления он сделал ГОЛОГО для укрепления великой империи. Но в 1527 году Уайна Капак внезапно умер (от чумы, эпидемия которой охватила тогда весь север империи), не успев указать, кто из его сыновей должен ему наследовать. При таких обстоятельствах на престол надлежало вступить его старшему законному сыну — Уаскару. И Уаскар был в Куско возведен в сан верховного жреца. В то время в Кито, любимом городе Уайна Капака, правителем был один из сводных братьев Уаскара — властолюбивый Атауальпа. Задумав использовать внезапную смерть отца в своих интересах, он затеял, что Уайна Капак, умирая, завещал, чтобы Тауантинсуу была разделена на две части, ибо такой огромной империей нельзя управлять из одного центра, и чтобы северной половиной государства правил он, Ата-тальпа. И вот в то время, когда далеко на севере — на Кубе и в Панаме — конкистадоры уже точили мечи, готовясь отправиться на поиски легендарных сокровищ не менее легендарных индейских империй, в самой могущественной из них началась борьба двух братьев за престол, приведшая к кровавой междоусобной войне. Победу одержал честолюбивый Атауальпа, у которого были лучшие инкские военачальники и отборные войска, обученные еще Уайна Канаком. Но в этой междоусобице империя утратила свою былую мощь.

Какова же была структура этой империи? Основной ячейкой огромного «пчелиного» государства был айлью — род (в эпоху последних инков основанный уже не на кровном родстве, а представлявший территориальную общину). Каждый айлью владел определенной, строго ограниченной площадью угодий. В каждой деревне и каждом городе, как правило, было несколько айлью. Несколько деревень образовывало «округ», которым управлял курака — назначенный инкой чиновник. Несколько округов составляло одну из четырех провинций Тауантинсуу.

Рядовой член общины — хатунруна — в течение всей жизни был, таким образом, связан со своим айлью: совместно с ним обрабатывал землю, с ним же шел в сражение. В айлью совершались и основные религиозные обряды (вероятно, в древних родовых святилищах, которые по-кечуански именовались уака). Для мужчины женитьба была почти обязательна, и при этом он должен был взять в жены девушку по возможности из того же айлью. Из общинной земли каждый мужчина получал строго установленную часть — «надел», называвшийся тупу. На каждого ребенка-мальчика семья получала дополнительно одну тупу, на каждую девочку — половину тупу. Вся земля в Тауантинсуу была разделена на три части. Первая принадлежала «божественному солнцу» (доход с нее шел на содержание жрецов и на жертвоприношения), вторая — государству и инке, и наконец, доход с третьей оставлялся земледельцу.

Основной культурой инкского земледелия была кукуруза (по-кечуански — сара), в менее плодородных областях — картофель (папа), а также фасоль (терви), красный перец (рекото) и т. д. Благороднейшее андское животное, лама, не годилось для тягла, и потому все полевые работы люди выполняли сами.

Обработка полей начиналась в августе. Земледельческий сезон открывал сам инка на «поле правителя» в Куско ударом золотой мотыги. Поскольку доколумбова Америка не знала плуга, андские индейцы использовали для вскапывания земли особые палки длиной в человеческий рост. Затем женщины разрыхляли почву мотыгами.

Земледелию необходима вода. А между тем в Андах она далеко не везде имеется в изобилии. Поэтому в Тауантинсуу была создана довольно сложная система оросительных каналов. Прямо над Куско до сих пор сохранились остатки огромного резервуара, из которого в засушливое время вода подавалась на большие расстояния.

С недостатком влаги земледельцы боролись также путем террасирования склонов. К тому же во внутренних высокогорных областях Перу, где находился центр империи инков, почти не встречается больших равнинных пространств, пригодных для земледелия. И андский индеец вынужден был создавать поля на склонах гор. Ему приходилось буквально высекал на крутых склонах ступень за ступенью, огораживать каждую каменным барьером, чтобы в период дождей вода не смывала землю, и лишь после этого он мог засеять свои маленькие ступенчатые поля. Эти террасы, представлявшие собой гордость инкской культуры, сооружались, видимо, под руководством чиновников и по разработанным ими проектам.

Стада лам, как и земля, были разделены между тремя владельцами — «божественным солнцем», инкой и народом. Главной предписываемой государством трудовой повинностью женщин было прядение и ткачество. Так миллионы жителей империи из года в год планомерно приумножали богатство огромного государства.

Государство же превосходно организовало хранение и доставку земельных сельскохозяйственных продуктов. В каждой провинции имелось по два гигантских: склада-зернохранилища, один — «божий», другой — «государственный». Из «государственных» складов выдавались одежда и провизия государственным чиновникам, воинам, строителям дорог и крепостей, а также приближенным инки. Из «божьих» амбаров снабжалась многочисленная армия жрецов. Но если случался голод или стихийное бедствие уничтожало урожай, государственные хранилища открывались и для народа.

Основной обязанностью громадного большинства подданных в Тауан-тинсуу было трудиться на пользу империи. А поскольку денег в Тауан-тинсуу не существовало, рядовой подданный (многие авторы называют его «налогоплательщик») выполнял свой долг перед государством, участвуя в земледельческих работах или служа в войсках или, наконец, так называемой митой. Мита (весьма важное с хозяйственной точки зрения изобретение инков) означала обязанность всех или почти всех подданных империи

работать на строительстве государственного значения, осуществляемых по указанию инки (и никого другого), а также выполнять другие необходимые работы, в том числе на государственных рудниках однако на рудниках — не более одного месяца). Мита давала государству возможность за несколько дней сосредоточить на важных работах десятки тысяч людей. Так, в Тауантинсуйу необыкновенно быстрыми темпами строились дворцы, святилища, водопроводы, оросительные системы, мосты, пороги и огромные крепости. Например, нам известно, что крепость Сак-сауаман в предместье Куско строили одновременно 30 тысяч рабочих.

Те, кто не был способен работать — больные, а также вдовы, — получали от государства полное обеспечение, прежде всего одежду и пищу.

Народ (хатунруна) был разделен в империи на двенадцать возрастных групп. Люди старше 60 лет освобождались от всякой трудовой повинности, а люди старше 50 лет работали значительно меньше других. При этом рядовые представители населения в равной мере пользовались всеми материальными благами.

Однако надо помнить, что те, кто составлял основную массу земле-зельческого населения — хатунруна, подвергались жестокой эксплуатации. Ведь на труде их паразитировали жрецы, курака — своеобразная инкская аристократия, занимавшая различные высшие и низшие служебные должности, а на самой вершине государства — инка и члены капак айлью. С другой стороны, в Тауантинсуйу существовала группа совершенно бесправных людей, почти рабов, называвшихся йанакуна. И было их немало. Один из первых испанских хронистов спустя более чем 40 лет после конкисты насчитал свыше 47 тысяч йанакунов, оставшихся со времен империи. Следовательно, в Тауантинсуйу не существовало равенства. В Тауантинсуйу народ жестоко эксплуатировался и был лишен свободы. Государство при этом использовало и религию для оказания соответствующего воздействия на народ. Каждый представитель «народа» был на всю жизнь привязан к своему айлью, месту жительства или работы, которые были определены ему инкой и его чиновниками.

Во главе Тауантинсуйу стоял неограниченный властитель — инка, которого называли сапа (единственный). Будучи прямым потомком «божественного солнца», он и сам почитался богом. Отсюда его второй титул — Интип Кори (сын солнца). Преемника себе инка выбирал среди своих сыновей (выбор не обязательно должен был пасть на первенца). Будущий инка «готовился к своей должности» в кругу ученых. Затем он сдавал своеобразный государственный экзамен — уаранчикой. Перед тем как взойти на престол (многие правители передавали свою «власть» преемнику еще при жизни, а сами удалялись «на покой»), новый инка должен был три дня пребывать в одиночестве и не принимать пищи, а затем он торжественно короновался. «Короной» инке служило льяуту — подобие венца из цветных шерстяных нитей, несколько раз обернутых вокруг его головы. Знаками верховной власти были золотые, почти полуметровые регалии. Скипетр украшали три пера редкостной горной птицы коракеке. Инка восседал на низком резном троне из красного дерева. Принимая просителей, он оставался отгороженным от них занавесом. Лишь в крайне редких случаях занавес поднимался и тот, кому была оказана эта исключительная милость, мог лицезреть властителя.

Обычно инка ходил в одежде того же покроя, что и у его подданных, но сшитая она была из более красивых тканей, сотканная девушками из монастыря «невест солнца». И он никогда не надевал одно и то же одеяние дважды. Пища подавалась инке на золотом блюде, а остатки с его стола жрецы торжественно сжигали.

Некоторые инки, в особенности Тупак Инка Йупанки, много путешествовали. «Выездом» инки были деревянные носилки, отделанные золотом. Носилки обслуживал особый отряд носильщиков (принадлежавших только к племени рукана), одетых в синюю прямого покроя одежду. Как мы уже знаем, инка имел лишь одну законную жену — койю, и это всегда была его родная сестра. Но к его услугам были сотни, а то и тысячи наложниц, а также юные девственницы из монастыря «невест солнца». Когда инка умирал, тело его бальзамировали. Мумию инки оставляли в его дворце. С этого времени дворец превращался в своего рода святилище, а новый инка строил себе новый дворец. Мумию усаживали на золотой трон. Возле трона устанавливалась золотая статуя почившего инки в натуральную величину. Впоследствии эти золотые статуи стали добычей алчных испанских завоевателей. К сожалению, не сохранились и мумии инков. Из сообщения одного хрониста мы знаем, что мумии инки Уайна Капака и двух его предшественников (а также их жен) были найдены в Куско в середине XVI века, но по приказу вице-короля их вскоре закопали в землю у ограды больницы в Лиме.

Итак, инка был неограниченным, абсолютным владыкой империи. Он был земным богом, единственным законодателем и верховным военачальником. Тем не менее инки в отличие, например, от властителей восточных деспотий пытались играть роль милостивых, мудрых и справедливых правителей.

К господствующей верхушке, помимо самого инки, принадлежали все его кровные, родственники, представители капак айлью, то есть инкского рода, носившего название пакайопу (Большие уши, по-испански ore jones). В большинстве случаев жили они в Куско и занимали все высшие государственные посты, в том числе и вторую по значению должность в империи — должность верховного жреца. Все четыре апу — правители четырех провинций империи — также были кровными родственниками инки.

Отличительным знаком принадлежности к инкскому роду, помимо различных регалий и украшений, были удлиненные мочки ушей (что достигалось с помощью ношения в ушах особых колец). Низшим слоем правящего класса были курака. Ранг курака зависел от того, сколько подданных, обязанных нести государственные повинности, находилось под его надзором. Высшим из них был

чиновник знатного происхождения, именовавшийся хоно курака (господин 10 тысяч людей), низшим — пакака курака (господин 100 людей). Курака, руководившие всем укладом жизни и всей трудовой деятельностью рядовых членов общины, регулярно проводили проверку их численности, так что в Куско каждый год поступали точные «узловые» записи с важнейшими статистическими данными.

Таким образом, принадлежность к числу привилегированных давала возможность занимать высокие должности. И хотя привилегии, правовые и имущественные, передавались по наследству, вместе с ними члену привилегированной группы передавалась обязанность выполнять точно определенные функции в государстве. Помимо таких государственных организаторов, в Тауантинсуйу существовали еще и помощники пакака курака, руководившие работой десяти, иногда пятнадцати человек. Их курака выбирал по своему усмотрению из числа хатунруна — рядовых подданных.

Резиденцией инки, почти всех Больших ушей и многих курака был Куско. Видимо, лет за сто до нападения Писарро в городе была произведена перепланировка. Поэтому мы не знаем точно, как выглядел он в древнейшие времена. Перестройка города приписывается десятому инке, знаменитому Тупак Инка Йупанки, который на основании миты призвал с этой целью в столицу до 20 тысяч человек. К той же поре относится и первое сообщение о социальной смуте среди доколумбовых индейцев.

Шесть тысяч человек ежедневно доставляли в Куско огромные стотонные плиты из Майунских каменоломен, расположенных за многие километры от города. Этот груз приходилось волоком тащить через скалы. Однажды такая плита, порвав канаты, похоронила под собой четыреста человек. Оставшиеся в живых взбунтовались и убили руководителя работ.

И все же перестройка города была доведена до конца. Как же выглядел Куско в пору появления в Америке первых европейцев?

Перуанцы сравнивали свой главный город с телом пумы — животного, которое они чтили за его силу и отвагу. Головой пумы была крепость Саксауаман, хвостом — река Вилькамайо. Город делился на две резко отличавшиеся друг от друга части: Ханан Куско (Верхнее Куско) и Хурин Куско (Нижнее Куско).

Центр города был расположен в Верхнем Куско. Он занимал район вокруг площади, называвшейся Уакапата (Священная терраса). От нее расходились дороги, соединявшие Пуп земли с четырьмя «частями света», то есть четырьмя провинциями Тауантинсуйу. Ко времени прихода испанцев на площади возвышались три дворца. Два из них — дворец восьмого инки, Виракочи Инки (площадь основания 30 X 160 метров), и дворец Тупак Инки Йупанки — были уже превращены в святилища; в третьем жил последний законный инка — Уаскар, а позднее поселился самозванец Атауальпа.

Впрочем, истинную гордость Куско составляли не дворцы инков, а великолепный ансамбль храмов, носивший название Кориқанча (Золотой двор). Он был возведен на том месте, где, по преданию, инка Манко Ка-пак и его сестра, она же супруга, Мама Окльо, придя в долину Куско, построили когда-то первую хижину. Главным сооружением Кориқанчи был храм бога солнца — Инти. Это и было воспетое поэтами «золотое изумленья» юга, чудо, равного которому не было и не будет на свете. Доступ в храм Инти, надо полагать, имел только сам инка, прямой потомок солнца. Здесь находилось изображение Инти — огромный, по-видимому в несколько метров, диск из чистого золота, украшенный крупными изумрудами. Это изображение было поставлено в западной части храма с таким расчетом, чтобы его озаряли первые лучи восходящего солнца. Окна и двери святилища были усыпаны драгоценными камнями. Стены его были сплошь обиты изнутри листовым золотом, и даже снаружи портал храма украшала полоса из чистого золота. Потолок этого изумительного святилища покрывала резьба по дереву, а пол устилали прошитые золотыми нитями ковры. Вдоль стен храма стояли лари, в которых хранилось зерно кукурузы, возвращенной самим инкой на его поле. Весь обрядовый инвентарь в храме Инти — вазы, чаши и все прочее — тоже был из чистого золота. Не удивительно, что испанские завоеватели, увидев впервые эти сокровища, не верили собственным глазам.

К храму солнца примыкало несколько часовен — в честь грома и молнии, радуги, планеты Венеры, а главная из них — в честь Мама Кильи — луны. Образ луны в империи инков, как и у всех древних, связан с представлением о женщине, богине. Поэтому часовня Мама Кильи предназначалась для койи — жены инки. Ни одна женщина, кроме койи, не имела доступа в эту часовню. Здесь же находились и мумии умерших жен инков.

В отличие от храма солнца, где все было из золота, в часовне луны все убранство было из серебра.

Храм Инти, часовня луны и остальные часовни обрамляли внутренний двор ансамбля Золотого двора, называвшийся Интипампа (Солнечное поле). Это Солнечное поле, бесспорно, было самым удивительным из всего созданного высокими культурами доколумбовой Южной Америки. Даже самые сдержанные авторы, говоря о Солнечном поле, впадают в восторженный тон. Это было как бы отраженное в золотом зеркале изображение повседневной жизни империи. На этом дворике по золотому полю бродили золотые олени и ползали золотые змеи, а на ветвях золотых деревьев сидели золотые птички и бабочки. Ветерок раскачивал золотые початки кукурузы, и двадцать золотых лам, поедавших золотые стебли травы, паслись под присмотром золотых пастухов, изваянных в натуральный рост.

Надо ли говорить, что и это единственное в своем роде чудо стало жертвой алчности испанских завоевателей.

Скажем еще, что в 1534 году, в год прихода в Куско конкистадоров, в этом прекрасном городе было примерно 200 тысяч жителей. И по сей день здесь сохранились руины огромной крепости Саксауаман, хорошо изученные перуанским археологом Луисом Валькарселем, а также развалины обсерватории для наблюдения равноденствий — Интиуатана и своеобразной «школы» для воспитания детей аристократии — Йачауаси. Сохранились и стены отдельных храмов Кориқанчи (они вошли в архитектурный

комплекс монастыря, построенного доминиканцами на месте Золотого двора).

В храмах Куско и всего Тауантинсу́йу кечуа поклонялись целому пантеону богов, подчиняя их строгой субординации. Самым высшим из богов считался Кон Тикси Виракоча (в американистской литературе теперь, как правило, называют лишь третье его имя — Виракоча). Это был творец мира и создатель всех остальных богов. В пору прихода испанцев золотые статуи Виракочи стояли как в Куско, так и в других городах империи. В числе тех богов, кого Виракоча сотворил, был и важнейший «собственный» бог Тауантинсу́йу, к которому верующие обращались непосредственно. Это был бог Инти, золотое солнце, легендарный предок правящей династии. Возможно, что и само название династии инков произведено от имени этого золотого бога. Следующим по значению был Ильяпа — бог погоды, грома и молнии. К нему люди обращались главным образом с просьбами о дожде, ибо Ильяпа мог заставить течь на землю воды Небесной реки (нашего Млечного Пути). Супругой солнца была Мама Килья — богиня луны. Почиталась также Утренняя звезда (Венера) и множество других звезд и созвездий. Особое положение занимали чрезвычайно древние культы матери-земли — Мама Пача (преимущественно у горных индейцев) и матери-моря — Мама Кочи (естественно, у прибрежных племен). Все это были- в общем-то добрые боги. Вместе с тем жители Тауантинсу́йу верили в существование многих враждебных человеку духов и сил. Деревенский люд, помимо богов, почитал различные местности: горы, пещеры, скалы и т. д. Они имели общее название уапа. Весьма вероятно, что это были те места, где еще в далеком прошлом, в пору расцвета родового общества, предки кечуа совершали свои религиозные обряды. В инкском обществе в эпоху разложения родового строя весь религиозный ритуал был в ведении профессиональных жрецов, во главе которых стоял носитель высшего духовного сана — первосвященник, по-кечуански вильяк-уму.

Раз уже речь зашла об обрядах, следует сказать, что жители Тауантинсу́йу часто устраивали красочные празднества. В календарном году кечуа, как и в нашем, было 365 дней, он тоже делился на 12 месяцев. Первым месяцем их года был наш декабрь, последним — наш ноябрь. И уже на первый месяц приходился великолепный трехдневный праздник в честь созревания кукурузы. По-кечуански этот первый месяц так и назывался капак райми (великоленный праздник). С земледелием были связаны и другие обрядовые торжества. Так, в месяце айморай (мае) отмечался праздник Мама Сари — матери-кукурузы. В месяце инти райми (июне) устраивались грандиозные торжества в честь «божественного солнца», во время которых приносилось множество человеческих жертв. В месяце чауауарки (июле) по повелению инки Рока, строителя гигантских оросительных сооружений, справлялся праздник воды. Таких религиозно-обрядовых празднеств, связанных с инкским земледельческим календарем или посвященных самому инке и его семейству, было немало. Во время этих празднеств, всегда происходивших на главной площади Куско, Уакапата, приносились и человеческие жертвы, но надо сказать, что инкские религиозные обряды были все же значительно гуманней, чем кровавые ритуалы ацтеков. Здесь разительно выступает различие этих двух империй. Тауантинсу́йу жилось прежде всего на «мотыге», на интенсивном, хорошо организованном государственном хозяйстве, на эксплуатации собственного народа. Ацтекское же государство своим могуществом и силой было обязано главным образом мечу и богателю за счет военных захватов и ограбления покоренных племен.

С религией же был непосредственно связан еще один интересный институт инков — акляя куна (невесты солнца). Тауантинсу́йу старалось взять от своих рядовых граждан все, что только могло. Мужчина должен был отдавать империи и божественному инке свою силу на ратном поле, свой труд на пашнях и общественных строительствах. А что могла дать женщина? Женщина обладает красотой, привлекательностью. И вот ежегодно все деревни империи объезжал специальный государственный чиновник, называемый апопанака; он устраивал «смотрины» всех местных девушек и отбирал среди них «невест солнца». Как подсказывает само их название, «невестами солнца» могли стать только девственницы. Потому отбор производился среди девочек примерно десятилетнего возраста. В «невесты солнца» избирались наиболее красивые и физически совершенные девушки. Те же, что не были отобраны, оставались до своей свадьбы в отцовском айлью.

Вступление в брак считалось в Тауантинсу́йу гражданской обязанностью каждого. Если мужчина до 25 лет или женщина до 18 лет не успе- та, тн найти себе «спутника жизни», в дело опять-таки вмешивалось все-:пльное государство. В объявленный день все неженатые и незамужние должны были являться в окружной центр, и соответствующий чиновник по собственному разумению составлял из них супружеские пары. Отказаться от такого брака было нельзя. Что же касается «невест солнца», их ;зозили из родных мест в монастыри главных городов четырех провин-лпл. Здесь они в течение четырех лет обучались на государственный счет зрпготовлению пищи, ткацкому ремеслу, прядению и т. д. После этого достоинства избранных девственниц вновь оценивались. Некоторых отдавали в жены или в наложницы чиновникам и военачальникам, прочие становились мама куна (матерями-прислужницами бога Инти) и давали обет вечно хранить непорочность. Эти весталки империи инков выполняли зсякого рода «священные» обязанности — например, приготавливали еду и напитки для приносимых в жертву. Во главе «невест солнца» стояла верховная жрица — койя паска. Закон, охранявший целомудрие «невест солнца», не распространялся на инку, который выбирал себе среди них налож-ящ. Число жен в «гареме» инки бывало весьма значительно; предполагают, что оно достигало трех тысяч.

Крупнейший из монастырей «невест солнца» находился, естественно, в Куско. Он был огорожен высокой стеной и представлял собой, согласно дошедшим до нас свидетельствам, одно из интереснейших зданий инкской архитектуры. Об архитектуре

империи инков мы, собственно, уже говорили. Но добавим еще несколько слов. В отличие от древнемексиканских зодчих, архитекторы инков, не стремясь к внешнему эффекту, уделяли главное внимание тому, чтобы постройки были практичны и солидны. Основным строительным материалом у инков был камень. Из памятников инкского строительного искусства лучше всего сохранились замечательные крепостные сооружения, особенно крепость Ольянтайтамбо, построенная вблизи излюбленной летней резиденции инков в долине Йукай. Здесь, под стенами Ольянтайтамбо, инка Манко (Второй) нанес поражение испанцам в одной из важнейших битв во время своего восстания (об этом мы скажем позднее). Здесь же разворачивались события, которым посвящена прославленная кечуанская драма — о мужественном Ольянтае, лю-оовь которого к дочери инка Коси Койлюр была столь сильна, что заставила его пойти против инки. Этому Ольянтаю многие приписывают и строительство самой крепости, носящей его имя. Наряду с крепостью Ольянтайтаыбо значительным сооружением была крепость Саксауаман в предместье Куско, о которой мы уже говорили. Неподалеку от Саксауа-мана высилась столь же неприступная крепость Сенка. Но все чудеса инкской архитектуры затмевает Мачу-Пикчу. Американский археолог Хай-рем Бингем, которому посчастливилось найти Мачу-Пикчу, был вознагражден за то, что поверил древним кечуанским преданиям об огромных инкских городах на реке Урубамбе. Так же как люди, искавшие центры культуры майя, Бингем выслушивал предание за преданием, разыскивал индейцев, знающих что-либо о легендарных городах, и наконец нашел. И таких индейцев, и город. Получив точные сведения, он организовал в 1911 году большую экспедицию, финансировавшуюся Йельским университетом, и эта экспедиция начиная с 1912 года ступень за ступенью, одну стену за другой отрывала гигантский мертвый город. Мачу-Пикчу находится примерно в 120 километрах к востоку от Куско, в диком, малонаселенном краю, на берегах стремительной реки Урубамбы. Город этот основал инка Пачакути. Впрочем, в ту пору Мачу-Пикчу был лишь одним из звеньев обширной оборонительной системы Тауантинсуйу. По странной иронии судьбы, подлинный расцвет Мачу-Пикчу относится к тому времени, когда испанцы уже завоевали Куско и большую часть остальной территории империи. Мачу-Пикчу стал местом, где Тауантинсуйу, словно бы не затронутое смерчем конкисты, доживало свои «старые золотые времена». Жрецы пели гимны, «невесты солнца» выполняли свои обязанности, а новые инки отправлялись отсюда вести партизанскую войну против белых завоевателей. Однако мужчины часто не возвращались, «невесты солнца» не рожали детей, Мачу-Пикчу все плотнее обступали непроходимые леса и наконец наступил день, когда умерла последняя обительница города. И когда через 400 лет Хайрем Бингем вновь открыл город, который так и не стал добычей врага, он нашел лишь несколько десятков истлевших скелетов. И почти все они были женские.

Впрочем, из всех сооружений инков наибольшего восхищения, несомненно, заслуживают их дороги. Александр Гумбольдт некогда сказал, что эти дороги — самое выдающееся творение человека за всю его историю. Империя инков из конца в конец пересекали две важнейшие дороги. Первая из них, так называемая главная дорога, до начала нашего столетия оставалась самым длинным шоссе в мире. И заметим, это было шоссе, построенное людьми, не знавшими ни колеса, ни повозки. Оно начиналось у северной границы империи — в современном Эквадоре (вблизи экватора), а кончалось у реки Мауле, на инкско-арауканской границе, в центральном Чили, на 35° южной широты. Общая протяженность его составляла около 5250 километров. Вторая, прибрежная дорога начиналась у Тумбеса, в том месте, где позднее испанцы впервые вступили на территорию Тауантинсуйу, и вела все далее на юг, пока в Чили (вблизи нынешнего города Копьяпо) не соединялась с главной дорогой. Прибрежное шоссе, построенное, очевидно, позже, на всем своем протяжении имело ширину точно 7,5 метра. Главная дорога, которая вела через горы, была несколько уже. Инкские шоссе отличались от наших тем, что с обеих сторон обрамлялись каменным барьерчиком. Обе эти главные магистрали, идущие с севера на юг, соединялись между собой рядом поперечных дорог.

Эта гигантская сеть дорог была создана по нескольким причинам. В первую очередь это были сооружения военного порядка. Дороги давали возможность быстро перебрасывать войска. Но помимо военных, они служили и другим целям: дороги связывали отдельные области Тауантинсуйу, открывали двери для их полной экономической интеграции и т. д. Инки хорошо понимали значение своей дорожной сети. И потому уделяли ее строительству большое внимание. Сооружением дорог руководили «инженеры» — некий правительственный технический комитет, который определял трассу шоссе. Строительные работы осуществлялись на основе миты — кителями тех общин, по чьей территории проходили отдельные участки будущей дороги. Строители инкских магистралей преодолевали всевозможные природные препятствия: дороги поднимались к заоблачным вершинам (в одном месте даже на высоту 5160 метров над уровнем моря), пересекали по каменным настилам болота, прорезали непроходимые джунгли. Над реками навешивались весьма своеобразные мосты, которые держались на канатах, сплетенных из волокон агавы. Заботиться об исправности моста было обязанностью жителей ближайшей деревни. Старейшим из подобных мостов был 45-метровый висячий мост через реку Апуримак, построенный еще во времена правления инки Рока. Североамериканский ученый Виктор Хаген, много лет изучавший сеть инкских дорог, охарактеризовал этот мост как, несомненно, самое значительное техническое достижение коренного населения обеих Америк.

На всех государственных трассах на одинаковом расстоянии друг от друга (равном примерно дневному переходу) были выстроены постоя-яые дворы и созданы склады съестных припасов, иногда весьма значительные по размерам. Назывались они тамбо (тампу). Тамбо снабжали путников и государственных чиновников, следующих по делам службы, :еспечивали провиантом перемещавшиеся войска и т. д. По дорогам все передвигались пешком, а грузы переносились на спине. Только инка. Большие уши и высокие чиновники путешествовали в носилках. В Тауан-тинсуйу существовала и государственная почта, еще одно

замечательное нововведение инков. Почтовую службу несли часки ■ — специально отобранные и прошедшие особую тренировку бегуны. На каждом участке дороги всегда были наготове два бегуна. Один отдыхал, а второй наблюдал за звоним участком шоссе, никогда, однако, не превышавшим трех километров. Завидев бегуна, дежурный часки бегом пускался ему навстречу, на ходу выслушивал устное сообщение или брал кипу — узловую запись — —/. бежал к следующей станции. Поскольку участки были короткими, государственные депеши в Тауантинсуйу передавались с помощью этой остроумной эстафеты весьма быстро. Максимальная скорость составляла 400 километров в день.

Таким образом, дороги, мосты, тамбо и все, что было с ними связано, являлись свидетельством не только большого технического таланта инков, но и превосходной организации, порядка, на которых держалась огромная империя.

Из точных наук наибольшее развитие получила в Тауантинсуйу астрономия, определявшая ритм земледельческих работ, однако надо сказать, что инкский календарь все же не достиг той скрупулезной математической точности, которая поражает нас в календарных системах высоких культур Месоамерики.

До недавнего времени считалось твердо установленным, что в отличие от месоамериканских индейцев андские индейцы, как и все другие племена Южной Америки, не знали письменности. Теперь этот взгляд взят под сомнение. Правда, до сих пор здесь не было найдено письменных памятников, подобных прославленным кодексам миштеков, ацтеков и других высоких индейских культур Месоамерики. Но перуанский археолог Р. Л. Ойле, изучая роспись на сосудах культуры мочика (о ней мы уже говорили), обнаружил изображения бобов, на которых ясно различимы какие-то знаки. На других сосудах изображены фантастические существа, которые либо рисуют на бобах подобные же знаки, либо их читают. Здесь уместно будет напомнить о сообщении одного хрониста, которому до недавнего времени не придавали значения. Этот хронист, Сармиэнто де Гам-боа, утверждал, что близ храма солнца в Куско существовал своего рода «государственный архив», где на золотых рамах были натянуты полотнища материи, на которых были «записаны» (вытканы) важнейшие события истории Тауантинсуйу. Однако доступ в это здание был якобы запрещен всем, кроме самого инки и нескольких его приближенных — историков. Таким образом, не исключено (и, быть может, еще не законченные исследования профессора Кочабамбского университета Ибарра Грассо подтвердят это), что в империи инков было известно письмо, скорее всего пиктографическое, но оно составляло династическую тайну самого инки и нескольких наиболее доверенных лиц из числа его кровных родственников.

Напомним также неоднократно высказывавшееся мнение, что инки — члены «королевского айлью» говорили между собой не на кечуа, а на некоем только им известном языке своей исконной родины (возможно, на древнеймарском, поскольку пришли они с берегов озера Титикака). Добавим к тому же, что в Тауантинсуйу словесность (а возможно, и письменность) находилась в ведении особой группы ученых-литераторов (на языке кечуа они назывались амаута) в отличие от майя и некоторых других высоких индейских культур, где это было делом жрецов.

Так или иначе, но существование письменности у инков пока с полной достоверностью не доказано. Широко распространено мнение, будто «инки писали узловым письмом». Что же представляло собой это узловое письмо, так называемое кипу? Начнем с того, что кипу, собственно, не было письмом. Основой кипу являлась веревка, стержневина, к которой прикреплялось множество веревочек потоньше: На этих веревочках разного цвета завязывались узлы. Цвет веревочки, количество узлов на ней, а возможно, и способ их завязывания содержали определенное сообщение. Какого же рода сообщения, какую информацию заключали в себе кипу? В настоящее время можно утверждать с полной достоверностью, что кипу служили главным образом для численных обозначений. Узлы на веревочках, расположенные с равномерными интервалами, обозначали последовательно десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. Если же нужно было обозначить ноль, то кипу-камайоки — как назывались инкские писари и статистики — оставляли пустое место там, где должен был находиться очередной узел или ряд узлов. С помощью такого рода узловых записей кипу-камайоки сообщали в Куско основные статистические данные — о числе жителей в деревне или округе, об их трудовых повинностях, а иногда в исключительных случаях и некоторые другие сведения.

Цвет веревочки точно указывал, о ком или о чем идет речь в донесении. Так, красный цвет означал солдат (а узлы на красной веревочке — их число), золото обозначала желтая веревочка, серебро — белая, черная же символизировала время (черная потому, что кипу сообщало, сколько ночей прошло с момента того или иного события). Как видим, кипу было весьма практичным, но и довольно сложным изобретением. Поэтому империя тщательно готовила кипу-камайоков к выполнению их обязанностей, и они принадлежали к числу уважаемых граждан государства.

Итак, кипу не было видом письменности. Но то обстоятельство, что жители Тауантинсуйу в своем абсолютном большинстве, бесспорно, не знали письма и не писали книг, не мешало развитию кечуанской словесности. Существовали замечательные гимны, легенды, мифы, короткие эпические произведения, рассказывавшие о войне с чанками, о деяниях инков Йауар Уакака и Майта Капака, баллады (их записал Моруа в первые годы после вторжения испанцев), молитвы, а также драматические произведения. До нас дошло весьма немногое, но и это немногое свидетельствует о талантливости поэтов древнего Тауантинсуйу. Мы знаем об инкской словесности меньше, чем, например, о словесности доколумбовых ацтеков, не только потому, что здесь не существовало книг, но и потому, что среди первых европейцев, пришедших в Перу, не нашлось человека, подобного Бернардино де Саахуна. Все, что уцелело от доколумбовой кечуанской словесности, сохранилось единственно благодаря устной традиции. И

среди этого немногого — такая великолепная драма, как «Ольянтай», одна из самых ярких жемчужин в сокровищнице мировой драматургии.

Время создания этой драмы не известно. Возможно, первоначальный текст, возникший еще в доколумбову эпоху, был пересказан заново в годы испанского ига, возможно также, что народные сказители вновь и вновь заостряли его революционную направленность. Драма о мужественном полководце Ольянтае исполнялась индейцами, большими любителями театра, и во времена испанского владычества. Она вселяла в них надежду, ибо ^ утверждала нечто совсем иное, чем церковь: «Если ты прав, защищайся! Пусть перед тобой более сильный, все равно защищайся! Правое дело победит. Ведь побеждает не сила, а человек и его чувства». Ольянтай служил для них примером.

Кечуанский текст драмы в редакции, которая, видимо, исполнялась в период революционного движения Тупака Амару Второго, был найден в доминиканском монастыре в Куско. Еще ранее о ней писал индейский автор Салкамайуа. Впервые ее издал на кечуа в 1775 году испанский священник Антонио Вальдес. Позднее стали появляться ее переводы — прежде всего, разумеется, на испанском языке. Перевод перуанского профессора Хосе Барранки, опубликованный в _ 1868 году, впервые познакомил мир с этим перлом мировой культуры. Голос исчезнувшей цивилизации вызвал у читателей восхищение. Вскоре появились новые переводы — английский (Маркхама), немецкий (Чуди), еще один испанский (Пачеко) и т. д.!

По своей популярности и литературным достоинствам драма «Ольянтай» может быть поставлена в ряд лишь с одним произведением индейской словесности — со знаменитым эпосом киче «Пополь-Вух».

В этой драме рассказана история полководца Ольянтая, в жилах которого не текла благородная кровь инков. Тем не менее он имел мужество совершить поступок, неслыханный в Тауантинсуйу: полюбив дочь инки Пачакути Йупанки, прелестную Коси Койлюр, он поведал ей о своей любви. И Коси Койлюр (Смеющаяся Звезда) не отвергла любви смельчака, ответила ему взаимностью. А поскольку инкский Ромео любил свою Смеющуюся Звезду столь же страстно, как и его веронский собрат, то даже первосвященнику храма Инти не удалось обуздать сердце Ольянтая. Подлинное чувство способно на невозможное, и Ольянтай открылся своему господину — божественному сыну солнца, великому инке Пачакути:

Я тебе, о повелитель,
С детства верен всей душою.

Ты открыл передо мною

Путь к Познанию, мой учитель.

В Ольянтае умножились Силы от твоей науки, Но лицо мое и руки Часто потом покрывались.

Я врагов твоих караю Как неутомимый мститель. Храбрых анти предводитель — Страх повсюду я вселяю.

Бил врагов везде, всегда я. Лил их кровь всегда, везде я. Всех их, как петля на шее. Душит имя Ольянтай!

Ты моими взял руками Грозный край хананский горный, Диких юнков непокорных Я привел к тебе рабами.

Я обрезал крылья чанкам, Села их предав пожарам! Не сдержал моих ударов Даже гордый Вилька-Ванка.

В битвах место Ольянтая Впереди перед отрядом. Я иду со смертью рядом, Всех врагов с пути сметая.

Так, хитря с врагом порою, И всегда сражаясь смело, Я тебя владыкой сделал Над бескрайнюю страну.

Ты мне дал награды, Инка. Дал высокие отличья, Я обрел в тебе величье. Но как прежде — я пылинка,

Я ничто перед тобою, Я твой раб, как было прежде, Хоть хожу в твоей одежде И с повязкой золотой!

Правда, Инка Ольянтаю Отдал Анды в управление. Но, горя одним стремленьем. Я сегодня повергаю

Пред тобою, сын Светила, Храмы, лам, посевы, всходы.

Сами Анды, их народы, Всю их мощь и все их силы!

Дай шагнуть ступеньку выше! Дай! Прошу, Солнцeroжденный, Дай, прошу, мне Койлюр в жены!..

Инка! Умоляю! Слышишь?!

Сильный милостью твоею, Озаренный светом звездным, За тебя в сраженьях грозных Жизни я не пожалю!

Инка Пачакути

Предначертано судьбою, Что должно с тобою стать! Ты решил со мной сравняться?! Ты рожден на свет слугою!

Ольянтай

Вырви сердце!..

Инка Пачакути

Ты диктуешь Мне готовое решение? Я один — источник права, Я один — добро и слава. Прочь, безумное творенье!

Ольянтай уходит к своим воинам в Высокую землю. И готовится к битве. Между тем Коси Койлюр родила в Куско дочь и назвала ее Има Сумах (это имя позаимствовала в наше время известная индейская певица). Разгневанный инка заточает обеих — мать и дитя — в монастырь «невест солнца». Но при этом разлучает их. И Има Сумах растет в монастыре без матери, со своей единственной подружкой Питу Сальи.

Между тем инка готовит месть смельчаку; как и Ольянтай, он снаряжает войско под командованием полководца Руми Ньяви. Но

Ольянтай в первом же сражении уничтожил войско инки. Самому Руми Ньяви едва удалось спастись. Миновали годы. Руми Ньяви вновь отправляется в поход. В горах он заманил Ольянтая в западню, захватил его и привел в столицу империи. А в это время здесь же, в Куско, в монастыре «невест солнца» мать Коси Койлюр и дочь Има Сумах находят и узнают друг друга. И еще одно событие происходит в столице: старый инка Пачакути внезапно умирает и на престол вступает Тупак Инка Йупанки. Ему и надлежит покарать Ольянтая. Но когда новый инка узнал, что его родная сестра более десяти лет томилась в монастыре, когда он увидел дочь своей сестры и Ольянтая Имусумах, он сменил гнев на милость. И вот Ольян-згай не только спасен, но и возвеличен. Послушаем конец древней драмы: Тупак Йупанки: Довольно. Снимите с них путы. А ты, Ольянтай, встань и приблизься ко мне. Если хочешь, можешь бежать. Ты свободен, как лама в Андах. Хочу, чтобы ты познал силу моего сердца. Выше вознесу тебя, чем вознес тебя мой отец. Был ты полководцем и господином з Антисуйу. Ныне тебя наместником своим назначаю. Не будешь жить з Тамбу. Здесь, в Куско, твое место, рядом со мной будешь на троне...» Таков счастливый эпилог драмы об Ольянтае, человеке незнатного происхождения, полюбившем дочь самого инки и с оружием в руках отстаившем свою любовь. Поскольку (по крайней мере в настоящее время) нам не известна письменность доколумбовых индейцев андской области, в нашем распоряжении нет хроники этого государства, написанной ими самими. Имеющиеся у нас сведения об андских индейцах, а точнее, о Тауантинсуу, исхо-~Я7 от испанских хронистов первых лет конкисты (о том, «что было до с-гого», то есть о доинкских высоких культурах андской области, в таких ::общениях ничего не говорится). Но есть у нас и еще один источник. Это г. -писанные по-испански сообщения о жизни в Тауантинсуу, вышедшие згг-под пера перуанских индейцев. Среди литературных памятников по-з:-бного рода особое место занимает вдохновенное сочинение дон Гарсиа-хасо де ла Беги. Этот «дон» с типично испанским именем родился з 1539 году и был сыном испанского конкистадора Себастьяна Гарсиа де у- Беги, принимавшего участие в завоевании Перу, и племянницы Уайна .-злака, последнего инки доконкистадорского периода. Таким образом, :-ть Гарсиласо, Чимбу Окльо, была не только чистокровной индианкой, о:~ z одной из немногих уцелевших представительниц бывшей правящей гзнастди. Согласно инкской терминологии, она была ньюста — принцесса. иозднее отец Гарсиласо женился на благородной испанской даме, а гьросту Чимбу Окльо терпели уже только как его содержанку. После :мерти отца Гарсиласо вместе со своей матерью был изгнан из дома «законной вдовой». Впоследствии он уехал в Испанию. Там он много учился г_ в свое время, безусловно, принадлежал к числу самых ученых людей ^-берийского полуострова. Ни своей родины Перу, ни своей матери он больше уже не увидел, но в знак сыновней любви к ним обеим создал памятник о Тауантинсуу, оставив нам великолепное описание уничтоженной Писарро цивилизации. Труд его носит название «Подлинные комментарии, рассказывающие о происхождении инков»¹ («Comentarios reales que tratan del origen de los Incas»). Хотя патристический пыл Гарсиласо, вероятно, изрядно добавил красок там, где, по мнению автора, империи инков их не доставало, произведение это принадлежит к ценнейшим из немногочисленных картин литературно-исторической галереи, посвященной прошлому доколумбовой Америки. «Подлинные комментарии» Гарсиласо сразу же были переведены на несколько языков, но в Испании чтение этой книги было запрещено под страхом наказания, а в колониальном Перу, да и во всей колониальной испанской Америке, оно расценивалось даже как государственная измена.

Из испанцев, прибывших в Перу в годы конкисты, первую и, безусловно, ценнейшую обобщающую работу написал Педро Съеса де Леон. Называется она «Хроника Перу» («Cronica del Peru») и содержит много важных этнографических сведений, которые автор приводит, опираясь на личные наблюдения.

Тексты сказаний и народных преданий перуанских индейцев той поры записал другой испанец, Хуан де Бетансос. Он был женат на представительнице бывшей правящей династии — на родной сестре Атауальпы, и она рассказала ему много семейных преданий и легенд, повествующих о происхождении инков и о приходе их в Перу. Труд Бетансоса называется «Собрание сообщений об инках» («Suma y narracion de los Incas»). О завоевании Тауантинсуу рассказал в своей ценной хронике «Сообщение об открытии и завоевании королевства Перу» («Relacion del descubrimiento y conquista de los reynos del Peru») и один из многочисленных членов хищнической семьи Писарро — Педро Писарро. Религиозные представления и ритуал «язычников» — индейцев империи инков —

ritos de los Incas»).

И наконец, следует упомянуть об одной весьма своеобразной работе. В 1908 году Ричард Пичман обнаружил в копенгагенской библиотеке книгу в двух томах под названием «Новая хроника и хорошее правление» («Nueva cronica y buen gobierno»). Автором ее оказался один из потомков инкского рода — Фелипе Хуаман Пома Айала. В первом томе своей хроники он повествует о Тауантинсуу, о его правителях и культуре. Во втором — об испанском завоевании и жестокостях колонизаторов. Но особую ценность этой книге придают его рисунки, бесхитростно-наивные и вместе с тем необычайно достоверные. В целом они представляют собой единственную в своем роде рисованную хронику Тауантинсуу. Значение их буквально неопределимо. Мы знаем печальную судьбу Тауантинсуу: Писарро и ему подобные с помощью мушкета и креста завоевали эту крупнейшую из индейских империй континента. Разрушены и канули во тьму Мачу-Пикчу, Город мертвых, умерли и последние наследники династии инков.

Бесценные сокровища их дворцов и храмов, переплавленные в тяжелые слитки металла, увезли на каравеллах конкистадоры. И не суще-гтвует больше инки — живого бога своей империи. Но мы не будем его оплакивать. Ибо не было ни свободы, ни

справедливости в «пчелином» го-еударстве инков. В этом своеобразном государстве, которое во многом напоминает нам Древний Китай, в этой удивительной и великолепной земле на юго-западе индейского континента, в стране, которую поэт по праву назвал «золотым изумленьем».

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\) →](#)

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

СТРАНА ЗОЛОТОГО КОРОЛЯ

Говоря об империи инков, поэт написал: «Был Юг золотым изумленьем». В истории высоких культур древней Америки «Юг» — это Центральные Анды. «Север» представляла собой Мексика и вся Месоамерика. Однако манившее завоевателей золото и поистине золотые культуры были найдены посреди пути, соединявшего эти две ключевые области индейской Америки: на горном северо-востоке Южной Америки, на территории, которую ныне занимает Республика Колумбия. Поэтому открытую там культуру муисков и их предшественников, мы иногда называем древнеколумбийской. Древнеколумбийские индейцы оставили нам совершенные произведения золотых дел мастеров (в одном лишь Музее золота в столице Колумбийской республики Боготе находится 75 тыс. золотых предметов этих индейских культур) и породили легенду, овладевшую воображением первых конкистадоров. Это был рассказ о «золотом короле», по-испански El Dorado, молва о правителе в золотом облачении, молва, которая, как ни странно, оказалась правдивой. «Золотой король» был владыкой одного из небольших государств колумбийских муисков. Но прежде чем мы отправимся на поиски Эль Дорадо, попытаемся найти его предшественников, предшественников культуры муисков в древней Колумбии. Знаем мы о них несравнимо меньше, чем, например, о предшественниках ацтеков в Мексике или инков в Перу. Эти древнейшие колумбийские культуры оставили нам после себя не золото, а камень; большие и чрезвычайно странные каменные статуи людей с коротенькими ногами и довольно бесформенной головой, из ртов которых торчат огромные клыки (может быть, снова, как у ольмеков или в Чавине, стилизация ягуара?).

Впервые памятники этой древней культуры ученые обнаружили по соседству с крепостью Сан-Агустин в верховьях колумбийской реки Магдалены. Поскольку нам не известно, как называли свою культуру сами ее носители, мы называем ее сан-агустинской. Фигуры эти стоят на небольших естественных плоских возвышениях, которые здесь называют меси-тас (в буквальном переводе с испанского — «столики»). Постепенно было обнаружено около трех сотен таких больших фигур.

На меситас открыты также и необычные двуглавые статуи. Расположены эти головы либо рядом, либо одна над другой, причем вторая — всегда голова животного. Это явно изображение так называемого «второго я» (alter ego), что, вероятно, является

следствием «нагуализма» — представления, согласно которому каждый индивидуум неразрывно связан с каким-нибудь определенным животным, разделяя с ним абсолютно сходную жизненную судьбу. Возможно, также, что в этих своеобразных скульптурах с человеческой и звериной головами отражается представление, будто боги, которые управляют миром и определяют судьбы людей, могут перевоплощаться и в животных. Так по крайней мере объяснял назначение этих фигур обнаруживший их немецкий американист Конрад Теодор Прейсс.

Следы сан-агустинской культуры мы находим также по берегам рек и близ других источников питьевой воды. Творцы этой культуры расставили в этих местах каменные, иногда довольно большие изображения саламандр, головастика и лягушек как совершенно очевидное свидетельство культа воды.

В то же время, когда эти загадочные индейцы, жившие в бассейне реки Магдалены, вытесывали своих уродливых лягушек, людей с ягуары-ми зубами и таинственные двуглавые фигуры, на западе Колумбии, в центральной части Кордильер, рождалась другая анонимная культура, которую мы называем испанским словом «тьеррадентро». Этот неточный термин попросту указывает, что данная местность «лежит посередине» — в середине Кордильер между двумя ныне довольно значительными колумбийскими городами Нейва и Попаян. Все клады, относящиеся к культуре тьеррадентро, были открыты в весьма необычных «шахтовых» гробницах. Овальные камеры, сделанные зачастую довольно глубоко, соединены с поверхностью земли узкой отвесной шахтой (потому-то мы и называем их «шахтовыми»). Гробницы творцов этой культуры со временем все больше разрастались. Стены склепов часто украшались своеобразной черно-красной росписью. Потолок подпирали толстые столбы. В подземных помещениях не было гробов, саркофагов, а лишь стояли урны с геометрическим орнаментом, часто до сотни урн, то есть сто мертвых в одной гробнице.

В одном из таких «шахтовых» погребений была найдена и прекрасная золотая маска. Этим древнейшим золотым предметом колумбийских индейцев начинается целый ряд «золотых» колумбийских культур, служивших впоследствии лакомой приманкой для завоевателей. Обработка золота не была привилегией одного лишь народа «золотого короля», ею занимались и другие колумбийские племенные группы, в особенности индейцы кимбайя, пришедшие в Колумбию из нынешней Венесуэлы. Кимбайя были, бесспорно, самыми замечательными золотых дел мастерами индейской Америки. Шесть кимбайских племен, объединенных в могущественную конфедерацию, до прихода белых жили по среднему течению реки Кауки. Золотые сокровища кимбайя испанцы тоже нашли в обширных гробницах-шахтах, порой находившихся на глубине тридцати метров. Почти все, что кимбайя давали своим мертвым, отправляя их в последний путь, было из золота! Здесь были найдены золотые бутылки, золотые колокольчики, а также золотые шлемы, тяжелые нагрудные пластины из золота и прекрасные золотые полые статуэтки. Даже урны, в которых хранился прах мертвых, иногда были изготовлены из чистого золота.

Помимо кимбайя и собственно муисков обработкой золота прославились колумбийские тайрроны — индейцы, жившие в доколумбовы времена на севере этой страны у подножия нынешней Сьерра-Невада-де-Санта-Марта. О том, какова была их культура, свидетельствует уже само название этой индейской народности. В буквальном переводе оно означает «золотых дел мастера». Тайроны были также замечательными строителями и зодчими, прежде всего строителями дорог, соединявших все их поселения. Эти сооруженные из камня дороги проходили и через водные преграды — обычно с помощью мостов или широких плотин.

Многие тайронские города были довольно велики по размерам — площадью до нескольких квадратных километров. Дома строились на высоких каменных террасах. В центре каждого тайронского поселения стоял храм. Его служителей-жрецов, а также знать — как и во времена культуры тьеррадентро — хоронили в роскошных «шахтовых» гробницах. Действительно роскошных. В одной из них, например, было найдено восемь тысяч великолепных бусин из сердолика, агата и других полудрагоценных камней. И всюду, всюду опять-таки в первую очередь золото.

Но больше, чем золото и эти первые «золотые народности» — тайроны и кимбайя, — заслуживают нашего внимания те, кто создал страну «золотого короля», — прославленные муиски, знаменитая культура муисков.

Муиски, создатели отдельных муисских государств, принадлежали к разветвленной языковой семье чибча. Входившие в нее племена в начале XVI века населяли весьма обширную территорию северо-запада Южной Америки и многие области Центральной Америки: современную Панаму, Коста-Рику и юг Никарагуа вплоть до обоих великих никарагуанских озер. Однако говорящих по-чибчаски муисков (слово это означает в переводе просто «люди») резко отличал от их остальных сородичей высокий уровень культуры и характер общественной организации.

Страна «золотого короля» находилась в самом сердце Колумбии, на горном плато, расположенном на высоте 2600 метров над уровнем моря, в бассейне двух восточных притоков Магдалены — рек Богота и Согамосо.

Окружала и охраняла ее «достигавшая небес» стена, воздвигнутая самой природой, — Анды. С севера на юг Среднеколумбийское плато простиралось на 270 километров, расстояние между восточными и западными гребнями Кордильер — 150 километров. Таким образом, общая площадь страны «золотого короля» составляла приблизительно 15 тысяч квадратных километров.

Всю эту страну и ее обитателей испанцы ошибочно называли некогда Богота (видимо, потому, что так назывались одна из рек, протекавших в этой области, и важнейший из 42 индейских городов, существовавших здесь ко времени появления первых конкистадоров). И столица Колумбийской республики сохранила это название до сих пор.

Земли муисков украшали десятки красивейших озер («лагуны»), которым они поклонялись. Тут не слишком тепло. Почти нет лесов. Но зато исключительно плодородная почва, регулярные дожди, и потому нет ничего удивительного, что именно здесь с древнейших времен селились колумбийские индейцы, облюбовав это горное плато и превратив его в такое же горнило индейских культур, каким была в Мesoамерике область мексиканских озер. По плотности населения страна муисков занимала первое место во всей доколумбовой Америке. В начале XVI века тут жило примерно 60—70 человек на один квадратный километр. Эти племена и народы достигли весьма высокого уровня культуры и уже были подготовлены к тому, чтобы создать такое же культурно-политическое единство, какое, например, создали ацтеки в Мексике.

Однако к приходу испанцев этот процесс еще отнюдь не был завершен, и потому европейцы столкнулись не с единым государством муисков, а с девятью рождавшимися государственными объединениями — племенными союзами. В эти «королевства», как их называли испанцы, входили отдельные муисские «княжества». По-чибчаски они назывались усака и состояли обычно из населения одной большой долины, членов одного племени, живущих примерно в 80—120 деревнях. Во главе усака стоял наследственный верховный вождь, который утверждался на этом посту правителем государства. Каждой деревней управлял местный вождь, руководивший всеми делами и работами, а порой вмешивавшийся и в личную жизнь тех, кто держал на своих плечах все государство, — лично свободных земледельцев. Муиски выращивали картофель, кукурузу, киноа, батат, коку, помидоры и табак. Из животных ими была приручена только собака. Наряду со свободными муискаками — крестьянами, горняками, ремесленниками — на «благо государства» и его правителей — «князей», вождей, военачальников и жрецов — работали и многочисленные рабы из военнопленных. Если рядовой муиска не был земледельцем, он был ремесленником. Изготавливал ткани, довольно грубую керамику и обрабатывал драгоценные металлы или камни — главным образом изумруды. Именно в обработке золота муиски достигли исключительного мастерства, хотя ни на одной из территорий муисских государств золото не добывалось. Зато у муисков были десятки шахт для добычи изумрудов, а в некоторых из них ведутся работы и поныне. Таким образом, рядовой индеец-муиска приумножал богатство своего государства и работой в изумрудных шахтах, находившихся в Сумундоке, Чиворе и многих других местах. Причем эти шахты были самыми глубокими в доколумбовой Америке.

Из соленых минеральных источников, во многих местах пробивающихся на горной равнине, муиски добывали соль. Они наполняли минеральной водой сосуды, затем воду выпаривали, сосуд разбивали и вынимали соль. Больше всего соли производили в Немоcone. Муиски были также очень способными торговцами. Каждые четыре дня в ряде городов, например в Сипакире, Турмеке, устраивались большие торги. Здесь продавались ткани, соль и в особенности листья коки. У муисков (в этом отношении они были одной из первых высоких культур древней Америки) процветала и внешняя торговля. Главной статьёй экспорта была соль. Для вывоза ее древнеколумбийские индейцы построили особую дорогу, которая вела с горных плато далеко на север, почти до самого моря. По этой Дороге соли позднее вступили в страну муисков ее испанские завоеватели. Кроме соли, муиски вывозили и свои великолепные изумруды, а также ткани. «За границей», у своих колумбийских соседей, они в первую очередь покупала золото. Муиски были также единственными индейцами доколумбовой Америки, которые изобрели золотые деньги. Испанские хронисты, оставившие нам о них первые сообщения, называли эти небольшие золотые «кружочки» твхуэлос. Одна золотая индейская монета соответствовала шести—десяти песо.

Больше чем муисским торговцам, земледельцам, горнякам и ремесленникам, испанские хронисты уделили внимание господствующему классу отдельных государств, и в особенности самим их правителям — «золотым королям» или «золотым князьям». Ко времени появления европейцев муиски жили в девяти государствах: Сачика, Тинхака, Чипата, Сабояя, Гуанента и Тундана, Ирака, Тунха и Богота. Первые шесть «королевств» к началу XVI века уже, собственно, не играли сколько-нибудь значительной роли. Седьмое — Ирака, в котором находилось восемь больших городов, с незапамятных времен давало муискакам многочисленных высоких духовных сановников. Действительную же власть над всей страной муисков постепенно сосредоточили в своих руках владыки двух последних и; названных выше «королевств». Первое из них — Тунха, правитель которого именовался саке. А потому мы иногда так и называем это государство Саке. Южнее Тунхи простиралась владения «королевства» Богота. Властитель Боготы величал себя сипа. В пору прихода европейцев ему уже подчинялись тринадцать больших колумбийских долин, многие сотни деревень и сотни тысяч людей. Тунха, а позднее Богота покоряли одно муисское «королевство» за другим. Иные же сипа присоединял с помощью договоров или родственных брачных союзов. Таким образом, империя Богота росла и набирала силу несравнимо быстрее, чем любое из соперничавших с нею государств. Появившись испанцы несколькими десятками лет

повднее, они бы нашли у муисков большое единое государство — Боготу, а во главе его единого общего правителя — сипу. С самым мощным из своих конкурентов Богота впервые столкнулась, насколько нам известно (древней истории муисков мы точно не знаем), еще в конце XV века, когда к власти в Боготе пришел сипа Сагуанмачика.

Сначала Сагуанмачика напал на два еще сохранивших независимость княжества — Фусагасуга и Тибакуй — и присоединил их к своей империи. Как раз в это время правитель значительного зависимого княжества Гуа-тавиты попытался отделиться от империи сипа и попросил помощи у соседнего государства Тунхи. Однако сипа принудил правителя Гуатавиты к послушанию и сам выступил со своей армией против Тунхи. В кровопролитном сражении, в котором участвовало якобы около 50 тысяч воинов (муиски сражались копьями, пращами и деревянными дубинами, принципиально не применяя лука), оба властителя, саке и сипа, пали. Следующий сипа, Немекене (Кость Пумы), присоединил к своей империи новые княжества, но в битве с войсками Тунхи был ранен и вскоре умер.

Перед самым приходом испанцев на трон сильнейшей муисской империи вступил новый сипа, Тискесуса. Предводитель его войска готовил очередной поход против Тунхи, когда появились конкистадоры. Захватить несколько соперничающих государств и десятки стремящихся к большей независимости городов им было значительно легче, чем завоевать империи инков и ацтеков. Каждый правитель муисков в самом себе видел олицетворение бога какого-либо небесного тела. Так, сипа считал, что в него перевоплотился бог луны, саке, так же как инка, почитал себя земным воплощением бога солнца и т. д. Божественное происхождение правителей давало им основание претендовать на соответствующие почести. Никто не смел взглянуть правителю в глаза, предстать перед ним могли только те, кто заранее внес в казну ценный дар. Правитель, как инка, путешествовал на носилках, сделанных из ценного дерева, украшенных золотыми пластинами. Одевание его было тоже увешано золотыми пластинами, голову венчала диадема, с плеч ниспадала великолепная мантия. Дворцы правителей, построенные из дерева, были также роскошны — облицованы золотыми листами, украшены резьбой и настенной росписью.

Правитель мог иметь неограниченное число жен. Поэтому муиски, помимо дани продуктами питания и изделиями своего ремесла, отдавали в гарем правителя своих дочерей. Чиновники «налогового ведомства» играли важнейшую роль во всех «королевствах». Недоимки они взимали весьма необычным способом, описание которого приводит один из первых испанских хронистов. Поселившись у должника, сборщик налогов привязывал у дверей его дома специально выдрессированную пуму. Каждый день пребывания «налогового» инспектора у должника обходился последнему в одну штуку полотна, а сверх задолженности страшную пуму, стерегущую вход, он обязан был ежедневно угощать парой голубей. (Речь, очевидно, шла о каких-то иных птицах, которых хронист, не зная соответствующего испанского наименования, назвал голубями.) Из податей, уплачиваемых муисками, правитель выделял по собственному усмотрению часть для знати, военачальников и жречества.

Когда правитель умирал, на трон, как правило, вступал сын его старшей сестры. В могущественнейшем из муисских государств, Боготе, наследник, перед тем как взойти на престол, управлял областью Чиа. Поэтому можно предположить, что сипа — правители боготской империи — первоначально правили лишь в Чиа. По той же причине наследника боготского престола часто именовали «чия». К исполнению «своих обязанностей» будущий правитель готовился шесть лет. Все эти годы он жил в храме, выходить из которого ему дозволялось только ночью, был воздержан в еде — не ел мяса, не солил, не перчил пищу, а главное — и близко к себе не подпускал женщин. Умение обуздывать себя в этом отношении вообще играло весьма важную роль в вопросах престолонаследия. Когда, например, в одном из шести вассальных княжеств Боготы умирал князь, а «законного» наследника трона не было, то есть у старшей его сестры не было сына, сипа сам выбирал себе преемника, подвергнув претендентов весьма своеобразному испытанию. Кандидаты на престол должны были раздеться донага. И предпочтение отдавалось тому из них, кто при виде обнаженной красавицы оставался холоден как лед. В ознаменование вступления на престол нового князя, особенно же в честь нового короля, всегда устраивалось грандиозное празднество. И как раз с торжественной коронацией правителя одного из боготских вассальных княжеств — уже упоминавшейся Гуатавиты — была связана столь притягательная для конкистадоров легенда о «золотом короле». На территории этой вассальной области находится одноименное «священное озеро» муисков. Новый правитель Гуатавиты, которому предстояло принять в свои руки бразды правления, на золотых носилках во главе торжественной процессии прибывал к этому озеру.

На берегу озера он выходил из носилок и раздевался. А поскольку голый правитель, как нам известно еще из сказок Андерсена, выглядит отнюдь не импозантно, жрецы облачали его в поистине великолепный наряд. Они натирали его тело благовонными смолами, а затем покрывали золотым порошком. После этого «золотой король» вместе со жрецами, на которых было возложено совершение священного обряда, вступал на плот. Плот, легко покачиваясь на волнах, останавливался посреди озера. И правитель вместе с другими участниками обряда бросал с него в «Священное озеро» всевозможные драгоценности — диадемы, ожерелья, золотые перстни.

По одной из версий легенды колумбийских индейцев о гуатавитском озере и «золотом короле», золотыми жертвоприношениями новый властитель замаливал грех, страшное преступление, содеянное каким-то его предком.

Вернемся, однако, к более достоверным сообщениям. Продолжение обряда все они рисуют одинаково. Когда жертвоприношение было совершено, правитель по специальным сходням спускался с плота в озеро, а затем, очищенный, избавленный от своего

золотого одеяния, возвращался к народу. Так заканчивался этот обряд. И новый повелитель обретал «законную власть» над подданными.

Рассказы о «золотом короле» муисков и озере Гуатавита, полном сокровищ, естественно, взволновали алчущих золота белых завоевателей. В 40-х годах XVI века три экспедиции (Кесады, Федермана и Белалкаса-ра) одна за другой отправились в страну «золотого короля». И, разумеется, завоевали ее. Добыча была огромной.

Но подлинно золотой клад — клад священного озера — до сих пор лежит на дне его. Он привлек внимание уже первых купцов, проникших в эти места, а позднее им заинтересовался и один из величайших ученых мира, друг индейцев и почитатель древних американских цивилизаций Александр Гумбольдт. Многие старались извлечь этот клад. Только цели и методы были разными. Не прошло и пятидесяти лет после появления европейцев, как озеро было впервые «прочесано» по инициативе и на средства лимского купца Антонио Сепульведы. Он приказал высечь в скалистом берегу священной «лагуны» Гуатавита канал и по нему отвел из озера часть воды, а затем поднял с болотистого дна ряд золотых предметов, которые ныне стали украшением Музея золота в Боготе. Но даже богатого улова корыстному купцу не хватило для возмещения расходов по дальнейшему осушению озера. Тогда власти конфисковали его «улов», а самого предпринимателя засадили в долговую тюрьму.

Из колумбийских архивных документов явствует, что в XVII и XVIII веках несколько человек пытались извлечь со дна озера сокровище чибча. Но тогдашнее состояние техники не позволило им настолько осушить озеро, чтобы проникнуть к самому глубокому месту воронкообразного дна.

В 1801 году в Боготу приехал Александр Гумбольдт, еще в молодости мечтавший отыскать драгоценности Эль Дорадо. Он составил точную карту озера и высчитал, что на дне лежит не менее 50 миллионов золотых украшений.

В 1912 году в Англии было основано специальное акционерное общество для извлечения богатств из Гуатавита — с первоначальным капиталом в 30 тысяч фунтов стерлингов. Эти золотоискатели нового типа решили провести полный дренаж озера и доставили к нему через Анды на мулах мощные паровые насосы.

После нескольких недель упорной работы озеро превратилось в небольшую лужу, плескавшуюся на 12 метров ниже уровня первоначальной поверхности. Из густой вонючей жижи индейские рабочие стали выгребать лопатами множество золотых украшений и смарагдов. Казалось, озеру "придется" таки отдать свои сокровища, которые оно так хорошо укрывало.

Но прежде чем удалось добраться до самых глубоких мест, появилось новое, совершенно неожиданное осложнение. Под солнечными лучами грязная жижа быстро просыхала и твердела, превращаясь в настоящий бетон, против которого оказалась бессильной и тогдашняя техника. Англичанам пришлось отказаться от дальнейшего осуществления своих намерений.

Когда-нибудь это богатство наверняка будет поднято, как из знаменитого жертвенного колодца в майяской Чичен-Ице. Однако будем надеяться, что оно попадет не в кладовые алчных искателей приключений, а в музей мира, где его выставят как свидетельство высочайшего уровня этой золотой индейской культуры.

При этом знаменитая Гуатавита явно была не единственным «золотым» озером муисков. Согласно достоверным известиям, подобные же предметы индейцы бросали, к примеру, в лагуну Фукене или в лагуну Съеча. Между прочим, из Съечи было поднято и точное изображение — опять же на золоте — этого удивительного коронационного обряда; мы видим золотой плот, на котором плывет владыка, а вместе с ним девять других мужчин — вероятно, жрецов. Золотой плот с «золотым королем» был потом куплен берлинским Национальным музеем. Но во время пожара в бременском порту затерялся.

Обряд коронации на водах священных озер был, очевидно, связан с религиозными представлениями муисков. Мы знаем о них чрезвычайно мало. Колумбийские индейцы поклонялись главным образом солнцу и луне, которые, по их поверьям, жили в глубинах небес еще до того, как был сотворен первый человек. И лишь позднее, когда люди поселились на земле, пришел к муискам с востока бог Бочика, у которого, по преданию, была белая кожа, светлые волосы, длинные усы и борода, а также длинный плащ, украшенный маленькими деревянными крестиками! Бочика, бог воинов и правителей, учил муисков добру, взаимному уважению и любви.

Противником Бочикн был Чибчакум — буквально «жест чибчей», бог всех, кто имел дело с золотом, то есть горняков, золотых дел мастеров и торговцев.

Религиозными обрядами руководили жрецы. Муиски называли их шеке. Шеке заботились также о храмах, которые были в любом сколько-нибудь крупном муисском поселении. Особенно значительные святилища муиски построили в священных местах Чиа и Ирака и в главном городе Боготы. В храмах богам приносились щедрые жертвы. Опять же золото и изумруды, уложенные в особые жертвенные корзины. У муисков происходили и многочисленные человеческие жертвоприношения. Особенно часто при жертвоприношении убивали военнопленных, а также множество пятнадцати-шестнадцатилетних юношей из других племен, которых называли мохас. Эти мохас считались как бы посредниками менаду людьми и солнцем. И потому приносились в жертву на высоких холмах, ближе к солнцу, и как раз в те утренние мгновения, когда на землю падали первые его лучи.

Жрецы, осуществлявшие человеческие жертвоприношения в честь солнца, от имени богов принимали в свои храмы жертвенное золото и изумруды, а также были «церемониймейстерами» самого великолепного обряда — священных коронаций на озерах. Коронаций, которые и стали основой самой прославленной легенды этой удивительной и, к сожалению, столь мало известной культуры, — легенды об Эльдорадо, «золотом короле» «золотой страны» муисков.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ЛЮДИ НА МОСТУ

В этой главе речь пойдет о тех, кто создал золотые культуры Центральной Америки. Однако, с точки зрения этнографа и историка, этот район относится уже к Южной Америке. И именно здесь — в нынешних центральноамериканских республиках Панама и Коста-Рике (а также, очевидно, Никарагуа и Сальвадоре) — археологов, занимающихся исследованием доколумбовых индейских культур, ожидает самая серьезная работа. Исследователи убеждены, что здесь были свои высокие культуры, но пока они могут назвать лишь немногие из них. И знают о них несравнимо меньше, чем о высоких культурах Центральных Анд или Мексики. Ученые сходятся лишь в том, что эти земли, как бы представляющие собой «мост» между Месоамерикой и Андами, заселялись с двух сторон: в области, лежащие к югу от территории, занимаемой майя (то есть южнее нынешних Гватемалы и Гондураса), с севера пришли преимущественно племена, говорящие на науатль, следовательно, двоюродные братья ацтеков и тольтеков. А с юга сюда добрались племена, говорящие на чибча, которые были как бы двоюродными братьями уже известных нам прославленных муисков. Чибчаские культуры Центральной Америки также могли гордиться великолепными изделиями из золота. С золотым богатством Панамы и Коста-Рики познакомились еще первые испанцы, посетившие эти места. Сам Колумб во время четвертого путешествия (тогда он проплыл мимо всего побережья Центральной Америки от Гондураса до нынешнего устья Панамского пролива) восхищался золотыми изделиями здешних индейцев, особенно их прекрасными золотыми нагрудными пластинами. А Гонсало де Бадахос, один из первых испанцев, проникших в страну великолепных панамских золотых дел мастеров — кокле, получил от местного «короля» — верховного вождя — обтянутую оленьей кожей пятидесятикилограммовую корзину, с верхом наполненную золотыми предметами. И подобно тому как древняя Колумбия стала для испанцев Эльдorado — страной «золотого короля», так и Панама получила на старых испанских картах название Кастилия дель Оро, что означает «Золотая Кастилия», а Коста-Рика — свое до сих пор употребляемое название, которое в переводе означает «Богатое побережье». Племена чибча, населявшие позднейшую «Золотую Кастилию» и «Богатое побережье», не создали сколько-нибудь значительного государства. Вся эта территория в доколумбовы времена была разделена на множество мелких «княжеств». Существовавшие здесь культуры принято называть терминами, заимствованными из географии. Так, в Коста-Рике мы говорим, помимо прочего, о культуре таламанка, возникшей в области, с одной стороны ограниченной горным массивом того же названия, а с другой — Карибским морем, или о культуре дикие, нареченной так по индейскому названию реки, в бассейне которой мы встречаем следы этой культуры («дикие» — на языке здешних индейцев означает «Большая река», по-непански ее называют Рио-Гранде-де-Терреба). Коста-риканская культура дикие сохранила для нас одно из удивительных и загадочных творений древней Америки: сотни прекрасно отшлифованных каменных ядер до трех метров диаметром. Эти огромные ядра напоминают гигантские ольмекские головы. Ольмекы (и культуру чавин) напоминают и каменные скульптурные изображения, характерные для культуры дикие, представляющие людей с маской ягуара или прямо ягуаров.

Но доколумбова Коста-Рика и в особенности доколумбова Панама впервые стали известны европейцам не как «страны камня», а в первую очередь как «страны золота». Местные индейцы умели искусно обрабатывать золото. Человека на своих изделиях они изображали очень редко, но часто встречается человек, мечущийся в клюве какой-то сильной птицы. Другим излюбленным мотивом центральноамериканских чеканильщиков по золоту был ягуар, затем обезьяна, аллигатор и еще лягушка. Лягушка и аллигатор намекают на широко распространенный культ воды, который, зчевдно, существовал у племен чибча. «На совести» у аллигаторов и ве-тлпкй потоп, о котором рассказывают все здешние племена. Местных ин-“f-йских богов мы видим на многих золотых предметах. Однако некоторые : злотые изделия, которые видели первые европейские посетители этих частей Америки, до наших времен не сохранились. Так, Фернандес де Озьедо-и-Вальдес вспоминает, что видел у индейцев золотые наконечники, прикрывавшие детородный член, а также какие-то «бюстгальтеры» из пла-епи чистого золота, которые в самом деле служили для того, чтобы поддерживать грудь женщин. Те, что видел Фернандес, имели величину более полутора человеческих ладоней в

диаметре и весили, по его словам, 150— 200 песо, то есть примерно около, килограмма.

Золото обрабатывали не только все коста-риканские индейцы, но в еще большей степени и создатели всех панамских доколумбовых культур, для наименования которых мы опять-таки пользуемся географическими названиями соответствующих областей (культуры верагуас, чирики и особенно кокле). Кокле, бесспорно, самая известная из этих малоизученных культур юга Центральной Америки. С ее изделиями из золота, а также глины мы встречаемся на южном побережье западной части Панама, прежде всего на обширном полуострове Асуэро, омываемом водами залива Парита. Создатели культуры кокле были хорошими земледельцами. Выращивали они главным образом кукурузу (из которой гнали и особого рода водку), а также табак и хлопок и были, по всей вероятности, искусными ткачами. Во влажных лесах центральноамериканского перешейка охотились на оленей, тапиров, игуан и пекари. Торговали золотом и солью. (Золотые предметы культуры кокле были обнаружены и в прославленных колодцах-се-нотах майяских городов.)

Как раз в области Кокле первые испанцы под предводительством Гон-сало де Бадахоса получили упомянутую выше пятидесятикилограммовую корзину золотых изделий. Но позднее один из участников экспедиции Бадахоса совершил насилие над дочерью местного правителя, поэтому испанцы вынуждены были вернуть золото разгневанным индейцам, а сами поспешили ретироваться. К области Кокле относятся и другие сообщения первых испанцев, побывавших на территории нынешней Панама. Так, именно здесь Фернандес де Овьедо-и-Вальдес увидел те самые золотые «бюстгальтеры». Сохранились описания чрезвычайно интересного культа мертвых и погребального обряда индейцев этой области. Участники экспедиции Каспера де Эспиносы оставили воспоминания о похоронах правителя из Париты, который умер за несколько дней до прихода испанцев. Труп был высушен прямо над огнем, а затем помещен в некое святилище — родовой склеп, где уже лежали мумии других умерших представителей правящей династии. Перед смертью правитель сам выбрал *creiz* своих жен и слуг тех, кто должен сопровождать его в царство мертвых. Все они после его смерти были умерщвлены. Остальные по приказу священнослужителей предали себя в знак скорби самокастрации, а оставшиеся в живых жены должны были хотя бы остричь волосы. Но более всего заинтересовало испанцев, что в «доме мертвых» находились золотые предметы весом более 175 килограммов. Испанцы захватили их, а потом, конечно, переплавили. Поэтому первые золотые предметы культуры кокле попали в музеи мира только в 20-е годы нашего века, после того, как североамериканский археолог Семюэль Лотроп открыл в Кокле настоящий золотой клад. В то же время шведская экспедиция Эрланда Норденсьольда и Зигвальда Линне обнаружила в этих местах великое множество керамических изделий, главным образом богато украшенных блюд.

Керамика кокле не похожа, к примеру, на столь же прославленную керамику мочика. Орнаментировка ее гораздо «абстрактнее». Авторы ее не стремились к точному воспроизведению того, что они видели вокруг себя, а превращали объекты изображения — крокодилов, змей — в элементы своеобразных, чрезвычайно хитроумных и красивых орнаментов. Такое же восхищение, как и керамика культуры кокле, вызывают декоративные сосуды с коста-риканского полуострова Никойа. Эти сосуды, как правиг ло, стоящие на трех ножках, имеют форму различных животных, часто ягуаров. Помимо совершенной формы, они отличаются великолепным декором.

Никойскую керамику копировали еще доколумбовы жители нынешних Никарагуа и Сальвадора. Здесь — посредине центральноамериканского моста» — в последние четыреста лет перед конкистой, как доказано, обитали народности, пришедшие не из Южной Америки, а из Мексики.

Из тех, что нам известны, первыми сюда добрались чоротеги, по языку родственные мексиканским отоми, опытные земледельцы. В пору появления первых европейцев чоротеги жили на обширной территории Никарагуа, в нынешних никарагуанских провинциях Масайя, Леон, Гранада и в окрестностях столицы Никарагуа — Манагуа. Из памятников материальной культуры чоротеггов сохранилась опять же главным образом керамика — изображающая аллигаторов, ягуаров и каких-то особенных птиц с огромными клювами.

Следующую волну мексиканских переселенцев в эту среднюю часть Центральной Америки представляют пипили (буквально — «принцы»). Собственно, пипили — наши добрые знакомые. На самом деле это одна из юльтекских групп, которая, покинув Тулу — Толлан, после долгих странствий добралась до Тихоокеанского побережья, до нынешнего Сальвадора.

Наконец, незадолго до прихода испанцев в Никарагуа переселилась еще одна более малочисленная группа, говорящая на науатль, которую окрестили в честь ее вождя никарао. Позднее по имени этого вождя и его племени стали называть и всю страну — Никарагуа. Впрочем, никарао населяли лишь небольшую территорию по берегам одного из двух больших никарагуанских озер (оно так и называется Никарагуа). На островах посреди этого озера еще в прошлом столетии шведский археолог Бовал-лтгус обнаружил диковинные и весьма массивные каменные статуи, по всей очевидности очень древние. Однако до сих пор еще не установлено имя носителей этой культуры. Точно так же возле второго из никарагуанских озер — Лаго де Манагуа — любитель-археолог д-р Эрл Флинт обнаружил следы других, еще значительно более древних культур, а также отпечатки человеческих ног в здешних давно остывших извержениях лавы. Новейшее изучение древнего поселения Акауалинка близ озера Манагуа привело к открытию керамики, просуществовавшей не менее двух тысячелетий, и еще более старых следов культуры самых древних, насколько это может установить современная наука, центральноамериканских охотников на бизонов.

Однако древнейшее и древнее прошлое Центральной Америки еще только ожидает своих дешифровщиков. Ибо эта неширокая

полоса суши между Карибским морем и Тихим океаном, эта территория Центральной Америки, с юга ограниченная Панамским перешейком, а с севера — Теуан-тепекским, действительно была мостом, единственным путем, которым волна за волной шли люди из Северной Америки в Южную, из Мексики в Перу, а возможно, и в обратном направлении. Проход по этому «мосту», правда, был не так-то прост. Кое-где на пути вставали высокие, отвесные гребни центральноамериканских Кордильер, в других местах — на самом юге Центральной Америки — дорогу преграждали непроходимые тропические джунгли и бесчисленные болота. И тем не менее на этом природном «мосту», соединяющем юг и север индейского континента, явно существовало оживленное движение. Не каждая культура, не каждая индейская группа, прошедшая здесь, оставила после себя различимые следы. Но были и такие индейские группы, которые обосновались прямо на «мосту». И эти «люди на мосту», создатели культур средней и южной частей Цен-тральной Америки (север Центральной Америки, нынешние республики Гондурас и Гватемалу, уже две тысячи лет населяют народности майяс-кого происхождения), нас тоже должны интересовать, хотя мы и знаем о них так бесконечно мало...

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ЗАДОЛГО ДО КОЛУМБА

Так жили индейцы тридцать тысяч лет. Жили в полной изоляции, даже не подозревая, что где-то еще на свете есть люди. Впрочем, и Старый Свет не ведал о существовании какого-то- иного континента, тем более населенного. Все знаем, что Америку, а значит, и ее з 1492 году Христофор Колумб.

Мы и сегодня продолжаем говорить: «Америку открыл Колумб», — АОТЯ уже давно известно, что Колумб отнюдь не был первым жителем Старого Света, который побывал в нынешней Америке и увидел индейцев.

Земля велика и прекрасна. На ней проложено много путей. Немало их уже забыто. То ли ветер занес их дорожной пылью, то ли поглотили морские волны. А ведь по ним когда-то передвигались люди, а то и целые народы и цивилизации. По таким вот забытым теперь дорогам попали в Америку и жители Европы (а возможно, и других частей света). И было это задолго до Колумба!

Как это не удивительно, но, вероятно, сначала явились к нам, в Европу, индейцы! В 62 году до н. э. на территории германского племени свевов, близ устья Эльбы, было выброшено на берег странного вида судно с людьми, непривычно одетыми и говорившими на неведомом языке. Таинственные чужеземцы объяснили жестами, что буря пригнала их с другого берега моря. Очевидно, это были индейцы. Об этом событии у нас есть даже письменное свидетельство. Дело в том, что король свевов подарил необычных морских скитальцев, «индов», римскому проконсулу в Галлии Квинту Метеллу Келеру. И благодаря этому подарку Помпоний Мела и Плиний сохранили для нас первое сообщение о встрече представителей двух больших групп единого рода человеческого, которые долгие годы жили рядом на одной планете, ничего не зная друг о друге.

Но гораздо больше таких путешествий еще задолго до Колумба, вероятно, совершалось в обратном направлении, то есть из Европы, а возможно, и из Полинезии и Китая в Америку.

Начнем с Китая. В 1761 году в 28-м ежегодном выпуске парижских «Memoires de l'Academie des inscriptions et belles lettres»¹ французский синолог де Гинь опубликовал сообщение, что в китайских государственных анналах, куда ежегодно заносились важнейшие события, - происшедшие в императорском Китае, им обнаружен подробный отчет китайского буддийского монаха — миссионера Хуай Шеня о плавании в страну Фусан, лежащую к востоку от Китая! Эта запись, относившаяся к 499 году, вызвала всеобщий интерес. Привлекла она и внимание американистов.

Хуай Шень рассказывал, например, что землей Фусан правит И-Ки, которого всюду сопровождают флейтисты, что там существует три группы аристократии — «Таи-Лу», «Малые Таи-Лу» и «Но-Та-Ча», что жителям неведомо железо, но известна медь (а также серебро и золото), что они умеют делать бумагу из дерева Фусан, по имени которого и названа вся страна, и т. д. Поразительное сходство страны Фусан с доколумбовой Америкой, и особенно с доацтекской Мексикой, видимо, и привело многих американистов к заключению, будто этот буддийский монах и в самом деле доплыл до Америки.

Сейчас повсеместно преобладает мнение, что любопытное описание Хуай Шеня относится к какой-то островной стране, расположенной вблизи Китая, скорее всего к Японии. Однако Хуай Шенем перечень гипотетических китайских (а также индокитайских) первооткрывателей Америки не исчерпывается. Те, кто верит в их существование (например, американист Гордон Экхолм), указывают на то обстоятельство, что уже в начале нашей эры в Китае и Индокитае было развито мореходство. Известна, в частности, экспедиция китайского буддийского миссионера Фа Сяня и двухсот его единоверцев из Китая на Яву и обратно (приблизительно 400 годн. э.). Корабли Фа Сяня, бесспорно, смогли бы доплыть и до Америки (особенно, если бы эти мореплаватели воспользовались тихоокеанским течением Куро-сиво). Приверженцы «китайских плаваний в Америку» не могут подтвердить конкретными фактами присутствие китайцев (или кхмеров) в доколумбовой Америке. В обоснование своих взглядов они обычно приводят различные аналогии, прежде всего между культурой Южной Индии и высокими индейскими культурами Месоамерики. В первую очередь внимание, естественно, привлекают ольмеки, чьим нефритовым автопортретам

свойственны значительно более ярко выраженные «монгольские» черты, чем автопортретам представителей других высоких американских культур.

Сравниваются также ступенчатые пирамиды Месоамерики с монументальной архитектурой Юго-Восточной Азии, главным образом с прославленным Ангкор-Ватом в Камбодже или с развалинами бирманского Пагана. Однако, как известно, ангорватские храмы были построены в IX—X веках нашего летосчисления, паганские — даже в XI—XIII веках. Строительство же пирамид в Мексике — да и во всей Америке — началось еще с первые века н. э. К тому же собственно ольмеки, по крайней мере на своей племенной территории у Мексиканского залива, пирамид никогда не строили.

В последнее время ставится также вопрос, не добирались ли до Америки еще в доколумбову эпоху полинезийцы. Учитывая, что полинезийцы великолепно владели мореходным искусством, возможность подобных плаваний исключить нельзя. Но полинезийцы в период их предполагаемых плаваний в Америку (вторая половина первого тысячелетия нашей эры) по уровню своего общественного развития стояли неизмеримо ниже индейцев Месоамерики, или андской области. И поэтому какое бы то ни было влияние их на эти высокие американские культуры совершенно исключено.

Если плавания в Америку с запада — из Китая или Полинезии относятся пока к области предположений и догадок, то о доколумбовых плаваниях в Америку, предпринятых с востока скандинавскими викингами и их потомками, мы имеем достоверные, точно датированные и довольно подробные известия.

Первым европейцем, увидевшим Америку и ее коренных обитателей, был исландец Бьярни Херьюлфсон. За ним последовали другие — исландцы, гренландцы и предки нынешних норвежцев, которые тоже посетили Северную Америку, возможно, и обосновались там. Как же это произошло и каким образом нам стало известно об этом?

В VIII веке ирландцы открыли остров Исландию. Вскоре он был заселен выходцами из Норвегии. Позднее, в X веке, исландцы и предки нынешних норвежцев открыли Гренландию и поселились на ее побережье. Гренландские поселения основал Эйрик Рыжий, прославленный герой скандинавских саг. А в тысячном году его сын Лейф Эйриксон отправился на поиски земли, которую за пятнадцать лет до этого во время своих морских странствий увидел Бьярни Херьюлфсон.

Но расскажем обо всем по порядку. Эйрик Рыжий основал в далекой Гренландии, на ее юго-западном побережье, несколько поселений. Это не вымысел. Следы пребывания земляков Эйрика Рыжего в Гренландии можно обнаружить и сейчас. В Эйриксфьорде Эйрик Рыжий построил усадьбу Браттолид, развалины которой тоже сохранились. Эйрик был еще язычником, но его сына Лейфа крестили в Норвегии. И позднее, в 1126 году, в Гренландии было даже основано епископство. Археологи нашли и руины гардарского кафедрального собора. Итак, на берегах негостеприимной ледниковой Гренландии в начале нашего тысячелетия жили европейцы. В XIII веке сюда с севера начали переселяться эскимосы. Связь Гренландии с Европой была чрезвычайно слабой, и где-то в XIV—XV веках погиб последний потомок первооткрывателей этого острова. Об Эйрике и его сыновьях, о том, как на западе была обнаружена страна Винланд, об удивительных ее обитателях, которых скандинавы называли скрелин-гами, и о том, как европейцы поселились в Винланде, — обо всем этом повествуют героические сказания древних скандинавов — саги. И до наших дней дошло несколько саг, подробно и сходным образом рассказывающих о том, как европейцы впервые увидели Америку, высадились на ее берегу и, наконец, поселились во вновь открытой стране.

Так, в «Саге Олафа Трюгвасона» мы можем прочесть о Торвальде Асвальдсоне и его сыне Эйрике Рыжем, который плыл за море, на северо-запад, и основал поселения в Гренландии (Зеленой стране). Из этой же саги мы узнаем о барде Херьюлфсоне, сопровождавшем Эйрика во время его плавания в Гренландию, и его сыне Бьярни, который в 986 году покинул берега Исландии, миновал южную оконечность Гренландии и, направляясь все дальше на запад, после 22 дней плавания увидел никому до тех пор не известную землю. Как мы сейчас знаем, это был берег североамериканского полуострова Лабрадор. Бьярни поплыл на север вдоль берега этой неведомой суши, позднее увидел и нынешнюю Баффинову Землю, остров, лежащий к северу от Канады, — а затем вернулся домой, в Гренландию.

В саге говорится далее, что, возвратясь на родину, Бьярни Херьюлфсон стал перед всеми хвастать своим открытием. Его рассказ услышал сын Эйрика Рыжего Лейф, тот самый Лейф, которому суждено было стать первооткрывателем Америки. Красочное повествование Бьярни (недаром он был сыном барда!) не давало Лейфу покоя. Спустя несколько лет он купил прочную ладью и вместе с 35 храбрыми викингами отправился в путь. Сначала они добрались до берега, который Бьярни увидел в конце своего плавания (до нынешнего североамериканского острова Баффинова Земля). Эта страна была покрыта ледниками, лишь местами проступали каменные очертания береговой линии. «Недобрая это земля, — сказал Лейф, — не станем здесь высаживаться, но имя ей дадим». И он назвал ее Хеллюланд — Скалистая земля. Потом они плыли к югу и высадились на плоском, лишенном скал побережье, густо заросшем лесом. Это была, вероятно, современная Новая Шотландия, или юго-западное побережье Лабрадора. Ей Лейф дал название Маркланд — Лесистая земля.

И вновь 35 отважных мореходов поплыли на юг вдоль американских берегов. Через два дня они бросили якорь в маленькой бухте, там, где в Атлантический океан впадает небольшая река. Один из соратников Лейфа, выходец с юга Европы, — его звали Тюркер — нашел неподалеку от берега лозу и даже кисти дикого винограда. Поэтому мореплаватели окрестили эту страну Винланд — Земля винограда. А потом Лейф вернулся в Гренландию к своему отцу Эйрику Рыжему. Но в ту же зиму отец его умер...

Тут возникает очередной вопрос: где находилась эта Земля винограда — Винланд? Сейчас ученые сходятся на том, что она была

расположена в одном из штатов Североамериканской унии — в Массачусетсе, где действительно рос дикий виноград. Но вернемся к Лейфу.

Рассказав о своем путешествии двум младшим братьям, Лейф обратился к Торвальду: «Возьми, брат, мой корабль и плыви в Винланд». Итак, спустя год после возвращения Лейфа Торвальд отправился в путь. В Америке он провел несколько месяцев. Плавание Торвальда представляет для нас особый интерес в связи с тем, что во время него произошла первая встреча европейцев с индейцами. В маленькой бухте, где Торвальд намеревался выстроить себе усадьбу, неожиданно появились три челна, в каждом из которых было по три туземца. Саги называют этих индейцев скрелингами. Воины Торвальда захватили их и восьмерых убили. Только одному удалось спастись. А вечером того же дня, когда викинги уснули, индейцы напали на Торвальда и его соратников, осыпав их стрелами. Ранен был только Торвальд, который вскоре скончался.

Лишь весной следующего года спутники Торвальда вернулись на ро-лпну. А еще через год в Америку на поиски могилы убитого индейцами брата отправился последний сын Эйрика Рыжего — Торстейн. Впрочем, экспедиция его была неудачной.

В 1003 году было предпринято самое значительное плавание в Новый Свет. Его осуществила большая экспедиция (3 корабля, 140 человек) исландца Торфинна Карлсефни, собиравшегося там поселиться. Было это за 489 лет до плавания Колумба. Из саг мы знаем, что Торфинн был сы-ЗОМ Торда Лошадиной Головы, владевшего поместьем Рейнисес в Ска-гафьорде, в Исландии. На втором корабле с ним отплыл Снорре Торбанд-:он из Алыггафьорда, а третий корабль с командой в 40 человек был снаряжен Бьярни Гримулфсоном из Брейдафьорда и Торнхаллом Гам лассо-нон из Остфьордана. Сначала ладьи бросили якорь у берегов Гренландии, где Торфинн, несмотря на краткую стоянку, даже успел жениться, а догом поплыли в Винланд. В местности, которую викинги называли Страум-тьборд, они высадились на сушу, выгрузили привезенный с собой скот и начали строить поселение. В экспедиции было и несколько женщин — жен мореплавателей.

. Через некоторое время поселенцы встретились с индейцами, выразившими желание вести меновую торговлю. Индейцы больше всего хотели приобрести железные копья, но предводитель экспедиции Торфинн не разрешил продавать индейцам оружие. По воспоминаниям участников экспедиции, индейцы были одеты в шкуры; вооружение их составляли лук и стрелы, а главное — каменные топоры. По описаниям в сагах можно предположить, что индейцы, с которыми белые встретились в 1003 году, были предками нынешних алгонкинских индейцев.

Успеху экспедиции Торфинна, развитию торговых связей с индейцами. а если говорить о последствиях, то и всей первой попытке заселения Америки белыми якобы помешал... вол! Когда Торфинн, Снорре и другие викинги вели торговые переговоры с индейцами, из лесу неожиданно выбежал один из волов, привезенных Торфинном, и «дико заревел». Индейцы, насмерть перепуганные невиданным «страшным зверем», разбежались. Через некоторое время индейцы вновь приплыли на своих челнах, сделанных из шкур. Торфинн Карлсефни хотел радушно их встретить, но индейцы обстреляли викингов из луков. Завязался кровопролитный бой. Одному из поселенцев, Торбранду Снорресону, индейцы раскроили томагавком череп, два других были убиты индейскими стрелами..

Поскольку некоторые викинги взяли с собой жен, в Винланде появились на свет первые потомки белых, родившиеся в Америке (например, Торгьер, сын Снорре, друга Торфинна). В экспедиции часто возникали распри, в том числе из-за женщин. И после трех лет пребывания в Винланде европейцы покинули Америку.

Об этом плавании Европа знала. В хронике Адама Бременского, завершенной в 1075 году, мы даже находим название Винланд. И в заключение еще два любопытных факта. В конце 1961 года норвежский исследователь Хельге Ингстад сообщил, что на северной оконечности Ньюфаундленда он нашел остатки нескольких зданий древнего поселения викингов, о котором рассказывают саги¹. И наконец, совсем недавно ученые из Йельского университета опубликовали средневековую карту мира, на которой в визе острова изображен Вииланд, то есть Америка.

В 1898 году, когда уже никто не сомневался, что первыми европейцами, открывшими Америку (а затем и поселившимися там), были скандинавы, а не Христофор Колумб, широкоу общественность взволновало открытие, которое вошло в историю американистики под названием Кек-сингтонского камня. Неподалеку от Кенсингтона, в штате Миннесота, был обнаружен камень с полустершейся рунической надписью. Надпись бы.тг в конце концов расшифрована и переведена. Вот что там было написано: «[Нас тут] восемь готов [то есть шведов] и 22 норвежца, и отправились мы в путешествие, чтобы разведать, что лежит от Винланда на запад. Разбили лагерь [у озера] в отдалении однодневного перехода от сего камня. Отлучились на один день и ловили рыбу. По возвращении нашли мы здесятт» наших мужчин мертвыми, со снятой кожей [то есть скальпированными]. Аве Мария, охрани нас от всего недоброго. Нас осталось десятеро из всей группы, и плыли мы по морю четырнадцать дней от [нашего?] острова и продолжали поиски. В господа нашего году 1362».

Открытие Кенсингтонского камня с надписью, свидетельствующей с- пребывании норвежцев и шведов в Северной Америке еще в XIV столетии, вызвало отклики во всем мире. Однако американисты все больше сомневались в его Подлинности. А недавно пришло сообщение из Миннесоты, что на земле поместья, по соседству с которым был обнаружен камень, найдено пособие по чтению рунических надписей, выпущенное в середине XIX века. Владельцем этого поместья был, видимо, образованный фермер, глубоко интересовавшийся историей Нового Света. И здесь явно ziie.no место нечто, напоминающее романтические истории знаменитых твропейских подделок.

О плавании, подобном экспедиции Торфинна, говорят и пространные поэтические повествования уэльских бардов. По преданию, такое путешествие совершил где-то в XII веке сын галльского короля Оуэна Гуин-нида, которого звали Медок об Оуэн Гуиннид. Барды, чьи великолепные песни сохранились до нашего времени, в особенности бард Гинделв а Лли-зерхеб Ллиуеллин (XIII век) и бард Мередид аб Ргис (XV век), рассказывают, как Медок открыл на западе обширную плодородную землю, населенную необычными людьми, язык и нравы которых поразили галльских мореплавателей. Патриоты Уэльса предполагали, что это была Флори-ла. Колонизовать столь обширную страну малочисленная группа галлов не могла, и Медок вернулся в Европу. Сообщения о плавании Медока - в Америку» в настоящее время считаются весьма маловероятными.

Точно так же приходится отвергнуть как малообоснованные утверждения, будто Америку посетили два выдающихся мореплавателя XIV века — венецианцы Николо и Антонио Зени. Николо Зени, а позднее и его брат, состоя на службе у богатого скандинавского судовладельца, посетили Исландию, а затем — как они рассказывают в письме третьему своему брату, Карло, — земли Фрисланд, Эстланд и Эстотиланд. На одном из этих островов якобы правил «принц» Сичми, который принял Николо к себе на службу, и т. д. О плаваниях и открытиях братьев-венецианцев некогда было написано много книг, но из-за недоказанности этих открытий мы не можем сейчас серьезно принимать их во внимание.

И еще один любопытный факт. В 1893 году, к четырехсотлетию открытия Америки Колумбом, норвежский капитан Христенсен построил маленький корабль, точную копию ладьи древних викингов. На этом судне Магнус Андерсен с 13 смельчаками, выйдя из Бергена, всего за 40 дней пересек северную часть Атлантического океана и достиг берегов Америки. Это плавание доказало возможность перехода, совершенного Торфинном и Лейфом.

Итак, неопровержимо доказано, что с востока, а возможно, и с запада, еще до Колумба берегов Америки не раз достигали ладьи, лодки и, быть может, даже плоты.

Нет книг, не написано романов об этих мореплавателях, об их удивительных, волнующих, полных приключений плаваниях. Люди мало знают о них, хотя они вошли в историю человечества, приумножив его славу, его величие. И, безвестные, они причастны к вечному огню поисков и открытий.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

КАК УНИЧТОЖАЛИСЬ ИНДЕЙСКИЕ ИМПЕРИИ

У всякого преступления, а убийство, как известно, — это преступление, должен быть виновник, тот, кто его совершил. В преступлениях, описанных в этой главе, основным, хотя далеко не единственным виновником был Франсиско Писарро. Поэтому с него и начнем. Кто такой Франсиско Писарро? Если Кортеса родители растили как будущую гордость семьи и послали в Саламанку учиться в университете, то о судьбе Франсиско Писарро никто не позаботился. Он был незаконнорожденным, а в ханжеской католической Испании это почиталось куда более тяжким грехом, чем убийство сотен индейцев. Отцу, офицеру высшего ранга, он был не нужен, отреклась от него и мать, Франсиска, чье имя он получил при крещении. Поэтому ему вообще не пришлось учиться. С детских лет он был вынужден трудиться. Он стал свинопасом. «Это был способный парень, любивший приключения, и такое занятие было ему не по душе», — пишет один из его биографов, не замечая комизма своих слов. Но поскольку «такое занятие» было ему действительно «не по душе», Писарро вскоре сбежал и оказался на юге Испании, в Севилье. А Севилья со времен первых плаваний Колумба была перевалочным пунктом на пути из Испании во вновь завоеванные территории Америки. Первое свое плавание Писарро совершил по обычному для того времени маршруту: Севилья — Эспаньола. На Эспаньоле еще одна пересадка, после чего Писарро попадает в Панаму. Это как раз то время, когда Васко Нуньес де Бальбоа пересек перешеек и открыл Тихий океан. Писарро жадно прислушивается к толкам в экспедиции о новых планах Бальбоа, который задумал поход в «Пиру» — золотоносную страну, лежащую где-то на юге.

В ту пору до Панамы дошли слухи о сказочных сокровищах огромного города Теночтитлана, которыми так легко завладела кучка конкистадоров во главе с каким-то Кортесом. «Если это мог сделать Кортес, то почему не могу и я», — говорит себе один из «панамских помещиков» — Франсиско Писарро. И вот неграмотный свинопас замысливает поход, цель которого — похоронить величайшую империю доколумбовой Америки. В отличие от Кортеса, единоличного предводителя и вдохновителя завоевания Мексики, Писарро ищет себе компаньонов. Так возникает сообщество кровожадных хищников, которые рано или поздно перегрызут друг другу горло. Но пока что мы присутствуем при первом акте драмы...

Их было трое — все из Панамы. Первый член триумвирата — Писарро, военный руководитель похода и глава общества по ликвидации «Пиру». Второй — молчаливый маленький Диего да Альмагро, невежественный, жестокий воин; впрочем, на фокке «элиты» тогдашних конкистадоров он все же, пожалуй, честнее и лучше многих. Его обязанность — вербовка солдат и снаряжение судов. И наконец, третий — хитрый, одаренный коммерческим талантом священник Бернардо де Луке. Он ведал денежной стороной предприятия. С денег, собственно, все и начинается. Прежде всего эта троица собрала «акционерный капитал», с которым компания могла бы приступить к делу. Но нельзя было упускать из виду главное... Все трое отправились к панамскому нотариусу и в его присутствии подписали договор, которым взаимно обязались разделить между собой поровну все золото и вообще все, что найдут в стране, о которой они еще ничего не знали. После этого они разошлись. Луке остался в Панаме, чтобы заготавливать провиант и защищать их общие интересы перед испанскими колониальными властями. А двое других пустились в плавание на двух кораблях, купленных на имевшиеся в их распоряжении средства. На поиски и завоевание Перу Писарро затратил значительно больше времени, чем Кортес на свой поход в Мексику.

Поначалу экспедиции сильно не везло. Писарро отплыл первым 14 ноября 1524 года. Через несколько дней поднял паруса и второй корабль, которым командовал Альмагро. Писарро достиг устья реки Виру, следуя вдоль, берегов нынешней Колумбии. Это была печальная земля¹. Болотистое побережье, комары, тропическая жара и никаких следов человека. Скоро дал знать о себе и голод. Видя, что его экспедиции грозит серьезная опасность, Писарро принял решение высадиться на берег, а корабль послать к не слишком отдаленным Жемчутным островам за провизией. Корабль уплыл. Голод все усиливался. Только через семь недель Монтенегро, замещавший на корабле Писарро, вернулся с припасами. К этому времени около сорока человек умерло от голода. Место, где экспедиция Писарро испытала столько мучений, до сих пор сохранило название Пуэрто-дель-Амбре (Голодная гавань). Ослабевшие конкистадоры, так и не дождавшись корабля Альмагро, продолжали путь на юг. Достигнув небольшого гористого полуострова, они увидели индейскую деревню. Когда завоеватели сошли на берег, деревня эта — позднее ее назвали Пунта Кемада — была пуста. Писарро хотел здесь обосноваться, но уже во время первой разведки, окрестностей, которую возглавил Монтенегро, индейцы напали на его отряд, и много солдат при этом было убито. Вслед за тем индейцы, опередив отступающего Монтенегро, атаковали основные силы экспедиции. Испанцы опять понесли потери, и сам Писарро получил несколько ранений. Немного золота Писарро все же нашел, и поэтому экспедиция (так и не встретившись с кораблем Альмагро) могла вернуться в Панаму. Между тем Альмагро, напав на след Писарро, высадился на том же полуострове и захватил даже деревню Пунта Кемада. Правда, для самого Альмагро эта битва кончилась плохо: индейская стрела лишила его глаза.

Тем не менее Альмагро решил двинуться дальше. Он достиг устья неизвестной ему реки, которую назвал Сан-Хуан. Здесь жили индейцы-земледельцы, более миролюбивые, чем их северные соседи. Не обнаружив нигде больше следов Писарро, Альмагро тоже повернул на север. В Чи-каме, на Панамском перешейке, оба конкистадора наконец встретились. Ни неудачи, ни большие потери не отбили у них охоты к новым авантюрам. Ведь золото они нашли (особенно повезло в этом отношении Альмагро) и теперь уже не сомневались, что где-то не очень далеко, за рекой Сан-Хуан, лежит «золотая страна». Было решено, что Альмагро вернется в Панаму. С помощью золота он добьется согласия губернатора на новую экспедицию и найдет для нее солдат. Писарро же тем временем будет заживать раны в Чикаме.

В Панаме план новой экспедиции, которую предлагал Альмагро, не вызвал большого энтузиазма. У губернатора Педрариаса Давила были свои планы. Он готовил поход на север, в Никарагуа, и был заинтересован в том, чтобы поселенцы присоединились к его экспедиции. К тому же особого успеха первое плавание Писарро, казалось, не принесло... Зато священник патер Луке был настроен более оптимистично. Он вложил в дело последние свои сбережения и употребил все красноречие церковника, чтобы смягчить Давилу и добиться его согласия на новую экспедицию. 10 марта 1526 года в панамском соборе (и на что только не пригодны церкви!) был подписан новый договор; согласно ему вся слава, вся прибыль, которые будут приобретены в завоеванных землях, должны опять быть поделены на три части.

Вторая экспедиция насчитывала 180 человек, и в ее распоряжении было снова два корабля. Писарро привлек к участию в ней видного мореплавателя, кормчего из Андалузии Бартоломе Руиса. На этот раз плавание началось гораздо благополучнее. Оба корабля уже знакомым путем добрались до устья реки Сан-Хуан — до самой южной точки, которой достигла первая экспедиция (точнее, корабль Альмагро). Здесь конкистадоры высадились и сразу же напали на индейскую деревню, расположенную близ устья реки. Добыча оказалась богатой. В деревне испанцы нашли множество золотых украшений. Теперь Писарро и Альмагро были уже уверены в том, что приближаются к границам «золотой страны». Но они хорошо понимали, что 180 усталых солдат — недостаточная сила для осуществления их великолепных замыслов. И снова было решено, что Альмагро на одном из кораблей вернется с золотом в Панаму и наwerbует новых солдат, а тем временем Писарро с несколькими помощниками высадится на берег и обследует устье реки Сан-Хуан. Кормчий же Руис на втором корабле поплывет с остальными членами команды дальше на юг... Самым интересным было плавание Руиса. Первую остановку он сделал у небольшого острова Гальо (примерно на 2° северной широты), а затем, выйдя в море, увидел нечто удивительное. Это была так называемая баль-са — большой перуанский плот из нескольких стволов бальсового дерева, с маленьким навесом и четырехугольным парусом. Надо сказать, что до этих пор испанцам еще ни разу не приходилось видеть, чтобы индейцы пользовались парусами. На плоту находилось не менее 20 мужчин и женщин, одетых в шерстяные и бумажные ткани, с украшениями из золота, серебра и драгоценных камней. Здесь же был сложен

большой груз, предназначенный для продажи или обмена. Индейские купцы без всякого страха поднялись на борт испанского корабля и рассказали Руису о замечательной стране на юге, о ее плодородных полях, больших городах и о дворце ее властителя, который якобы весь выложен золотом. Двое из этих купцов были родом из большого торгового центра Тумбеса. Руис уговорил нескольких индейцев остаться на его корабле, чтобы подтвердить свой рассказ самому Писарро. Спустя несколько дней корабль достиг пункта, лежащего уже южнее экватора, который мореплаватели обозначили как Кабо Пасадо. Так Бартоломе Руис стал первым европейцем, пересекшим экватор в Тихом океане. Из своего успешного разведывательного плаванья, продолжавшегося десять недель, Руис вернулся к устью реки Сан-Хуан. И вернулся как раз вовремя.

Горстке людей Писарро в прибрежных джунглях жилось прескверно. Досаждали москиты, не давали покоя враждебно настроенные индейцы, и более всего мучил голод. Оптимистическое сообщение Руиса несколько, подняло настроение. У экспедиции появилась теперь конкретная цель — Тумбес. Но прежде чем конкистадоры доплыли до сказочного города, им пришлось пережить немало черных дней. При неблагоприятной погоде они бросили якорь у острова Гальо. Отсюда Альмагро отправился в Панаму вербовать пополнение — теперь уже для захвата конкретной страны. Прочие под командой Писарро остались на острове.

Прошел месяц, второй, запасы истощились, голод усилился. А Альмагро не возвращался. На этот раз его встретили в Панаме крайне неприязненно. Губернатор не только не разрешил ему вербовать солдат, но и самому Альмагро запретил покидать Панаму. А на остров Гальо он послал собственные корабли под командой капитана Тафура с приказом вернуть остатки экспедиции Писарро в Панаму, даже если для этого понадобится применить силу. Подавляющее большинство ослабевших, изголодавшихся людей на острове Гальо встретило Тафура как своего спасителя. Но некоторые проявили упорство. И тут Писарро произнес свой широко известный драматический монолог. Выхватив из ножен огромный меч, он провел им черту на прибрежном песке и сказал: «Вот север. Это путь к Панаме. Кто пойдет на север, вернется к лишениям и бедности. А это юг — там Пиру со своим золотом, со своими сокровищами. Выбирайте. Я выбираю юг». И он перешагнул черту. За ним последовали грек Педро де Кандиа, еще один офицер — Родригес де Вилья и одиннадцать солдат. И так, всего, включая Писарро, четырнадцать человек! Верность Писарро сохранил и Бартоломе Руис. Теперь он вынужден был на своем корабле вернуться вместе с Тафуром в Панаму, чтобы рассказать о намерениях Писарро патеру Луке и, главное — Альмагро, от которого целиком зависела дальнейшая судьба всего предприятия.

Корабли Тафура и Руиса отплыли в Панаму, оставив кучке смельчаков лишь небольшое количество риса. Положение их стало еще труднее. Теперь их мучил не только голод, но и страх. Ведь на острове Гальо завоеватели обращались с индейцами ничуть не лучше, чем в других местах. Все это побуждало их скорее покинуть остров. Но как это сделать? Ведь у Писарро теперь не было корабля. Наконец они решили соорудить небольшой плот, и морское течение отнесло их к находившемуся неподалеку необитаемому острову Горгона. Так завоеватели превратились в робинзонов. Они построили себе хижины и стали ждать возвращения Альмагро, пополняя свои скудные припасы охотой.

Семь месяцев провел Писарро с тринадцатью товарищами на этом острове. Наконец по прошествии двухсот дней приплыл из Панамы корабль, снаряженный двумя другими членами триумvirата. Командовал им Руис, Альмагро на борту не было.

И снова Писарро с горсткой своих верных соратников и несколькими десятками людей из команды Руиса отправился в поход на Тауантинсуйу. Ближайшая их цель — сказочный Тумбес.

И они достигли его после двадцати дней плавания. Город этот находился в той части Тауантинсуйу, которую присоединил к империи предпоследний инка (юг и запад нынешнего Экватора). Тумбес был построен незадолго до появления Писарро и целиком возведен из камня. Окрестные поля прекрасно орошены и хорошо возделаны. Когда жители заметили в заливе огромный удивительный корабль, они послали к нему бальсу с воинами. Но переводчики Писарро убедили их, что белые люди пришли к ним сюда «как друзья».

Тогда к Писарро явился местный курака со множеством даров. Как раз в это время в Тумбесе находился один из рода Больших ушей, принадлежавший к семье инки. Он тоже посетил конкистадора. Писарро дружески потчевал его вином, которое очень понравилось, и подарил ему железный топор. Это было первое железо, попавшее в Тауантинсуйу! Так Тумбес и экспедиция Писарро прощупывали друг друга. Жители Тумбеса в свою очередь позвали испанцев в гости. В первый день Писарро послал в город двух своих людей — Альфонсо де Молно и негра из Панамы. Необыкновенный цвет кожи обоих посланцев Писарро и великолепная борода Мо-лины, можно сказать, покорили сердца жителей Тумбеса. Многие горожане пробовали стереть с лица негра черную краску, а когда это им не удалось, дивились еще пуще. Уважение к полубожественным пришельцам все росло. Но испанцев, естественно, куда больше, чем знаки почтения, интересовало золото. И они обменивали на него все, что имели, Тумбес стал первым успехом экспедиции Писарро. Испанцы увозили не только золото и драгоценные камни, но и запасы провизии а даже... живых лам. Писарро прихватил на корабль также нескольких индейцев, чтобы сделать из них переводчиков. Один из этих индейцев, Фелипильо, позднее особо способствовал успеху предприятия Писарро.

Экспедиция отправилась еще дальше к югу. Обогнув Агукский мыс, она достигла залива Сайта. Только после этого Руке повернул кормило на 180°, и конкистадоры поплыли «домой», в Панаму.

Участники экспедиции добились определенных успехов. Тем не менее Панамы и ее губернатор Педро де лос Риос встретили прибывших скорее с удивлением, чем с радостью. Ведь все считали Писарро и его сподвижников давно погибшими. А о новой

экспедиции де лос Риос и слышать не хотел. Положение оказалось более сложным, чем вначале. И тут хитрый патер Луке дал добрый совет: пусть Писарро едет к королю. . .

Члены триумvirата собрали деньги на дорогу, и вот Писарро с Педро де Кандиа, несколькими ламами, а главное — с грудой тумбесского золота направляется в Испанию, в Толедо, к Карлу V.

Едва ступив на берег Испании, Писарро был арестован и заключен в тюрьму за какие-то старые долги. Однако сам король, уже прослышавший о настойчивом конкистадоре, приказал, чтобы Писарро выпустили, а затем дал ему аудиенцию. В течение нескольких дней рассказывал Писарро толедскому двору о своих невероятных приключениях. Он продемонстрировал дотолее невиданных лам, передал золото, но в награду, по сути дела, не получил ничего. Король даже уехал. И все же счастье улыбнулось конкистадорам. 26 июля 1529 года королева, управлявшая государством в отсутствие Карла, скрепила своей подписью патент на завоевание Перу, в котором были определены права Писарро, Альмагро, Луке, Руиса, Кандиа и других организаторов экспедиции. Поскольку все главные заслуги Писарро приписал собственной персоне, то он выговорил себе и львиную долю всех благ — 725 тысяч мара-веди, "пожизненную должность вице-короля Новой Кастилии (так была названа еще не завоеванная страна) и множество титулов: верховный судья, аделантадо, верховный повелитель Новой Кастилии и т. д. Альмагро получил неизмеримо меньше: 300 тысяч мараведи и губернаторство в городе Тумбес. Патера Луке назначили «охранителем перуанских индейцев», а поскольку это громкое звание не сулило никаких доходов, ему дополнительно была дарована ежегодная пенсия в тысячу дукатов. Руису был пожалован титул «великого кормчего Южного моря», а все робинзоны с острова Горгоны были посвящены в рыцари. Итак, Писарро увозил из Толедо громкие титулы и огромные суммы денег, проставленные на бумаге. Фактически он не получил ничего: деньги, на которые конкистадоры могли претендовать, они должны были отчислять из будущих доходов с еще не завоеванной страны.

Из Толедо Писарро первым делом отправился к себе на родину, в Тру-хильо. За двадцать лет здесь мало что изменилось. Но зато как изменился он сам, Писарро! Бывший свинопас въехал в родную общину во главе пышной кавалькады, в одеянии рыцаря ордена святого Яго. Это, несомненно, был самый памятный день в истории города. По улицам пронесли герб Писарро, дарованный королем. На гербе были изображены индейский город, лама и корабль Писарро. Приветствовать его явились четверо младших братьев. Собственно, он их почти не знал. Трое из них, как и он сам, были незаконные дети: со стороны матери — Франсиско Мартин де Алькантара, со стороны отца — Хуан и Гонсало. Только четвертый брат был законным сыном полковника Писарро. Но теперь все четверо всячески выражали старшему брату свои родственные чувства и отправились вместе с ним «завоевывать Пиру». Навербовав достаточное число людей, Писарро вернулся в Панаму.

Но Альмагро, Руис и остальные встретили его весьма холодно. Ведь он заверял их всех, и особенно Альмагро, что они получат равную долю в барышах и славе, а между тем все сливки снял сам. К тому же брат Писарро, Эрнандо, этот желторотый птенец среди конкистадоров, вел себя по отношению к Альмагро в высшей степени заносчиво и вызывающе. И прошло много времени, прежде чем патеры Эспиноса и Луке помирили поссорившихся завоевателей.

Только в январе 1531 года Писарро с двумя сотнями солдат уже в третий раз отправляется завоевывать Тауантинсуйу. Позднее экспедицию догнали два корабля с новым подкреплением — примерно сотней солдат под командованием Эрнандо де Сото. А еще до этого к ней присоединилась горстка людей, возглавляемых Белалкасаром, одним из позднейших завоевателей страны «золотого короля». Однако Альмагро, первого соратника Писарро, среди конкистадоров уже не было.

И вот наконец экспедиция прибыла в Тумбес. Но какое разочарование! Испанцев кто-то опередил. Прекрасный город был разрушен, а от золота и следов не осталось. Оказалось, что на Тумбес совершили набег индейцы с расположенного неподалеку острова Пуна. Так рухнули планы завоевателей Тумбеса, а главное — надежды на добычу. Понятно, это не прибавило рядовым членам экспедиции пыла для участия в новых авантюрах. Писарро справедливо рассудил, что экспедиции нужен отдых. Он двинулся дальше на юг и в устье реки Чиры основал первый европейский город на территории Перу, который назвал Сан-Мигель. Здесь Писарро получил конкретные сведения о властителе этой страны — инке, а также, что было особенно важно, узнал о начавшейся войне между двумя претендентами на трон — наследником престола Уаскаром и его братом Атауальпой. Уаскар, как мы уже знаем, был законным сыном предшественника инки — Уайна Капака, и его сестры (то есть законной жены). В отличие от своих предшественников Уайна Капак часто пребывал вне Куско. Любимым его городом был Кито, находившийся в самой северной части Тауантинсуйу. Там он держал в своем дворце еще нескольких жен. Одна из них, дочь вождя племени кара, родила ему сына Атауальпу. Атауальпа уже в молодые годы проявил замечательный военный талант, и ему был определен удел военачальника. После смерти отца Атауальпа сосредоточил вокруг себя отборные инкские войска и стал готовить своего рода военный путч. Он потребовал, чтобы государство было разделено на две части и чтобы в северной части он был провозглашен инкой. Инка Уаскар отверг это требование. Началась междоусобная война. Атауальпа с помощью своих полководцев Кискиса и Чалькучимы нанес Уаскару поражение в нескольких битвах и в решающем бою у реки Апуримак взял его в плен и победоносно вступил в Куско. Здесь он сначала перебил всех членов династии, оставшихся верными Уаскару, а самого инку бросил в темницу, после чего завладел его тронном. Итак, Атауальпа стал инкой, властителем Куско. Но огромное государство Тауантинсуйу, естественно, еще признавало правителем плененного Уаскара. К тому же брат свергнутого инки, Манко, успел бежать из Куско и представлял для нового инки потенциальную угрозу. Таким образом, в момент, когда Атауальпа получил первые известия о

вступлении в его страну белокожих людей, Тауантинсуу, это самое прочное из всех индейских государств, впервые за свою долгую историю было ослаблено братоубийственной смутой.

Прослышав о войне между двумя инками, Писарро решил действовать. 21 сентября 1532 года он покинул Сан-Мигель, покинул свои надежные корабли и начал переход через прибрежные горы. В экспедиции не было и 180 человек. К тому же некоторые из ее участников не выдержали тягот пути через горы, вернулись в Сан-Мигель. Инка благодаря «курьерской службе», о которой мы уже упоминали, очень скоро получил первые донесения о непрошенных гостях. Но поскольку белые люди были загадочны и непонятны, в этих донесениях было много фантастичного. Так, например, в одном из сообщений, уведомлявшем инку об «огромных животных» (у индейцев тогда еще не было слова для обозначения лошади), утверждалось, что ноги этих животных из серебра. Ошибка была вызвана, очевидно, тем обстоятельством, что лошади были подкованы. Впрочем, многие сообщения, доходившие до инки, вызывали его справедливый гнев. Особенно возмутило Атауальпу преступление испанских захватчиков в Кашасе, где они согнали на городскую площадь и изнасиловали 500 девственниц из местного монастыря.

Вскоре после «преступной оргии» Атауальпа встретился с конкистадорами лицом к лицу. Инка в это время находился неподалеку — лечился в Кахамарке, славившейся своими теплыми источниками. Из Кахамарки к Писарро прибыл гонец: Атауальпа предлагал белым пришельцам посетить его лагерь. Писарро и инка обменялись еще несколькими посланиями. Писарро направил вперед лазутчиков, а затем перешел андские перевалы. 15 ноября 1532 года, ровно через восемь лет после того дня, когда экспедиция в «золотую страну» впервые покинула Панаму, отряд Писарро подошел к Кахамарке.

Поначалу Писарро направил в лагерь инки лишь небольшую группу посланцев, возглавляемых его братом Эрнандо и многоопытным Эрнандо де Сото. Атауальпа принял их дружелюбно, предложил им угощение и ночлег в Кахамарке и обещал, что на следующий день встретится с Писарро, облеченным доверием «великого заморского короля».

Посланцы Писарро вернулись с тревожными вестями. По их словам, они всюду видели многотысячные войска, охранявшие инку. Приблизительно 80 тысяч воинов! Но они рассказывали также и о великолепных золотых украшениях, и о прелестных «невестах солнца»!

Что делать? Вспомнив, как в Толедо ему рассказывали о пленении Монтесумы, Писарро решился на такую же дерзкую затею. Утром следующего дня, 16 ноября, Писарро приступил к осуществлению своего плана. Треугольник кахамаркской площади, где испанцам предстояло встретиться с инкой, был образован рядом одноэтажных зданий, широкие выходы из которых вели на площадь. В больших залах этих зданий, предоставленных гостеприимным инкой испанцам, Писарро разместил два отряда кавалерии. Одним командовал де Сото, другим — брат Писарро Эрнандо. В кахамаркской крепости расположился Педро де Кандиа, установив в ней обе пушки. Пехота укрылась в остальных зданиях, окружавших площадь. Наконец, 20 самых надежных солдат составляли личную гвардию Писарро. Потом патер Висенте де Вальверде, духовник экспедиции, отслужил мессу, конкистадоры еще раз осмотрели оружие и были готовы к «дружескому приему инки». Пышный кортеж инки прибыл в Кахамарку только к вечеру. Сначала появилось несколько сот слуг, убравших мусор с дороги, по которой несли инку. Затем проследовали роскошно одетые чиновники инки, за ними — Большие уши, потом личная стража Атауальпы — 5 тысяч отборных воинов и, наконец, на золотых носилках сам божественный сын солнца, недавний победитель Уаскара, инка Атауальпа.

Он остановился посреди площади, но испанцев нигде не было. Оскорбленный Атауальпа разгневанно спросил, где же белые пришельцы. И тогда вперед выступил доминиканский монах Вальверде. Он стоял на площади один, в своем жалком монашеском рубище, лицом к лицу с великолепным многотысячным эскортом инки. Держа в одной руке крест, в другой — библию, он обратился к инке с речью. Он говорил ничего не понимающему Атауальпе о сотворении мира, об Иисусе Христе, о святой троице, о папе — божьем наместнике на земле, а также о том, что вместе со своим командующим доном Франсиско Писарро они явились сюда в качестве послов великого и могущественного испанского короля. Вальверде потребовал от инки, чтобы он покорился испанскому королю и отрекся от своих «языческих заблуждений». Толмач Фелипильо перевел его длинную речь. Атауальпа страшно разгневался. Он обрушился на папу, который раздаст не принадлежащие ему земли, отверг бога белых людей и указал на заходящее солнце — единственного истинного бога, который вовсе не был распят на кресте, а продолжает жить на небе. Отказался он подчиниться и белому королю за морем. Наконец инка спросил омерзительного монаха, кто дал ему право так говорить. Вальверде молча указал на библию и протянул книгу инке. Атауальпа недоуменно ее полистал, а затем отбросил. Тут фанатичный монах впал в неистовство. Он начал кричать: «Убивайте их! Уничтожьте язычников! Убивайте, убивайте! Всем вам даю отпущение!..»

И тогда Писарро подал знак. Педро де Кандиа выстрелил из пушки, испанская пехота закрыла выходы с кахамаркской площади, и началась бойня. Только к инке, сидящему на золотых носилках, Писарро запретил прикасаться. Он даже был ранен, когда заслонил его от меча одного из своих солдат.

Три тысячи индейцев перебили испанцы, причем ни один из участников экспедиции, за исключением Писарро, не был даже ранен. Вечером того же дня в одном из зданий, окружавших кахамаркскую площадь, среди неубранных трупов Писарро, согласно договоренности, устроил для инки пиршество. Инка принял свой удел со стоическим спокойствием. Испанцы разрешили, чтобы к нему вернулась его свита и его любимые жены.

Но наивный Атауальпа больше, чем испанцев, боялся своего брата Уаскара, находившегося под стражей в недалекой Андрамарке. Он опасался, что Уаскар бежит из заключения и вновь займет в Куско опустевший престол. И когда Атауальпа понял, что испанцы жаждут не столько обращения язычников в «истинную веру», сколько золота, он предложил Писарро великолепную, фантастическую, небывалую сделку. В обмен на свою свободу он предложил наполнить золотом на высоту вытянутой вверх руки помещение, в котором они находились! Разумеется, Писарро принял предложение Атауальпы. На уровне, до которого инка достал рукой, он обвел все помещение красной чертой и дал Атауальпе два месяца срока. Атауальпа разослал по всему Тауантинсуйу гонцов с приказанием отовсюду приносить золото. Когда Уаскар узнал о предложении Атауальпы, он направил к Писарро посла с обещанием выплатить за возвращение престола еще большую дань. Предложение Уаскара страшно взволновало Атауальпу. Узнав о нем, он приказал немедленно убить своего сводного брата. Тайный приказ был выполнен тотчас же. Уаскара утопили. В Кахамарку между тем стекались сокровища империи, а испанцы осторожно обследовали завоеванную страну. Писарро, например, посетил священный религиозный центр инков Пачакамак.

А тем временем в Кахамарку явился с долгожданным подкреплением Альмагро. Долгожданное подкрепление, но не столь уж долгожданные участники дележа добычи! А добыча, по самым трезвым подсчетам, составляла 60 центнеров золота! Серебра же — в два раза больше. Понадобились месяцы, чтобы переплавить великолепные золотые украшения в золотые песо (4,6 грамма). Так драгоценнейшие шедевры Тауантинсуйу были навсегда утрачены для человечества. Ведь один Франсиско Писарро получил свыше 300 килограммов золота. Его брат Эрнандо — 143 килограмма. Де Сото — 80 килограммов. Каждый всадник — по 40 и каждый пехотинец — по 20 килограммов золота. Королевская пятая часть, поступившая в мадридскую казну, составила более тонны золота и двух с половиной тонн серебра. Только Альмагро и его солдаты «пострадали» — на них на всех досталось «лишь» около полутонны золота.

После того как Атауальпа выполнил свое обещание и собрал несметные золотые сокровища, он должен был получить свободу. Но в награду за все это его ждала не свобода, а смерть: ведь от него больше нельзя было ожидать никакой выгоды. Писарро назначил трибунал и предал Атауальпу суду. Поскольку налицо был «обвиняемый», в чем-то его нужно было обвинить. Завоеватели обвиняли инку в многоженстве, в убийстве брата Уаскара, судили его за подготовку восстания против испанцев (хотя в это время он уже находился в плену), за то, что он плохо распоряжался финансами империи (!) и т. д. Суд выслушал последнее слово инки, посоветовался и вынес смертный приговор. Теперь можно было убить инку, так сказать, на законном основании.

19 августа 1533 года. Только что зашло солнце. Кахамаркскую площадь окружают испанские солдаты с факелами в руках. Зачитан приговор. Выводят связанного Атауальпу. На площади приготовлен большой костер для сожжения «идолопоклонника». И вновь, как и во время первой встречи инки с испанцами, собеседником его становится вероломный доминиканский монах Вальверде. Он в последний раз предлагает Атауальпе принять крещение и веру: тогда его не сожгут, а «только задушат». Атауальпа соглашается. Его крестят (поскольку это происходит в день святого Хуана, он получает имя Хуан де Атауальпа), после чего следует казнь. А через несколько часов в лагерь возвращается Эрнандо де Сото, который должен был проверить обоснованность выдвинутого против Атауальпы обвинения в том, что он готовит восстание. Согласно этому обвинению, инкские войска должны были уже приближаться к лагерю испанцев. Разумеется, де Сото нигде не встретил ни одного инкского воина.

Так погиб инка Атауальпа. Но это еще не конец драмы. Хищные стервятники, а их много, разлетаются по всему великому Тауантинсуйу и грабят, стараясь урвать побольше. Писарро вступает в Куско. Здесь его просит о свидании брат убитого Уаскара, законный сын Уайна Капака — Манко. Писарро объявляет Манко новым инкой, рассчитывая сделать его своим посредником и помощником в ограблении всей обширной империи. Но расчеты его не оправдались. Новый инка исчезает из Куско и отправляется на восток страны, в горы, чтобы собрать силы против захватчиков.

А самоуверенные и самодовольные завоеватели обшаривали дворцы, святилища и гробницы Куско в поисках новых сокровищ. Так был разграблен и золотой храм Инти — бога солнца. Опустошив Куско, конкистадоры рассеялись по всей огромной стране. Борьба, которую еще в течение многих месяцев вел против захватчиков Манко, существенно не изменила положения. Белые завоеватели стали хозяевами Тауантинсуйу. Теперь они могли пожинать плоды своих усилий! И действительно пожинали... Ученые, которые еще не утратили веры в конечное торжество исторической справедливости, могут с удовлетворением констатировать, что конкистадоров, столь щедро проливавших индейскую кровь, постигло возмездие. Первым в сражении с восставшими индейцами был убит Хуан Писарро. Диего де Альмагро тем временем направляется в Чили, в страну арауканов, о которых мы будем говорить позднее.

Вернувшись оттуда, Альмагро занял Куско, но в середине 1538 года старого конкистадора (к тому времени Альмагро было уже почти 70 лет) предательски захватывает самый жестокий из семьи Писарро, Эрнандо, и приговаривает к смерти. Старика сначала задушили в темнице, а затем публично обезглавили его труп.

Достопочтенный монах Висенте де Вальверде, затем епископ Куско, человек, осенявший крестным знаменем все преступления испанских авантюристов, был убит на острове Пуна. Жестокий и честлюбивый Эрнандо Писарро был вынужден явиться в Испанию и предстать перед королем, чтобы отвести обвинения, выдвинутые против него сторонниками Альмагро. Писарро был приговорен к тюремному заключению, несмотря на огромные взятки, которые он раздавал налево и направо, и более 20 лет

провел в крепости Медна-дель-Кампо. Остались еще три последних Писарро — Мартин, Франсиско и Гонсало. Гонсало пытал счастье первооткрывателя где-то у Амазонки. Мартин и «маркиз» Писарро, наместник Перу, жили большей частью в Лиме. 26 июня 1541 года в дом Писсаро проникли сын Альмагро Диего, его ближайший друг дон де Нада и еще несколько заговорщиков. В рукопашной схватке они одолели сначала Мартина, а затем и самого завоевателя Перу Франсиско Писарро. Заговорщики зарыли трупы и в ту же ночь вынесли из дворца найденное в нем золото.

Но и молодой Диего де Альмагро, убийца убийц своего отца, не избежал смерти. Он был схвачен новым королевским поверенным — Бака де Кастро, обвинен в «мятеже против королевства» и казнен. А затем его торжественно похоронили рядом с отцом. Итак, оставался только один Гонсало Писарро, вознамерившийся узурпировать всю власть в стране, которую он со своими братьями завоевал. Разгорелась новая междоусобная война. Участие в ней принимало несколько враждующих сторон.

Победителем стал Писарро со своим помощником Карвахалем, необыкновенно одаренным военачальником. В конце 1544 года Гонсало торжественно вступил в Лиму и сразу же приговорил к смерти всех своих недругов. После этого у него остался лишь один противник — вице-король Перу Бласко Нуньес (для нас он интересен тем, что пытался несколько облегчить жестокий удел индейцев). Нуньес отступил из Лимы в горы. Однако там остатки его войска настиг полководец Писарро Франсиско де Карвахаль, и вице-король был убит. Последний из братьев-завоевателей стал наконец хозяином всей огромной территории бывшей империи инков. От Эквадора до северной части Чили поселенцы признавали одного властителя — Гонсало. Точно так же и на море — в Тихом океане безраздельно господствовала флотилия кораблей Гонсало. Его люди обнаружили у Чукисаки (Потоси) новое, необыкновенно богатое месторождение серебра и построили там рудники. Чукисакское серебро ежедневно текло в сокровищницы Гонсало в Лиме. Писарро распространил свою власть и на Панаму, единственную перевалочную станцию на пути из Европы в западную часть Южной Америки. А его адмирал Уино-хосо овладел вдобавок главными воротами Панамы — поселением Номбре-де-Диос.

Теперь Испании грозила настоящая опасность. Гонсало Писарро стал бесспорным властелином всей западной части Южной Америки и ее дверей — Панамы. Правда, он принес испанскому королю присягу в верности. Но Карвахаль, главный советчик и помощник Писарро, подстрекал Писарро провозгласить себя императором Перу и прервать с Испанией все сношения. А в это время в Парагвае против Испании поднял мятеж капитан Ирала. Королевский двор прекрасно понимал опасность такого хода событий. Понимал он также, что военной силой ему вряд ли удастся сломить мощь Писарро. Совет по делам Индий решил послать в Южную Америку не солдат, а самого обвешованного и никому неведомого священника Педро де ла Каска.

Дипломатической изворотливостью он сделал то, что не удалось вице-королю Нуньесу силой. Вскоре Писарро был покинут всеми, кроме Карвахала и еще нескольких приверженцев, и тогда по приказу Каски казнен.

А что же стало с индейцами? Что стало с инками? Сородичи и потомки дописарровских инков жили еще в течение долгих лет. После Атауальпы на престол вступило еще несколько инков, большинство из которых продолжало в восточной части страны борьбу против испанских завоевателей.

Преемником Атауальпы стал, как мы уже говорили, инка Манко, некоторое время живший среди испанцев и использовавший приобретенный у них опыт в войне против захватчиков, начатой им в 1535 году. В 1536 году Манко целых 10 месяцев осаждал Куско. Индейцы Тауантин-суйу продолжали борьбу против испанцев и после смерти Манко, при его преемниках. Центром освободительной борьбы стала область Вилькабамбы в восточной части страны.

Сопrotивление перуанских индейцев было окончательно сломлено жестоким вице-королем Франсиско де Толедо. В 1572 году, когда индейские войска были полностью уничтожены, Толедо постарался истребить и всех оставшихся в живых членов правящей династии. Примерно 40 представителей рода инков были изгнаны и вскоре умерли, а последнего инкского властителя, Тупака Амару, Толедо казнил. Но сломить в индейцах дух сопротивления и стремление к свободе захватчикам не удалось. С именем последнего инки Тупака Амару мы встречаемся на протяжении всей послеколумбовой истории андских земель. Это имя вновь и вновь принимали индейские революционные вожди, о которых мы расскажем в другом месте.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(37\) →](#)

[Испания и Канары!](#)

Тенерифе, Гран Канария... Барселона, Коста дель Соль, Мадрид...Лето 2007!!!

[Адрес и телефон](#) · www.rusiber.ru

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры в Испанию! Все курорты!](#)

Отдых - все курорты Испании! Коста Брава, Дорада, Бланка, Коста дель Соль!

[Адрес и телефон](#) · www.mencey.ru · Москва

[Все туры в Испанию](#)

в Travel-Shop.Ru! Гарантированные скидки на цены туроператоров-лидеров!
www.travel-shop.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ПОИСКИ ЭЛЬДОРАДО

После захвата и разграбления великих индейских империй десятки новых завоевателей, жаждавших богатства и славы, устремились на поиски новых индейских Теночтитланов и Кахамарок. Ни одно самое фантастическое сообщение не казалось слишком неправдоподобным. Серебряные города, источники молодости, королевства, населенные одними женщинами. ... Но больше всего привлекали конкистадоров легенды о стране «золотого короля». Хотя о чибча толком еще никто ничего не знал, рассказы об Эльдорадо, о правителе, о его золотом облачении не давали завоевателям покоя. А поскольку с момента открытия Америки прошло уже почти столетия, претендентов на легендарные сокровища Эльдорадо оказалось немало. В область, где, как предполагали, находилось государство «золотого короля», конкистадоры пытались проникнуть с разных сторон. Первую экспедицию туда предприняли, как это ни странно, немцы во главе с Амброзием Эхингером. Каким образом в Америке, в местах, которые папа, согласно Тордесильяскому договору, отдал Испании, появились немцы? Случилось это так. Немецкие торговые дома — семейные фирмы Фуггеров и Вельсеров, богатевшие раньше от традиционной торговли с Востоком, — начинали понимать, что после открытия Америки и плавания Васко де Гамы вокруг Африки старые торговые пути, а вместе с ними и монопольные права этих фирм безвозвратно утратили свое значение. И вот Фуггеры и Вельсеры, богатейшие финансисты тогдашней Европы, пытаются каким угодно способом принять участие в испанской и португальской торговле с Новым Светом. Португальцы устояли перед фуггеровскими гульденами. Но в Испании немцы, особенно Вельсеры, добились своего. Дело в том, что они в свое время одолжили испанскому королю Карлу (тогда он был еще только претендентом на трон) огромные суммы, с помощью которых он и проложил себе дорогу в королевский дворец. Взойдя на престол, Карл в благодарность за это договором от 27 марта 1528 года предоставил Вельсерам в качестве колонии обширную территорию Южной Америки между мысом де ла Вела на западе и мысом Кодера на востоке, а также все земли внутри материка, расположенные между двумя

этими пограничными мысами. Если мы взглянем на карту, то увидим, что «частновладельческая колония» аугсбургских Вельсеров включила всю территорию нынешней Венесуэлы.

Вельсеры не замедлили завладеть своей колонией. Уже на следующий год после подписания договора первая немецкая экспедиция, возглавляемая вышеупомянутым Амброзиусом Эхингером, бросает якоря в Коро, городе, построенном испанцами примерно в 150 километрах к востоку от Маракаибского залива. На всем побережье Венесуэлы протяженностью в 2100 километров существовало лишь одно поселение белых. Индейцев на обширной прибрежной территории также почти не осталось. За какие-нибудь 25 лет их почти полностью истребили испанские охотники за рабами (испанцам нужна была рабочая сила для рудников и плантаций на Антильских островах, а на карибов — коренное население венесуэльского побережья — королевский запрет обращать индейцев в рабство не распространялся).

Эхингер, не найдя на побережье рабочей силы для запланированных здесь вельсеровских поместий, отправился в глубь материка. От неовых же встретившихся ему индейцев он узнал о золотоносной стране в северных Андах и о ее сказочном правителе. Сообщения казались правдоподобными. И Эхингер не долго раздумывал. Перед ним маячило видение нового Теночтитлана. В 1531 году Эхингер покинул Коро. Во главе экспедиции, состоявшей из 200 немцев и испанцев и нескольких тысяч индейских носильщиков, он двинулся на запад.

Когда участники экспедиции перешли границу Венесуэлы и вступили на территорию нынешней Колумбии, легенда о «западной стране золота» стала приобретать все более реальные очертания. Индейцы сами приносили Эхингеру золото — даром или в обмен на всякие безделушки. Но по мере того как у Эхингера накапливалось золото, прибывало и трудностей. Наконец показались первые гребни Анд. Переход через Анды доставил спутникам Эхингера ужасные страдания — морозный горный ветер убивал индейских носильщиков, уроженцев тропических низин, погибло и несколько выбившихся из сил немцев.

Но Эхингер слишком любил золото и гнал свою экспедицию все выше к перевалам, буквально не давая ей ни секунды отдыха; чтобы не задерживаться, он приказал рубить головы обессиленным индейцам — так было проще снимать железные ошейники и не было необходимости размыкать цепь, к которой они были прикованы. Экспедиции все же удалось перевалить через самый высокий хребет и добраться до сердца Колумбии — реки Магдалены. Здесь индейцы стали оказывать немцам сопротивление, и в бесконечных стычках Эхингер терял одного человека за другим. И хотя до границ государства «золотого короля» — Эль Дорадо, или Эльдорадо, как тогда начинали говорить, ему оставалось, теперь мы это знаем, всего каких-нибудь 30 километров, он решил временно приостановить продвижение и отправить свою добычу (она уже составляла более четверти тонны золота) в Коро. Для этой цели он выделил отряд из 30 человек во главе с надежным офицером Баскуньей. Но против экспедиции обернулись ее собственные преступления. Горстка конкистадоров не могла отважиться на возвращение тем же путем, каким Эхингер проник в Колумбию. Местные индейцы не забыли о жестокостях белых, и Баскунье пришлось искать другую дорогу, продираясь сквозь неизведанные джунгли. Вскоре от него сбежали все индейские носильщики, и белые вынуждены были сами нести золото. Так же как и для солдат Кортеса, золото стало для них страшным бременем. Закопав весь клад под большим деревом и обозначив его зарубками, конкистадоры разделились на маленькие группы и разными путями попытались пробраться через джунгли, избегая соприкосновения с индейцами. Они договорились встретиться в Коро. Но не встретились, погибли.

Погибли все, кроме одного — Франсиско Мартина. Индейцы взяли его в плен. Он сумел снискать их доверие, стал даже признанным «лекарем». Впоследствии «лекаря» Мартина перекупило соседнее племя, и он женился на индейке.

Основная часть первой экспедиции в страну чибча отказалась от дальнейшего продвижения вперед и повернула «домой», в Коро, буквально от самых границ государства Эльдорадо. В одной из стычек с индейцами погиб Эхингер, та же участь угрожала и другим оставшимся в живых членам отряда. Их спасла встреча с «индейцем», разукрашенным татуировкой, в головном уборе из перьев и с луком в руке, с «индейцем», который, к великому удивлению заблудившихся, заговорил с ними по-испански и по-немецки. Да, это был Франсиско Мартин. От него уцелевшие участники экспедиции узнали о гибели группы Баскуньи и о судьбе золотого клада. Франсиско Мартин оказал товарищам еще одну неоценимую услугу: в костюме и татуировке «своего» племени, зная язык местных индейцев, он провел их через племенную территорию, и в конце концов в ноябре 1524 года они добрались до Коро.

Попытки немцев разыскать Эльдорадо на этом не прекратились. Уже в сентябре следующего года из Коро отправляется новая экспедиция, возглавляемая Георгом Хохермутом (родом из Шпейера — поэтому испанцы называли его Спира). Хохермут повел своих людей тем же путем. Ведь лучшим доказательством существования государства чибча были для конкистадоров созданные в Эльдорадо золотые художественные предметы, которые немцы выменяли у индейских купцов. Однако и экспедиции Хо-хермута не удалось новизнать страну «золотого короля». Достигнув глав-, ных хребтов Анд, ее участники не нашли тропы, которая позволила бы перевалить через эти, как они считали, совершенно неприступные горы. Четыре года искал Хохермут перевал, потерял половину своего отряда, тысячи индейцев, большую часть лошадей. В конце концов он также вернулся в Коро, где вскоре умер.

Проникнуть в государство чибча с юга попыталась экспедиция конкистадора Себастьяна де Велалкасара. Он был офицером в войске Писарро, сам видел, как со всех концов страны ради спасения инки гонцы приносили в Кахамарку ценные золотые. После завоевания Перу его назначили военным комендантом одного из первых испанских городов в стране — Сан-Мигеля. Позднее он отправился в северные области Тауантинсуйу (в нынешний Эквадор), чтобы овладеть районом, где расположена современная

столица Эквадора Кито. Здесь вождь Раминьяуи (его имя позднее принимали многие предводители освободительного движения андских индейцев против испанского владычества) собрал для борьбы с испанцами двадцатитысячную индейскую армию. Одержав победу над талантливым Раминьяуи и его испытанной в боях с испанцами армией Белалкасару помогла одна из тех «удивительных случайностей», которые сопровождали закат индейской независимости в Америке. Как раз в тот момент, когда Раминьяуи готовился нанести сокрушительный удар по изнуренному войску Белалкасара, неожиданно, впервые за много столетий, началось извержение вулкана Котопахи, высота которого достигает шести тысяч метров. Суеверные индейцы вспомнили «старые пророчества», согласно которым могуществу их придет конец в тот день, когда белая Котопахи оживет, сбросит свою снежную шапку и станет извергать лаву.

Индейцы не сомневались: Котопахи предрекла их судьбу. И через несколько часов от войска Раминьяуи, крупнейшей в то время индейской армии во всей Америке, почти ничего не осталось. Белалкасару даже не пришлось прибегнуть к оружию. Кито и, собственно, весь Эквадор были окончательно подчинены испанскому владычеству.

Но властолюбивому Белалкасару этого было мало. Прослышав о стране «золотого короля», расположенной где-то к северу от «его» Кито, он решил, не теряя времени, снарядить экспедицию. Хотя в распоряжении Белалкасара были тысячи индейцев, продвигался он очень медленно. Перейдя границу нынешней Колумбии, Белалкасар сначала овладел территорией Попаян, названной так по имени верховного вождя местных индейцев. Здесь Белалкасар основал (в 1536 году) город того же названия, а севернее, в долине реки Кауки, еще один город — Кали. Тут же он получил более конкретные сведения о стране «золотого короля». Часть своего войска Белалкасар оставил в Кали, а с самыми выносливыми двинулся дальше на север. Поскольку он знал, что голод хуже мороза, горных троп и отравленных индейских стрел, то захватил пропитание для своих солдат. Экспедиция гнала перед собой 300 поросят. Недисциплинированное поросячье «войско», разумеется, весьма задерживало продвижение конкистадоров. И когда люди Белалкасара добрались наконец до Боготы, они увидели не только дворцы великолепного города, но и лагерь испанских солдат. Белалкасар опоздал. Сколько раз он проклинал потом эти три сотни ленивых поросят, лишивших его первенства и золотых сокровищ страны чибча!

Откуда же пришли неожиданные победители? Белалкасар не сомневался: бесспорно, с севера. Ведь с востока Эльдorado защищали почти отвесные стены Анд. С запада, с давно уже обследованного тихоокеанского побережья, путь через горы был еще более трудным. Настолько трудным, что, как написал современник Белалкасара Андагойя, «со стороны Тихого океана эта страна [страна чибча] до такой степени неприступна, что даже собаки возвращались [с пути] через горные хребты на побережье, не в силах вынести того, что выпадало на долю людей».

Экспедиция, снискавшая пальму первенства, лишила Белалкасара не только славы, но и... поросят. Молодая свинина пришлась «победителям» по вкусу. Хорошего мяса они не ели уже более двух лет, с того майского дня 1536 года, когда небольшой отряд под командованием упорного Гон-сало Хименеса де Кесада покинул прибрежную колонию Санта-Марта. Вдохновителем успешного похода был Педро де Луго, губернатор Санта-Марты. Бывший тенерифский губернатор Педро де Луго приехал в Америку с твердым намерением открыть какое-нибудь новое Перу. Правда, роль завоевателя Эльдorado де Луго отводил своему сыну Алонсо. Но тот обманул ожидания отца. Когда в 1535 году с севера, из Санта-Марты, Алонсо добрался до самых границ государства чибча и действительно награбил немало золота, то не отдал его ни отцу, ни товарищам, а тайком покинул экспедицию и уехал в Испанию, чтобы насладиться приобретенным богатством. Таким образом, Алонсо де Луго, в сущности, кончил лучше, чем большинство его коллег-конкистадоров.

Обманутому отцу не оставалось ничего иного, как доверить руководство экспедицией кому-то другому. В конце концов его выбор пал на высокообразованного юриста Гонсало Хименеса де Кесада, состоявшего при нем чиновником. И тот повел солдат тем же путем, каким продвигался сын губернатора. По сравнению со своими конкурентами, о существовании которых он, разумеется, и не подозревал, Кесада имел бесспорное преимущество. Он знал, куда и, по крайней мере на первом этапе, каким путем идти (сначала все время на юг вдоль течения реки Магдалены). Он и снарядил свою экспедицию значительно лучше, чем это было принято в ту пору. Все припасы и часть участников экспедиции Кесада погрузил на пять бригантин, которые должны были плыть вверх против течения реки Магдалены, чтобы в заранее определенном месте встретиться с основными силами. Л отряд, составлявший ядро экспедиции, двинулся в том же направлении на лошадях. Чтобы защитить солдат от отравленных индейских стрел, Кесада распорядился сшить для них толстую ватную одежду; из того же материала были изготовлены чехлы, надевавшиеся на шлемы, и защитные попоны для лошадей. Поскольку всадники и кони были в одинаковых по цвету и качеству материи облачениях, не удивительно, что в представлении чибча всадник и конь являли собой какое-то одно безобразное чудовище.

Однако закутаных в вату всадников ожидали тяжчайшие испытания. Сначала, пока они продирались сквозь прибрежные джунгли, на них изнуряюще действовали бесконечные, длившиеся месяцами дожди, потом пропала питьевая вода, и они страдали от жажды. А когда Кесада преодолел наконец горные перевалы и добрался до условленного места, куда должны были прибыть бригантины, их там не оказалось, и лишь много позже туда приплыли две бригантины из пяти. Еще в устье Магдалены буря выбросила на берег три бригантины, и их команды были перебиты индейцами. Два оставшихся судна вернулись в Санта-Марту и только после ремонта со значительной задержкой отправились к месту встречи.

Получив подкрепление, экспедиция Хименеса вновь углубилась в джунгли. На протяжении 200 испанских миль солдатам приходилось прорубать мачете каждый метр пути. И с каждым днем их ряды таяли. Малярия валила с ног. Одного из солдат растерзал ягуар, несколько других стали жертвами крокодилов.

И когда уже казалось, что враждебная природа заставит экспедицию Хименеса повернуть вспять, конкистадоры вдруг нашли дорогу. Настоящую дорогу, по которой прибрежные индейцы доставляли в государство, чибча соль. Соляная тропа вывела Хименеса на плоскогорье, окруженное высочайшими вершинами колумбийских Анд, — в страну чибча.

Города и крепости на этом плоскогорье были окружены палисадами. Каждое поселение выглядело как европейский замок. Поэтому испанцы называли эту страну «Долиной замков». Солдаты Хименеса не могли надивиться. Они увидели в Согамосо рудники, где чибча на их глазах извлекали из земли крупные изумруды. А перед каждым домом висели золотые бляхи, мелодично позванивавшие на ветру. Жители «Долины замков» вначале приняли испанцев весьма дружелюбно. Однажды, как вспоминает хронист, индейцы принесли пришельцам четырнадцать великолепно выполненных сердец из чистого золота и т. д. После пяти месяцев пребывания на плоскогорье (Хименес не спешил завладеть главным государством, а сначала постарался разузнать о положении в других государствах муисков) экспедиция направилась к сердцу этого королевства — Боготе.

В государстве сипы конкистадоры встретили известное сопротивление. После нескольких стычек с индейцами (например, при переходе через реку Фунсу у Согамосо, где они сожгли ряд святилищ чибча) испанцы подошли к Боготе. Дворцы города привели их в неописуемый восторг. «Новая Кахамарка! Новая Кахамарка!» — восклицали солдаты. И действительно, не было, вероятно, дворца, богатого дома или святилища, где бы они не нашли сверкающего золота или зеленоватых изумрудов. При приближении испанцев сипа бежал из города и, как узнал Хименес, укрылся со всеми своими сокровищами в какой-то крепости, в глубине лесов. Испанцы отправились на его поиски. Одержатъ победу испанцам помогли лошади. Сам сипа пал в бою с конкистадорами, а его сокровища так и не были найдены.

Правда, через несколько дней к Хименесу явился один из ближайших родственников правителя — военачальник его войска Сакесипа. Он предложил испанцам союзничество, если они назначат его новым правителем Боготы. Сакесипа с соизволения испанцев взошел на трон. Но когда Хименес понял, что ему не дознаться от Сакесипы, где спрятан клад правителей, самозванный правитель разделил участь Атауальпы и мужественного Куаутемока. Сакесипу схватили, пытали и, поскольку он и под пыткой ничего не сказал о кладе, убили. А официально Хименес приказал объявить, что последний правитель государства сипы умер от неизвестной болезни!

Затем Хименес начал по собственному разумению хозяйничать в стране «золотого короля». Но вскоре с юга к Боготе подошла экспедиция Белал-касара. Нашли «Долину замков» и вельсеровские немцы из Венесуэлы. На этот раз им удалось под предводительством заместителя Хохермута Николаса Федермана перевалить через восточноколумбийские Анды и подойти к Боготе с востока. Казалось, на развалинах государства сипы начнется война из-за наследства чибча. Но дело кончилось тем, что победу одержал Хименес благодаря ловкому дипломатическому ходу. Он предложил, чтобы арбитром в споре, кому владеть вновь покоренной индейской страной, был испанский король. А король вынес решение в пользу Гон-сало Хименеса де Кесада.

Муиски не раз поднимали восстание. Развернулась настоящая партизанская война. В гористых окрестностях Таусы, Окабиты и Субачоке отдельные индейские отряды еще долго оказывали испанцам сильное сопротивление. И только через три года, в 1541 году, муиски были окончательно побеждены. А в конце XVIII века умер последний индеец центральной Колумбии, говоривший на языке чибча (сохранилась лишь грамматика языка чибча, составленная в 1619 году Бернардо де Луго).

Вместе с империей сипы и несколькими другими небольшими, но сильными государствами в самом сердце Колумбии погибли и муиски-чибча. Упоминания о золотых землях сохранились только в трудах американистов. А между тем муиски наряду с ацтеками, инками и гениальными майя представляли собой значительную и к тому же малоизвестную индейскую группу, являлись творцами одной из самых достопримечательных высоких культур доколумбовой Америки.

«Индийцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(27\)](#) →

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Отдых на Кубе от туроператора](#)

330 солнечных дней в году. Гавана, Варадеро, острова. Хорошие отели и цены.
www.jazztour.ru

[Все туры на Кубу](#)

в Travel-Shop.Ru! Гарантированные скидки на цены туроператоров-лидеров!
www.travel-shop.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

МАЙИ - ОДИНОКИЕ ГЕНИИ

В Америке существовала еще одна высокая культура, самая блестящая и оригинальная, — культура народностей майя. В доколумбовой Америке майя жили почти изолированно, не имея сколько-нибудь значительных сношений со своими индейскими соседями. Однако испанские конкистадоры познакомились с майя уже в 1502 году, почти на 20 лет раньше, чем с ацтеками, и на 30 лет раньше, чем с инками. И тем не менее последний майяский город — Тайясаль — был взят испанцами лишь спустя 195 лет. Во время своего четвертого американского плавания в 1502 году Колумб пристал к маленькому островку, расположенному у берегов нынешней Республики Гондурас. Здесь Колумб встретил индейских купцов, плывших на большом корабле. Он спросил, откуда они, и те, как записал Колумб, ответили: «Из провинции Майан». От названия этой «провинции» и образовано общепринятое наименование «майя», которое, так же как слово «индеец», является, в сущности, изобретением великого адмирала. Название основной племенной территории «собственно» майя — полуострова Юкатан — подобного же происхождения. Впервые бросив якорь у побережья полуострова, конкистадоры спросили местных обитателей, как называется их земля. На все вопросы индейцы отвечали: «Сиутан», что означало: «Я не понимаю тебя». С тех пор испанцы начали именовать этот большой полуостров Сиутаном, а позднее Сиутан превратился в Юкатан. Кроме Юкатана (в период конкисты главной майяской территории), майя жили и живут в горной области центральноамериканских Кордильер и в тропических джунглях так называемого Петена, низменности, расположенной в нынешних Гватемале и Гондурасе. На этой-то территории, вероятно, и зародилась майяская культура. Здесь, в бассейне реки Усумасинты, были возведены первые майяские пирамиды и построены первые великолепные майяские города. Когда же возникла майяская культура? Ответить на этот вопрос нелегко. К счастью, майя, одержимые пристрастием к математике и педантично пунктуальные во всем, что касалось календаря, на каждой стеле ставили точную дату ее установки (так что памятники культуры майя мы можем датировать с точностью буквально до одного дня!). Древнейшим из известных нам сейчас майяских памятников является стела (испещренный иероглифами каменный столб), найденная в изумительном культурном центре майя Тикале. Дата на ней соответствует нашему 6 июля 292 года. Майяская культура появляется на сцене древней Америки, очевидно, задолго до начала нашей эры. Позднее она эволюционировала вполне самостоятельно, однако на первых порах непосредственно продолжила и великолепно развила замечательные

достижения своих предшественников — ольмеков. Ольмеки — по крайней мере по нашим современным сведениям — были первой ступенью лестницы высоких индейских культур, майя же представляли собой ее высшую ступень. Дальше развитие в древней Америке уже не продвинулось. А потому мы и подошли к рассказу о майя лишь теперь. При этом мы возвращаемся к ним окольным путем, который вел нас по времени и пространству от ольмеков — ягуарьих индейцев, являвшихся не только предшественниками, но и географическими «соседями» майя, через Центральную Мексику, мексиканский юг и восток, через Центральные Анды и, наконец, через земли чибча на севере Южной Америки — вновь на Юкатан и в Петен, в майяский Тикаль, где 6 июля 292 года начинается писаная история майя.

Но и ранее, разумеется, существовали майяские государства, подготовившие расцвет этой культуры. Лучший знаток майяской истории Силь-ванус Гризволд Морли делит ее на три основных периода: домайяская эпоха, Древнее царство и Новое царство¹. Еще в домайяскую эпоху (около 3000 года до н. э. — 317 года н. э.) майя освоили примитивное земледелие (в первом тысячелетии до н. э.), а позднее выработали собственную письменность и календарную систему. Два этих великих изобретения состав- ляют основные особенности майяской культуры. Майя, которых мы в названии главы окрестили «одинокими гениями», жили, конечно, не в абсолютной изоляции. В домайяскую эпоху не исключено известное влияние на них со стороны других индейских культур древней Мексики, особенно со стороны прославленных ваятелей гигантских голов — ольмеков.

За домайяской эпохой следует Древний период (Древнее царство), началом которого мы считаем 317 год, а концом — 987 год нашего летосчисления (кстати сказать, историю Древнего царства делят еще на три подпериода — древнейший, средний и высший). Потом наступает третий период майяской истории, так называемое Новое царство, который также подразделяют на три подпериода: первый — до 1194 года — «майяский ренессанс», второй — «период мексиканского влияния» (1194—1441) и, наконец, — «эпоха упадка» (до 1697 года). Как свидетельствует последняя дата, отдельные мелкие майяские государства продолжали существовать и после прихода белых завоевателей...

По рассказу францисканского сановника Диего де Ланда, испанцы впервые появились на Юкатане в 1511 году. Но прежде всего нам следует познакомиться с самим Диего де Ланда, человеком, без хроники которого «Сообщение о делах в Юкатане» («Relacion de las cosas de Yucatan») мы знали бы о майя еще меньше.

Ланда происходил из старинной испанской фамилии Кальдеронов и родился, вероятно, в 1524 году. Тринадцати лет он вступил в знаменитый толедский монастырь Сан-Хуан-де-лос-Рейес и стал францисканским монахом. В августе 1549 года, четыре года спустя после того, как на Юкатане появились первые францисканские миссионеры, приезжает на майяский полуостров с четырьмя своими товарищами и Диего де Ланда. В том же году он основывает первый «майяский» монастырь Сан-Антонио. Фанатичный Ланда был ревностным миссионером. И спустя несколько лет он дождался награды за свое усердие. Когда в 1561 году гватемальская и юкатанская провинции францисканского ордена были объединены, Ланда становится духовным главой новой провинции. Только теперь он в полной мере показал, на что способен. Первым делом Ланда призывает на Юкатан инквизицию. И та свирепствует, вселяя ужас в юкатанских майя. Но и этим Ланда не ограничивается. Как изгнать из майя «языческий дух», если у них есть десятки религиозных книг, в которых они находят утешение? И наступает один из самых черных дней истории мировой культуры — 12 июня 1562 года. Ланда сводит последние счета с майяской цивилизацией. В этот день все собранные по его приказу майяские рукописные книги были сожжены во время торжественного аутодафе, устроенного в последней майяской столице — Мани. В среде тех, кто занимается историей индейцев, широко известна одна фраза из хроники Ланды: «Мы нашли у

сожгли»². Мых все сожгли!!! Речь врагов культуры остается все той же. И нельзя не назвать парадоксом тот факт, что за многое, что известно нам о майяской культуре и истории, мы должны быть благодарны именно этому непримиримому фанатику. Хроника Ланды написана в Испании, куда он приехал, чтобы оправдать жестокости, которые по его инициативе были допущены в отношении индейцев, вновь «отпавших» от католичества. Насколько же бессердечным и жестоким должен быть человек, вызвавший своими действиями возмущение даже у испанских завоевателей!!! В печати эта хроника появилась только в 1864 году. В ней рассказывается о первых испанцах в Америке и о завоевании Юкатана Монтехо, об истории майя, об их культуре и письменности. Ланда даже приводит несколько майяских иероглифов, присовокупляя к тому же их перевод. И как мы позднее увидим, информация Ланды во многом поможет советским ученым при дешифровке майяской письменности. Нужно заметить, что «Сообщение» Ланды представляет собой большую ценность еще по одной причине. Ведь нередко он почти дословно передает рассказ своего основного информатора — образованного индейца, члена одной из самых значительных майяских правящих династий — династии Кокомов. Вот и все, что мы хотели сказать о монахе-францисканце Диего де Ланда, на которого мы будем неоднократно ссылаться. Вернемся теперь к его предшественникам, к первым европейцам, вступившим на землю майя.

На Юкатане белые впервые появились в 1511 году. Это была группа испанцев, покинувших Дарьей, город на Панамском перешейке, которым управлял прославившийся позднее (и нам уже известный) Васко Нуньес де Бальбоа, будущий первооткрыватель Тихого океана. В дарьенском поселении вспыхнули раздоры между Бальбоа и одним из его соперников. Часть испанских поселенцев, возглавляемая офицером Вальдивией, решила «вернуться домой», то есть на Гаити (Эспаньолу), главную тогдашнюю базу испанской конкисты в Америке. Они везли губернатору донесение о дарьенских событиях и 20 тысяч золотых песо для короля. Но каравелла Вальдивии не доплыла до места назначения. Неподалеку от Ямайки она села на мель, которую тогда называли

Отмелю змей (ныне Педро-Кайс). И не стало ни каравеллы, ни песо. Не было и надежд, что кто-нибудь доберется до Эспаньолы. Только 20 счастливым удалось вскочить в маленький спасательный бот. Но хотя у них и оказался спасательный ковчег, на нем не было ни парусов, ни провианта. Сотоварищей Вальдивии, голодных и отчаявшихся, двенадцать дней носило по Карибскому морю. На тринадцатый день течение прибило их к берегу неведомой земли. В живых к этому времени осталась уже только половина. Десять человек умерло от голода. Но спасшиеся были на суше! На твердой земле! В стране, которую уже в 1506 году Бартоломе Колумб (брат Христофора Колумба) называл в своей «Римской рукописи» именем «Майя»! Однако и на земле «Майя» — полуострове Юкатан — потерпевшие кораблекрушение не избавились от опасностей. Ланда пишет (в третьей главе): «Эти несчастные попали в руки злого касика, который принес в жертву своим идолам самого Вальдивию и четырех его спутников, а из их [тел] приготовил соплеменникам угощение». И так, в живых оставалось всего пять испанцев. Увидев, что их ожидает, они бежали из плена и направились в глубь Юкатана. Вскоре они были обнаружены и пленены другим майяс-ким вождем, который превратил их в рабов, но все же даровал им жизнь. А его преемник даже вернул пленникам свободу. Трое из них умерли. В конце концов из всей экспедиции Вальдивии остались в живых лишь Херонимо де Агиляр и Гонсало Гереро...

В 1517 году испанцы вновь высадились на Юкатане. История этого плавания была типичной для своего времени. Как мы уже говорили, за пять лет владычества колонизаторы истребили на Кубе почти всех индейцев. Но для рудников, которые они здесь открыли, нужна была рабочая сила. И они отправились на охоту за рабами в еще «не освоенные» области. Экспедицией руководил Франсиско Эрнандес де Кордова. Во время своего плавания он сначала обнаружил неведомые острова и назвал их Женскими островами, так как нашел там множество изображений богинь, «матерей». Позднее (у мыса Коточ) экспедиция достигла Юкатана. Кордову у майя ждал такой же прием, как и Вальдивию. Юкатанские индейцы, обладавшие высокой степенью культуры и организации, оказали охотникам за рабами решительное сопротивление. И несмотря на то что Кордова применил против них корабельную артиллерию — непостижимое оружие, которое должно было внушить им ужас, майя не прекратили своих атак до тех пор, пока не загнали незваных гостей назад в море. Как отмечает хроника, сам Кордова получил тридцать три ранения! Двадцать испанцев было убито, пятьдесят ранено. Охотники за рабами вернулись на Кубу без рабов, но с золотом, которое они нашли на Женских островах. Вот почему Диего Веласкес, губернатор Кубы, снарядил новую экспедицию. В состав ее вошло пять каравелл. Экспедицией руководил родственник губернатора Хуан де Грихальва. В его распоряжении было 200 испанцев. Экспедиция несколько раз приставала к берегам Юкатана, но без особого коммерческого успеха. И спустя пять месяцев вернулась на Кубу. В это время готовился к отплытию очередной герой трагического эпилога индейской независимости, завоеватель Мексики Кортес. Экспедиция Кортеса также побывала в стране майя. Как раз у них Кортес нашел незаменимую переводчицу, советчицу и преданную подругу Марину, которой он в значительной мере обязан был успехом мексиканского похода. Здесь же Кортес обнаружил одного из давно оплаканных членов экспедиции Вальдивии — Херонимо де Агиляра, счастливо пережившего своих товарищей и все злоключения.

Таким образом, майя неоднократно сталкивались с испанцами. Но ни потерпевший кораблекрушение Вальдивия, ни охотник за рабами Кордова, ни кровавый Кортес не овладели Юкатаном. Завоевание полуострова связано с именами представителей конкистадорской династии Монтехо. Основатель этой хищнической династии дон Франсиско де Монтехо (родившийся в 1472 году) превосходил своих коллег образованностью (он закончил университет в Саламанке), а также, несомненно, личным обаянием и изысканными манерами (многие годы он жил при кастильском дворе). Как представитель Кортеса в Испании, Монтехо знал о существовании Юкатана и долго, целеустремленно готовился к завоеванию непокоренного полуострова. В конце 20-х годов это была единственная из известных и практически доступных областей Нового Света, еще не захваченная испанцами. Результатом деятельности, которую Монтехо развернул в Испании по подготовке будущего конкистадорского предприятия, был типичный для того времени «договор» — «капитулasyon», заключенный между испанским королем Карлом V и Монтехо, обязавшимся «продолжать исследование и завоевание острова Юкатан». Монтехо и его потомкам король заранее пожаловал титул аделантадо. Кроме того, Франсиско Монтехо был пожизненно назначен губернатором и главным капитаном Юкатана. Когда бумага была у него в кармане, он мог приступить к действиям. И в течение двадцати лет (с несколькими перерывами) завоевывал Юкатан.

Завоевание полуострова несколько не отличалось от других конкиста-дорских кампаний своего времени. Оно было столь же последовательным и столь же жестоким. Может быть, наиболее жестоким. Ведь именно у Монтехо был обычай кормить собак мясом убитых индейцев. Благородный де Лас-Касас неоднократно упоминает о Монтехо и его солдатах. Прежде всего он рассказывает, как Монтехо попал на Юкатан и как извлекал золото из страны, его не имевшей.

«В году тысяча пятьсот двадцать шестом другой бессовестный муж был поставлен над королевством Юкатан посредством лжи и обмана и обещаний, данных всуе королю, каковым способом и прочие тираны доселе пользуются, приобретая должности и выпрашивая государственные синекуры, ибо под прикрытием своего положения и на основе своих полномочий могут беспрепятственно красть и грабить. Королевство сие было обильно людьми ввиду мягкости климата и плодородно ввиду достатка влаги, чем превосходило Мексику; особенно медом и во.ском оно изобиловало более всех прочих доселе изведанных краев Индий. Занимает же оное пространство в триста миль. Из всех индейцев обитатели этой провинции были самыми развитыми. Сей тиран с тремя стами людей начал вести войну против невинных, в собственной отчизне живущих и никому вреда не чинящих

туземцев, чем вызвал гибель несметного множества народа, А поелику в крае сем отсутствует золото (ежели бы оно было, короткий конец в рудниках ожидал бы здешних обитателей), дабы все-таки извлечь золото из тел и душ их, за которые Иисус Христос смерть приял *in summa* всех, у кого не отнял жизнь, сделал он рабами и наполнял ими корабли, приведенные в места сии молвой и слухами, и наполненные отсылал, выменивая индеан на вино, на оливковое масло, на уксус, на засоленную свинину, на одежду, на лошадей и на все прочее, что, по егс суждению и разумению, может кому-либо быть потребно. Он предлагал выбор из пятидесяти или ста дев, и ту, которая иных затмевала, выменивал на самый малый бочонок вина, оливкового масла или уксуса или на солонину и такой же выбор предлагал из трех или из двух сот достойных юношей. И случалось, что отрока, бывшего, по всей видимости, сыном вождя, отдавали за круг сыра, а сотню человек — за коня. И сим преступлениям он предавался с года двадцать шестого по год тридцать третий...»

Но самое худшее было впереди. Военные действия против майя возглавил Монтехо Второй, сын Франсиско Монтехо, вынужденного в 1533 году вернуться в Испанию.

Овладев примерно половиной Юкатана, Монтехо-младший основал здесь в 1542 году первый европейский город — Мериду — прямо на развалинах майяского центра Тихоо. А в 1546 году он разбил в большом сражении последние группы сопротивлявшихся юкатанских майя.

В Петене майя сохраняли еще независимость. Правда, в 1524 году через их территорию прошла карательная экспедиция во главе с завоевателем Теночтитлана Эрнандо Кортесом, двигавшаяся дальше на юг. Но на этот раз она была направлена не против индейцев, а против бывших королевских офицеров, которые начали создавать в Центральной Америке собственные «державы», почти независимые от Кортеса и короля. Кортес встретился тогда с ица, жившими в городе Тайясаль, построенном на острове посреди большого озера. Ица отражали все нападения Монтехо и его последователей на протяжении целых 150 лет. И лишь красноречивому монаху, миссионеру Андресу де Авенданьо-и-Лойола, прекрасно говорившему на нескольких майяских диалектах и даже понимавшему майяскую письменность, удалось в 1697 году во время посещения Тайя-саля убедить его жителей, что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Когда Авенданьо-и-Лойола вернулся с озерного острова, к Тайясалю направился большой испанский корабль под командой генерала де Урсуа. У берегов острова все-таки произошла кровавая бойня. И 14 марта 1697 года последний свободный город, населенный творцами и носителями наиболее достопримечательной древнеамериканской культуры, пал.

В Тайясале завоеватели увидели великолепные дворцы, административные здания и 19 храмов. Один из храмов был посвящен Цимин Чаку (Громовому тапиру). Этим священным Громовым тапиром был любимый жеребец Кортеса Моросильо, тяжело поранившийся во время перехода через Петен. Кортес попросил жителей Тайясаля, дружески принявших его, позаботиться о вороном коне. Как мы знаем, лошади производили тогда на индейцев большее впечатление, чем сами испанцы. Майя предлагали полубожественному созданию всевозможные лакомства, в том числе человеческое мясо. Но конь все-таки издох. И тайясальские майя — ица — воздвигли в его честь храм, где поместили большое каменное изваяние этого удивительного существа, которого они, не зная его настоящего имени, называли Громовым тапиром.

Итак, от первой встречи Колумба с майяскими купцами до окончательного поражения тайясальских майя прошло 195 лет. Майя оказывали испанским завоевателям упорное сопротивление. Однако это сопротивление не было организовано какой-либо центральной властью. В период конкисты на Юкатане властвовало не менее пяти самостоятельных, почти не связанных между собой родов: тутуль шиу (или просто шиу), с их новой столицей — Мани (ранее шиу жили в прославленном Ушмале); кокомы с резиденцией в Сотуте (до того — в не менее знаменитом Майя-пане); канеки, столицей которых являлся вышеупомянутый озерный Тайясаль в центральном Петене; чели, главным городом которых был Те-кох, и, наконец, печи со столицей в Мотуле. Как мы видим, в этот период (так же, впрочем, как и в менее известные нам времена Древнего царства) у майя в отличие от ацтеков и инков не было единого могущественного государства. У них возникали лишь города-государства, в состав которых входили столица (иногда несколько других культовых центров) и деревни, заселенные полусвободными крестьянами, снабжавшими город или, вернее, правителя и жрецов продуктами питания. Попытки объединения были довольно редким явлением и привели лишь к созданию союза городов (некой «тройственной лиги»), куда вошли наиболее значительные в свое время города Юкатана — Чичен-Ица, Ушмаль и Майяпан. Но и эта конфедерация, сложившаяся в X веке, просуществовала недолго.

Теперь, вероятно, следует сказать несколько слов об общественном строе центральноамериканских майя. Впрочем, достоверно нам известны лишь отношения, установившиеся в заключительный период так называемого Нового царства...

Майяское общество было уже обществом классовым. И п-ритом обществом, где антагонистические противоречия были обострены до крайности. В городах майя не существовало среднего слоя. На одном полюсе были эксплуататоры — аристократия, из которой также рекрутировалось жречество, а на другом — эксплуатируемые, почти бесправные земледельцы, кормившие своим трудом майяских трутней. Поскольку у майя, так же как у древних греков, возникают города-государства, мы можем *sit grano salis* сравнить их страну с древними Афинами или, скорее, с древней Спартой. Это явное сходство было одной из причин, почему многие исследователи-майяологи (ведь изучением истории и культуры майя, так же как изучением истории и культуры других великих мировых цивилизаций — египетской, вавилонской, хеттской, шумерской, —

занимается специальная научная дисциплина — майяология, или майяистика) сравнивают доколумбовых майя с древними греками. Выражение «майя — греки Нового Света», особенно в англо-американской специальной литературе, стало общепринятым.

Майяских простолюдинов мы можем разделить на две группы: на зависимых, но лично свободных земледельцев, строительных рабочих и ремесленников и на рабов. Лично свободные назывались ах чембаль виникоб, мемба виникоб, иногда йальба виникоб, что означает «низкие люди», или «низшие люди». Большая часть «низших людей» была занята обработкой земли. И так же, как в Тауантинсуйу, им принадлежала лишь треть урожая. При низкой продуктивности майяского земледелия это обрекало их на полуголодное существование. Подготовка почвы к посеву происходила у майя примерно так: сначала каменными топорами вырубали лес, деревья сжигали, на месте вырубki крестьянин жердью делал ямки и клал в них семена самого замечательного растения, известного индейцам Америки, — кукурузы. Как только поле было засеяно, крестьянин больше о нем не заботился и возвращался на него лишь тогда, когда перезрелые початки начинали усыхать. Тогда он собирал урожай. Через два-три года почва совершенно истощалась, майяский крестьянин ?осал это ^поле, и все начиналось сызнова... Кроме «божественной» кукурузы, майя возделывали хлопок, бобы, табак, какао, собирали в лесах мед диких пчел и т. д. Море, омывавшее полуостров, давало им множество рыбы, из морской воды они добывали соль.

Майя охотились на диких кроликов, агути и армадилью (вид броненосцев, дававших отличное мясо), ловили ящериц. Каждая семья держала индеек, а иногда и уток. Тем не менее пища майя на 90 процентов состояла из кукурузы. У майя современное человечество позаимствовало... жевательную резинку. В юкатанских и петенских лесах росло дерево чикле, плоды которого майяские мальчишки собирали, чтобы потом жевать содержащуюся в них «резиновую смолу». Другой достопримечательностью здешних лесов было «мыльное дерево» (*sapidus saroparia*), по-майяски амоле. Корни этого дерева майя использовали как мыло. Они умывались им перед едой, и после еды и даже стирали им одежду.

Помимо натуральных податей, которые «низшие люди» давали в пользу своих властителей, они строили дворцы для знати, а также храмы и пирамиды. «Низшие люди» строили также саббе, мощенные камнем широкие дороги, соединявшие главным образом важнейшие культовые центры майя.

Самое низшее положение занимали рабы — пентакоб. Основную массу рабов составляли военнопленные, которые не были принесены в жертву богам. Их изображения мы видим на стелах майяских городов (например, на стеле 12 в Пьедрас-Неграс) и на фресках недавно открытых храмов Бонампака. У майя существовало и наследственное рабство. По целому ряду причин свободный человек мог превратиться в бесправного раба. Либо он совершил какое-то преступление (например, кражу) и был за это наказан пожизненным рабством, либо задолжал и стал собственностью кредитора до тех пор, пока члены семьи не выкупят его. Наконец, в майяский город мог быть продан в качестве раба и чужеземец.

Раз уж мы заговорили о продаже, следует заметить, что как платежное средство майя использовали бобы какао. В одном старинном сообщении говорится, что «раб стоит сто какаовых бобов»! Как видно, майя не слишком дорого ценили своих рабов. Жители майяского сельского поселения составляли соседскую общину. Земля была общинной собственностью. Община же выделяла каждой семье очищенный от леса участок. Через три года, когда почва истощалась, семья получала новый участок. Майяская семья была патриархальной. Пережитки матриархата у майя в период Нового царства, ко временам которого относятся наши достоверные сведения, были значительно менее заметны, чем у других высоких индейских культур. Майя носили «фамилию» отца, а не матери. Кстати, с именами дело у них обстояло следующим образом: почти каждому майя давалось четыре имени. Первое — пааль каба, имя, данное при рождении, второе — фамилия или имя отца, третье — нааль каба, фамилия отца + фамилия матери, как это принято у испанцев, португальцев и других народов, говорящих по-испански и португальски. (Например, Фиделя Кастро правильно называть Фидель Кастро Рус: Кастро — по отцу, Рус — по матери.) И наконец, четвертое имя — коко каба — характеризовало внешний вид его носителя, то есть было чем-то вроде прозвища (Верзила, Толстяк, Лысый и т. д.).

Одежду майя изготавливали из прекрасных материй, сотканных на особых ткацких станках из хлопка и волокон агавы. Обувью служили кожаные сандалии, часто роскошно разукрашенные.

Основным очагом жизни майя в начале Древнего периода была территория по реке Усумасинте и ее притокам (нынешняя Гватемала). Здесь, в Петене, выросли прекрасные города: Копан, Тикаль, Киригуа, Паленке, Йашчилан, Вашактун и десятки других. Во второй фазе истории Древнего периода — в V и VI веках — новые города зарождаются и на севере Юкатана. Ведущее положение среди них вскоре занимает город, основанный в 495 году и названный по имени своих обитателей Ица, а позднее — Чичен-Ица (У источника [племени] ица).

Все эти великолепные города в классической области Древнего периода — на реке Усумасинте — существуют недолго. Древнее царство (ни о каком царстве, разумеется, речь в действительности не шла) неожиданно в пору своего наивысшего расцвета гибнет без видимого внешнего повода. Прекрасные города на юге умирают, как бабочки-однодневки; среди колоннад и на ступенях пирамид разрастается тропический лес. Новые даты на стелах не появляются. Центр жизни майя перемещается на север Юкатанского полуострова.

Неожиданное падение Древнего царства не было вызвано вмешательством извне, столкновением с более могущественным противником, этой обычной причиной гибели империй. Как полагают некоторые американисты, оно погибло потому, что все близлежащие земельные угодья были уже истощены. Другие видят причину катастрофы в эпидемии, третьи объясняют все (хотя и с довольно большой натяжкой) неожиданной переменой климата, четвертые — землетрясением.

Нам представляется, однако, что скорее, чем педология, климатология или сейсмология, решить эту загадку американистам поможет марксистское учение о борьбе классов. Разве исключено, что нещадно эксплуатируемые майяские «низшие люди» и рабы, воздвигавшие по воле жрецов и знати и в соответствии с системой майяского календаря через каждые пять лет, через каждые двадцать лет, через каждые пятьдесят два года грандиозные храмы, ступенчатые пирамиды и таинственные стелы, однажды сказали «довольно», перестали вырубать джунгли и разрушили странные каменные памятники? Ведь были же найдены стелы и храмы, кем-то намеренно поврежденные, а кто это мог сделать, если многие из них были открыты всего лишь десять лет назад? Кто мог это сделать, если до ученых, их обнаруживших, в майяские джунгли не проникал никто — ни испанские завоеватели, ни тольтеки?

До времен конкисты внешний мир вторгся к майя лишь однажды. Это было в X столетии, когда воинственные чужеземцы пришли к ним из Мексики. Нам не нужно их представлять: это тольтеки, вынужденные покинуть Тулу. Согласно преданию, в Чичен-Ицу вернулись легендарные ица, некогда оставившие этот город, а с ними пришел из Мексики народ, предводительствуемый «вождем» Кукульканом (Кукулькан — майяское имя уже известного нам змея в птичьем оперении Кецалькоатля). Смешанные потомки ица и тольтеков создали в Чичен-Ице новое государство, явственно носящее следы влияния мексиканской культуры. Мексиканское влияние сказывается, например, в почитании Пернатого змея. Потомки тольтеков учат майя использовать новые материалы: бирюзу, оникс, горный хрусталь, а также металлы. Впрочем, сами «эмигранты» из Тулы — Толлана, которые вместе с майяскими ица пришли во второй половине X века на север Юкатана и в 987 году овладели городом Чичен-Ица, говорили уже на языке майя. Два других видных участника похода Кукулькана в северный Юкатан — Коком и Шюу, или Тутуль Шюу, — создают затем два самостоятельных города-государства. Коком основал Майяпан, а Ах Суйток Тутуль Шюу — Ушмаль. Эти города быстро растут. В Чичен-Ице воздвигаются пирамиды в честь нового бога, пришедшего с тольтеками из Мексики, в честь Кецалькоатля, теперь уже называемого по-майяски Кукулькан. Изображением божественного Пернатого змея украшены прекрасные колонны Чичен-Ицы, возвестившие, что у города появился новый покровитель. Ушмаль был построен в стиле «майяского ренессанса», ярчайшим образцом которого является Дворец правителей.

Эти три главенствующих майяско-мексиканских города первого периода Нового царства, который американисты с полным основанием нарекли периодом «майяского ренессанса», в 1007 году образуют так называемую Майяпанскую лигу. Возможно, что и возникновение этой конфедерации городов-государств было отзвуком федерального объединения тогдашней Мексики. Но чем великолепнее становились эти города, тем больше увеличивались зависть и взаимная вражда в сердцах их правителей. В 1194 году происходит открытое столкновение. Хунак Кеель из династии майяпанских правителей Кокомов при поддержке нескольких отрядов мексиканских воинов нападает на Чичен-Ицу и захватывает ее. Так Кокомы становятся неограниченными правителями северного Юкатана. Чтобы утвердить свое могущество, они приводят в Майяпан майяских ха-лач-виников и принуждают их остаться здесь на постоянное жительство. Даже «великий человек» Ушмаля, третьего города бывшей Майяпанской лиги, не участвовавшего в междоусобице, вынужден был обосноваться в Майяпане. О военной мощи Майяпана свидетельствовали городские укрепления — настоящие крепостные стены (до этого ни в одном майяском городе не было внешних укреплений). Владычество майяпанских Кокомов над остальными юкатанскими майя продолжалось 250 лет. Но затем против диктатуры Кокомов вспыхивает общекатанское восстание, которым руководил халач-виник Ушмаля Ах Шупан Шюу. Восстание было успешным. В 1441 году победители уничтожили центр самовластия, а вместе с гибелью Майяпана был положен конец и единству юкатанских майя. С этого времени существует 18 независимых майяских государств, иногда совсем небольших. Из них только пять играют более значительную роль.

Вскоре жители покидают разрушенный Майяпан и основывают новый центр в Текохе, где теперь правит династия Чель. Приходит в упадок и некогда прославленная Чичен-Ица. По до сих пор не установленным причинам ица вновь покидают свой прекрасный город и под началом нового вождя переселяются на юг, в Петен, где строят озерную столицу Та-Ица, или уже известный нам Тайясаль. А поскольку переселение становилось всеобщим, переселяются и главные победители. Ушмальская династия Шюу (потомки ее до сих пор живут на Юкатане!) основывает новую резиденцию, город-государство, который весьма пророчески был назван Мани, что примерно можно перевести как «все потеряно», и действительно, все было потеряно. Еще до появления первых испанцев на майяские города обрушивается страшная эпидемия (вероятно, чума). А вслед за ней в их двери стучит меч Кастилии. Шюу (теперь уже, собственно, Напот Шюу) приносят в жертву богам сотни людей, дабы отвлечь грозное бедствие, но ни осуждение на заклание красивейших девушек, ни паломничество к сеноту (священному колодезю) в Чичен-Ице не могут предотвратить беды, которую несли с собой бледнолицые люди. Да, все было потеряно. Боги прогневались. Боги, кровавые майяские боги... О них мы еще не говорили. А ведь религиозные представления играли в жизни майяского общества совершенно исключительную роль...

В майяских городах, расположенных на севере Юкатана (благодаря Диего де Ланда именно о них мы имеем наиболее достоверные

сведения), жрецы провозглашали творцом мира бога Хунаб Ку. Этот бог-зихдатель имел сына Ицамну. А Ицамна, господин небес (возможно, вместе с богиней плодородия), являлся верховным богом майяского пантеона. Иногда Ицамну отождествляют с солнцем. Ицамна якобы дал людям письменность и книги, он же распоряжается сменой дня и ночи. Понятно, что особо важное значение имел для майяских крестьян Чак, бог (или боги) дождя. Каждый из Чаков владел одной из четырех сторон света и собственным цветом небес. Так, были Чак Шиб Чак (Красный Чак востока), Сак Шиб чак (Белый Чак севера), Эш Шиб Чак (Черный Чак запада), и Кан Шиб Чак (Желтый Чак юга).

Следующим по рангу был бог кукурузы Йум Кааш, затем бог по имени Ах Пуч (бог смерти), майяское божество, которому, очевидно, приносились жертвы и которое изображалось в виде скелета; Шаман Эк (бог Полярной звезды), по всей вероятности, покровитель путешественников и купцов; далее весьма почитаемый Кукулькан, повелевавший ветрами. Из женских божеств юкатанские майя поклонялись Ишчель — богине женских работ и, возможно, луны, а также Иштаб (по-видимому, богине самоубийств!). Ведь, по представлениям майя, самоубийца обеспечивал себе прямую дорогу в «рай». С небом дело у майя обстояло в высшей степени сложно. Небо было не одно, а тринадцать (по-майяски они назывались Ошлахунтику). Небо над небом, и у каждого свой бог. Итак, над землей, согласно верованиям майя, было тринадцать небес, а под землей — потусторонний мир, ад. И опять — таки не один. Этим подземным миром тоже правили боги (Болонтику). В девятом, самом темном и глубоком пекле владычествовал Ах Пуч. Собственный бог имелся и у каждого дня майяского календаря. Имели своих богов и все цифры от единицы до тринадцати, да иначе и не могло быть у таких завязанных математиков, как майя. Собственный бог был даже у нуля. Религиозный культ майя отличался невероятной разветвленностью, а майяский ритуал был необычайно пышен. Жрецы, профессиональные церемониймейстеры, принадлежали к избранным, к верхушке майяского общества. По-видимому, и у майя отправлением религиозных обрядов в каждом из городов-государств руководил первосвященник (майяолог Дис-сельгоф называет его «князем змей»). Князь змей следил также за воспитанием детей высшей знати и «читал лекции» подчиненным жрецам, то есть был высшим теологом майяского государства. Помимо религиозных знаний, он преподавал жрецам основы иероглифического письма, астрономию, астрологию и т. д. Все эти блестящие достижения культуры были доступны лишь немногим. Майяских высших жрецов называли ах кипами (кинйах — по-майяски «пророчествовать»). В эпоху владычества Майяпана было всего двенадцать ах кино. Ах кинам подчинялось низшее майяское духовенство — чиланы, накомы и чаки. Жрецы в отличие от халачвиника и остальных представителей светской аристократии носили одежду, как у простонародья, и высокую корону. Основным обрядом майяского религиозного культа, особенно в последний период, были, так же как в Мексике, жертвоприношения, и прежде всего человеческие. О них многократно повествуют не только первые хронисты, но и настенная роспись в майяских зданиях, и женские скелеты, найденные в сеноте Чичен-Ицы.

Майяский ритуал жертвоприношений был во многом аналогичен ацтекскому. Человека, предназначенного в жертву, жрецы обмазывали священной жертвенной краской (особый вид лазури), а на голову ему надевали специальный высокий жертвенный «колпак». Потом (очевидно, под аккомпанемент религиозных песнопений) его вели на вершину пирамиды. Четыре помощника первосвященника (по имени своих божественных покровителей они назывались чаками), тоже обмазанные священной жертвенной лазурью, хватили жертву каждый за одну конечность и клали навзничь на алтарь. Затем приближался наком — церемониймейстер — и каменным ножом вскрывал жертве грудь. Стремительно вырвав из разверстой груди живое сердце, он передавал его главному чилану, а тот брызжущей из все еще пульсирующего сердца кровью окроплял изображение или статую бога, в честь которого совершалось жертвоприношение. Тело жертвы чаки сбрасывали со ступеней пирамиды. Внизу все еще держащимся в конвульсиях телом завладевали другие жрецы. Они сдирали (в буквальном смысле слова) с еще теплого трупа кожу, в нее тотчас же облачался главный чилан и на виду у тысяч зрителей исполнял неистовый ритуальный танец. Затем тело жертвы либо сжигалось, либо — в том случае, когда умерший был мужественным воином, — разрезалось на множество мелких кусочков и тут же поедалось знатью и жрецами (видимо, для того, чтобы участники трапезы обрели достоинства покойного). Кровь у майя почиталась «любимейшей пищей богов».

В самом деле, трудно себе представить, до какой жестокости доходила религия столь миролюбивого, культурного и эрудированного народа. Ибо не может быть сомнения в том, что самые гениальные достижения доко-лумбовой индийской цивилизации, науки и искусства принадлежат прежде всего майя. Джон А. Кроу в книге «Эпическая поэма Латинской Америки» («The epic of Latin America») говорит, что «майя дали Новому Свету древнейшую и во многих отношениях наиболее высокоразвитую культуру». И он, бесспорно, прав. Нелегко решить, какое из достижений майяского гения следует поставить на первое место. Мы назовем три из них: письменность и связанную с ней литературу, затем математику и астрономию — науки, на которых основывался в высшей степени совершенный майяский календарь, ставший, однако, скорее идолом и бичом общества, нежели средством его развития.

Начнем с математики. Майя впервые в истории человечества применили идею учета местоположения при записи больших чисел, разработали точную систему нумерации. Впервые в мире (и на тысячу лет раньше, чем Старый Свет) они изобрели нуль, что, как это на первый взгляд ни комично, было в высшей степени ценным и гениальным открытием. Майя пользовались двадцатиричной системой исчисления. Числа записывались следующим образом. Единицу майя обозначали одной точкой, два — двумя точками, три — тремя, четыре — четырьмя. Пять они изображали в виде горизонтальной черты, шесть — как пять,

то есть горизонтальной чертой с единицей, или точкой, сверху и т. д. Десять обозначали две черты одна над другой, пятнадцать — три черты, девятнадцать — три черты и над ними четыре точки. Нуль символизировала морская раковина. На этой двадцатиричной системе исчисления покоилась майяская календарная система отсчета, с помощью которой теоретически можно было выразить любые числа и периоды времени, равные миллиардам дней. Единицей первого разряда в календарной системе служил один день, по-майяски кин. Двадцать дней составляли виналь (продолжительность майяского месяца) — единицу второго разряда. Единица же третьего разряда в порядке исключения определялась не на основе двадцатиричной системы исчисления. (Делая это исключение, майяские математики следовали астрономам, определившим, что продолжительность года составляет 365,242 дня, или примерно 18 виналей.) Она принималась равной 1 кин ХХ 20 (1 виналь) $Х 18 = 360$ кин, или по-майяски тун, приблизительно соответствующий одному году!

Затем майяские математики считали так:

20 тунов составляют 1 катун (7200 дней)

20 катунов — 1 бактун (144000 дней)

20 бактунов — 1 пиктун (2 880 000 дней)

20 пиктунов — 1 калабтун (57 600 000 дней)

20 калабтунов — 1 кинчильтун (1 152 000 000 дней) и, наконец,

20 кинчильтунов составляют 1 алаутун, что равняется 23 040 000 000 дней.

И так мы можем вычислить и записать любой день и любое число. Например, 1 388 308 по-майяски записывается следующим образом: 9 бактунов, 12 катунов, 16 тунов, 7 виналей и 8 кино. Как мы видим, майя обладали высокоразвитой способностью к абстрактному мышлению.

Майяская астрономия отличается еще большей сложностью. Путем тщательных наблюдений майя определили, в частности, продолжительность года значительно более точно, чем это удалось создателям юлианского и современного григорианского календарей! Майя определили также и продолжительность обращения Луны вокруг Земли и вычислили ее необычайно точно даже с точки зрения людей нашей кибернетической эры: 29,53059 дня. Изучали они и другие небесные тела. Так, астроном Вильсон нашел майяские «таблички» для предсказания фаз Марса. Из прочих небесных тел наибольшее внимание майяские астрономы уделяли созвездию Близнецов (по-майяски Ах Эк) и Плеядам (по-майяски Цаб). Майяские астрономы умели так же точно предсказывать затмение Луны и т. д. У майя было два календаря. Согласно первому, «священному» календарю, который назывался цолькин, в году насчитывалось 260 дней, согласно второму (его называли хааб) — 365 дней. Майяский месяц в обеих календарных системах состоял из двадцати дней. Все дни месяца имели свое название и свое иероглифическое обозначение. Подобно ацтекам, для определения даты в цолькине майя пользовались, кроме названия месяца, порядковыми числительными от 1 до 13. Так что день мог именоваться, например, 12 акбаль, 4 чуэн, 7 сиб и т. п. Раньше представители некоторых майяских групп, в частности гватемальские качикели, даже детям своим давали имена по названию дня их рождения в цолькине. Итак, «священный» майяский год цолькин продолжался всего 260 дней. Почему? Хотя майяская календарная система привлекла к себе интерес ученых всех стран мира, они еще не ответили на этот вопрос. Наиболее правдоподобное объяснение предложил один из известнейших современных американистов Леонард Шульце-Йена. Он связал продолжительность цолькина с нормальным периодом беременности (9 X 29 дней), то есть временем, которое проходит от зачатия до рождения ребенка.

Второй майяский год, хааб, состоявший из 365 дней, включал в себя 18 месяцев по 20 дней и еще один «короткий», пятнадцатидневный, девятнадцатый месяц (вайеб). Этот длинный год начинался всегда месяцем поп и днем, который обозначался как 0 поп. Таким образом, отсчет дней в хаабе начинался не с единицы (первого дня месяца), а с нуля (нулевого дня месяца).

Итак, мы знаем два майяских года — хааб и цолькин. Однако у майя, живших под настоящим диктатом календаря, многие обряды были связаны с цолькином и хаабом в их взаимной зависимости. Обычно американисты сравнивают два этих календаря с двумя зубчатыми колесами, из которых в одном 365 зубцов, а в другом — 260. При вращении зубцы последовательно соприкасаются друг с другом. Для того чтобы какой-то зубец малого колеса и соответствующий зубец большого колеса вновь сошлись, необходимо определенное число оборотов обоих колес. А именно 52 оборота большого и 73 оборота малого колеса. Если мы помножим цолькин на 73 или хааб на 52, то получим 18 980 дней. Таким образом, мы видим, что майя использовали те же пятидесятидвухлетние циклы, которые были приняты у ацтеков. Ацтеки, а возможно, и другие высокие культуры доколумбовой Мексики, вероятно, заимствовали этот большой цикл у майя. Посредниками тут могли быть мексиканские воины, в начале второго тысячелетия н. э. принимавшие участие в майяских междоусобных войнах. Наконец, мы можем предположить, что майя признавали и еще более длительный временной цикл, заключающий в себе пять раз по 18 980 дней, то есть — и это любопытно — ровно 365 двухсотшести-десятидневных цолькинов или 260 трехсотшестидесятипятидневных хаа-бов. В данном наивысшем гипотетическом разряде зависимость между цолькином и хаабом вполне очевидна.

Значительную роль в жизни майя, особенно в поздний период, играл также двадцатилетний малый цикл, так называемый катун. Была у майя, как свидетельствует надпись на стеле 9 в Вашактуне, и какая-то определенная изначальная дата, от которой, как

в нашем календаре от так называемого рождества Христова, шел отсчет дней и лет. Эта изначальная дата (ее записывали как 4 ахау 8 кумху) соответствует 3113 году до н. э. Происхождение ее не установлено и представляет большой интерес хотя бы потому, что 4 ахау 8 кумху означает не начало года, а один из дней хааба. Что за событие произошло 4 ахау 8 кумху, нам не известно. Ни майя, ни даже ольмеков, о которых не следует забывать при изучении майяской культуры, тогда еще не существовало.

Майя, которые за всю свою историю не создали великой империи и часто жили в полной изоляции не только от соседних племен, но и от ближайших соседних городов (например, Паленке всегда было весьма мало связано со своими майяскими соседями), регулярно созывали общемай-яские «конгрессы», посвященные астрономии и календарю, чтобы в первую очередь совместно уточнить (буквально до минуты) начало нового хааба. Американцы установили, что один из таких всемайяских календарных «конгрессов» состоялся в VIII веке в Копане. Наряду с установлением начала ближайшего хааба главной задачей этого астрономического «конгресса» было исправление календарных неточностей, допущенных в течение предыдущего пятидесятидвухлетнего цикла.

Чтобы датировка была еще точней, в Древний период к обычным датам добавлялись данные, вычисленные или на основе кругообращения Луны, или чаще на основе кругообращения Венеры.

Примерно до середины VIII века для обозначения того или иного дня майя применяли очень сложный способ записи, требовавший использования целых десяти иероглифов и указывавший, грубо говоря, сколько бак-тунов, катунов, тунов, виналей и кинов прошло до этого дня от изначальной даты майяской истории. Эту весьма сложную систему датировки, которую мы находим преимущественно на майяских памятниках V— VIII столетий, в американистской литературе принято называть долгим счетом.

Впервые подобные записи на майяских стелах были дешифрованы Дж. Т. Гудменом, который известен сейчас широкой публике, особенно североамериканской, прежде всего как издатель провинциальной газетенки «Вирджиния-сити интерпрайс», выходившей в Неваде. Дело в том, что именно Дж. Т. Гудмен первым предложил место репортера никому неведомому тогда молодому человеку, писавшему под псевдонимом Марк Твен.

С середины VIII века с майяских стел исчезают записи долгого счета и появляется новый способ датировки, краткий счет, который называется по-майяски у кахлай катуноб. Краткий счет был значительно проще. Дата обозначала, сколько дней прошло от окончания последнего катунового периода до момента записи.

До сих пор мы говорили о двух общепринятых майяских годах — цоль-кине и хаабе. Однако изучение одной из трех сохранившихся майяских книг, так называемого Дрезденского кодекса, доказало, что майяские жрецы в своих «математических» религиозных обрядах использовали еще третий календарь, в основу которого был положен отрезок времени, равный 584 дням, то есть синодическому периоду обращения Венеры. Майя без труда высчитали, что пять таких лет соответствуют восьми хаабам. Последний день этого цикла, связанного и с Солнцем и с Венерой, майяские жрецы отмечали с особой торжественностью. Еще более пышно праздновалось окончание «большого цикла Венеры», продолжавшегося 5 X X 13 X 584 дня, или по этому календарю 65 лет, что в точности соответствовало двум большим циклам хааба, или 104 годам. Существование третьего майяского года и сложные соответствия между отдельными календарными системами, над установлением которых трудились майяские астрономы и жрецы, убедительно показывают, что потрясающе точный майяский календарь полностью утратил свое первоначальное назначение — служить потребностям земледелия — и превратился, по сути дела, в бесполезную самоцельную игру числами и ирреальными соотношениями. Соотношениями, которым майяская религия всегда приписывала некое высшее, сверхъестественное значение.

В заключение можно добавить: майяские календарные системы настолько сложны, что, как правильно заметил Керам, «для исчерпывающего их объяснения нужна целая книга».

Как в астрономии и математике, так и в развитии письменности майя превзошли все иные высокие индейские культуры доколумбовой Америки. Можно предположить, что, хотя бы в основных чертах, майя позаимствовали иероглифическое письмо у ольмеков. Но даже если мы откажемся признать майя авторами основополагающих принципов этого письма, мы не можем отказать им в том, что они развили и щедро обогатили его систему новыми элементами. Майя в большей степени, чем какое-либо иное племя или народность древней Америки, могут быть названы создателями настоящих книг. Однако из-за фанатика Диего де Ланда и его коллег до нас дошли всего три майяских иероглифических манускрипта. В майяских городах сохранилось также несколько сот вырезанных на камне иероглифических надписей.

Майяское письмо представляет собой одну из важнейших научных проблем американистики. Расшифровать его пытались десятки и сотни европейских и американских исследователей. И долгое время безрезультатно. Немецкий американист Пауль Шельгас пришел даже к выводу, что дешифровать майяское письмо невозможно.

Но не так давно этой проблемой начала заниматься советская американистика. Достигнутые ею результаты в области расшифровки иероглифического письма месоамериканских майя доказывают необоснованность-скептического мнения Шельгаса. Начало интенсивного изучения майяского письма в СССР тесно связано с именем ленинградского американиста Юрия Кнорозова

(он только в 1949 году закончил Московский университет), который со школьных лет увлекся изучением проблем майяской письменности. Уже в 1955 году на основе изучения в первую очередь Дрезденского кодекса он смог опубликовать работу «Система письма древних майя», где, во-первых, приходит к заключению, что майяское иероглифическое письмо сколько-нибудь существенно не отличается от иероглифических письменностей Старого Света, прежде всего китайской и египетской, а во-вторых, указывает, что майяские иероглифы в большинстве своем имеют строго определенное фонетическое значение и представляют собой слог. Эти знаки он разбил на четыре группы:

1. Гласные так называемого типа «А», которые используются для записи начального или заглавного гласного звука в слове.
2. Слоговые типа «АБ», состоящие из гласного, за которым следует согласный (например, Ах, Ак, Эт и т. д.).
3. Слоговые согласные типа «Б(А)», состоящие из согласного звука, за которым следует гласный. Чаще всего они встречаются на конце слов.
4. Наконец, слоговые знаки типа «БАБ», представляющие согласный + гласный + согласный (например, Бел, Тхул, Нал и т. д.).

Настоящих идеограмм, которые выражали бы целое понятие, целое слово, как утверждает Кнорозов, очень мало. Так, например, в майяском иероглифическом письме существует идеограмма для слов «болай» — ягуар, «йаш» — зеленый и т. п.

Здесь нужно отметить только одно обстоятельство. В данной научной сфере — не только в американистике, но и в изучении других великих цивилизаций прошлого — до сих пор первую скрипку играли, казалось бы, западные авторы. Столь популярный Керам во всем своем обширном «романе археологии» не называет, например, ни одного советского или русского исследователя, а из наших соотечественников упоминает только Киша — популяризатора. И вот советская наука, долгое время остававшаяся в тени, разрешила проблему, перед которой на протяжении десятков лет один за другим капитулировали самые талантливые ученые.

Нам известны три майяских иероглифических кодекса: Парижский, Дрезденский и Мадридский, получившие свое название по месту, где они хранятся. Дрезденский был найден в 1739 году. Длина его три с половиной метра, и состоит он из 38 листов. В 1859 году среди бумаг, выброшенных в мусорную корзину, был обнаружен второй кодекс — Парижский. Третий, Мадридский или Трокортесианский, наиболее обширен. Его длина 6 метров 55 сантиметров. Состоит он из 56 листов.

Наряду с тремя этими кодексами майя оставили нам еще несколько рукописей, написанных или переписанных латиницей в первые годы после конквисты, и самые прославленные из них, величайшие эпические произведения доколумбовой индейской литературы — «Пополь-Вух» и «Чилам-Балам». Напомним, что чиламами называли майяских жрецов-прорицателей. Балам, а также балай, или болай, — по-майяски «ягуар». Нам известно несколько Чилам-Баламов — рукописей с различными данными об истории и религиозных представлениях майя. Обозначаем мы их по месту, где они были обнаружены (например, «Книги пророка ягуара из Чу-майя»). В Гватемале были, кроме того, найдены «Какчикельские анналы» — написанная по-майяски рукопись, рассказывающая историю гватемальского майяского племени какчикель и его правящей династии Ша-хила.

Однако наиболее известным литературным памятником майя остается «Пополь-Вух»... Переводы «Пополь-Вух» вышли, вероятно, во всех цивилизованных странах. Эта жемчужина в сокровищнице мировой литературы представляет ценность как для специалистов, так и для рядовых читателей, поскольку она верно передает эстетические, религиозные и философские представления киче, одного из племен великой семьи центральноамериканских майя.

Первоначально «Пополь-Вух» был, очевидно, записан иероглифами. После прихода в Гватемалу испанцев кто-то переписал рукопись «Пополь-Вух» латиницей. Личность переписчика, которому мы должны быть благодарны за сохранение этого уникального литературного памятника, представляет собой одну из загадок майяистики. Возможно, «Пополь-Вух» переписал (скорее всего, в 1530 году) крещеный индеец Диего Рейносо. Согласно новейшим взглядам (например, по мнению гватемальского американиста Адриана Ресиноса), латинская копия относится к 1554—1558 годам. Переписанный экземпляр «Пополь-Вух» пережил пору губительной деятельности Диего де Ланда и его фанатичных коллег. В начале XVIII века эту рукопись, надежно спрятанную в гватемальской индейской общине Чичикастенанго, нашел образованный доминиканский монах, благородный друг индейцев и почитатель их культуры Франсиско Хименес. Он скопировал ее и, владея языком киче, сделал также испанский перевод текста. С рукописью Хименеса познакомились позднее европейские исследователи (и прежде всего австриец д-р Карл Шерцер, впервые ее опубликовавший, и француз Шарль Этьен Брассер де Бурбур, издавший в 1861 году в Париже ее перевод). С тех пор эта удивительная книга, представляющая собой одно из немногих подлинных свидетельств великой цивилизации доколумбовой Америки, неизменно вызывает к себе интерес.

Произведение это довольно объемистое. В нем три главные, почти самостоятельные части. Первая посвящена космогоническим представлениям киче — в ней, например, описывается сотворение мира главными божествами киче, возникновение животных, создание людей, затем рассказывается о потопе и об уничтожении «деревянных людей». Тут повествование неожиданно прерывается, и начинается вторая, самая просторная и, вероятно, самая прекрасная часть, напоминающая греческую

мифологию, — рассказ об удивительных судьбах двух друзей — героев Хун-Ахпу и Шбаланке, о их борьбе с гордым «полубогом»

подземное царство Шибальбу, рассказывается об их страшных приключениях, о правителях Шибальбы и о том, как Хун-Ахпу и Шбаланке состязались с ними в игре в мяч, о похождениях героев в «доме тьмы», в «доме ягуаров», в «доме летучих мышей» и о том, как они в конце концов победили правителей подземного мира.

В третьей части продолжается рассказ о сотворении людей. Божественные создатели, недовольные первым и вторым своим творением — людьми из глины и людьми, вырезанными из дерева, — вновь сделали человека, на этот раз из священного растения — кукурузы. Человек этот удался, и все киче — его потомки. Затем в «Пополь-Вух» повествуется о первых четырех людях, сотворенных из кукурузы, о Балам-Кице, Балам-Акабе, Маху-Кутахе и Ики-Баламе, которые были праотцами киче, и о том, как позднее боги создали прародителей других народов.

Завершается «Пополь-Вух» весьма ценным для историка описанием: переселением киче и рассказом о возникновении отдельных кических племен и племенных божеств. В конце перечисляются правители отдельных групп киче: нихаиб, кавек, ахау-киче — от «праотцев» до дня написания 1 книги.

«Индийцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(27\)](#) →

[Туры в Париж!](#)

Каталог, гарантированные места в отелях, перелет Air France.
www.holidaym.ru

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Фрески для интерьеров](#)

Огромная библиотека изображений и индивидуальные проекты. Любые размеры.

[Адрес и телефон](#) · www.affresco.ru

[Фрески](#)

FАgroup предлагает Вам художественную роспись , фрески.

[Адрес и телефон](#) · www.fagroup.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

СЛИШКОМ МНОГО ПИРАМИД

Одним из самых красноречивых свидетельств зрелости культуры является архитектура. И необыкновенную зрелость культуры майя мы можем продемонстрировать как раз на примере их архитектуры. Да, это область Америки, где даже слишком много великолепных городов, слишком много дворцов, слишком много пирамид.

Мы уже несколько раз говорили об архитектуре высоких культур до-колумбовой Америки. Характерно, что древнеамериканская архитектура в отличие от архитектуры Евразии не знала замкового свода. Разумеется, архитектуры отдельных высоких индейских культур доколумбовой Америки имели свои особенности. Если для западной части Южной Америки типичны хорошо обработанные гигантские каменные блоки, соединенные сухой кладкой, и гладкие, ничем не украшенные фасады, то в Месоамерике строили из грубо обработанного камня, уложенного в известковый раствор, или возводили монолитные постройки из известкового бетона, лишь облицованного камнем, богато украшая фасад каменным рельефом.

Жителей Месоамерики отличало также развитое чувство пропорций; могучую монументальность своих построек они умели подчеркнуть обилием свободного пространства вокруг них, расположением подъездных дорог и площадей. Вместе с тем существовали некоторые общие принципы, объединявшие архитектуру и урбанистику практически всех высоких культур доколумбовой Америки. Например, индейцы Месоамерики, так же как индейцы андской области, располагали улицы под прямым углом друг к другу (Тикаль, Теотиуакан, Теночтитлан, Инкауаси, Ольянтай-тамбо). Но с широким размахом были решены только обрядовые центры, построенные из камня, окраинные же кварталы для простонародья, по всей вероятности, не многим отличались от нынешних поселений индейцев, от тех домишек, которые имеют лишь одно жилое помещение и которые строят из необожженных кирпичей адобе или из прутьев и кроют соломой.

Дома побольше своей планировкой напоминали дома древних римлян — вокруг патио располагались отдельные жилые строения.

Обращает на себя внимание интересный момент в планировке индейских домов и дворцов. Вход в отдельные залы и комнаты был только снаружи, а сами они не соединялись между собой. Лишь в архитектурных комплексах, состоящих из нескольких примыкающих друг к другу построек, во внутренние покои нужно было проходить через помещения, расположенные по периметру. Индейским строениям Месоамерики свойственна строгая простота, что, очевидно, объясняется ограниченными техническими возможностями и недостатком навыков. У индейцев не было тягловых животных, они не знали колеса, весь строительный материал доставлялся вручную, и камень обрабатывался опять-таки камнем, поскольку с металлами они были почти незнакомы. Нам до сих пор не известно, как они возводили свои постройки. В период вторжения испанцы не встретили ни одного начатого строительства (по крайней мере никаких упоминаний об этом не сохранилось). Мы не знаем, как индейцы проводили параллельные прямые, очерчивали треугольник, квадрат и круг в своей архитектуре.

Архитектура майя превосходила архитектуру инков, ацтеков, тольтеков, чиму и представителей других высоких культур доколумбовой Америки прежде всего многообразием архитектурных и градостроительных форм. Кроме того, майя умели возводить своды, правда, только ступенчатые (иначе называемые «ложными»), и употребляли строительный раствор из известки. Известен им был и метод изготовления негашеной известки. В своих городах майя строили не только пирамиды и дворцы, но и астрономические обсерватории, площадки для ритуальной игры в мяч, колоннады, монументальные лестницы, триумфальные арки и т. д. С разнообразными видами архитектурных построек мы встречаемся не в одном или нескольких, а во многих, очень многих городах по всей майяской территории.

Благодаря ряду популярных книг, особенно с легкой руки широко известного Керама, распространилось ошибочное представление, будто руины этих удивительных городов только в 1837 году впервые увидели Джон Ллойд Стивенс и его друг художник Казэрвуд или что в лучшем случае первым, кто их узрел, был Вальдек, вдохновивший Стивенса и Казэрвуда на поиски. На самом деле это вовсе не так. Уже первые испанцы, проплывавшие мимо Юкатана, отмечают, что видели на берегу большой благоустроенный город, «не менее прекрасный, чем Севилья». А для истинного испанца Севилья была образцом всего самого прекрасного. Затем здесь появился Кортес и посетил, в частности, столько раз

упоминавшийся нами островной город Тайясаль. После 1541 года испанцы побывали в одном из наиболее значительных майяских центров — в хорошо известной нам Чичен-Ице, о которой рассказывает в своей хронике Диего де Ланда. Задолго до Стивенса европейцы познакомились и с большинством других крупных майяских городов.

Так, уже в 1576 году Диего Гарсиа де Паласио (а вслед за ним и другие) посетил и описал великолепный майяский культурный центр Копан в западном Гондурасе. Испанцы знали в ту пору и развалины города Тонина (в мексиканском штате Чиapas) и т. п. Но каждый из майяских городов открывался по-разному. Например, прекрасное Паленке случайно нашел воинский патруль, заблудившийся в чиapasских джунглях. Солдаты обнаружили в лесу деревушку Санто-Доминго-Паленке, о существовании которой колониальные власти даже не подозревали, и одновременно развалины великолепного майяского храмового центра. Но только в 1784 году, через двадцать пять лет после этого, колониальная администрация послала для изучения необыкновенного города первую экспедицию, давшую блестящие результаты.

Известны были также Ушмаль (его описал Лопес Когольюдо) и весьма значительный по размерам Тикаль (в 1699 году его посетил священник Андре де Авенданьо)...

Многие — и даже довольно известные — люди посетили майяские города, сообщили об этом и, наконец, опубликовали их описания. Но мир точно ничего не слышал и не видел. И лишь значительно позднее Мексика, Гондурас и весь свет вдруг словно прозрели и с изумлением обнаружили для себя это чудо. Так были заново открыты города, по своей красоте, благоустройству и благородству архитектурных форм ни в чем не уступавшие шумерским, вавилонским и египетским. Но чтобы мир познакомился с этой жемчужиной, должны были появиться энтузиасты, способные извлечь ее и очистить. И они появились. Один из них — американец по имени Джон Ллойд Стивенс, другой, чьи заслуги обычно недооцениваются, — английский художник Фредерик Казэрвуд.

О Стивенсе стоило бы написать роман. Безукоризненно положительного героя из него бы не вышло, но, во всяком случае, он был бы интереснейшим персонажем. Юрист, как и многие из тех, кому принадлежат выдающиеся заслуги в изучении индейцев и их культуры, он значительно больше, чем судебными актами, интересовался книгами по археологии. В ту пору считалось, что в Америке археологу нечего делать. Поэтому Стивенс отправляется «совершать великие открытия» далеко за океан. Туда, куда в те времена ездили все американские археологи, — в Египет, Палестину, Турцию, а затем в Грецию. Но открыть там ему ничего не удалось. Впрочем, это не совсем верно, ибо именно там он открыл в себе литературный талант. О двух своих путешествиях он написал увлекательнейшие книги, от которых читатели в Америке буквально не могли оторваться. А сам Стивенс в то время, когда вышла его вторая книжка, не мог оторваться от чтения путевых заметок... некоего гватемальского офицера Галиндо, который открыл в центральноамериканских джунглях руины больших индейских городов. Возможно, Стивенсу были также известны работы художника и любителя приключений Фредерика де Вальдека, ро-цвпшегося, как утверждают, в Праге и проведшего 1832—1835 годы в майяском городе Паленке. Вальдек ежемесячно посылал в Париж замечательные акварели. На них были изображены стелы и пирамиды, каких тогдашний цивилизованный мир еще никогда не видывал. Кстати, художник Вальдек был не менее интересной личностью, чем Стивенс. Он участвовал в англо-бурской войне, сражался в Индии, испытал немало

удивительнейших перипетий и дожил до фантастического возраста — 109 лет. Вы думаете, он умер от старости? Ничего подобного! Его задавила повозка. (И еще один любопытнейший факт: Вальдек первым пытался расшифровать найденные им иероглифические надписи.) Но хотя о майяских городах было уже множество сообщений, Стивене отправлялся в свое путешествие, по сути дела, совершенно вслепую. К тому же оно оказалось небезопасным.

В Центральной Америке тогда много стреляли. Против Франсиско Мо-расана, для своего времени чрезвычайно прогрессивного президента Мексиканской республики, подняли мятеж реакционные клерикальные группы. Они создавали местные и «центральные» противоморасановские правительства. В это смутное время умирает посол США при правительстве Мексиканской федерации (трудно только сказать, при каком). И Стивене, знакомый с Ван Бюреном, будущим президентом, просит назначить его на освободившееся место. Очутиться в клокочущей, охваченной гражданской войной стране никто не жаждал. Поэтому в государственном департаменте все с облегчением вздохнули, когда нашелся добровольный «самоубийца», пожелавший ехать в Центральную Америку. Правительство Унии снабдило Стивенса письмом, которое он должен был вручить президенту Мексиканской республики (но опять же — которому, ведь прогрессивный Морасан, законный президент Мексики, не пользовался в США особыми симпатиями), снабдило дипломатическим мундиром, солидной пачкой долларов и... пожелало счастливого пути.

Однако наш герой не собирался посвящать себя дипломатической карьере. Вместо того чтобы ехать к президенту Морасану или его сопернику, Стивене со своим другом Казэрвудом отправляется на поиски городов майя. Оба приятеля пережили немало волнующих минут. В одной центральноамериканской общине они даже угодили в тюрьму.

Но в конце концов маленькая экспедиция добралась до области майяских городов. Она направилась в джунгли, к реке Рио-Копан, туда, где некогда, еще в конце XVI века, побывал Диего Гарсиа де Паласио, где за несколько лет до Стивенса был Хуан Галиндо, единственный из центральноамериканских офицеров, сделавший кое-что для науки и даже попавший в учебники. Итак, руководствуясь сообщениями Галиндо и неточными картами Рио-Копан, Стивене нашел наконец дереушку, от которой, по сообщению Галиндо, можно было добраться до Копана. (Этот город чрезвычайно привлекал Стивенса: ведь, согласно одному американскому сообщению, там, в джунглях, между двумя пирамидами натянута гигантский каменный гамак, в котором лежат фигуры мужчины и женщины. И подобные мотивы могут иной раз «способствовать» археологическим открытиям.)

Однако в дереушке Стивене не нашел никого, кто бы отвел их к развалинам города. Пришлось отправиться в джунгли без провожатых.

Можно себе представить, какое чувство они испытали, когда, прорубая путь в зарослях, вдруг наткнулись на каменную стелу, украшенную удивительным, замысловатым орнаментом. Да ведь это надписи! Потом они нашли вторую стелу, третью и, наконец, среди стройных деревьев в сумраке леса наткнулись на пирамиды. Пирамиды, от которых у Стивенса, прекрасно знавшего Египет, захватило дух. Значит, Галиндо не лгал!

С ощущением одержанной победы вернулись они в деревню, намереваясь на другой же день приступить к более тщательному обследованию окрестностей. Казэрвуд собирался зарисовывать особо интересные стелы и здания, а Стивене хотел углубиться в джунгли и продолжить поиски Копана.

Но тут на сцену неожиданно выступает еще одно действующее лицо. Человек этот, хотя и был неграмотен, тоже в некотором роде вписал свое имя в историю открытия майяских городов. Он пришел к Стивенсу и объявил: «Я дон Хосе Мариа, и этот город в джунглях принадлежит мне!» Стивене не мог припомнить, чтобы кто-либо, к примеру в Каире, заявлял, будто ему принадлежит пирамида Хеопса, но... что поделаешь: иной край — иные нравы. Да и находился он в джунглях, в стране, охваченной пламенем войны. Поэтому нельзя было просто-напросто выставить дон Хосе Мариа за дверь. Тем более что «владелец пирамид» имел даже какие-то документы, подтверждавшие его притязания. Но прежде чем Стивене успел сообразить, что без долларов с доном Хосе не договориться, тот, почувствовав себя оскорбленным, вознамерился уйти. Тут-то Стивене вспомнил, что он ведь «полномочный представитель Соединенных Штатов». Он вдруг полез в свой саквояж, вынул дипломатические бумаги во множестве конвертов и с множеством солидных печатей и предложил неграмотному дону ознакомиться с ними. А для завершения эффекта облачился в свой дипломатический мундир. Это было великолепно и умопомрачительно. Точно архангел Гавриил вспомнил про одинокую дереушку и спустился с небес. Золотой мундир и золотые доллары подействовали мгновенно. Однако Стивене не имел ни малейшего представления, сколько стоит пирамида или стела. А тем более целый город. Никогда до этого ему не приходилось покупать пирамид. И посему за город со всем, что в нем есть, он предложил Хосе Мариа 50 долларов. Если до той поры Стивене считал дон Хосе Мариа сумасшедшим, то теперь Хосе Мариа счел помешанным его. Дон поспешил согласиться, и они ударили по рукам. Итак, Стивене вошел в историю американистики не только своими открытиями, но и тем, что оказался единственным человеком, который купил целый майяский город. Община, разумеется, считала, что за невероятно высокую цену. А поскольку всем хотелось погреться в лучах славы, то «его превосходительство чрезвычайный и полномочный посол Соединенных Штатов Америки Джон Ллойд Стивене» организовал первый и последний за всю свою центральноамериканскую дипломатическую деятельность официальный банкет. После этого никто не мешал Стивенсу очищать Копан от лесных зарослей, а Фредерику Казэрвуду создавать свои совершенные, до сих пор не утратившие ценности зарисовки майяских пирамид и стел.

Позже оба они перебрались на Юкатан, где увидели еще ряд значительных майяских центров: Майяпан, Ошкинток, Кабах, Сайиль, Лабну, Нохкабав, Чунхуу, Тулум, Цибильнокак и другие. А затем Стивене вернулся в США, Казэрвуд — в Англию.

Вскоре по возвращении Стивене издает книгу «Эпизоды из путешествия в Центральную Америку, Чиapas и Юкатан», которая стала первым американским «научным бестселлером». То, что Стивене описывал в ней, Казэрвуд нарисовал, вызвав своими рисунками такую сенсацию, что их показывали во время ярмарок и церковных праздников.

На этом мы закончим рассказ о двух людях, «заново открывших» майя и их великолепное искусство.

Дальнейшему изучению майяских городов воспрепятствовали сами майя. Майя современные.

В 1847 году на Юкатане вспыхнуло восстание индейцев, одно из самых крупных и успешных за весь послеколумбов период американской истории.

В результате этого восстания полуостров (главным образом его восточная часть) был очищен от белых плантаторов. И два поколения майя сами распоряжались своей судьбой. Изучение культуры майя продолжалось лишь на территории, не охваченной восстанием, в основном в гватемальском Петене.

Именно здесь в середине века губернатор петенского департамента Амбросио Тут заново открыл огромный культурный центр майя — Тикаль. Из исследователей мы назовем англичанина Альфреда Персиваля Моуд-сли, в общей сложности семь раз побывавшего в майяских городах и, естественно, добившегося в археологическом изучении их более значительных успехов, чем известные нам Стивене и Казэрвуд. Чтобы запечатлеть майяские города, Моудсли первый использовал фотографию — в то время еще новинку.

За Моудсли следуют десятки ученых. Но Юкатан, Гватемала, Гондурас, Чиapas словно неисчерпаемы. Кажется, не было года, чтобы кто-нибудь не открыл новый майяский город и в нем десятки пирамид, храмов, площадок для игры в мяч, колоннад и стел. Особо нужно упомянуть имя американского консула в Мериде (административный центр Юкатана) Эдварда Томпсона, который провел на Юкатане двадцать лет и чрезвычайно обогатил своими исследованиями наши представления о майя.

Помимо городов, уже открытых американцами, и множества тех, что до сих пор ждут своих счастливых первооткрывателей в зеленых чащах юкатанских лесов, майяские строители, как уже говорилось, оставили нам и настоящие шоссе — «белые дороги», по-майяски сакбе (они выложены белыми плитами из юкатанского известняка).

Благодаря исследованиям мексиканского американиста Альфонсо Вильи мы лучше всего информированы о дороге, которая соединяла город Коба с городом Йашуна, расположенным южнее Чичен-Ицы. Ее длина 93,5 километра, ширина примерно 10 метров, и, как все белые дороги майя, она на 0,5—2,5 метра поднимается над местностью, по которой проложена. Интересна эта дорога еще одной особенностью. Если не считать небольшого участка, она представляет собой прямую линию.

Ученые также обнаружили здесь каменный четырехметровый каток весом пять тонн. В нем есть отверстие для оси. Это совершенно неожиданное открытие заставляет американистов призадуматься. Ведь от такого катка до изобретения колеса всего один шаг! Почему же майя не сделали его? Вероятно, для этого не существовало «экономического стимула». Доставка грузов носильщиками была, по-видимому, для своего времени достаточно продуктивной.

Белыми дорогами были соединены Тихоо (нынешняя Мерида) и религиозный центр Ицамаль, Ицамаль и город Польш, лежащий на пути к другим местам паломничества — острову Косумель и др. Майяские дороги, как можно убедиться, в гораздо большей степени служили религиозным целям, нежели торговым и тем более военным.

Однако вернемся в города майя. Их архитектура не только в качественном отношении, но и по числу памятников превосходит зодчество всех остальных доколумбовых высоких культур. Майяская каменная архитектура, безусловно, развилась на основе самобытной майяской деревянной архитектуры и во многом ее повторяет. Древнейший памятник каменной архитектуры — небольшая каменная пирамида, относящаяся примерно ко II столетию, обнаружена в Вашактуне. Строительным материалом майя служил преимущественно известняк.

Немало споров велось по поводу характера майяских городов. Раньше некоторые американисты предполагали, что майяские города были лишь культурными центрами и сколько-нибудь значительные группы населения в них не жили. Однако многие авторитетные исследователи давно уже опровергли этот взгляд. Знаменитый Поль Риве, например, утверждает, что это были настоящие города, и делает лишь оговорку: многочисленные «низшие люди» обитали не в городском центре, а в предместьях. В самом городе размещались дворцы, «монастыри», обсерватории, площадки для «баскетбола», своего рода «залы» для ритуальных танцев, широкие лестницы, великолепные дороги для паломников и прежде всего храмы, возведенные на высоких пирамидах. А на окраине этих городов, иногда в буквальном смысле «за городскими стенами», в маленьких домах, скорее даже лачугах, окруженных садами или заборами, ютился «простой люд». Число обитателей майяских городов было необычайно высоким. По предположению Сильвануса Гризволда Морли, майяские города «второй категории» (американисты делят майяские города по количеству сохранившихся архитектурных памятников на 4 категории) насчитывали примерно по 50 тысяч жителей. (К таким городам «второй категории» американисты относят 19 майяских центров, в том числе Вашактун, Коба, Калакмуль, На-кум, Паленке, Наачтун, Йашчилан, Эцна, Киригуа и пр.)

Население майяского города «первой категории», то есть Копана, Ти-каля, Ушмаля и особенно крупнейшего из них — Чичен-Ицы, по мнению современных майяологов, равнялось приблизительно 200 тысячам человек. Итак, майяские города отнюдь не были

малоллюдны. А самые большие из них по численности и плотности населения в первой половине нашего тысячелетия значительно превосходили крупнейшие европейские города того времени — Париж, Венецию, Лиссабон и, разумеется, Прагу. Посетим хотя бы главнице майяские метрополисы — города «первой категории». Две из больших майяских столиц относятся к эпохе Древнего царства. Это города Копан и Тикаль. Копан (расположенный в нынешнем Гондурасе) в работах известных майяологов заслужил множество самых лестных эпитетов. Именно рассказом о Копане открывает Риве свое описание значительнейших майяских городов. Морли называет Копан Александрией древних майя, а Томпсон — даже Афинами Нового Света. Все эти почетные сравнения вполне оправданы. В Древний период прекрасный Копан был основным центром развития майяской науки, и прежде всего астрономии. Найденные в Копане астрономические таблицы своей точностью превосходят все другие майяские вычисления подобного рода. Расцвету наук в Копане способствовало то обстоятельство, что он просуществовал дольше других майяских городов (древнейшая дата истории Копана — 460 год, последняя — 801 год). Город состоял из центральной монументальной части и 16 окраинных «кварталов», один из которых удален от центра на целых 11 километров. Центральную часть Копана образуют так называемый Копанский акрополь и пять больших надворий. Акрополь — это комплекс пирамид, террас и храмов, занимавших площадь в несколько гектаров. Особенной красотой отличается пирамида № 26 (построенная в 756 году). Другой достопримечательностью Копана является Лестница иероглифов, на 62 каменных ступенях которой вытесана гигантская иероглифическая надпись (свыше 2 тысяч знаков). Длинные иероглифические надписи мы находим, как подсказывает само название, и в Храме надписей.

Крупнейшим из ныне известных городов майя (работа по обследованию таинственного Цибиальчулуна до сих пор еще не завершена), бесспорно, является петенский Тикаль. Тикаль находится примерно в 50 километрах от старейшего майяского города Вашактуна, с которым его соединяет белая дорога. Давно уже обезлюдевший Тикаль сейчас окружен непроходимыми тропическими джунглями, в которых растет красное дерево свитения и водятся ягуары и тапиры. Центр города, расположенный на известняковой площадке, с двух сторон охраняют глубокие овраги. Пять больших архитектурных комплексов Тикаля связаны между собой «проспектами». В четвертом комплексе возвышается самая большая майяская пирамида (высотой более 70 метров). Исполнительский город славится множеством стел (83) и алтарей (54). Здесь были найдены и первые значительные работы майяских резчиков по дереву — 12 великолепных резных притолок из саподиллового дерева.

Если верить корреляционным таблицам, служащим для сравнения майяских календарных дат с нашими, тикальские надписи указывают, что город был основан в 416 году и оставлен около 869 года. Правда, не исключено, что в XV веке он снова на непродолжительное время был заселен ицами, покинувшими Чичен-Ицу. Тикаль — крупнейший из городов Древнего периода — первым удостоился реставрации. Так же как некогда Эванс реставрировал критский дворец в Кноссе, так теперь (начиная с 1956 года) на средства Пенсильванского университета американцы пытаются вернуть первоначальный вид Тикалю.

Ушмаль, возникновение которого относится ко времени «майяского ренессанса», был главным центром обширной области Юкатана, которую мы называем майяским именем Пуук. Известняковые холмы здесь перемежаются широкими равнинами. Пористый известняк пропускает воду, и потому жители Ушмаля вынуждены были сооружать большие подземные цистерны, которые, по расчетам американцев, в случае надобности в течение целого года могли снабжать водой 6 тысяч человек. Резиденцией правящей династии Шиу в Ушмале было самое красивое из всех майяских зданий, Дворец губернаторов, с фронтоном длиной 98 метров. В этом великолепном дворце и поселились в ноябре 1841 года Стивенс и Казэрвуд. Здесь Казэрвуд сделал свои лучшие зарисовки. Ушмальский дворец типичен для майяской архитектуры. Общий план его чрезвычайно прост, зато фасад чрезмерно украшен рельефом. В здании этом 24 помещения. Перед дворцом находился алтарь, где стояла скульптура двуглавого ягуара, а у главного входа высился гигантский каменный фаллос (из «этических соображений» его не реставрировали). Вокруг этого дворца Шиу выстроили затем множество других дворцов и пирамид: овальную Пирамиду волшебника, внутри которой помещалось пять малых «святилищ», так называемый Женский монастырь, просторную площадку для игр в мяч и какие-то большие здания неясного назначения. Главные залы и ворота одного из этих строений украшены стилизованными изображениями черепов, поэтому оно получило название Дворца черепов.

. И наконец, важнейшим, великолепнейшим и, несомненно, наиболее населенным из городов майя была Чичен-Ица. Этот город — известное исключение среди недолговечных майяских городов. Чичен-Ица была основана в Древний период (вероятно, в 455 году) и спустя два столетия (в 692 году) оставлена ицами. Однако в 987 году город вновь был заселен тем же племенем, вернувшимся на Юкатан во главе со своими новыми мексикано-тольтекскими вождями. В течение трех столетий Чичен-Ица являлась значительнейшим городом всего изолированного майяского мира. И одновременно важнейшим центром паломничества. В 1441 году Чичен-Ица снова, уже во второй раз, была оставлена жителями.

Чичен-Ица была расположена на абсолютно ровной местности и представляла собой почти правильный прямоугольник длиной три и шириной один километр. Этому городу следует уделить несколько больше внимания. В доколумбовой Америке он играл такую же роль, какую в свою пору играли Кносс на Крите или Ур и некоторые другие важные месопотамские города. Чичен-Ица — это Париж и Лурд майяского мира. Сердцем Чичен-Ицы был священный ступенчатый водоем, или сенот, по которому город и

получил свое название. К этому «колодцу» со всего Юкатана тянулись процессии паломников. От священного сенота начинались белые дороги, соединявшие Чичен-Ицу с другими главными центрами паломничества. Расцвет Чичен-Ицы целиком связан с приходом на Юкатан мексикано-тольтекских переселенцев, и поэтому здесь более заметны следы тольтекского влияния, чем в каком бы то ни было ином майяском центре. Главная пирамида Чичен-Ицы посвящена Кукулькану. Эта пирамида (обычно называемая теперь по-испански *el Castillo* — кремль) чрезвычайно похожа на пирамиду в тольтекской Туле. Каменные колонны тольтекской метрополии напоминают и высокие каменные колонны Чичен-Ицы, изображающие покрытых оперением змеев. Наконец, тольтеки принесли в Чичен-Ицу и того лежащего божка, которого мы называем по-майяски Чак-Мооль и которого впервые встретили именно в Туле — Толлане.

Ступенчатая пирамида Кукулькана, как и многие другие месоамери-канские пирамиды, представляет собой нечто вроде луковицы. Если снять верхний покров, внутри обнаружишь еще одну, точно такую же пирамиду, только меньших размеров. Ибо календарь повелевал: воздвигни по прошествии определенного срока над уже стоящей пирамидой еще одну! Но не строй ее рядом, а надень на ту, что стоит здесь с прошлого цикла!

«Раздевание» пирамид — увлекательнейшее занятие для ученого-майяолога. В пирамиде скрыто к тому же несколько помещений, например Зал ягуара, охраняемый статуей красного ягуара. Другую гордость Чичен-Ицы составляет так называемый комплекс Храма воинов. Разумеется, это опять же пирамида, и напоминает она толланский Храм утренней звезды. Несколько дальше находятся Храм орлов, Храм ягуаров со знаменитыми фресками и площадка для игры в «баскетбол», который, без сомнения, также изобрели майя. Игра велась на продолговатом поле литыми каучуковыми мячами, чрезвычайно твердыми и тяжелыми, и носила ритуальный характер. Игрокам не разрешалось дотрагиваться до мяча ладонью, играть можно было только локтями, плечами и боками. Побеждала команда, которая первой забрасывала мяч в круглое отверстие, сделанное в каменной стене. К числу достопримечательностей Чичен-Ицы относились и так называемый Женский монастырь, Акаб Циб — Дом черного письма и Красный дом (помост для исполнения обрядовых танцев, который мы называем теперь Храмом Венеры). И еще несколько слов о главном естественном водоеме Чичен-Ицы. Человек, сколько-нибудь знакомый с природными условиями Юкатана, с полным основанием возразит: откуда здесь взялась вода? Ведь тут в отличие от лесистого майяского юга нет ни реки, ни даже ручейка. И все же здесь имеются водоемы — так называемые сеноты. Майяское слово «цо-нот» мы теперь неправильно пишем как «сенот». Что же представляют собой эти майяские сеноты? Известляк, покрывающий всю территорию полуострова, чрезвычайно порист, и потому на всем майяском Юкатане не существует водных потоков. Но дождевая вода, в тысячах мест проникая сквозь известняковую кору, сливалась с подземными реками, и по всему Юкатану образовались природные водохранилища — сеноты. Сеноты представляют для нас большой интерес, и прежде всего потому, что во многих майяских городах их почитали как священные места. Ведь от воды полностью зависело хозяйство майяских земледельцев. Бог воды и четыре бога дождя (Чаки) пользовались особым уважением. И сеноты — единственные водоемы в этой засушливой стране — почитались наравне с богами. Сенот Чичен-Ицы был местом священных жертвоприношений и паломничества. В числе даров, преподносимых Чакам, были и человеческие жертвы: в сенот бросали избранных девственниц. В книге Диего де Ланда есть замечание о том, что если где-нибудь на Юкатане существуют клады, то только в священных колодцах. Фразу эту не оставили без внимания археологи. Один из них, уже известный нам консул Томпсон, частично откачав воду из сенота Чичен-Ицы, глубина которого достигает 58 метров, вместе с шестью греческими водолазами спустился на дно. И в самом деле обнаружил клад. Десятки золотых и нефритовых украшений и десятки девичьих скелетов. Боги дождя, очевидно, не спускались в священный сенот за своими девственницами.

Помимо четырех майяских метрополий «первой категории» — Копана, Тикаля, Ушмаля и Чичен-Ицы, — постепенно было открыто более ста тридцати других майяских городов, и мы, естественно, не имеем возможности говорить о каждом. Однако два или три из них выделяются на общем фоне и заслуживают внимания. В первую очередь это Паленке в мексиканском штате Чиapas (основан, вероятно, в 642 году). Паленке — современное название города (по-испански оно означает «палисады» и происходит от современного наименования деревеньки, находящейся неподалеку от развалин города). Паленке изучается уже свыше 200 лет, но только в 1951 году выдающийся мексиканский американист Альберто Рус сделал волнующее открытие, о котором мы собираемся рассказать: Рус занимался тогда реставрацией одной из самых значительных пирамид города — так называемого Храма надписей, расположенного в непосредственном соседстве с паленкским «дворцом». Исследуя внутреннюю часть пирамиды, ученый случайно обратил внимание на одну из каменных плит, несколько выступавшую над уровнем пола. Он засунул в щель кирку, и, когда удалось приподнять плиту, его удивленному взору открылась узкая лестница, засыпанная камнями. Потайная лестница, сделав несколько оборотов, уперлась на глубине 18 метров в большую каменную плиту. Обнаруженные за нею двери стерегли скелеты шести мужчин, очевидно заживо погребенных в этом странном помещении.

Отворив каменные врата, Рус вошел в зал, на полу которого был большой камень с высеченным портретом халач-виника и пространной иероглифической надписью. А когда Рус со своими помощниками поднял пятитонное надгробие, он увидел под ним скелет халач-виника с нефритовым ожерельем искусной работы и большими, тоже нефритовыми, серьгами. Открытие Руса имело исключительное значение. Ведь до 1951 года повсеместно считалось, что американские пирамиды в отличие от египетских не являются усыпальницами. «Американский Тутанхамон», найденный в Храме надписей, заставил ученых коренным

образом изменить это представление.

Примерно в то же время в джунглях близ реки Усумасинты служащий известной «Юнайтед фрут компани» открыл майяский город, основанный в 541 году. Американисты дали ему название Бонампак (дословно — «Роспись на стенах»), поскольку в одном из зданий этого города были обнаружены великолепные фрески, относящиеся к концу IX столетия. По художественному уровню их можно вполне сравнить с фресками из Кнос-са. Помимо необычайной художественной ценности, бонампакские фрески представляют большую ценность и как исторический документ. Ведь неизвестный автор запечатлел в них картину жизни тогдашнего майяского общества: властителей, воинов, простолюдинов, рабов-военнопленных, одежду, обувь, украшения, музыкальные инструменты, оружие, религиозные обряды — одним словом, воспроизвел характер и уровень майяской культуры последней четверти IX столетия.

Судьба третьего и последнего из этих во многих отношениях примечательных майяских городов несколько напоминает судьбу Бонампака. Он тоже был открыт недавно. И имя его также является изобретением американистов. Они назвали его Цибильчальтун, буквально — «Там, где есть надписи на плоских камнях». Первое известие о руинах города, случайно найденных в лесу, вблизи одинокой юкатанской асьенды, появилось уже в 1941 году. Но лишь спустя несколько лет здесь начала работать группа американистов — экспедиция нью-орлеанского «Тьюлейн юниверсити». Когда под ударами мачете и топоров лес начал редеть, оказалось, что вновь открытый город превосходит все ожидания. Судя по первым сообщениям, опубликованным в журнале Географического общества США, Цибильчальтун был крупнейшим городом доколумбовой Америки. Занимаемая им площадь якобы превышала 30 квадратных километров. Но это не единственный сюрприз, который принесло предварительное обследование Цибильчальтуна. Мы уже знаем, что жизнь майяских городов, как правило, отличалась кратковременностью. Роскошный Киригуа был, например, обитаем всего 50 лет. А Цибильчальтун, как утверждают его первооткрыватели, является единственным из известных нам майяских городов, который просуществовал 3500 лет. Следовательно, возник он, вероятно, еще в домайяские времена. Более того. Жизнь в нем не прекращалась и после испанского вторжения, о чем свидетельствуют развалины маленькой христианской часовни. По своему внешнему облику Цибильчальтун ничем не отличается от остальных майяских городов. Здесь все только больше, грандиознее. Центральной осью города была белая дорога — трехкилометровое шоссе, на строительство которого, как подсчитал один из исследователей Цибильчальтуна, д-р Эндрьюс, пошло 350 тысяч ТОН камня. Шоссе замыкала высокая пирамида. Вдоль белой дороги стояли храмы и дворцы: в центре — огромное здание, вероятно резиденция цибильчальтунского халач-виника, по левую сторону в конце дороги — «Храм семи статуэток», названный так по обнаруженным внутри него семи глиняным фигуркам. Они стояли в особом углублении в полу храма. Две статуэтки изображали горбунов. Третья — карлика. У четырех был изуродован живот. Очевидно, эти статуэтки должны были отгонять болезни и недуги, которые они наглядно представляли. В храме — и для майяской архитектуры это весьма редкое явление — сделаны настоящие окна с рамами из дерева сабинче, твердого как железо. Д-р Бриггс, один из тех, кто открыл город, для того чтобы вырезать кусочек этого дерева, вынужден был прибегнуть к пилке для резания металла. Он подверг образец проверке на содержание радиоактивного углерода C14. Согласно первой пробе, дерево «умерло» в 458 году, в соответствии со второй — в 508-м. Углеродные пробы подтверждают. Таким образом, древность города, который, как мы видим, существовал на севере Юкатана еще в то время, когда средоточие жизни майяского общества находилось далеко на юге. Мы уже рассказывали о сеноте в Чичен-Ице. Подобный же сенот был найден и в Цибильчальтуне. Его назвали по-майяски Шлаках (Старый город). Этот сенот исследовали водолазы. На глубине 50 метров они нашли кости множества человеческих жертв, переломанные пополам флейты, на которых жертвы играли перед смертью, и т. д. Цибильчальтун был обследован, можно сказать, сверху донизу.

Итак, майя, эти одинокие гении Юкатана и тропических джунглей юга, создали культуру, равной которой не было во всей индейской Америке. Слава этой культуры будет возрастать. Будут найдены новые Ци-бильчальтуны и новые пирамиды. Американистика по частицам восстановит мозаику древней культуры, и перед глазами изумленного мира предстанет еще более величественная и прекрасная картина исчезнувшей цивилизации американских майя..

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

АХИЛЛЫ АМЕРИКИ

На протяжении XVI века конкистадорами постепенно были покорены инки и ацтеки, чибча и, наконец, создатели самой блестящей из высоких культур древней Америки — майя. И все же в той Америке, которую заносчивые победители уже давно именовали «испанской», жили индейцы, сумевшие с невероятными стойкостью и отвагой воспротивиться испанскому проникновению несмотря на то, что занимали легкодоступную в военном отношении территорию. Это были арауканы. (Впрочем, сами себя они звали мапуче — «люди земли».) Их родина — центральное Чили. О культуре их мы здесь говорить не будем. Как известно читателю, мы решили останавливаться лишь на тех индейских племенах, которые создали основные высокие культуры. И все-таки автор не может умолчать о том, что из всех индейских групп Америки он больше всего восхищается именно арауканами. И такое восхищение арауканы вызывают уже целых 400 лет. Дон Алонсо де Эрсилья и Суньига, испанский офицер, явившийся с конкистадорами как раз для того, чтобы покорить арауканов, и посвятивший испано-арауканской войне поэму «Араукана» (1569—1589), пишет о них: «Арауканы — Ахиллы духа, отваги и силы».

Эти «Ахиллы Америки» сумели прогнать от своих границ даже войско инков. Однако слава мужественного народа не остановила конкистадоров. Первую экспедицию в страну арауканов предпринял Диего Альмагро (старший) По тому времени у него были большие силы: 570 испанцев, 15 тысяч индейцев. В июне 1535 года Альмагро выступил из Куско и в марте 1536 года достиг современной территории Чили. Переход в ледяную стужу через андские перевалы, лежащие на высоте четырех тысяч метров, — выдающийся «успех» конкистадорских экспедиций. Однако этот «успех» завоевателей был оплачен страшной ценой: гибелью 11 тысяч индейцев, замерзших во время снежных бурь. В пути пали все лошади экспедиции.

На берегу неведомой реки испанцы натолкнулись на отряд примерно из сотни вооруженных арауканов. Арауканы атаковали, и в несколько раз численно превосходившие их испанцы понесли тяжелые потери. Ничего подобного за все 45 лет хозяйничанья конкистадоров в Америке не случилось.

Поскольку эта страна не могла дать того, чего искали завоеватели (то есть золота и драгоценных камней), а индейцы, с которыми испанцы встретились, хотя и уступали перуанским по уровню развития культуры, зато были мужественнее и воинственнее, пришельцы решили «пока не поздно» вернуться в Перу. Отступление Альмагро от границ Араукании напоминало бегство Наполеона из России.

Тем не менее через несколько лет из Куско по приказу Писарро «завоевать страну Чили» отправляется один из его офицеров — Вальдивия. Индейцы столь умело прятали свои съестные припасы, что участники экспедиции умерли бы с голоду, если бы Вальдивия по примеру Белалка-сара не позаботился о «неприкосновенном запасе» — его отряд гнал перед собой стадо свиней. Первый «европейский» город, основанный в Чили, Вальдивия назвал по месту своего рождения в Испании — Ла-Серена. Большой реке, встретившейся им на пути, он дал собственное имя — Вальдивия. А город, который возвел на ее берегах, свою столицу, окрестил Сантьяго-дель-Нуэво-Эстремо. Арауканы по-прежнему жили к югу от Сантьяго, за Био-Био. Атаки арауканов Вальдивия сумел отразить. Пленных токи — арауканских вождей — он не казнил, а держал в качестве заложников. Однажды, когда Вальдивия с отрядом испанцев выехал на юг, чтобы заполучить у индейцев рабочую силу для добычания золота из чилийских рек (Вальдивия верил, что оно существует), на рассвете (11 сентября 1541 года) к Сантьяго неожиданно приблизились арауканы во главе с токи Мичималонком и атаковали небольшой испанский гарнизон. Когда казалось уже, что испанцы будут полностью уничтожены, Инее Суарес, возлюбленная Вальдивии, вспомнив про пленных арауканских токи, приказала убить их и бросить отрубленные головы в атакующих арауканов. Кровавое оружие Инее подействовало: самые мужественные индейцы Америки отступили, нанеся, однако, большой урон захватчикам. Тогда Вальдивия отправил своего заместителя Монроя с шестью солдатами в Перу за помощью. Миновало два года, а никаких вестей из Перу не приходило. ..

Что же случилось с самым надежным офицером Вальдивии? На севере Чили на него напали местные индейцы. В стычке четыре

испанца были убиты, а Монрой и один из его проводников попали в плен. Они также должны были умереть, но заступничество жены вождя, которой понравился Монрой, спасло им жизнь. Вождь этих копиаских индейцев даже попросил Монроя научить его ездить на коне. Во время одной из таких поездок оба оставшихся в живых посланца Вальдивии, ранив вождя, бежали. Они добрались до Куско. Новый правитель Перу Васка де Кастро принял их дружески, предоставил помощь, и через два года Монрой смог наконец вернуться с подкреплением в Чили. Монрой со 160 всадниками двигался по суше. Одновременно в Вальпараисо отплыли две каравеллы с двумя сотнями солдат.

Итак, Вальдивия начал создавать новую колонию. Первое время он не тревожил арауканов, живших южнее.

«Подлинная история» арауканской войны начинается после 1549 года, когда Вальдивия вернулся из поездки в Лиму, где он получил новые инструкции. Вначале Вальдивия добился некоторых успехов. Когда он перешел Био-Био, арауканы оказали ему сопротивление. На равнине Андальен испанских солдат атаковали четыре тысячи арауканов, возглавляемых верховным токи Айявиллой. Но выстрелы мушкетов остановили их. А когда был убит и токи Айявила, арауканы отступили.

Испанцы основывали на арауканской территории один опорный пункт за другим, создавая цепь городов-крепостей, которые должны были держать индейцев в повиновении. В самом же сердце Араукании Вальдивия построит три свои основные твердыни, расположенные друг от друга на расстоянии всего лишь восьми испанских миль, — Арауко, Тукапель и Пурен.

Новый верховный токи Линкоян советовал арауканам до времени смириться. Но когда испанцы отрубили нескольким арауканским повстанцам руки и носы, а затем вернули искалеченных в индейские деревни, чаша терпения «Ахиллов Америки» переполнилась. И вот снова через всю Арауканию гонец несет стрелу, украшенную лоскутом цвета алой крови. И каждый воин понимает смысл этого послания. Во всех общинах арауканы готовятся к бою. И характерно, что среди арауканов — а тогда их было не менее полумиллиона — не оказалось ни одного предателя, который предупредил бы оккупантов о подготовке всеарауканского восстания. Вместо Линкояна арауканы выбрали нового токи, Лаутаро, одного из тех прославленных индейских вождей, отвага и мудрость которых никогда не будут забыты.

Известно нам о Лаутаро очень мало. Мы знаем лишь, что в пору, когда Лаутаро выпустил в испанцев красную стрелу, он был очень молод. Знаем, что еще шустрым мальчуганом он попал в Сантьяго, куда его силой увели испанцы, и сделался конюхом самого Вальдивии. Здесь Лаутаро освоил испанскую боевую тактику. Через несколько лет он бежал из Сантьяго, вернулся в Арауканию и разработал план всеобщего восстания. В первую очередь Лаутаро решил уничтожить три испанские крепости, господствовавшие над арауканской территорией, а затем начать освобождение всей страны. О первом нападении арауканов, в середине 1553 года на крепость Тукапель, до нас дошло немного сведений. Известно, что крепость была буквально стерта с лица земли.

Как раз в это время к Тукапелю с частью своего войска направлялся генеральный капитан Чили Вальдивия. Таким образом, предводители обеих сторон должны были встретиться в открытом бою. Лаутаро хорошо продумал план действий. Прежде всего он послал часть своего войска ложным маневром отвлечь силы Гомес де Альмагро, удерживавшего Пу-рен. Оставшуюся часть войска он разделил на двенадцать отрядов и расположил их в холмистой местности, затруднявшей передвижение всадников. В бой с конкистадорами сначала должен был вступить лишь один из отрядов. И только когда испанцы сомнут его ряды, их встретит второй отряд. За вторым — третий и так далее. План Лаутаро увенчался успехом. Увидев небольшой отряд вооруженных арауканов, испанцы атаковали его. Потеряв несколько солдат и коней, они в конце концов рассекли этот первый арауканский отряд на две части. Но в это время перед ними вырос второй отряд. За ним — третий. И вскоре все испанское войско вместе с тысячью воинов вспомогательного индейского ополчения, завербованного в неарауканских областях северного Чили, было уничтожено. Погиб и Вальдивия.

В следующей битве, несколькими днями позже, Лаутаро уничтожил большую часть войска Альмагро, шедшего на помощь Вальдивии. А затем разрушил и второй по значению испанский город Чили — Консепсьон.

Преемник Вальдивии Франсиско де Вильягра, чтобы одолеть Лаутаро, собрал почти все силы, имевшиеся в его распоряжении. Однако в битве у Маригеньи (Лаутаро опять выбрал холмистую местность) был разбит наголову.

Так Лаутаро освободил весь чилийский юг. Ему не удалось изгнать испанцев только из двух городов — Ла-Империаля и Вальдивии. За четыре года войны он очистил от испанцев, в сущности, всю населенную арауканами территорию современного Чили, за исключением столицы страны Сантьяго. Но в то время, когда Лаутаро готовил последнюю атаку — нападение на Сантьяго, среди индейцев распространилась страшная эпидемия тифа, скосившая четыре пятых всех арауканских воинов. Испанцы воспользовались этим и неожиданно напали на один из сильно поредевших арауканских отрядов, во главе которого стоял сам Лаутаро. В неравном бою Лаутаро был убит, его отрубленную голову «победитель» — Вильягра — приказал для устрашения выставить в Сантьяго.

И все-таки арауканы не капитулировали. За каких-нибудь двадцать лет они в совершенстве овладели искусством верховой езды и, вырастив достаточно лошадей, сумели лишить конкистадоров их основного тактического преимущества.

Преемником Лаутаро был избран старый Кауполикан. Во время своеобразного «отборочного состязания» он вызвал всеобщее восхищение воинов тем, что целый день проносил на плечах ствол араукарии. Кауполикан отличался исключительной отвагой. В борьбе с захватчиками ему помогала вся Араукания, даже женщины и дети. Вообще нужно отметить, что в арауканских войнах

участвовали и прославились десятки женщин, в том числе Фресия, одна из жен Кауполикана, о которой рассказывает в своей великолепной поэме Эрсилья-и-Суньига. В решающей битве Фресия встала перед рядами арауканских воинов, высоко подняв своего ребенка, и воскликнула: «Я не хочу, мы не хотим быть матерями сыновей трусливых мужчин. Сражайтесь, сражайтесь, мапуче!» Испанцы из всех своих владений посылали подкрепления войску в Чили, возглавляемому теперь Гусманом Гарсиа Уртадо де Мендоса. Однако арауканы не сдавались. И только когда испанцы применили ар-тпллерию и в среде арауканов нашлись предатели, испанцам удалось одержать победу. Начальник испанского отряда Алонсо де Рейносо расправился с уже старым в ту пору верховным арауканским токи совершенно в духе «лучших конкистадорских традиций». Он приказал раздеть его донага, привязать к столбу, и затем испанские солдаты один за другим под восторженные аплодисменты испанской публики бросали в пленного вождя арауканов копьё. Так погиб Кауполикан, достойный сподвижник Лаутаро и ныне любимейший герой всего чилийского народа.

Но даже гибель Кауполикана не заставила арауканов сложить оружие. В 1561 году произошло новое всеобщее восстание под предводительством верховного токи Колокола. С переменным успехом арауканы сражались до 1598 года. В 1598 году во главе со своим новым верховным вождем Пелантаром они напали у индейской деревни Карабалы на испанские силы под командой генерального капитана Чили Оньеса де Лойола. Атака арауканов была настолько неожиданной, что лишь один испанский солдат успел выстрелить из аркебузы. Испанский отряд был уничтожен.

После разгрома у Карабалы испанцы уходят за Био-Био. Впервые в истории колониальной Америки индейцы заставили захватчиков отступить. Это доказывало, что единственный действенный метод разрешения индейской проблемы в эпоху колониального проникновения — вооруженная борьба.

Победой у Карабалы арауканы на целых триста лет возвращают себе независимость. Испанцы, правда, еще пытались удержать к югу от этой пограничной реки города — Вильяррику и Ла-Империял. С 1598 по 1600 год арауканы упорно осаждали Ла-Империял. В 1600 году испанцы вынуждены были его покинуть. На арауканской территории оставался только один испанский город — Вильяррика. В 1602 году после долгой осады и он был занят арауканами.

Война с «Ахиллами Америки» истощала силы Испании. Колониальные солдаты отказывались служить в Чили. Это была дорогая, бесперспективная война. В конце концов испанские завоеватели сами предложили арауканам заключить соглашение о взаимном ненападении и обязались не переступить Био-Био. В 1641 году в Кильине впервые велись мирные переговоры между испанцами и арауканами.

Несколько попыток испанцев нарушить соглашение и вновь проникнуть в Арауканию (например, в 1723 году) закончились их поражением. Итак, на протяжении XVII, XVIII и значительной части XIX века в Южной Америке существовало индейское государство! Испания даже попросила арауканов прислать в Сантьяго своих дипломатических представителей. Предложение было принято, и в 1744 году в Сантьяго-де-Чили действительно приехал первый арауканский посол. Кроме того, каждые де-сять-двадцать лет созывались многолюдные «арауканские парламенты», во время которых обе стороны публично подтверждали обязательство сохранять мир. Последний такой парламент происходил в 1803 году. А через 15 лет, как известно, испанскому колониальному владычеству в Чили и на всем Американском континенте пришел конец.

У Чилийской республики в первые пятьдесят лет ее существования не было достаточно сил, чтобы покорить арауканов. И еще на протяжении полувека — до 60-х годов прошлого века — арауканы жили, в сущности, так же, как прежде. Конец арауканской независимости связан с именем французского авантюриста Антуана Орли де Тунана, которому мы должны уделить некоторое внимание.

Антуан Орли де Тунан родился в 1825 году в Ла-Шез, в Дордони, и, следовательно, был земляком Сирано де Бержерака. Молодой гасконец окончил факультет права, стал адвокатом, но занятия юриспруденцией ему не нравились. Его увлечение описаниями путешествий и книжками об индейцах привело к тому, что спустя несколько лет он отказывается от адвокатской практики в Перигё и уезжает в Южную Америку. Спустя несколько месяцев мы действительно встречаем его среди индейцев — в Араукании. Поскольку Орли проявил сочувствие антииспанской борьбе арауканов, он был принят ими исключительно дружелюбно. Один из вождей, Мангил, усмотрел в нем человека, европейское образование которого могло бы принести большую пользу арауканам, способствовать их культурному развитию и помочь создать современное арауканское государство. Орли с воодушевлением ухватился за эту идею, прежде всего в корыстных интересах. И когда, по предложению Мангила, его избрали верховным белым токи арауканов, Антуан Орли де Тунан с согласия большинства арауканских вождей, не понимавших возможных последствий этого акта, провозгласил Арауканию королевством, а себя королем! Он принял имя Орла Первого, дал Араукаши конституцию, являющуюся точной копией основного закона Третьей империи, сформировал «правительство», всенародное собрание арауканов хотел заменить Национальным собранием, в котором каждый депутат должен был представлять 50 тысяч избирателей, и т. д. А так как в то время Патагония еще не находилась под реальной властью Аргентинской республики и частью Патагонии продолжали владеть ранкелче — аргентинские арауканы, Орли Первый «присоединил» Патагонию к Араукании и создал Объединенное королевство Араукания и Патагония. Чилийская республика, следовавшая традициям колониальной Испании, признала независимость Араукании и не имела, в сущности, права воспрепятствовать созданию арауканского королевства. Но когда однажды «арауканский король» оказался на территории Чили, чилийская полиция арестовала его и, невзирая на

«королевский сан», выслала по этапу во Францию. Орли надеялся, что на родине ему удастся склонить к поддержке идеи арауканского королевства Наполеона III, имевшего в отношении Латинской Америки вполне определенные и далеко идущие намерения, что впоследствии привело к французской авантюре в Мексике. У Орли были все основания считать, что французский император заинтересуется еще одной формально независимой территорией в Южной Америке, которая, разумеется, находилась бы под безраздельным французским влиянием. Однако император отверг предложения Орли.

Вместе со своим новым другом Планшю, тоже адвокатом, Орли вернулся в Арауканию. Как это ни удивительно, арауканы приняли своего самозваного «белого короля» с большим воодушевлением. Впрочем, Орли Первый (в чем ему не откажешь) умел снискать их расположение: вождей он возвел в ранг министров, заслуженных воинов наградил орденами и медалями и — что особенно импонировало индейцам — в декабре 1861 года, когда стране угрожало чилийское вторжение, быстро мобилизовал всю Арауканию.

Но грезы самозваного «короля» вскоре были развеяны. История повторилась. За границами Араукании чилийские власти вновь его арестовали и даже хотели судить в военном трибунале. После вмешательства французского консула арауканский «король» был вновь выслан на родину. Однако Орли Первый отличался настойчивостью. Через несколько лет он снова прибыл в Арауканию. Опять к нему со всех сторон стекались арауканы, опять он поднял арауканский сине-бело-зеленый флаг и свой государственный герб — стальной крест со звездами. Но чилийские войска вступили на территорию Араукании, и в июне 1871 года «королю» пришлось окончательно покинуть свою «державу». В Араукании дело Орли продолжал его друг Планшю, который позднее был умерщвлен при весьма подозрительных обстоятельствах. А поскольку Чилийская республика во второй половине XIX века значительно усилилась, между тем как волю арауканов к сопротивлению теперь подрывали католические миссионеры, получившие в новом королевстве широкую свободу действий, через четыре года после смерти Орли Араукания была наконец присоединена к Чили.

Так завершилась длившаяся 330 лет народно-освободительная борьба самых мужественных индейцев — арауканов.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ОТ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ ДО КАРИБСКОГО МОРЯ

Арауканы были наиболее многочисленной группой индейцев Южной Америки, обитавших за «границами индейской империи». Сама империя ушла в прошлое. Но индейцы и поныне живут на всей обширной территории к востоку от Анд, а также на крайнем юге и севере этого субконтинента и на прилегающих к нему Антильских островах.

В Южной Америке жило и до сих пор живет множество крайне разнородных индейских групп, порой весьма немногочисленных. Только их перечисление заняло бы сотни, а то и тысячи страниц. Один из лучших знатоков Южной Америки, Ольден Мейсон, подсчитал, что здесь имелось более пяти тысяч различных племен, говоривших соответственно на пяти тысячах наречий и самостоятельных языков. Даже крупных языковых семейств здесь существует почти сотня, между тем как во всей Европе их три или четыре. И все же, поскольку в этой книге мы хотим обозреть весь индейский мир, нам придется еще раз взглянуть на карту Южной Америки, чтобы поближе познакомиться с некоторыми группами ее исконного населения. Скажем о них хотя бы несколько слов. Немногое об очень и очень многих.

Посмотрим прежде всего на крайний юг Америки. Это холодная и чрезвычайно влажная область, которая так неподходяще названа Огненной Землей. (Огненной потому, что ее коренные жители всегда возили с собой на лодках особые сосуды для огня, своего рода переносные печи. Скользящие по морю огни и подсказали первооткрывателям этой крайней южной оконечности индейского континента ее нынешнее название Огненная Земля.) Те, кто зажигал на своих челнах эти удивительные светильники, принадлежали к группе огненноземельских племен, а именно к племенам она, алакалуф и яган. Яганы вообще были самыми южными обитателями земного, шара. Севернее огненноземельцев и южнее арауканов в чилийской Патагонии жили ныне уже вымершие воинственные чоны, нередко нападавшие на арауканское население острова Чилоэ. Чоны угоняли островитян в рабство, отнимали у них серебро и другие металлы. Им было знакомо земледелие. На своих маленьких полях они сажали главным образом картофель. Однако в первую очередь жизнь их была связана с морем. Ночью они ловили бакланов, привлекая их светом факелов, днем охотились на тюленей. Чоны также ловили морских моллюсков, собирали яйца морских птиц. Одевались они в

собачьи шкуры. Лица красили красной или черной глиной, головы украшали традиционной «тонзурой».

Соседями чонов были алакалуфы, буквально — «западные люди, пользующиеся ножами из морских раковин». Несколько последних десятков этих некогда знаменитых морских кочевников живет ныне на южночилийском острове Веллингтон. Им тоже доставляло пищу главным образом море, хотя они не пренебрегали и мясом уэмулов — маленьких чилийских оленей или лам гуанако, которых убивали копьями.

Наиболее многочисленной группой огненноземельцев были, очевидно, яганы, делившиеся на пять подгрупп и говорившие на диалектах одного общего языка. Трудно поверить, но в этих столь холодных и необычайно влажных краях яганы кочевали по водным путям, в том числе и через Магелланов пролив (Магеллан и был первым белым, встретившим этих индейцев), совершенно нагими. Тело они защищали от холода лишь толстым слоем тюленьего жира, смешанного с краской. Их лодки немного напоминали венецианские гондолы. Делались они обычно из березовой коры. Интересно, что и яганы и алакалуфы, почти все время проводившие в лодках, и по своему физическому строению были приспособлены к этим небольшим плавучим жилищам. Руки, которые гребли и управляли челном, становились сильнее. Необычно развилась вообще вся верхняя часть тела, в то время как ноги, на лодке ничем не занятые, из поколения в поколение слабели и укорачивались. И когда первые европейцы сравнили рост яганов со средним ростом представителей других южноамериканских групп, они увидели, что огненноземельцы несравнимо, примерно на целую голову, ниже!

Яганы тоже охотились на тюленей, ловили морскую рыбу, крабов, морских ежей и искали на берегу мертвых китов, которых изредка выбрасывало море.

Соседями яганов были оны (на яганском наречии буквально — «северный народ»), населявшие весь север Огненной Земли, то есть территорию, лежащую к северу от канала Бенгала. В отличие от алакалуфов и яганов эти индейцы жили на суше, впрочем, на суше довольно-таки негостеприимной. С помощью огромных березовых луков они охотились на гуанако, на лис, а также на других животных, собирали дикорастущие плоды своей земли. Носили малицы с капюшонами, сшитые из звериных шкур.

Селились маленькими деревнями, иной раз не более пяти семейств, крайне примитивные конические жилища покрывали кожей гуанако.

У северных границ Огненной Земли начинается весьма обширная территория Патагонии, переходящая затем в прославленные южноамериканские пампы. Поверхность Патагонии покрывает лишь чрезвычайно скромная растительность. Сами пампы во всем напоминают североамериканские прерии. Это бесконечная, слегка всхолмленная равнина. И куда ни глянь — трава.

В более сухой западной части памп трава жестче и ниже, там водятся гуанако, а также крупный южноамериканский страус нанду; к востоку пампы влажнее, растительность здесь значительно выше. Пампы и Патагония никогда не были слишком густо заселены. Первыми жителями этой области Южной Америки были пуэльчо и в особенности несколько десятков племен группы теуэльчо, от самых южных — анорикауа до самых северных — пайникен. (Патагонские теуэльчо были, между прочим, наиболее высокими индейцами во всей Америке. Их средний рост достигал почти двух метров!) Эти индейцы пользовались во время охоты особым метательным оружием — прославленной болой, состоящей из одного или нескольких шаров, обтянутых кожей и укрепленных на длинном ремне, который выделялся из звериных жил. Убитое животное патагонские индейцы запекали, вкладывая в его тело раскаленные камни.

Члены этих охотничьих племен нигде не жили подолгу. За своей добычей они кочевали по пампе с места на место и потому изобрели переносное жилище — шатер из собачьих шкур, называвшийся тольдо. Как и жители североамериканских прерий, коренное население пампы получило от европейцев новых ценных животных — лошадей, а также коров и быков, которые убежали с асьенд европейских поселенцев, дичали и постепенно становились для здешних индейцев какими-то южноамериканскими «бизонами». В здешних пампах были и свои мустанги — одичавшие кони испанских поселенцев. Однако местные индейцы заново их приручили, а затем научились великолепно ездить на них.

В восемнадцатом веке в пампах и Патагонии появляются новые индейские обитатели — некоторые группы чилийских арауканов (например, поуэнче), отступившие под давлением европейцев в относительно безопасные просторы бесконечных равнин. В течение 150 лет арауканский язык этих новых завоевателей пампы служил средством общения для всех исконных обитателей этой части Южной Америки. Однако к концу девятнадцатого столетия военные экспедиции истребили почти всех здешних индейцев, и пампой завладели европейские скотоводы, которые пасли здесь овец и крупный рогатый скот. Ныне южноамериканские пампы составляют часть Аргентинской республики.

Область, где сейчас находится столица Аргентины Буэнос-Айрес, в доколумбову эпоху населяла значительная этническая группа — керанди, одно из мужественных индейских племен Южной Америки. Керанди жили у самых врат Аргентины, и уже в первой половине шестнадцатого века им пришлось выдержать десятки кровавых битв с конкистадорами. Первую — против знаменитого Педро де Мендоса в 1536 году. Вскоре после этого керанди были почти поголовно истреблены одним из последователей Мен-досы — Хуаном де Гарай, который, впрочем, и сам пал в 1583 году на поле очередного сражения с неустрашимыми керанди.

По другую сторону Ла-Платы, на всей территории нынешнего Уругвая, жили чарру — высокие, красивые люди, весьма близкие по уровню культуры к керанди и тоже выдающиеся воины, сражавшиеся копьями-дротиками и звездчатыми болами. Поскольку уж

речь зашла о чарру, вероятно, уместно будет упомянуть и о том, что эти индейцы имели чрезвычайно своеобразный способ счета, основанный на числе четыре. Так, к примеру, пять у чарру было четыре плюс один, а восемь — четырежды два и т. д. Вдоль северных границ современной Аргентины обширные пампы постепенно переходят в следующую, столь же обширную область — Чако. Это название взято из языка кечуа и означает просто «место для охоты». Чако с юга ограничено аргентинскими пампами, с запада — восточными отрогами Анд, с востока — рекой Парагвай и, наконец, с севера — бразильским Мату-Гроссу. Эту внутриконтинентальную равнину, на севере занятую непроходимыми джунглями и перерезанную несколькими реками, важнейшая из которых — знаменитая Пилькомайо, в доколумбовы времена населяло множество различной племен. Тоже довольно примитивных и тоже весьма воинственных. Наиболее многочисленной чакской группой были каикуру. В нее входил целый ряд племен, названия которых, как правило, были связаны с местом их поселения. Так, среди них были гураикуру — «люди красной земли», а также «люди из страны луков», «люди водяной земли», «люди гор» и т. д. Каикуру и остальные чакские племена были очень сходны по уровню культуры. Все здешние индейцы собирали съедобные растения, но главным образом занимались охотой и рыболовством. Охотились они на муравьедов, броненосцев, игуан и тапиров. Одевались в шкуры убитых животных. Жили в больших домах, обычно состоявших из центрального ядра и ряда примитивных пристроек, напоминавших соты, не знали ни ткацкого дела, ни других подобных ремесел, совсем не пользовались камнем и каменными орудиями и, разумеется, не знали никаких металлов. В бою чакские индейцы пользовались луками и стрелами, палицами и дубинами. Войны были, собственно, излюбленным занятием чакских мужчин. В некоторых группах, например у известных абипонов, мужчины объединялись — подобно североамериканским прерийным племенам — в некие боевые союзы (по-абипонски — эчерио), Воины, опять же как и прерийные индейцы, украшали себя перьями, покрывали лица богатой татуировкой, а побежденного неприятеля — и в этом они тоже напоминают североамериканских индейцев — скальпировали и убивали. Из костей убитых врагов делали флейты, из черепов — пиршественные чаши. Однако женщин и детей поверженных врагов обычно щадили, а зачастую даже принимали на равных правах в свое племя.

В послеколумбову эпоху некоторые чакские группы сохранили традиционный образ жизни вплоть до начала двадцатого столетия. На культуре ряда иных племен сказалось влияние деятельности иезуитов, создавших на части территории Гран-Чако и прилегающих землях собственное государство, фактически независимое от испанской короны, которое просуществовало почти двести лет, вплоть до изгнания иезуитов из Америки. Большое значение для некоторых племен, особенно тех, что населяют юг Гран-Чако, имела лошадь, которую эти индейцы (например, пайагуа, аби-поны и другие) поймали и заново приручили еще в XVII веке. У этих групп чакских индейцев превращение в наездников ведет к более высокой общественной дифференциации, у них появляются верховные вожди, могущество и роль которых все возрастают, зарождаются новые наезднические и воинские обряды и т. п.

В послеколумбову эпоху некоторые чакские племена (например, са-муко) переходят к земледелию, выращивают кукурузу, дыни, маниоку и, разумеется, чакское «чайное дерево» (*Ilex paraguayensis*), дающее здешнему населению излюбленный напиток — матэ. Часть чакских племен в послеколумбову эпоху вымерла. Но все же и поныне Гран-Чако — одна из тех областей Америки, где численно преобладают исконные жители.

Продолжим, однако, наше путешествие по восточному побережью — от Огненной Земли до Карибского моря. Севернее Гран-Чако лежит холмистое Мату-Гроссу и вся гигантская область, которую мы можем назвать бассейном Амазонки, ибо именно эта река и ее притоки уносят отсюда избытки воды. Племена, населяющие джунгли, саванны и холмы этой части Южной Америки, никогда никому не пересчитать. Даже многие из до сих пор живущих племен остаются неизвестными, анонимными под покровом бразильских джунглей и не подозревают, что их землю, их часть света посетили и покорили люди с иным цветом кожи. Мир этих племен внутри-материковой Бразилии кончается у границ их деревни. Что находится дальше, никто из них не знает.

Эту огромную территорию мы можем разделить на несколько подобластей. Первая из них — южное и среднебразильское холмистое плато, населенное рядом племен, которые по их языковой принадлежности мы называем общим именем жес. Климат этого южного и среднебразильского плато более сухой, чем в самом бассейне Амазонки. Год тут распадается на два периода — сухой и влажный. В сухой период племена группы жес кормятся, собирая личинки насекомых, яйца черепашек, орехи и различные корни. Во влажный период некоторые из этих племен занимаются примитивным земледелием (сажают главным образом маниоку). Другой важнейший источник пищи — охота с луком, отравленными стрелами и ловушками и, разумеется, рыбная ловля. Среди племен, говорящих на жесских наречиях, во внутренней Бразилии поселились и кочевые охотники ботокуды, говорящие на собственном, совершенно особом языке. Своё название это племя получило благодаря своеобразному украшению на нижней губе, огромному деревянному диску (по-португальски «ботоке»), который ботокуды носят в течение всей жизни. Еще одной самостоятельной группой являются здесь бороро — охотники на пекари, тапиров, живущие по берегам реки Арагвайя, и т. д.

Другая область этой гигантской южноамериканской территории, границы которой в основном совпадают с нынешними государственными границами Бразилии, — это побережье Бразилии. Здесь жило множество теперь уже истребленных племен тупийско-гуараниского языкового семейства. На основе родственных языков этой группы здесь даже возникло некое местное эсперанто (по-португальски его называют «лингва жерал», буквально — «общий язык»), на котором и поныне могут

договориться индейцы различных племен.

Тупийские племена, живущие на побережье, называют себя тупи-памба. Они были хорошими земледельцами и искусными рыбаками, жили в огражденных частоколом деревнях и не слишком бедствовали. В одной из тупинамбских деревень провел довольно долгое время европейский пленник индейцев немец Ганс Штаден, интересно рассказавший о своей жизни среди этих людоедов в книге «Описание двух путешествий Ганса Штадена в Новый Свет», изданной еще в середине XVI столетия.

Индийские племена, живущие в Южной Бразилии и на части территории Парагвая, слились в единую индейскую народность — гуарани, составляющую большинство населения Парагвайской республики. Гуарани сохранили свое наречие, ставшее теперь вторым государственным языком этой латиноамериканской страны.

Северную половину нынешней Бразилии занимает «собственно Амазония» — непроходимые влажные джунгли. Но судьбы здешних индейцев, образ их жизни определяет отнюдь не лес, а река: огромная, как море, широкая Амазонка со множеством притоков. В местных условиях она представляет собой единственную транспортную артерию, она дает здешним индейцам рыбу, водяных птиц и иных водяных животных, часть которых попадает сюда из открытого океана, например дельфинов или крабов. Тут водятся кайманы и четырехметровая пиракура (*Arapaima*).

По Амазонке и ее притокам здешние индейцы передвигаются в лодках, выдолбленных или выжженных из одного ствола, в некоторых местах пользуются плотами из знаменитого бальсового дерева. Существуют и такие индейские племена (например, племя мура, обитающее на реке Мадейра), которые проводят на воде всю жизнь. Другие здешние индейские группы поселились на отдельных речных островах (например, племя карайя, живущее на острове Банал, известное своим сложным культом мертвых и праздничными маскарадами). Еще ряд племен Амазонии — например, сириано, живущие севернее Амазонки, — ныне оседлые земледельцы, выращивающие маниоку, фасоль, табак и местный вид бананов.

Деревня амазонских индейцев, как правило, состоит из ряда хижин круглой или овальной формы. Иногда всю деревню «составляет» один общий «родовой дом» довольно больших размеров. В других деревнях мы обнаруживаем отдельные дома для мужчин, подобные мужским домам в Микронезии и Меланезии. В хижинах здешних индейцев мы находим одно из знаменитейших их изобретений — сетки для спанья (гамаки), которые затем переняли от коренных жителей Амазонки люди многих частей света.

Деревни амазонских индейцев стоят обычно на берегу этой реки или ее притоков. Амазонские джунгли во многих местах подступают к самой реке. В джунгли местный индеец отправляется за мясом для еды. Охотится он на все тех же пекари, тапиров, обезьян, муравьедов, ленивцев и разных птиц, причем порой довольно странными способами. К примеру, во время охоты на уток индейцы прячут головы в выдолбленные тыквы. Охотятся они с луком и стрелами, но также и с дротиками и, разумеется, с помощью капканов. Самое прославленное местное охотничье оружие, особенно на крайнем востоке Амазонии, — это трубка для выдувания стрел, достигающая иногда более чем пятиметровой длины. Маленькие стрелы, которые применяют здешние индейцы, обычно имеют отравленное острие. Известнейший из ядов амазонских индейцев, безусловно, кураре — смесь нескольких десятков ядов типа стрихнина. Алкалоид курарин, который содержится в этом убийственном коктейле, поражает центральную нервную систему, и в том числе нервы, от которых зависит дыхательный процесс. Стреляющие трубки и применение кураре особенно распространены в верхнем течении Амазонки и в ее истоках, в тропической, но довольно гористой области, которую называют Монтанья и которая на политических картах ныне относится не к Бразилии, а к андским республикам Перу и Эквадор. Культура жителей Монтаньи представляет собой как бы переходную ступень между культурой индейского населения Анд и культурой индейцев тропических территорий востока Южной Америки. Но если уж мы говорим об охоте у жителей Монтаньи, нельзя не вспомнить, что одно из здешних охотничьих племен — эквадорские хиваро — заслужило мировую славу не охотничьим оружием, а объектом охоты. Они охотятся — в буквальном смысле слова охотятся — на своих неприятелей. Убитым отрезают головы, стягивают с головы кожу, наполняют ее горячим песком и особым способом (которым владеют лишь эти индейцы) уменьшают эту голову до размеров теннисного мяча. Причем лицо полностью сохраняет прежнее подобие. Вдобавок такую уменьшенную голову украшают настоящие волосы несчастной жертвы. По представлениям хиваро такая тсантса — как они называют высушенные головы — передает охотнику силу убитого неприятеля. Ныне маленькие высушенные головы стали предметом торга. Неразумные туристы считают тсантса чрезвычайно ценным сувениром и предлагают за них большие деньги, побуждая хиваро совершать все новые и новые убийства. Однако человеческие жертвы подстерегали и подстерегают лишь охотники из немногих местных племен, хотя прежде некоторые тупийские группы практиковали каннибализм, как свидетельствует упомянутая выше книга Ганса Штадена.

Само слово «каннибал» возникло из названия другой большой группы американских индейцев — воинственных карибу, которых так боялись испанцы. «Каннибалы», то есть племена, говорящие по-карибски, жили в Амазонии, в некоторых областях Венесуэлы и Гвианы, а отдельные племена селились и на островах в море, ныне названном их именем.

В основном же север Южной Америки и острова в Карибском море были владением другой, главной для этих мест индейской группы — араваков, занимавших территорию между северным берегом Амазонки и Багамскими островами. Именно они заселили Антильские острова, но не с севера, не из Северной Америки, а с юга. И именно члены аравакского языкового семейства первыми из индейцев встретились на Антильских островах с Христофором Колумбом и его товарищами.

Ни араваки, ни воинственные карибы по своей культуре, собственно, ничем не отличались от индейцев внутренней Бразилии — тупи-гуарани или индейцев языкового семейства жес. Судьба индейцев Антильских островов — араваков и карибов — была чрезвычайно трагична. Завоеватели, которые сумели разгромить многомиллионные индейские империи, конечно же, сумели расправиться и с немногочисленными аравакскими и карибскими жителями Антильских островов. Ныне антильские индейцы сохранились лишь на Кубе (так называемые ятерасы в горах провинции Орьенте). Несколько сот карибов живет и на отведенной им территории изолированного острова Доминика (Малые Антильские острова).

Следующие группы индейцев мы находим, проплыв девяносто миль к северу от Кубы, на полуострове Флорида. Однако семинолы и их родина Флорида относятся уже к Северной Америке. А Северной Америке и ее индейцам будут посвящены другие главы нашего путешествия во времени и пространстве по следам исконных жителей Нового Света...

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ИНДЕЙЦЫ ПРЕРИЙ

Мы надолго задержались в Южной и Центральной Америке — у инков и ацтеков, у гениальных майя и отважных арауканов. И только теперь возвращаемся туда, откуда начали свое путешествие, — в Северную Америку, к индейцам, населявшим ее. Несколько преувеличенная «популярность» североамериканских индейцев вызвала много недоразумений. Коренных обитателей Америки читатель часто представляет себе именно как индейцев Северной Америки, а еще точнее — как индейцев североамериканских прерий. В действительности же индейцы Северной Америки являются лишь небольшой частью коренного населения Америки, численно наименее значительной. Ведь в доколумбову эпоху все североамериканские индейцы составляли лишь двадцатую часть населения Америки, а сейчас даже пятидесятью! 98 процентов всех индейцев живет в Центральной и Южной Америке. Наиболее населенными областями в Америке на протяжении последних двух тысячелетий совершенно бесспорно были Месоамерика и область Анд. Следовательно, в этом смысле Северная Америка и ее индейцы для общей оценки индейской истории и культуры до и после Колумба имеют неизмеримо меньшее значение. Но все это мы говорим лишь в качестве предварительного замечания. Итак, отправимся к индейцам Северной Америки.

И для них с 1492 года — с даты «официального открытия Америки» — начинается новая историческая эпоха. Хотя, как мы помним, европейцы открыли Северную Америку и познакомились с ее обитателями еще задолго до Колумба, предания о замечательных плаваниях отважных северян были давно забыты. И после 1492 года вся северная часть Индейского континента обследуется заново. В то время как Антильские острова, Мексику, Центральную и Южную Америку (за исключением Бразилии) открывают и завоевывают почти исключительно испанцы, север Америки (особенно после того, как выяснилось, что здешние индейцы куда беднее и золота у них нет) открывают, завоевывают, а впоследствии и заселяют представители ряда других европейских народов. В период завоевания Северной Америки с испанскими интересами скрестились великодержавные интересы Англии, Франции, Португалии, даже Голландии и Швеции.

Те, кто открывал Северную Америку и ее индейцев после Колумба, знакомятся сначала, так же как и за пять веков до них скандинавы, с ее негостеприимным северо-востоком. Первенство тут принадлежит венецианскому мореплавателю Себастьяну Каботу, состоявшему на службе у английского короля Генриха VII, завидовавшего испанским и португальским успехам. Экспедиция, которую снарядили англичане и которой после смерти своего отца Джованни руководил молодой Себастьян, покинула порт в мае 1498 года и после длительного плавания достигла побережья, по всей вероятности, у современного Лабрадора. Затем она продвигалась далее на север, пока наконец (на 60° северной широты) арктические льды не преградили ей дорогу. Тогда Кабот приказал повернуть назад и через несколько дней открыл у берегов Северной Америки остров, который назвал «Вновь открытая земля» (New Found Land). Так капитан Себастьян Кабот (ему не было тогда и 22 лет) первым открывает для Англии Северную Америку.

Но зависть одолевала не только английского короля. Португальцы тоже не прочь были укорениться в Новом Свете. И когда король Мануэл узнал об успешном плавании Кабота, он послал своего подданного Гаспара Кор-тереала продолжить обследование севера Нового Света. Кортереал переплыл Атлантический океан по следам Кабота, но пристал к берегам Америки значительно севернее и начал изучать весьма расчлененное побережье современного Лабрадора. Кортереал был португалец, а Португалия в ту пору богатела на работорговле, поэтому он захватил с собой несколько десятков индейцев, намереваясь продать их в Лиссабоне в рабство. Из них только семеро выдержали плавание, и Кортереал действительно с выгодой продал их. Лабрадорские индейцы (особенно предшественники нынешних наскапи) были признаны весьма трудоспособным «материалом». Так, сами того не желая, они соответственным образом окрестили и свою родину: латинское слово «labor» (труд) навсегда осталось в названии Лабрадора.

Испанцы, если не упоминать знаменитой экспедиции Понсе де Леона, впервые появляются в Северной Америке приблизительно в

1524 году. Первая их экспедиция во главе с гаитянским (эспаньольским) энкомен-дьером Лукасом Васкесом де Айльон пристала у берегов нынешней Южной Каролины. Несмотря на оказанный им дружественный прием, испанцы захватили более сотни индейцев и отвезли их на Гаити, где этим несчастным пришлось работать в рудниках. Вслед за Айльоном в Северной Америке побывал наш старый знакомый Эрнандо де Сото (1539—1542). Экспедиция де Сото открыла дотоле неведомую обширную территорию юго-востока нынешних Соединенных Штатов с ее многочисленным индейским населением. Де Сото первый увидел также величайшую реку Северной Америки — Миссисипи. На берегах ее он и погиб, был убит оборонявшимися индейцами.

Самой прославленной из испанских экспедиций на север была экспедиция Коронадо. Мы имеем о ней подробные и точные сведения благодаря одному из ее участников — Педро де Кастеньядо, рассказ которого содержит ценные этнографические данные об индейцах пуэбло и других племенах североамериканского юго-запада. Экспедиция Коронадо, которую привлекли в эти места фантастические сообщения о «семи (серебряных) городах Сиболы» (в конечном счете оказалось, что это индейские пуэбло), а также сообщения о таинственной богатой «Кивире», впервые обследовала Аризону, Нью-Мексико, обширные территории в Канзасе и т. д. Итак, испанцы посетили юг Северной Америки. Португалец Кортереал и прежде всего венецианский мореплаватель на британской службе Кабот — ее северо-восточное побережье. А еще один венецианец, Джиованни Вераццано, пират на службе у французского короля, пристает к берегу нынешней Каролины и встречается с живущими здесь индейцами. Плавание Вераццано наводит французского короля на мысль приступить к исследованию всей Северной Америки. Задача эта была возложена на Жака Картье, который в 1534—1535 годах открывает реку Святого Лаврентия. Картье также исследует область, в которой ныне находится главный центр канадских французов — Квебек. Картье был первым белым, познакомившимся с жизнью канадских индейцев, в особенности гуронов. За экспедициями Картье последовали новые французские экспедиции, и прежде всего экспедиция де Роберваля. Первыми французскими поселенцами в Северной Америке стали гугеноты, искавшие в Новом Свете спасения от религиозных преследований.

Англичане вновь появляются на севере Америки уже в 80-х годах XVI века. Главная цель английских экспедиций — колонизация новых земель (экспедиции Фробишера, Гринвилля и другие). Но лишь в первом десятилетии XVII века попытки англичан создать поселения в Северной Америке увенчались успехом. Их центром становится Вирджиния. А с 1620 года, когда к американским берегам причаливает корабль «Майский цветок» («May-flower»), на борту которого находились переселенцы, покинувшие Англию по религиозным причинам (их было 101), началось настоящее заселение Северной Америки белыми. На ее восточном побережье европейцы основывают первые города. Так, голландцы менее чем за сумму в 200 нынешних крон покупают остров Манхаттан и основывают на нем маленькое поселение Новый Амстердам, превратившееся впоследствии в крупнейший город мира — Нью-Йорк. Как мы видим, европейское проникновение в Северную Америку во многом отличалось от завоевания Центральной и Южной Америки. Оно протекало значительно медленнее. Так что индейцы, особенно в центральных и западных областях Северной Америки, в XVI, а иногда еще в XVII и XVIII веках его не ощущали.

На обширной территории Северной Америки жило множество индейских племен. Однако больших и богатых государств, какие существовали в доколумбову эпоху в Центральной и Южной Америке, здесь так и не возникло. Дать полный этнографический обзор североамериканских индейцев на нескольких страницах невозможно. До сих пор нет ни одного исчерпывающего научного труда, где содержалось бы описание индейских племен всех трех частей Америки. В Соединенных Штатах группа ученых попробовала составить краткий этнографический обзор, характеризующий индейцев хотя бы одной из них. Получился труд в 5 тысяч страниц, или 7 объемистых томов! Поэтому в предшествующих главах мы даже не пытались дать полный перечень всех индейских племен Центральной и Южной Америки, а остановились лишь на некоторых, наиболее значительных. Воспользуемся тем же методом и теперь.

Североамериканских индейцев часто делят по принадлежности к языковым группам.

Основными языковыми группами Северной Америки можно считать: атапаскскую (или атабаскскую), племена которой живут сейчас преимущественно на северо-западе, главным образом в Канаде; алгонкинскую — вероятно наиболее многочисленную (восточная часть Северной Америки), и ирокезскую, в которую, кроме шести ирокезских народностей, входили также чироки, гуроны и другие племена. На юго-востоке нынешних США с представителями ирокезской языковой группы соседствовали племена, принадлежащие к мускогской языковой группе (например, чоктавы, чика-савы, флоридские семинолы и др.). На западе, в Орегоне, Вайоминге, Монтане и частично в Колорадо, Техасе и Нью-Мексико, жило множество племен шошонской языковой группы. Но самую известную языковую группу составляют 68 племен, говорящих на языках сиу — на языках, которые были родной речью большинства индейских племен, обитавших в американских прериях.

Индейцам североамериканских прерий, — индейцам, о которых написано столько книг, чаще всего весьма далеких от правды, мы и уделим в этой главе основное внимание. А затем посетим и другие значительные группы индейского населения Северной Америки (при этом мы разделяем их не по приведенному выше языковому признаку, а руководствуясь гораздо более рациональными и надежными критериями — местом расселения и прежде всего способом ведения хозяйства).

В начале XVI века, когда в Северной Америке появились первые европейцы, здесь насчитывалось примерно 400 индейских племен. Как ни странно, индейцы прерий, о которых мы будем больше всего говорить, в прериях тогда не жили! Беспредельные, необозримые степи были недоступны для пешего индейца. Индейцы жили только на крайнем востоке прерий, в современных

американских штатах Небраска, Северная и Южная Дакота, по течению больших рек, где можно было возделывать кукурузу и бобы. На всей остальной территории прерий (как показали доскональные археологические исследования) индейцев в ту пору не было. Лишь после того, как индейцы, жившие до XVI века за пределами прерий и добывавшие себе пропитание либо охотой (например, племена кайова, команчи), либо примитивным земледелием (чейенны на реке Ред-Ривер в Северной Дакоте), получили от белых первого коня, прерии распахнули перед ними свои просторы. Прерии! Родина мужественных индейцев... Что, в сущности, они собой представляли? Слово «прерия» французского происхождения, и означает оно «большая травянистая равнина».

Французское слово метко передает характер прерий. И действительно, эти бескрайние холмистые равнины были покрыты одним видом растительности, настоящей королевой прерий — так называемой «бизоньей травой». А бизонья трава была основной пищей бизоньих стад. Североамериканские прерии простираются между рекой Миссисипи на востоке и Скалистыми горами на западе. На севере прерии доходили до средней части нынешней Канады, а на юге — почти до Мексиканского залива. И это огромное пространство овладевший конем индеец заселил всего за несколько лет уже в послеколумбову эпоху. Только тогда и родился прерийный, или, как его еще называют, степной, индеец. Следовательно, культура прерийных индейцев является самой молодой индейской культурой Северной Америки. Какие индейские племена можно считать настоящими степными кочевниками? В первую очередь племена языковой группы сиу. Кстати, сиу — это сокращение от слова *pedowessiouh*, возникшего из исковерканного оджибвского *Nadowe-ls-lw*, что означало «змеи», «гады». Таким ругательным прозвищем оджибве окрестили воинственных индейцев прерий. К большой языковой семье сиу принадлежали в северной части прерий наряду с иными племенами манданы и хидатса, вороньи индейцы и асси-нобойны, затем айовы, миссури, ото, оседжи и особенно прославленные дакоты. Нужно иметь в виду, что ни одно индейское племя Северной Америки само себя «сиу» не называло. Те, кого европейцы наградили этим исковерканным французским наименованием, называли себя дакота — «союзники». Кроме племен, говорящих на сиу, в прериях жили и многие другие племена, принадлежащие к иным языковым группам, например чейенны, ацина, арапахо и три племени так называемых «черно-ногих» (сиксика, кайнахи и пиеган), относящиеся к алгонкинской языковой группе, знаменитые команчи — к языковой группе шошонов и т. д.

Вся жизнь прерийных индейцев была связана с двумя животными. Во-первых, с бизоном. Он давал им мясо, из которого они готовили также своего рода «консервы» (пеммикан). Из бизоньих шкур индейцы делали конусообразные палатки — типи, шили одежду и обувь.

Пока у индейцев не было лошадей, бизон был для них желанной, но весьма трудной добычей. На бизонов они охотились следующим образом: в середине лета строились большие загоны, куда загоняли бизонов, и уже там их убивали. Основным оружием индейцев доколумбовой эпохи был лук из рога или твердого дерева. Кроме того, прерийные индейцы пользовались на охоте длинными копьями с каменными наконечниками.

В 1541 году, когда в нынешнем восточном Арканзасе появилась первая испанская экспедиция — экспедиция де Сото, на индейцев самое большое впечатление произвели не столько удивительные белокожие люди, сколько лошади. Индейцы сразу поняли, как пригодились бы они для охоты на бизонов. И действительно, вскоре индейцы приобретают лошадей: либо покупают их, либо выменивают, либо похищают. Много лошадей вырвалось на свободу из испанских скотоводческих ферм и одичало в прериях. Их стали называть мустангами. Так в наш рассказ вступает второе животное — лошадь, оказавшая решающее влияние на жизнь и хозяйство индейцев. Лошадь — как сказали бы мы сейчас — неизмеримо повысила продуктивность охоты на бизонов. Индейцы настигали на лошадях стада бизонов, этих танков прерий. Окружали и убивали. В результате индейцы постепенно отказываются от своего прежнего образа жизни и становятся кочевниками. Когда в начале XIX столетия белые «открывают» прерийных индейцев, им принадлежат уже табуны лошадей в тысячи голов и все прерии. До появления лошадей индейцы при переездах имели только одного помощника — собаку. (По бокам собакам прикрепляли кожаные торока.) Теперь же перебираться с места на место стало гораздо проще. Индейцы еще не знали колеса и потому изобрели «волокушу». Это было очень простое приспособление: два шеста одинаковой длины связывались на одном конце и укреплялись на крупе лошади. Лошадь волокла этот открытый веер за собой. Обе стороны треугольника соединялись поперечной планкой, и на этот каркас натягивалась шкура. Так кочевали индейцы.

Уже при первой встрече степные индейцы поразили белых своим одеянием. Вся одежда мужчин и женщин изготовлялась из выделанных бизоньих шкур. Основным будничным одеянием мужчины была набедренная повязка и особые «гамашы» — ноговицы, закрывающие ноги выше щиколоток. Мужчины и женщины обувались в мокасины, богато украшенные иглами дикобраза. Ноговицы, соединенные с мокасинами, напоминали облегающие ногу высокие до пояса сапоги. Женщины носили длинные прямые одеяния из замши. Боевые рубахи, украшенные скальпами, носили только вожди и самые прославленные воины племени. В этот торжественный наряд входил и плащ, на котором часто изображались подвиги его владельца. Но самым великолепным украшением прерийных индейцев была налобная повязка с орлиными перьями. Каждое птичье перо в повязке означало какой-нибудь мужественный поступок носящего это украшение. Перья были по-разному окрашены и особым образом подрезаны. Каждый оттенок цвета, каждая зарубка имели свой строго определенный смысл. Так что в те времена налобные повязки были своего рода орденскими ленточками. Воины, кроме того, украшали себя ожерельями из когтей гризли. Индейцы прерий не были какой-то особо воинственной группой индейского населения. Свою первую оборонительную войну они начали только после того, как белые

вероломно нарушили все заключенные договоры и стали лишать индейцев последней принадлежавшей им земли. В межплеменных столкновениях индейцы прерий совершали неожиданные молниеносные нападения, причем не с целью убить врага, а для того, чтобы снять скальп, а позднее — похитить его лошадь и тем самым доказать свою храбрость. Основным орудием охоты и оружием индейцев прерий оставался лук, которому они отдавали предпочтение даже перед огнестрельным оружием. В бою прерийные индейцы защищали себя щитами из оленьей или бизоньей кожи.

Наименьшей общественной ячейкой у этих индейцев, как и всюду, был род. Индеец принадлежал либо к роду своей матери (например, у вороньих индейцев), либо к роду отца. Несколько родов составляли племя, во главе которого стоял «совет вождей», представлявший собой не столько исполнительную власть, сколько репрезентативный орган. Взрослые мужчины объединялись в особые «мужские» общества. Одно из них — чаще всего оно называлось «Собаки» — выполняло обязанности некой «племенной службы порядка».

Если вожди, как правило, не обладали сколько-нибудь значительной властью, то колдуны, шаманы пользовались большим уважением. Главной их обязанностью было общение с духами, которое позволяло им врачевать больных, руководить религиозными обрядами, предсказывать будущее, отвращать непогоду и т. д. Основными их «рабочими инструментами» были, как обычно, шаманский бубен и трещотка. Колдун готовится к своей «профессии» еще до того, как появляется на свет. Так, например, дакоты верят, что до рождения колдун живет на небесах среди громов, от коих и приобретает свои знания. Гром дает избраннику духов указание, когда, в какое время он должен стать шаманом.

На основании сна или видения колдуна определялось также, какие субстанции должны войти в «колдовскую связку» — «священный узел». «Колдовская связка», сопровождавшая прерийного индейца буквально всю жизнь, состояла из птичьей шкурки, цветных камешков, листьев табака и многих других, подчас весьма необычных предметов, за которыми шаман признавал волшебные свойства. Эти амулеты, спрятанные в кожаный мешочек, прерийный индеец постоянно носил при себе. Индейцы верили, что шаман является носителем той всеобъемлющей сверхъестественной магической силы, которая на языке хидатса называлась ксупа, у дакотов — ваконда. у племен алгонкинской языковой группы — манито ЕЛИ манидо. Из манито некоторые авторы «романов об индейцах» сделали верховного бога прерийных индейцев или какого-то «Великого духа». Никакого верховного бога индейцы, конечно, не знали и не призывали себе на помощь. Сообщения о нем в трудах первых европейцев, посетивших прерию, ошибочны и отражают монотеистические представления христианства. Прерийные индейцы почитали мать-землю, могучий гром и особенно солнце. Солнцу было посвящено и самое большое религиозное торжество прерийных индейцев — «танец солнца», для исполнения которого каждое лето собиралось все племя.

Упомянутая выше магическая сила (например, манито), по представлениям прерийных индейцев, могла находиться, в птице, рыбе, дереве, траве, цветке или былинке. Общение с этой таинственной силой могло осуществиться либо в полном уединении, либо во сне. Для такого общения нужно было очиститься телесно — индеец для этого долго купался и целую неделю постился — и духовно, что и достигалось полной отрешенностью от людей. Видения посещали прерийных индейцев чаще всего в пору полового созревания. В жизни индейца сны играли исключительную роль. Женщины, увидев во сне орнаменты, украшали ими типичные нарядные пояса. Юношам, будущим воинам прерий (например, у омаха), «божественный сон» часто предвещал изменение всей прежней жизни.

Так ЖИЛИ прерийные индейцы — между сном и явью. Однако прожили они так недолго. Собственно прерийная культура рождается — повторяем — только тогда, когда индейцы, жившие до тех пор лишь на окраинах бесконечных зеленых травянистых равнин, обретают лошадь, т. е. в начале восемнадцатого столетия. А уже к концу следующего века эта самая молодая из культур североамериканских индейцев умирает. Ее вытесняет совершенно новая культура — культура «белого человека». Но об этих горчайших годах истории прерийных индейцев мы расскажем позднее. ..

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ОТ АЛЯСКИ ДО ФЛОРИДЫ

Прерии — эти четыре миллиона квадратных километров земли между Миссисипи и Скалистыми горами — еще не вся Северная Америка. Прерийные индейцы, сиу или чейенны, тоже не единственные индейцы в Америке. Как весь юг и центр Америки, так и ее север, от холодной Аляски до солнечной Флориды, заселяли отдельные индейские группы. Мы различаем их по месту обитания и по образу жизни.

Начнем хотя бы с крайнего севера.

В первую очередь мы встретили бы здесь единственных американских туземцев, которые не являются индейцами, — американских эскимосов. Мы не будем говорить о них в нашей книге, поскольку она посвящена индейцам. Напомним только, что своим именем эскимосы обязаны индейцам — точнее сказать, оджибве; на языке оджибве это слово обозначает «поедатели невареного мяса».

По соседству с эскимосами, в северной Канаде, на весьма обширной территории американской субарктики, в краю бесконечных густых хвойных лесов и больших озер, образовавшихся здесь в конце ледникового периода, мы уже находили одну из больших групп индейцев Северной Америки — до недавнего времени состоявшую из охотничьих племен. Эти индейские племена американского севера принадлежат к двум большим языковым семьям — алгонкинской и атапаскской, причем атапаскские племена кочуют главным образом в западной половине этой широкой субарктической зоны между реками Юкон и Маккензи; алгонкинские же племена, пришедшие сюда раньше, населяют восточную половину этой области, земли, лежащие на восток и юго-восток от Гудзонова залива.

И те и другие, субарктические алгонкины и атапаски, занимались охотой. До прихода европейцев они вообще не были знакомы с земледелием. (Тяжелые климатические условия крайнего севера Америки не слишком благоприятны для развития земледелия.) Охотились они на североамериканского лося (карибу) и оленей. Жили в палатках, обычно сделанных из древесной коры. На одном месте они, как правило, оставались недолго. В каноэ из коры они плавали по большим рекам и канадским озерам. Зимой они

передвигались на санях (которые называются у них тобогган), влекомых собачьими упряжками, или на широких лыжах. Охотились с помощью лука и стрел. Гордостью северных индейцев были их искусные капканы. Помимо охоты на карибу и пушного зверя, они занимались рыболовством в бесчисленных реках и озерах своей холодной страны. Несмотря на неблагоприятные природные условия, некоторые племена американского севера и особенно родственные им племена, обитавшие на берегах Великих американских озер (например, чиппевайи), были довольно многочисленны. Чиппевайи одними из первых получили от европейских торговцев огнестрельное оружие. С его помощью они заставили своих индейских соседей — племена, известные под названием собачьи ребра и зайцы, — покинуть первоначальную родину и уйти далеко от нее. Теперь собачьи ребра живут на территории между Большим Невольничьим и Большим Медвежьим озерами. В области Невольничьего озера живут также отличные рыболовы и великолепные охотники на карибу — невольничьи индейцы. Их жилища, как и жилища большинства северных индейцев, — это конусообразные палатки из древесной коры. Шатер из шкур карибу мог позволить себе лишь особенно богатый индеец. Здесь живут еще также индейские племена — бобры, такулли и талтаны. Сходные естественные условия, в которых живут субарктические индейцы и эскимосы, способствовали тому, что некоторыми чертами своей жизни эти индейцы весьма напоминают эскимосов.

По своей культуре индейцам американской субарктики близки также племена, живущие на американско-канадской границе в области озер Верхнее, Мичиган, Гурон и других. Мы могли бы назвать их «рисовыми индейцами», поскольку важное место в их питании занимал рис. Не тот рис, который выращивается в Азии и носит ботаническое название *Oryza sativa*, а особый, водяной рис, по-латыни *Zizania aquatica*. При этом индейцы его не сажали, а только собирали. Ежегодно на мелях здешних озер всходил богатый урожай водяного риса. В определенное вождем время (большей частью в начале сентября) мужчины садились — всегда по двое — в свои челны, выплывали на озеро, с верхом наполняли лодку водяным рисом, а потом на берегу члены их семей перекладывали собранный урожай в мешки.

Дикорастущий водяной рис играл, таким образом, в хозяйстве индейцев Великих озер такую же значительную роль, какую в жизни земледельческих племен играл маис. Урожай всегда бывал настолько богат, что даже позволял отдельным племенам «экспортировать» часть собранного риса, то есть обменивать его у соседних индейцев на другие продукты. Богатые урожаи с рисовых озер собирали многие племена, прежде всего меномины. Само имя этого племени происходит от алгонкинского названия водяного риса (маномин). Сиу, некогда тоже обитавшие у рисовых озер, вложили свое обозначение водяного риса (син) в несколько местных названий (например, в название здешнего штата Висконсин). Культуру алгонкинских племен области Великих озер изучали выдающиеся американисты из Германской Демократической Республики профессор Юлиус Липе и его жена профессор Эва Липе. Говорящие на алгонкинских языках племена проникли и дальше на восток, за Великие озера, достигнув океанского побережья. Упомянем из них хотя бы канадских рыболовов микмаков, обитающих на побережье Атлантики, в Новой Шотландии.

На противоположном, тихоокеанском побережье Северной Америки, на северо-западе нынешних США, в канадской провинции Британская Колумбия и на юго-западе Аляски жила и поныне живет третья основная индейская группа Северной Америки, которую просто назовем северо-западными индейцами. Они населяли отличающееся особой северной красотой тихоокеанское побережье Аляски, Канады и США, его бесчисленные острова и островки, берега его фьордов и морских проливов. На фоне этих великолепных природных декораций жили и живут более пятидесяти различных индейских племен. На севере — на юго-западной Аляске — главным образом индейцы из племени тлинкиты, в Британской Колумбии — бела кула, цимшиян и особенно — лучшие в Америке резчики по дереву — индейцы хайда, населяющие острова Королевы Шарлотты. Затем мы встречаем тут охотников за китами — племя нутка, а на юге, на границе американских штатов Вашингтон и Орегон, наделенное недюжинными коммерческими способностями племя чинук, которое первым начало обмен товаров с белыми, довольно часто и довольно давно приплывавшими сюда на своих больших кораблях.

Пятьдесят северо-западных племен не связаны между собой языковой общностью. Эти племена принадлежат к нескольким различным языковым группам. Так, например, индейцы хайда и тлинкиты относятся к атапаскскому языковому семейству. Общим для всех этих племен является основной источник пропитания — рыболовство. Особенно рыболовство в открытом море. Из всех индейцев трех Америк — Северной, Центральной и Южной — северо-западные индейцы связаны с морем наиболее тесно. Они ловили треску, камбалу и выше всего ценимую ими рыбу — лосося. Ловили его как сетями, так и вершами. Кроме того, северо-западные индейцы охотились на морских выдр, тюленей и даже на китов, отправляясь за ними в больших лодках. Недостаток растительной пищи они возмещали собиранием водорослей, ягод, корнеплодов. Земледелие, за исключением возделывания табака (да и то в самых незначительных масштабах), было им неизвестно. Кроме моря и рек, у этих индейцев было еще одно богатство — леса. Эти индейцы умели прекрасно обрабатывать дерево. Они не только строили деревянные дома (подчас огромные — например, близ нынешнего американского города Сиэтл еще в 1855 году стоял дом индейцев селиши длиной 160 метров!) и лодки (также часто очень большие — например, в китобойных челнах могло разместиться до 60 человек и достигали они 15—22 метров в длину!), но и вырезали из дерева обрядовые маски и другие ритуальные предметы, в том числе тотемные столбы, родина которых именно здесь. На многих сотнях украшенных резьбой столбах, которые северо-западные индейцы вкапывали в землю перед домами, они изображали своих «тотемных предков» — воронов, орлов, китов и усопших вождей. Индейцы северо-запада прославились и своими тканями. Сырьем им служила собачья шерсть (на юге) или шерсть горных

коз (на севере). Самым известным изделием тлинкитских и квакиютльских ткачих являются накидки — так называемые чилкаты. Образцы рисунка делали для индианок их мужья. Женщины только переносили эти рисунки на ткань. На этих накидках, как правило, тоже изображались тотемные животные.

Накидками-чилкатами и тотемными столбами северо-западные индейцы поставили вечный памятник не только своему оригинальному искусству, но и общественному строю. Напомним, что северо-западные индейцы были богаче подавляющего большинства других индейских групп Северной Америки. Но богатство это уже не принадлежало всем. Впервые в Северной Америке здесь появляется частный владелец, чье имущество наследуют лишь его собственные потомки, а не племя в целом. Так постепенно образуется наследственная знать — вожди и шаманы. В среде этой родовой верхушки браки заключаются уже только между знатыми. Богатство ведет к возникновению обмена. У северо-западных индейцев он широко развит. Изобретаются даже «деньги» (средством платежа становятся пластинки из чистой меди). Наконец, еще одной характерной чертой уже разлагающегося родового общества, которую отметили первые белые, посетившие эти места, было существование первобытного рабства. Раб как практически бесправная рабочая сила очень ценился. Часто его продавали или обменивали на другие ценные предметы. Ради приобретения рабов велись войны, и очень кровавые, хотя главной целью было не убить неприятеля, а захватить его и превратить в раба. Войны велись не между племенами, а между отдельными деревнями. Поскольку нападение часто осуществлялось с моря, северо-западные индейцы строили свои деревни на высоких, неприступных утесах. Основным оружием были лук, стрелы и деревянное копье с медным наконечником. Голову прикрывал деревянный шлем. Иногда деревянные доспехи защищали и другие части тела.

Продвинемся южнее. Здесь мы найдем отличную от северо-западных индейцев самостоятельную группу населения. Назовем ее калифорнийскими индейцами. Эти же «калифорнийцы» живут и в северо-американском штате Орегон и даже на северо-западе Мексики. Группу эту составляет множество численно небольших индейских племен. Калифорнийские индейцы принадлежали и сейчас принадлежат к наименее развитой части североамериканского аборигенного населения. В настоящее время они вымирают.

Для американистов Калифорния — некий Дагестан Северной Америки. Здесь рядом действительно живут более пяти десятков различных племен, относящихся ко множеству языковых семейств. За исключением нескольких самых южных племен, ни одна из групп калифорнийцев не знала земледелия. В большинстве своем они были собирателями. Во время длинного и жаркого калифорнийского лета они собирали каштаны, орешки пинии, коренья, разные лесные плоды, дикий овес. Охота имела для этих индейцев гораздо меньшее значение. Охотились они главным образом на оленей с помощью лука, а на острове Св. Варвары — особым копьем. В других местах они охотились на кроликов, загоняя их в ограды из сетей. На побережье океана калифорнийцы собирали моллюсков, разумеется, ловили и рыбу.

Однако основным продуктом питания для большинства калифорнийских племен служил обыкновенный желудь. Правда, если мы надкусим желудь, из-за высокого содержания танина он покажется нам неприятно горьким. Совершенно несъедобным. Но калифорнийские индейцы научились избавляться от этих нежелательных семи процентов танина, вываривая желуди в кипятке. Остальные же 93% желудевой массы содержат ценные питательные вещества, заменяющие калифорнийским индейцам сахар, растительное масло, жиры и яйца! Из высушенных желудей они приготавливали муку, из которой в течение всего года пекли свою основную еду — желудевые лепешки. Желудю принадлежала та же роль, какую в культуре индейцев Великих озер играл водяной рис. Если жителей области Великих озер мы называли «рисовыми индейцами», то с тем же правом коренных обитателей Калифорнии мы можем назвать «желудевыми индейцами».

О желудях и увеличении их урожаев они нисколько не заботились (так же как индейцы Великих озер не заботились о водяном рисе), а только в период созревания желудей собирали их: индейцы-мужчины сбивали желуди большими палками, затем женщины складывали их в большие, красиво сплетенные корзины, уносили в свои деревни, сушили и перерабатывали в муку. Классическая область собирателей желудей — центральная Калифорния, бассейны рек Сан-Хоакин и Сакраменто. К ним принадлежало, например, многочисленное племя помо.

Если индейцы центральной и южной Калифорнии жили за счет сбора желудей, то жители северной Калифорнии и Орегона, относящиеся к племенам кламат и модок, собирали семена желтых лилий, из которых тоже приготавливали муку. Сбор лилий, которым в этих племенах занимались женщины, проводился прямо с лодок.

В доколумбову эпоху калифорнийские индейцы жили по преимуществу в землянках. Также проста была и их одежда. До соприкосновения с первыми белыми Мужчины многих здешних племен ходили совершенно нагие, другие носили короткую набедренную повязку из оленьей кожи. Такой же повязкой удовлетворялись и женщины. Еду эти индейцы тоже варили чрезвычайно просто. Кашу и супы они согревали в водонепроницаемых корзинах, опуская в них раскаленные камни. И раз уж речь зашла о корзинах, необходимо напомнить, что эти, в остальном довольно примитивные, индейцы — лучшие во всей Америке корзины, а изделия индейцев из племени помо считаются особо ценными сувенирами. Значительного расцвета — видимо, под влиянием восточных и южных соседей — достигло здесь гончарное дело. Калифорнийские индейцы обрабатывали также камень, растительные волокна, птичьи перья и особенно морские раковины, которые были в Калифорнии общепринятым платежным средством.

Калифорнийцы относятся к числу тех индейцев Северной Америки, которые наиболее пострадали от проникновения белого человека. Поскольку жили они на побережье или неподалеку от него, то с европейцами познакомились значительно раньше других племен американского Запада. Формально Калифорния в колониальную эпоху принадлежала Испании, однако главную роль здесь играли миссионеры, сначала иезуиты, а затем францисканцы. Последние основали в Калифорнии ряд постоянных миссий, в подчинении которых находились десятки тысяч индейцев, живших как полуневольники и трудившихся на плантациях апельсинов и финиковых пальм.

Вслед за испанцами и мексиканцами в стране «желудевых индейцев» появились американцы, которые приобрели Калифорнию по знаменитому договору, заключенному в Гваделупе-Идальго. Почти в то же самое время, когда Калифорния стала частью Соединенных Штатов, швейцарец Иоганнес Зуттер, один из первых белых калифорнийских поселенцев, находит на своем земельном участке золото. Мгновенно вспыхнувшая «золотая лихорадка» прежде всего принесла несчастье этому «человеку, которому улыбнулось счастье». (Дом его золотоискатели подожгли, сына застрелили, другой сын предпочел застрелиться сам, дочь сошла с ума, а позже потерял разум и сам первооткрыватель калифорнийского золота Иоганнес Зуттер.) И точно так же волна золотоискателей смывает с поверхности Калифорнии одно индейское племя за другим. Сейчас пережившие все это калифорнийские индейцы разбросаны по 116 резервациям. Причем самая маленькая занимает 2 акра, то есть примерно один гектар! А поскольку миссионеры и золотоискатели опередили ученых, мы знаем о прошлом калифорнийских индейцев относительно немного. Особенно скудны наши сведения о социальной организации и религиозных представлениях калифорнийских индейцев в тот период, когда здесь впервые появился белый человек.

С Калифорнией соседствует американский штат Аризона, а с Аризоной — штат Нью-Мексико. Оба штата населяют так называемые юго-западные индейцы. На этой географически единой территории живут две в культурном отношении значительно отличающиеся друг от друга индейские группы. В первую входит прежде всего племя навахов. ныне самая многочисленная, стотысячная индейская народность США, живущая более или менее изолированно в самой крупной из современных индейских резерваций. Их соседи — апачи — близкие родственники навахов. Еще в XII веке эти атапаскоязычные племена жили в северо-западной части нынешней Канады. Под напором все новых волн переселенцев они отступали и были оттеснены на несколько тысяч километров к югу. Об апачах и навахах мы будем говорить позднее. О другой индейской группе, обитающей на юго-западе, — об индейцах пуэбло — мы уже говорили во вступительных разделах книги.

Итак, мы прошли Северную Америку от субполярных тундр до знойного Нью-Мексико. Из четырех сторон света в индейской Северной Америке нам остается, собственно, только одна — восток, который первые белые, естественно, узнали раньше всего и где в период их появления жил ряд индейских племен, в том числе ирокезы (о них мы будем говорить особо).

Но прежде о других обитателях востока современных Соединенных Штатов... В пору прихода первых европейцев это были, так же как в Канаде, главным образом различные племена алгонкинской языковой группы — пеннобспоты, иллинойс, Майами, пикапу, отличавшиеся во время восстания Текумсе, и, наконец, наши добрые знакомые — могикине, известнейший вождь которых Ункас стал героем многих «романов об индейцах». Даже беглое перечисление показывает, что алгонкинские племена всегда играли видную роль в истории северо-восточной части Североамериканского континента. Ведь и до сих пор названия алгонкинских племен и другие, алгонкинские наименования носят десятки городов и даже штатов США, начиная с Манхэттана в Нью-Йорке и кончая известнейшим курортом западного полушария — городом Майами во Флориде. Из алгонкинских языков взяты также названия Чикаго, Миссисипи, Миссури и т. д. Алгонкинского происхождения и большинство индейских слов, которые люди обычно знают, начиная с томагавка и кончая вампумом, вигвамом, скво, мокасинами, тобогганом и т. п.

Из алгонкинских племен американского востока, живущих южнее ирокезов, особого внимания заслуживают делавары. Они были одним из первых североамериканских индейских племен, с которыми белые вошли в соприкосновение; как раз с ними в 1682 году заключил «договор» знаменитый Пени, имя которого сейчас носит американский штат Пенсильвания. Алгонкинские делавары принадлежали также к числу первых североамериканских индейских племен, которые еще до прихода белых создали собственную систему письма. Письмо это было пиктографическим. Из делаварских литературных произведений выделяется «Валам Олум» («Красная записка»), содержащая изложение основных алгонкинских легенд от сотворения мира и потопа (с рассказом о нем мы встречаемся у множества индейских племен всех Америк) до прихода индейцев к реке Делавар. Хроника записана 184 знаками на древесной коре. Вероятно, она должна была служить неким «конспектом» для выступления.

Наряду с делаварами (сами себя они называли лени ленапе. буквально — «настоящие люди») важнейшую роль в послеколумбов период истории алгонкинских племен этой части востока Северной Америки играли члены так называемой Конфедерации

Повхатана, объединявшей в XVI и XVII веках алгонкинские племена нынешней Вирджинии. Американисты назвали эту конфедерацию именем верховного вождя союза вирджинских племен Повхатана, в годы правления которого впервые налаживаются широкие сношения между алгонкинскими индейцами Вирджинии и британскими поселенцами. Конфедерация Повхатана была тогда настолько сильной, что англичане вынуждены были сами, по собственной инициативе признать (случай в истории колониальной Америки совершенно исключительный) право Повхатана на владение Вирджинией и в качестве символа признания даже прислали ему из Лондона королевскую корону. Позднее Лондон принимал дочь Повхатана — прекрасную Покахонтас, которую индейский правитель выдал за британского дворянина. Очаровательная «принцесса» Покахонтас вызвала восхищение в светских кругах Лондона. Английские художники писали ее портреты. Через несколько лет индейская принцесса заболела туберкулезом и умерла. Со смертью прекрасной Покахонтас окончилось перемирие между вирджинскими алгонкинскими племенами и англичанами. Воины конфедерации, руководимые теперь новым правителем — Опеканканухом, участвовали во многих битвах, но в конечном счете союз алгонкинских племен был побежден, и Конфедерация Повхатана распалась. В борьбе против колонизаторов отличилось еще одно алгонкинское племя, населяющее эту часть нынешних Соединенных Штатов, — шауни. Из племени шауни вышел и прославленный вождь Текумсе, вероятно, самый выдающийся герой освободительной борьбы североамериканских индейцев.

На юго-востоке, у берегов Мексиканского залива, и в глубине континента, главным образом по нижнему течению реки Миссисипи, мы находим важную группу индейских племен, которую американисты иногда обозначают термином — юго-восточные индейцы. С этими племенами, принадлежавшими преимущественно к мускогской языковой группе (племена крик, чоктав, чикасав и другие), встретились впервые французы и англичане, посетившие американский юго-восток. Внимание первых европейцев они привлекли не случайно. Пропитание юго-восточным индейцам доставляли хорошо возделанные поля, на которых они выращивали кукурузу бобы, тыкву и табак. Они собирали грибы и каштаны, особенно любили черепахи и птичьи яйца. Жили они в больших, прекрасно построенных деревнях, окруженных оградой (первые европейцы часто именовали их городами). В центре такого «города» (состоявшего из нескольких десятков так называемых «длинных домов») была площадь, где размещались «ратуша» и еще три «административных здания». Эта центральная площадь, «своего рода индейская «агора», играла значительную роль в жизни «города» юго-восточных индейцев. Здесь происходили все важные совещания, совершались публичные религиозные обряды, и прежде всего ритуальное празднество, носившее название «Танец зеленой кукурузы» и длившееся четверо, а иногда даже восемь суток. Хотя основной единицей общественной организации у юго-восточных индейцев, как правило, являлась отдельная деревня, уже в историческую эпоху они создают союзы племен, конфедерации, из которых самой значительной была так называемая Крикская конфедерация, возникшая в середине XVIII столетия. До изгнания криков за Миссисипи она объединяла 50 «городов», обитатели которых говорили на шести различных языках.

С культурой юго-восточных индейцев американисты знакомы лишь в самых общих чертах. Дело в том, что до XVII века этих индейцев пытались истребить французы и англичане, а когда образовались Соединенные Штаты все мускогские племена были согнаны со своей территории и переселены далеко на запад. Напомним также, что, кроме земледельческих племен мускогской языковой группы, первые белые, появившиеся на юго-востоке обнаружили иные, отличавшиеся в языковом отношении племена, например племя тимуква во Флориде, читимача в современной Луизиане и другие. Можно предположить, что индейцы этих племен-потомки коренного индейского населения юго-востока, которое было пооеждено мус-когским пришельцами. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что все мускогские племена юго-востока в своих преданиях единодушно рассказывают о том, что некогда они покинули свою древнюю родину на северо-западе, за великой рекой, и после долгих странствий добрались до ЮГ°На°Сюго-востоке первые (французские) путешественники обнаружили одну из удивительнейших индейских групп Северной Америки. Рослые, полные достоинства натчи резко отличались от остальных индейцев Северной Америки. Первым европейцам натчи казались особенно красивыми. В них видели воплощение античного идеала красоты, перенесенное в Новый Свет. Натчи действительно заботились о своем внешнем виде, о гармоническом развитии тела. Головы младенцев искусно деформировали, следили за прическами и т. д.

Жители натчийских городов жили в красивых домах четырехугольной формы. По соседству с городами располагались тщательно возделанные поля этих замечательных земледельцев. Над каждым городом возвышались два искусственных земляных кургана, которые американисты называют маундами. На первом из них находилось главное городское святилище, где поддерживался священный вечный огонь, на другом — роскошное жилище «Большого солнца». Это был властитель натчей, поклонение ему, его исключительные права — все это особенно заинтересовало еще первых французских поселенцев. Ни у одной другой группы, ни у одного другого племени североамериканских индейцев мы не встретим подобных «королей» или «властителей». Большое солнце куда более напоминает нам инку южноамериканского Тауантинсуу. По представлениям натчей, их верховный владыка был кровным братом Солнца. А потому каждый день перед рассветом правитель выходил из роскошного дома на кургане, чтобы указать своему божественному брату путь, которым ему следует шествовать по небу, с востока на запад. Однако Большое солнце, собственно, и сам был для индейцев богом. Его культ поддерживали жрецы. Здесь уже настоящие жрецы, а не колдуны и не шаманы. После смерти Большое солнце возвращался на небеса, чтобы и оттуда заботиться о благополучии своего народа. И все

же смерть каждого Большого солнца была подлинной «национальной трагедией». Многие индейские мужчины убивали своих жен и детей, а часто и самих себя, чтобы сопровождать Большое солнце на пути в загробный мир и служить ему там, как на земле. И наоборот — если у правящего Большого солнца рождался наследник, все натчи принимались искать среди своих детей младенцев того же возраста, чтобы те, когда вырастут, могли служить своему высокопочтительному сверстнику. При жизни Большое солнце руководил всей деятельностью натчей. Он — а уже не племенной совет — издавал законы и был, собственно, владельцем всего движимого и недвижимого имущества натчей, господином над их жизнью и смертью. Правда, ему помогал некий совещательный орган, составленный из местных вождей. Кроме того, Большое солнце назначал всех главных предводителей племени: двух военачальников, двух послов, которые по повелению Большого солнца объявляли войны и заключали мир, четырех устроителей празднеств и, наконец, двух своего рода «министров общественных работ».

Правитель натчей отличался от остальных высокопоставленных лиц настоящей «королевской короной». Она была сделана из красивейших перьев лучших лебедей. Своих подданных Большое солнце принимал, возлежав на ложе, застланном оленьими шкурами, и утопая в подушках из птичьего пуха. Помимо владычествующего Большого солнца, в стране натчей этот титул носили еще сыновья его сестры (натчи называли ее Уачил тамаил — Солнечная женщина). Остальные члены королевского рода именовались Малыми солнцами... Наконец, у натчей существовали еще две социальные группы — средняя и низшая знать. По другую сторону общественного барьера стояли обыкновенные члены племени натчей. Господа называли их «мичмичгупи», буквально — «смердящие». По сравнению со знатью мичмичгупи находились в незавидном положении. Например, не только Большое солнце, но любой из группы Малых солнц мог вынести всякому «смердящему» не подлежащий обжалованию смертный приговор, который немедленно приводился в исполнение, даже если несчастный осужденный был совершенно невиновен. Это распространялось и на собственных жен или мужей «солнц» за исключением тех случаев, когда сами эти женщины принадлежали к священному роду.

Такое резкое социальное расслоение — вещь абсолютно исключительная для индейских обществ доколумбовой Северной Америки. Поэтому мы и говорили о натчах столь пространно. И по той же причине мы вынуждены задать вопрос, какого происхождения этой строгой социальной иерархии, почему, насколько нам известно, во всей Северной Америке она существовала только у натчей, а главное — не находилась ли первоначальная родина этих господствующих групп натчей где-либо в другом месте, например в Месоамерике?

Многого мы, однако, уже никогда не узнаем, поскольку в первой четверти восемнадцатого века в результате трех так называемых натчиских войн французы полностью истребили это племя. Но все же можно высказать предположение: вероятно, натчи унаследовали традиции загадочных «строителей маундов», прежде всего носителей знаменитой миссисипской культуры 1. Впрочем, с восемнадцатого столетия «маунды» натчей, на которых стояли дворцы Большого солнца и святилища вечного огня, принадлежат прошлому так же, как маунды миссисипской культуры.

Следующее, самое многочисленное юго-восточное племя пережило столь неблагоприятные для индейцев восемнадцатое и девятнадцатое столетия. Ни европейцам, ни белым американцам так и не удалось его полностью уничтожить. Об этих индейцах из племени чироки и об их судьбах мы будем, однако, говорить особо. Сейчас лишь напомним, что первоначально чироки населяли нынешнюю Вирджинию, обе Каролины, Джорджию, восточный Теннесси и северную Алабаму и принадлежали к ирокезской языковой группе.

Но раньше мы заглянем к двоюродным братьям чироков — «собственно» ирокезам, достойным нашего внимания не только как одна из самых значительных групп индейских племен, обитающих на востоке Северной Америки, но и как индейская группа, на примере которой видный этнограф, крупнейший исследователь общественного строя индейцев Льюис Генри Морган показал историю развития общественных отношений в первобытном обществе. Вот почему и для нас, для нашей книги ирокезы явятся примером общественной организации североамериканских индейцев.

Прежде всего несколько слов о Л. Г. Моргане — этом классике мировой американистики, о котором Энгельс писал, что он «повсвоему вновь открыл материалистическое понимание истории...»¹ и что труд его «имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии...»² Морган родился 21 ноября 1818 года в штате Нью-Йорк (деревня Орора округа Кейюга). Еще в колледже он начал писать. Он основал даже какой-то клуб с весьма таинственным названием «Гордиев узел», где читал первые свои литературные опыты, которые посылал и в нью-йоркский «Никербокер». Был у него и литературный псевдоним — Аквариус.

Когда Моргану исполнился 21 год, в его жизни произошла важная перемена. Молодой Льюис Генри уезжает в Рочестер; здесь он изучает право и с 1844 года занимается адвокатской практикой. Так же как Сти-венса и многих других юристов, имена которых позднее вошли в историю американистики, Моргана больше, чем параграфы законов, интересовали индейцы. Интерес к индейцам пробудил в нем ирокезский студент Э. Паркер. Рассказы Паркера открыли перед Морганом совершенно новый мир. Мир индейского племени сенека. Мир ирокезской федерации. Мир славного боевого прошлого ирокезов. И притом мир, находившийся слишком близко, чтобы быть сказкой. Морган отказывается от поэтических амбиций, изменяет характер своего клуба, и таинственный «Гордиев узел» превращается в общество с недвусмысленным названием «Орден ирокезов». (По мысли Моргана, орден должен был заниматься изучением социальной организации и культуры ирокезов, а также выступать в их защиту и т. п.)

Морган, которому тогда не было еще и 23 лет, пользуясь любой свободной минутой, любой возможностью, чтобы побывать в индейских резервациях (как и сейчас, ирокезы жили тогда и в самом штате Нью-Йорк), начинает публиковать свои первые короткие американистские сообщения.

Индейцы даже на отведенной им территории — в резервациях — не были защищены от всевозможных посягательств капиталистических хищников. Для этого достаточно было этим хищникам обнаружить на земле индейцев что-либо представлявшее для них интерес, например качественную древесину, нефть или уголь. Так, в 1847 году некая маклерская компания, позарившись на сельскохозяйственные угодья индейцев, пыталась присвоить земли резервации Тонаванда, принадлежавшие племени сенека. Морган решительно вмешался. Как адвокат, он мог обращаться в самые высшие инстанции. В итоге земля была возвращена племени. Так Морган стал «человеком сенека». Племя даже усыновило его. Он был принят в род Ястреба и получил ирокезское имя Та—Ya—Da—C—Wu—Ku («Тот, который объединяет», то есть объединяет индейцев с белыми).

Как «сын племени», Морган получил возможность заняться своими исследованиями более основательно. В 1851 году Морган издает свое первое исследование — «Лигу ирокезов». Но внимание Моргана привлекла другая особенность жизненного уклада ирокезов — он установил, что многие родственники именуются у них иначе, чем у белых. Позднее он нашел соответствия этому удивительному открытию и у других индейских племен Америки. Это, бесспорно, важное обстоятельство заинтересовало его настолько, что в сотрудничестве с государственным департаментом он направил всем дипломатическим представителям США за границей обширный вопросник, чтобы выяснить, как те или иные родственные отношения обозначаются в терминологии различных народов мира. Результаты изучения всего этого материала он обнаружил в объемистой и весьма важной книге «Система родства и свойства» (1870).

Через семь лет после издания «Системы» выходит основной труд Моргана — «Древнее общество». В этой фундаментальной работе он предлагает собственную периодизацию истории первобытного общества на основе уровня его экономического развития. Морган делит древнейшую историю человеческого общества на две эпохи — эпоху дикости и эпоху варварства, в каждой из которых различает в свою очередь три периода. Большое внимание он уделяет роду, прежде всего ирокезскому, изучает историю семьи и брака и т. д.

Свою научную деятельность Морган завершил публикацией монографии «Дома и домашняя жизнь- американских туземцев». Толчок к ее написанию опять-таки дали наблюдения ученого над ирокезами. В год издания этого труда, за неделю до сочельника 1881 года, Морган умер. Умер великий человек, но не умерло его великое научное наследие.

В доколумбову эпоху ирокезы жили на территории ряда нынешних штатов США — в Пенсильвании, Огайо и в штате Нью-Йорк, вокруг Великих озер — Онтарио и Эри — и по берегам реки Святого Лаврентия. Они были оседлыми земледельцами, выращивали кукурузу, табак, бобовые, тыкву, подсолнечник, занимались также рыболовством и охотой. Охотились ирокезы на оленей, лосей, выдр и бобров. Из звериных шкур (главным образом из оленьих) они шили себе одежду. Они были знакомы с обработкой меди, которая шла на изготовление ножей. Гончарный круг им был неизвестен. Тем не менее ирокезское гончарное искусство можно назвать развитым. Жили ирокезы в деревнях, окруженных палисадниками. Деревню составляло несколько десятков так называемых «длинных

домов». Домохозяйство было основной единицей социальной организации ирокезов. В помещениях этих домов (в каждом из таких помещений был свой очаг) жили отдельные семьи.

Наивысшей формой общественной организации был Союз (Лига) ирокезов — конфедерация пяти ирокезских племен: онондага, кайюга, могауки, онейда и сенека. Идея создания конфедерации «великого мира», как часто называли эту Лигу, приписывается ирокезскому пророку Дагеноведе. Примерно в 1570 году идею его претворил в жизнь вождь онондагос Гайавата, чье имя прославил великий друг индейцев поэт Лонгфелло. Хотя своей поэмой Лонгфелло очень много сделал для североамериканских индейцев, мы не можем умолчать о том, что его «Гайавата» — это фикция, не имеющая ничего общего с ирокезами. Самого Лонгфелло написание поэмы вдохновили легенды алгонкинов. Конфедерация пяти племен уже до прихода первых европейцев была сильнейшим индейским союзом. И если бы белые не помешали ее усилению, то через несколько поколений она, несомненно, овладела бы значительной частью территории Северной Америки. Целью конфедерации было достижение Ne—Sken—Nop («великого мира»). Доступ в эту «индейскую Лигу наций» был открыт всем племенам. В 1722 году такой возможностью воспользовалось одно из племен ирокезской языковой группы, жившее тогда южнее — в Северной Каролине, племя тускарора. Оставив родные места, тускарора переселились на территорию Лиги. С этого времени Лига стала союзом шести племен. К конфедерации присоединились и другие индейские племена востока Северной Америки. Племена, не приобщившиеся к Лиге, платили ей дань. Некоторые племена выступали против засилья ирокезской конфедерации. В первую очередь воинственные гуроны, близкие по языку ирокезам. Но могучий союз «шести народов» сокрушил сильное племя гуронов.

Как было организовано это наиболее значительное объединение индейцев Северной Америки? Каждое племя в рамках конфедерации было независимым. Конфедерацией руководил совет Лиги из 50 сэчемов — представителей, своего рода депутатов всех племен Лиги. Никакого верховного и тем более наследственного властителя у нее не существовало, но было два равноправных военачальника. В совете Лиги все важнейшие вопросы решались на основе единогласия. Каждый из «шести народов»

конфедерации обладал правом вето.

Наименьшей общественной единицей ирокезов была овачира, члены которой — обитатели одного «длинного дома» — вели свое происхождение от одной прародительницы. Женщины играли в жизни «длинного дома» более важную роль, чем мужчины. Во главе каждой овачеры стояла старшая из женщин. Она же избирала среди мужчин «длинного дома» нового сэчема, когда умирал прежний. Перед тем как огласить свое решение, «матрона» сообщала о нем женщинам овачеры. И после того как ее выбор был одобрен всеми женщинами, объявлялось имя нового сэчема. Но лишь после вручения оленьих рогов, символа власти, новый сэчем официально вступал в свою «должность». Большая роль женщин в ирокезском обществе объяснялась также тем, что поля обрабатывались почти без участия мужчин. Мужчины охотились, ловили рыбу и, главное — совершенствовались в искусстве владения оружием.

Несколько овачир составляли ирокезский род. В племя входило от трех до восьми родов. Несколько родов одного племени объединялись в фратрию. Роды одной фратрии назывались братскими, роды разных фратрий одного и того же племени считались состоящими в двоюродном родстве. Брак между членами рода и фратрии был строжайше запрещен.

У каждого рода было свое имя, полученное от тотемного животного (например, в племени тускарора было восемь родов: Серый волк, Медведь, Большая черепаха, Бобр, Желтый волк, Кулик, Угорь, Маленькая черепаха). Эти восемь родов, соединенные в две фратрии, образовывали племя. И такая схема общественной организации: овачира — род — фратрия — племя, была когда-то характерна для почти всех индейцев Америки. Но лишь несколько племен создало, подобно ирокезам, конфедерацию.

Итак, мы закончили наш чрезвычайно краткий и неполный перечень нескольких сотен индейских племен Северной Америки рассказом об ирокезах. И не только потому, что ирокезы были, безусловно, наиболее значительной индейской группой Северной Америки (и вместе с тем одной из самых многочисленных), но и потому, что, хотя эта книга не посвящена одной лишь общественной организации индейцев, нам все же хотелось уделить ей несколько слов, и мы решили продемонстрировать ее на самом ярком примере.

И[^] все же мы еще не ставим точку. В заключение нашего рассказа об индейцах Северной Америки отправимся к моравским индейцам! Моравские индейцы? Кто о них что-нибудь слышал? Но, как ни странно, в перечне индейских групп, доньяне живущих в Северной Америке, мы найдем индейцев, которые сами себя называют мораванами! Это индейцы, принявшие учение моравских братьев — церкви, которую основали потомки моравских последователей Гуса и Коменского. Центром этих пришедших из Моравии эмигрантов стал город Герензуг (по-чешски — Охранов) в Саксонии. А из Охранова — своего рода Рима моравских братьев — во многие страны мира отправлялись миссионеры. Впервые моравские братья пришли к индейцам Северной Америки в 1740 году, в мозиканскую деревню Шекомекко (в нынешнем штате Нью-Йорк). Позднее они были отсюда изгнаны и переселились с обращенными в их веру индейцами в Пенсильванию. Однако хозяйственные успехи моравских индейцев раздражали белых колонистов, и те снова изгнали «мораван». Так, моравским индейцам пришлось переселяться несколько раз, пока наконец в 1791 году они не осели за границей США, на канадской реке Бетрени, где создали свою «моравскую» деревню. Но и тут их хозяйственные успехи не давали покоя белым соседям, и в 1812 году на деревню последователей Гуса было совершено предательское нападение, во время которого большинство жителей погибло. Остальные снова переселились еще дальше в глубь материка, где живут и поныне. В начале нашего века в Канаде насчитывалось триста сорок восемь индейцев, которые называли свое племя «моравиана» — мораване. Эти индейцы первоначально принадлежали в своем большинстве к делаварской фратрии манси, объединявшей три рода — Волков, Черепах и Индюков. Все это я рассказал лишь для полноты наших представлений.

Теперь же надлежит закончить краткий обзор основных индейских групп Северной Америки и хотя бы бегло взглянуть — уже в следующей главе — на материальную культуру североамериканских индейцев, чтобы понять, что в действительности означают многие популярные слова, которые мы почерпнули от самих индейцев Северной Америки или из книг, рассказывающих о них.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(27\)](#) →

[Питьевая вода высокого качества](#)

Nestle Pure Life: доставка воды для здоровой жизни
www.nestle-purelife.ru

[Доставка питьевой воды, дом/офис](#)

Москва и Подмосковье. Установка кулеров. Подарки!
www.guchkovskaya.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Сигары и трубки от импортера](#)

Широкий ассортимент сигар, аксессуаров, трубок. Поставки в регионы.

[Адрес и телефон](#) · www.cigar.su

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

СКАЛЬП, СКВО, ВИГВАМ

Языки североамериканских индейских племен, в особенности принадлежащие к алгонкинскому языковому семейству, обогатили наш словарь множеством выражений. Больше всего их, разумеется, вошло в английский язык. Например, целый ряд географических названий в нынешних Соединенных Штатах и Канаде индейского происхождения. Из 48 штатов (если не считать Аляску и Гавайские острова) половина — ровно 23 — имеют индейские названия: например, Мичиган, Висконсин, Миннесота, Дакота, Небраска, Орегон, Юта, Айдахо, Алабама, Делавэр, Канзас, Оклахома и т. д. Все важнейшие североамериканские озера тоже донныне носят свои изначальные, доколумбовы названия: Гурон, Эри, Онтарио, Онайда, Сенека, Виннипег, знаменитый Мичиган и другие. И реки тоже. Индейские названия носят и река Потомак, протекающая прямо под окнами Белого дома, и Огайо, и Уобаш, и «отец вод» — Миссисипи. Мы могли бы продолжать этот перечень до бесконечности. Но давайте лучше раскроем наш маленький словарик наиболее известных индейских слов. И начнем хотя бы с обещанного в названии этой книги томагавка... Слово «томагавк», как и большинство остальных названий «индейских предметов», происходит из алгонкинских языков. На делаварском языке это «томахикен», на массачусетском — «томехоган», на мозиканском — «туммахахан» и т. д. ... В мировой словарь томагавк попал явно через посредство первых английских колонистов в Вирджинии (в начале XVII века), которым он доставил немало бед. Предшественницей настоящего томагавка, каким его узнали первые европейцы, даже в послеколум-бову эпоху была деревянная дубина с каменной головкой. Однако вскоре, после первых же контактов с белыми, это каменное оружие сменили настоящие «томагавки», имевшие бронзовую или чаще железную шляпку. В отдельных областях Северной Америки индейские томагавки нередко бывали весьма различны по форме. Например, в Вирджинии они, как правило, походили на немного загнутый серп, в других местах больше напоминали саблю. Но в любом случае был ли томагавк боевым толстым статное об' ^иТ™^ ** булаву~в ближнем бою он проявил себя как Далее мы постараемся расположить индейские реалии в алфавитном порядке. Вампум. Это слово тоже происходит от алгонкинских коренных жителей востока Северной Америки. Вампумами назывались веревочки с нанизанными на них костяными

или каменными бусинками но чаще под «вампумами» мы подразумеваем широкие пояса (так называемые вам-пумовые пояса), к которым прикреплялись такие нитки разноцветных бус

Зчь пояса у алгонкинов и особенно у ирокезов имели ряд особых функции: они были украшением одежды, служили валютной единицей а главное — с их помощью передавались разные важные сообщения Такие вам пумы у ирокезских племен обычно доставляли особые гонцы вампумоносы. .Развитие вампумовых записей, по всей вероятности, привело" бы к созданию у североамериканских индейцев собственного письма Исключительно посредством вампумов долгое время оформлялись договоры между белыми и индейцами. Сохранился, например, вампум, на котором «записан» уже упомянутый договор о «военном союзе» между знаменитым Пенном и его квакерами, с одной стороны, и дедаварами - с другой Согласно этому договору делавары уступали квакерам довольно обширную часть территории своего племени. На этом вампуме изображен индеец (представляющий здесь племя делаваров) и белый (то есть Пенн и его STп^п символически Держащиеся за руки. Однако вампумы служили не только для передачи сообщений и заключения договоров. Простейшими условными символами на них обозначались и наиболее важные события из истории племени. По этим «записям» старики, владеющие искусством «чтения» вампумов, знакомили новые поколения воинов с племенными традициями. Насколько важным считалось такое составление и чтение вампумов у некоторых алгонкинских и ирокезских племен североамериканского востока, лучше всего иллюстрирует тот факт, что имя легендарного 1 аиаваты (создателя наиболее значительного союза североамериканских индейцев - Лиги ирокезов) буквально означает «Тот, кто составляет вампумы». Вскоре после появления белых торговцев индейцы перестали делать вампумы из простых ракушек и начали широко применять стеклянные бусинки, привозимые в Америку из северной Чехии. Следующий прославленный предмет индейского быта - это трубка мира, или калумет.

Само слово «калумет» в отличие от других слов, содержащихся в нашем словаре, не индейского происхождения. Это название трубке мира дали французские путешественники, заметившие ее сходство со свирелью или тростниковой дудочкой (по-французски *chalumeau*-шалюмо). Так трубку превратили в музыкальный инструмент! Сами индейцы не имеют для трубки мира общего названия. Например, оджибвеи называют ее «опвахун». Трубка мира играла чрезвычайно важную роль в общественной жизни многих индейских групп Северной Америки. Курили ее участники «парламента» - племенного совета, курение трубки мира составляло основу многих религиозных обрядов, особенно у прериных индейцев, и т. д. Племенная трубка мира хранилась в отдельном шатре, который назывался «шатром священной трубки».

В трубке мира индейцы курили табак, который, как мы уже знаем, стал одним из даров доколумбовой Америки остальному миру. Некоторым индейским племенам (например, крикам) приходилось выменивать табак чуть ли не из Мексики. Впрочем, многие племена курили не чистый табак а табак, смешанный с черничным листом. И наконец, часть племен заменяла табак курительной смесью из разных растений, которая носила название кинни-кинник.

Наряду со священной трубкой мира индейцы пользовались и обычными деревянными трубками, заканчивающимися красной головкой из так, называемого «трубочного ствола», или катлиниита. Каждый индейский курильщик носил трубку в специальном «трубочном мешочке», и у каждого был богато украшенный кисет.

Конечно, больше, чем эти «светские» трубки, с давних времен привлекала к себе внимание знаменитая священная трубка мира. Ведь калу-мет воспевает и Генри Уодсворт Лонгфелло в первой же песне своей великолепной поэмы «Песнь о Гайавате» - этого самого прекрасного поэтического произведения, посвященного североамериканским индейцам!

Маниту в поэме Лонгфелло дымом из трубки мира собрал на берегу реки воинов из многих индейских племен. И, рассерженный их бесконечными войнами, сказал им: «Я устал от ваших распрей...»

«Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови,
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня, -
Тростников для них нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите трубку Мира
И живите впредь как братья...»

Перевод И. А. Бунина.

Великий поэт точно передал роль калумета. бтапя вочвышена североамериканскими индейцами до нимания етдничестая, осуждения войны. Говорят, когда была создана Организация Объединенных Наций, индейцы передали представителям великих держав калуметы. Если бы все их курили! И если бы трубка мира стала основным рабочим инструментом государственных деятелей на всем свете! Прежде всего там, откуда она родом, — на севере Америки. И если бы всюду действовал приказ Гайаваты:

«Я устал от ваших распрей, Я устал от ваших споров, От борьбы кровопролитной, От молитв о кровной мести. Ваша сила — лишь в согласьи. А бессилие — в разладе. Примиритесь, о дети! Будьте братьями друг другу!»

Следующим выражением в нашем словаре будет манито или ма-ниту, как писалось в некоторых книгах. Это понятие, собственно, принадлежит не столько североамериканским индейцам, сколько белым, которые привыкли к своему единому христианскому богу и приписывали индейцам религиозные представления такого же характера. Слово манито происходит из алгонкинских языков (по-массачусетски — манитто, по-нарраган-сетски — манит) и, скорее, обозначает таинственную, но объективно существующую силу, подчиняющую своему влиянию жизнь отдельного человека. Это вовсе не бог и не «великий дух», как представляли себе авторы первых европейских книг о североамериканских индейцах.

Пейотль, или пейоте, — очень интересная вещь. И притом менее известная, чем остальные понятия в нашем индейском «словаре». Слово пейотль происходит из языка науатль. Пейотль — это маленький, ничем не примечательный на вид кактус. Европейцы познакомились с его действием лишь в 1888 году из трудов немецкого химика Левина. Этнографы же еще позднее — благодаря американскому этнографу Джеймсу Муни. Зато некоторые североамериканские племена (и еще больше мексиканские) знали пейотль и его силу уже многие столетия.

Первые известия о пейотле мы имеем из Мексики от известного Бер-нардино де Саахуна. Он описывает употребление пейотля, которое во время обрядов продолжалось несколько дней. Католические священники в ту пору считали пейотль дьявольским изобретением. Тем удивительнее, что одна из первых миссий на мексикано-североамериканской границе называлась Эль-Санто-Номбре-де-Иисус-Пейотль!

Один из продолжателей Левина обнаружил, что в сушеных верхушках кактуса образуются четыре алкалоида: лоффорин, ангалодин, ангалодинин и, наконец, мескалин. И тут мы у истоков столь часто упоминаемого пейотлевого зла. То, что придает невзрачному, не защищенному даже шипами кактусу дьявольское могущество, носит название мескалин.

В эпоху, когда племена прерийных индейцев переживали глубокий кризис, связанный с окончательной победой белых, индейский пророк Вовока создал какую-то особую индейскую религию, основанную на употреблении пейотля во время обрядовых, экстатических танцев. Учение мессии Вовока, в своей основе являвшееся непосредственной реакцией на критическое положение североамериканских индейцев, повсеместно встречало в их среде воодушевленных сторонников. В течение нескольких лет употребление пейотля широко распространилось, охватив почти сорок индейских племен. Пожалуй, не было резервации, где бы не танцевали «Ghost Dance» (Танец духов).

Этот танец был целиком связан с предшествующим употреблением наркотика пейотля. Так возникла новая индейская религия Ghost-Dance Religion. И хотя правительством Соединенных Штатов она была довольно долго запрещена, тайно Танец духов в индейских резервациях практически танцуют и поныне. А некоторые индейские племена узнали и приняли употребление пейотля совсем недавно. Так, племена Невады — между 1929 и 1936 годами, канадские крики — в 1936 году, а другие канадские племена только в 1950-м.

Теперь бывшая Ghost-Dance Religion североамериканских индейцев называется Национальной американской церковью или Церковью американских туземцев. Учение этого индейского религиозного общества представляет собой смесь христианских представлений — например, веры в бога отца, сына и святого духа, веры в ангелов и дьяволов — и веры в различные сверхъестественные существа давних индейских поверий.

В областях США, где живет большое число индейцев (например, в штате Оклахома), Национальная американская церковь построила даже собственные храмы.

Пемикан, который у нас стал известен благодаря полярным исследователям, а возможно — и эскимосам, тоже является продуктом культуры индейцев севера Америки. Само слово происходит из языка криков и приблизительно означает «переработанный жир».

Пемикан служит как калорийный и удивительно долго хранящийся запас продуктов питания, то есть как некие индейские «консервы».

А как пемикан изготавливается? Оленина разрезается на мелкие куски, которые тщательно просушиваются на солнце. Когда мясо высохло, оно слегка коптится в дыму над костром. Потом на две части сушеного мяса добавляется одна часть молотого жира. Для вкуса можно добавить, как у нас к жаркому, какие-нибудь фрукты или бруснику. Затем уложим пемикан в кожаный мешок. Тщательно закроем — и можем быть уверены: провизия выдержит в пригодном для еды виде не менее четырех лет. Безусловно, неплохое изобретение!

Следующее выражение в нашем словаре — скальп. Скальп — слово, которое по вестернам известно всем и каждому. Как мы знаем, у индейцев существовал жестокий военный обычай, по которому с головы убитого неприятеля (а иной раз даже с головы живого пленного) снималась кожа вместе с волосами. Таким образом, скальп служил доказательством того, что враг убит или обезврежен, и потому он считался весьма уважаемым свидетельством отваги, ценным военным трофеем. Скальпирование побежденного противника имело и другую, еще куда более важную для североамериканских индейцев причину, связанную с их религиозными представлениями. Скальпирующий был убежден, что, снимая с неприятеля скальп, он отнимает у него и ту «всеобщую магическую жизненную силу», которая, по поверью, находилась именно в волосах. Принято считать, что

скальпирование — обычай одних только североамериканских индейцев. Это не совсем так. Во-первых, скальпировали не все североамериканские группы, а лишь некоторые, например ирокезы, а затем как раз прерийные индейцы. Во-вторых, скальпирование ни в коей мере не является каким-то «чисто индейским изобретением». Еще античные авторы отмечали тот же обычай и у южнорусских скифов.

Итак, скальпирование, бесспорно, существует. И оно с давних времен возбуждало интерес хронистов, первооткрывателей (в Новом Свете им впервые заинтересовался Франсиско де Карей), исследователей и рядовых читателей вестернов. Впрочем, широкому развитию скальпирования способствовали сами европейцы. Ведь именно первые белые торговцы заказывали в Европе стальные ножи для скальпирования, а потом предлагали их индейцам! Естественно, индейцы проявили к этому европейскому «изобретению» исключительный интерес. Так, с помощью «белой техники» скальпирование было чрезвычайно облегчено.

Европейцы поддерживали скальпирование и другим способом. Отдельные европейские государства, которые боролись за господство на Американском континенте, платили своим «союзникам-индейцам» огромные премии за скальпы вражеских солдат или индейцев племен, сотрудничавших с другой стороной. Лучшие всех платили англичане — двенадцать фунтов стерлингов за один французский скальп. Французы, которые всегда были беднее, платили довольно скромно. Французские колониальные власти в Канаде особенно подбивали своих союзников-индейцев к скальпированию ирокезов — союзников англичан, которые, как сильный в военном отношении союз племен, были для французов наиболее опасны.

Особый курс за скальпы враждебных индейцев установили и отдельные английские поселения на востоке Северной Америки.

Скальп, этот ценный трофей, индеец, разумеется, хотел сохранить как можно дольше. Поэтому «свежие» скальпы первым делом натягивались на рамы, обезжиривались и высушивались. Затем «готовый скальп» украшался рисунками и перьями. Скальпы или их части, в особенности волосы, воин носил на одежде в качестве свидетельства личного мужества или вешал на свой вигвам.

Следующее широко известное слово — скво. Оно происходит из нарра-гансетского языка и означает просто «женщина».

Например, весьма популярное соединение индейского и английского слов Squaw-valley вместе означает «Долина женщин».

Американцы явно любят такие макаронические соединения, и мы встречаем в их языке Squaw-flower (цветок), Squaw-fish (рыба) и т. д.

Букву «т» в нашем словаре представляет не только томагавк, но и типи (tee-pee). Типи (слово происходит из языка дакота) — это пирамидальный шатер из бизоньих шкур, встречающийся у всех прерийных племен. Устанавливали типи, заботились о них и даже считались их владелицами исключительно женщины.

Типи — обычный дом прерийного индейца. Несколько десятков конических типи составляло деревню. Их, как правило, устанавливали по кругу, самостоятельные участки — секторы круга — занимали типи отдельных родов. В геометрическом центре круга стояло особняком главное типи деревенского совета. Трубка мира хранилась в специальном типе, тоже установленном на каком-нибудь «почетном месте» деревни.

Типи круглый год служили прерийному индейцу домом, поэтому шатер был довольно высок (обычно 4—5½ метров) и столь же широк (5—6 метров в диаметре). На постройку такого шатра требовалось 7—10 бизоньих шкур. Кожаные стены типи украшались рисунками. Шатер имел особые приспособления (индейцы называли их «ушами»), с помощью которых можно было регулировать циркуляцию воздуха и прежде всего выводить из шатра дым. Естественно, что в каждом типе был и очаг, расположенный в центре. С типи часто путают другое жилище североамериканских индейцев — вигвам. Слово это происходит из алгонкинских языков индейского населения востока нынешних США и означает просто «постройка». В то время как типи не слишком отличались одно от другого, вигвамы отдельных алгонкинских племен были весьма разнородны. Тут играли роль различные климатические условия североамериканского востока, доступность разного строительного материала и т. п. Основу вигвама составлял остов, срубленный из деревянных жердей и покрытый тем материалом, который оказывался под рукой строителей, чаще всего древесной корой. Вигвамы были настолько характерной чертой культуры алгонкинских племен востока Северной Америки, что некоторые авторы, например Оливер Лафарж, называют этих индейцев Wigwam People (народ вигвамов). И еще одно новое понятие — язык жестов. Язык жестов! Индейцам североамериканских прерий, говорившим на десятках различных наречий и даже принадлежавшим к различным языковым группам (не только к так называемому семейству языков сиу), он позволял понимать друг друга. Известие, которое прерийный индеец хотел сообщить члену иного племени, передавалось с помощью жестов одной или обеих рук. Эти жесты, движения, точный смысл которых знал каждый индеец не только в прериях, но и по соседству с ними — от Канады до северной Мексики — помогли передать партнеру довольно сложную информацию. Даже договоры между отдельными племенами, представители которых не понимали друг друга, заключались посредством языка жестов. Приведем хотя бы один пример: типи (шатер) индеец наглядно изображал на языке жестов, перекрещивая левый и правый указательные пальцы.

Языком жестов и завершается наш словарь индейских выражений, широко известных каждому читателю вестернов. В литературе этого рода мы часто встречаем фразу: «Когда индеец заканчивает свою речь, он произносит «хау» — «я все сказал». Вот и мы можем произнести «хау». В этой главе мы все сказали.

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(21\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

СМЕРТЬ НА МИССИСИПИ

Интенсивная колонизация европейцами восточной части Северной Америки с начала XVIII века вынудила местных индейцев взяться за оружие. С помощью томагавка и лука пытались они защитить себя и свою землю от колонизаторов. В XVII веке среди прославленных индейских вождей на первое место выдвинулся с эчем племени вампаноаг Метаном (белые прозвали его Королем Филиппом). Метаном объединил все индейские племена Новой Англии в могучую конфедерацию, решительно выступившую против британских колонизаторов. Вскоре приверженцы Метаном перешли от обороны к наступлению. Из девяти десятков городов, существовавших тогда в британской Америке, две трети подверглись осаде. Двенадцать из них Метаном взял приступом и разрушил до основания. Уже казалось, что индейцы возвратят себе всю Северную Америку. Но в непредвиденной стычке, которая произошла 12 августа 1677 года на Род-Айленде, Метаном погиб. Оставшиеся без верховного вождя индейские отряды были рассеяны. Победители в торжественной обстановке отрубили мертвому Метаному голову, и в течение двадцати лет она была выставлена для всеобщего обозрения в Плимуте (Новая Англия).

В XVIII веке дело Метаном продолжил великий объединитель индейцев, вождь оттавов Понтиак. Восстание Понтиак готовил долгие годы. Вместе со своей отважной дочерью Паките он проплыл на каное от канадских границ до Теннесси. По вечерам у костра совета он убеждал индейцев всех встречавшихся ему на пути племен в необходимости объединиться против английских колонизаторов, вести борьбу против них сообща, подчиняясь единому руководству. Понтиак создал из представителей всех индейских племен востока Северной Америки своего рода генеральный штаб.

Для общеиндейского восстания в ту пору существовали благоприятные условия. С новой силой разгорелась продолжавшаяся уже более шестидесяти лет англо-французская война. В 1754 году вспыхнула новая война, названная американскими историками «франко-индейской войной». Ко времени предполагаемого всеобщего индейского восстания (первая половина 1763 года) она, следовательно, велась уже девять лет. Силы англичан в Канаде были в значительной мере поглощены борьбой с Францией. Понтиак считал французов своими надежными союзниками. Он верил, что французский король пошлет в Америку большую

армию, чтобы не только изгнать англичан, но и «вернуть Америку индейцам». Даже реалистически мыслящий, мудрый Понтиак поддавался иллюзиям, которые сеяли среди индейцев, стремясь заручиться их поддержкой, оба соперничавших колонизатора. Понтиак также не учел значения ряда важных обстоятельств, которые благоприятствовали англичанам. Во-первых, к восстанию не присоединилась наиболее значительная индейская сила Северной Америки — Лига ирокезов. Сотни, может быть тысячи, ирокезов приняли участие в восстании, но Лига в целом со всей своей боевой мощью, со всем своим авторитетом, со всем своим большим военным опытом не выступила на стороне восставших. Имея дело только с французскими охотниками и трапперами, Понтиак знал, что французы ненавидят англичан. Но он не знал, да и не мог знать о тайных силах, которые соединяли Лондон с Версалем, — силах, которые спустя несколько месяцев после начала восстания Понтиака принудили Францию заключить с Англией мир.

К созданному Понтиаком союзу присоединились (за исключением Лиги ирокезов) все индейские племена востока тогдашней британской Северной Америки. И так, в конце апреля 1763 года должно было начаться восстание. План Понтиака был прост. Еще свободную индейскую территорию Северной Америки отделяла от британских поселений цепь крепостей, которые были главным щитом европейских колонистов. Предполагалось, что по условленному сигналу каждое индейское племя нападет на ближайшую крепость и овладеет ею. Затем, объединившись, индейцы начнут продвижение на восток, к морю. Ключевую позицию в цепи британских крепостей занимал город Детройт. Поэтому взять Детройт должны были испытанные в боях индейские отряды во главе с Понтиаком. В атаке на Детройт, кроме нескольких сот воинов племени самого Понтиака (от-тава), участвовало около тысячи потаватомов и виандотов, к которым позднее присоединилось 370 воинов оджибве. 2 мая 1763 года по сигналу Понтиака началось наступление на британские крепости. Почти все они пали. Но наиболее важные — Детройт, а также Форт-Питт и Форт-Миканану — устояли. Индейцы продолжали штурмовать Детройт, но все их атаки были отбиты. Как выяснилось потом, план штурма Детройта вывела и сообщила начальнику британского гарнизона этого города майору Гледуину его индейская служанка Катерина. Длительная осада оказалась тяжким испытанием для жителей Детройта. Англичане даже предложили Понтиаку мир. Понтиак не принял их предложения. Пока индейцы не овладели Детройтом и Ниагарскими водными воротами, все прочие военные успехи восставших не имели практического значения. Осада была непривычной для индейцев формой военных действий, она утомила сподвижников Понтиака, и представители некоторых племен, особенно виандоты, стали толпами покидать его лагерь. Как раз в это же время английские соединения разбили в восточном Огайо значительную часть войска Понтиака, состоявшую из воинов шауни и делаваров. А затем французы заключили мир с англичанами! 12 августа 1767 года вождь одной из наиболее многочисленных оджибвских групп от имени своего племени попросил мира. К нему присоединились потаватомы, виандоты и другие осаждавшие Детройт племена. В конце концов под Детройтом остался один лишь Понтиак со своими оттавами. О победе, о взятии города теперь не приходилось уже и думать. И великий объединитель индейцев с последней горсткой приверженцев ушел в страну майами. Здесь он был убит индейцем своего племени, причем обстоятельства этого убийства до сих пор неясны.

Ко времени, когда погиб Понтиак, на востоке Северной Америки многое изменилось. В 1783 году Британия признала независимость Соединенных Штатов Америки. Попытки же французов восстановить свое владычество оказались безуспешными, и Канада, согласно Парижскому договору, заключенному через несколько месяцев после начала восстания Понтиака, стала британской колонией. Новая республика, Соединенные Штаты (все 13 штатов Унии тогда находились на востоке и северо-востоке Северной Америки), повела против индейцев еще более жестокую борьбу, чем британские колониальные власти. Так, американский генерал Уэйн принудил в Гринвилле ряд алгонкинских племен отказаться от обширной территории в Огайо и части земель в штате Индиана. Дело борьбы против колонизаторов продолжил великий вождь Текумсе (Летящая Стрела).

Текумсе происходил из семьи, жестоко пострадавшей от европейских колонизаторов. Отец Текумсе погиб в бою с отрядом Эндрью Льюиса. Летящей Стреле едва исполнилось тогда шесть лет. Его старший брат был убит американскими колонистами в 1789 году. Еще один брат погиб в бою с солдатами генерала Уэйна в 1794 году. После смерти отца и двух старших братьев заботу о воспитании молодого воина взял на себя его третий брат Чисикан. Когда Летящей Стреле было 13 лет, он с братом ушел к племени чироков, которое в это время отражало натиск колонизаторов, и здесь, на юго-востоке Северной Америки, в постоянных стычках с белыми прошло три года. Во время своих странствий Текумсе узнал десятки племен. Каждое из них в отдельности было слабым и беззащитным. Но как и Понтиак, Текумсе верил, что, объединившись, они станут непобедимы. Он хотел создать новое объединение североамериканских индейцев — и не только военное. Текумсе намеревался создать индейское государство, «индейскую унию» в противовес Унии североамериканской. Своим планом он старался увлечь и действительно увлек все северо-восточные и восточные индейские племена. Текумсе был выдающимся оратором, был первым, я бы сказал, государственным деятелем североамериканских индейцев. Самыми горячими пропагандистами политических идеалов Текумсе стали два его брата — Лалаветика (Могучий Глас) и особенно фанатичный шаман Тенскватава (Открытые Двери).

Государственная мудрость, мужество, не раз доказанное в бою, дружеская, но полная достоинства манера обращения привлекали к Текумсе все новых сторонников. После конгресса представителей всех индейских племен американского востока, который Текумсе созвал в 1807 году, идея индейской унии начала осуществляться. Индейцы впервые требуют, чтобы США, если они хотят

приобрести новые индейские земли, в будущем вели переговоры не с отдельными индейскими племенами, а «только с представителями всего индейского народа!» На следующем конгрессе (в 1811 году в Винсенне) эти тенденции проявились уже вполне отчетливо. Когда генерал Гаррисон упрекнул Текумсе в том, что он создал «унию индейских племен», Текумсе резонно ответил ему, что индейцы не протестовали, когда белые североамериканцы создавали свое федеральное государство. Какое же он имеет право мешать объединиться индейцам? Текумсе не ограничился идеей создания индейской федерации. Он хотел изгнать европейских колонизаторов если не из всей Северной Америки, то по крайней мере с части ее земель, чтобы «индейская уния» владела обширной и единой государственной территорией.

По призыву Текумсе воины десятков племен собирались на условленное место в Типпенканоз. Неподалеку расположились и войска Гаррисона. Текумсе между тем продолжал готовить восстание, посещал племена, еще не присоединившиеся к индейскому союзу. Восстание, столько лет и так продуманно готовившееся Текумсе, возможно, могло в какой-то мере изменить судьбу североамериканских индейцев. Но все дело погубил брат Текумсе, «пророк» Тенскватава. Будучи, по всей вероятности, в трансе, он вступил с частью войск Текумсе, ожидавших в Типпенканоз своего предводителя, в бессмысленный, заранее обреченный на поражение бой с генералом Гаррисоном. Все планы Текумсе погубило безрассудство, одержимость или честолюбие Тенскватавы. А генералу Гаррисону, под дула ружей которого Тенскватава подставил полки Текумсе, легкая победа открыла путь в Белый дом. После этого Гаррисон уехал в Вашингтон, Тенскватава отправился в Канаду, и позднее на юг, на Миссисипи. (Там с ним встретился наиболее значительный из художников, писавших портреты североамериканских индейцев, — Джордж Кэтлин.) А Текумсе?.. В 1812 году, когда вспыхнула война между Англией и США, он присоединился к англичанам, которые присвоили ему звание бригадного генерала. 5 октября 1813 года на берегу канадской реки Онтарио, сражаясь на стороне англичан, Текумсе погиб. Готовясь к этому последнему для него бою, Текумсе не надел парадной формы английского генерала. Он пошел в бой в одеянии индейского воина — в рубахе из оленьей шкуры, с индейскими знаками отличия. Так, в возрасте 45 лет погиб Текумсе. Погиб, как простой индейский воин, в войне, которая велась ради чуждых ему интересов.

После Текумсе уже никому не удавалось объединить индейцев Северной Америки. В первой половине XIX века европейские колонисты почувствовали себя настолько сильными, что начали не только теснить индейцев, захватывая их земли, но и помышлять о полном изменении этнографической карты индейской Северной Америки, о полном изгнании коренных жителей из страны, и прежде всего из ее восточной части. Вначале они обрушились на индейцев, живших к востоку от Миссисипи, главным образом на индейцев нынешнего юго-востока США. Одной из первых жертв этой бесчеловечной политики стало племя чироки. Судьба племени чироки, печальная история его изгнания очень характерны. Вот почему в этой и следующих главах, повествуя об истории изгнания индейцев, мы в качестве примера выбрали именно это племя.

В начале XIX века многие индейские племена, особенно на востоке Северной Америки, прекратили вооруженное сопротивление европейским колонизаторам. Несколько меняется и «индейская политика» американского правительства. В 1824 году в Соединенных Штатах было учреждено ведомство по индейским делам. Но при каком министерстве?! П;ш военном! Ведать «индейскими делами» (так называемым «уполномоченным по делам индейцев») тогдашний американский военный министр Джон Кел-хаун назначил (в 1832 году) полковника Мак-Кеннп.

Правительство Унии и особенно правительства отдельных штатов подготавливали и издавали соответствующие законы, официально выражали «стремление» к миру с индейцами. Однако тех, кто соглашался принять их условия мира, они удостоивали странной награды. Она называлась «индиен римувел». Что же такое «индиен римувел»? Колонизаторы опасались, что индейцы, даже немногочисленные, оставаясь в родных местах, когда-нибудь воспротивятся непрерывному уменьшению своей территории и с оружием в руках встанут на ее защиту. А поскольку в то время — в 20-е годы XIX века — территория США простиралась в основном к востоку от Миссисипи, правительство Унии решило изгнать индейцев с этих земель и переселить их в пустынные, тогда еще не привлекавшие поселенцев районы запада. «Индиен римувел», принудительному выселению, подверглось пять выдающихся индейских племен юго-востока США, и в их числе племя чироки...

Чироки, так же как сенека, онейда, тускарора и другие уже известные нам члены «конфедерации шести народов», говорили на одном из ирокезских языков. Причем они были самым большим, самым многочисленным племенем ирокезской языковой группы. Несмотря на это, чироки никогда не состояли членами Лиги ирокезов. Приблизительно до конца XVII века чироки жили в нынешней Вирджинии, обеих Каролинах, Алабаме и главным образом в Джорджии, занимая широкую полосу земли между горами и морем. После 1721 года колонизаторы начали постепенно теснить это племя и захватывать его земли.

В 1791 году, когда чироки уже лишились большей части своей территории, правительство Унии заключило с ними договор, согласно которому оставшаяся у племени земля провозглашалась неприкосновенной. Но не прошло и трех лет, как «подписанный навечно договор» был нарушен и правительство США навязало племени новый договор, отнимавший у чироков большую часть оставшихся земель. Чироки соглашались с этим договором. И неукоснительно его соблюдают.

За несколько лет на маленькой оставшейся территории это одаренное племя достигает больших успехов. Чироки открывают собственные школы, их поля возделываются лучше, чем поля европейских поселенцев. Более того, племя быстро развивается не только экономически, но и в культурном отношении. Из его рядов выходит несколько выдающихся деятелей культуры. В числе их был и создатель чирокского алфавита Секвойя. В результате длительного общения с белыми Секвойя пришел к выводу, что

основой могущества и силы европейской цивилизации является письменность. И этот высокоодаренный индейский просветитель разработал чирокское силлабическое (слоговое) письмо. В алфавите Секвойи было 84 знака, в основу его он взял латинские буквы, но читались они иначе. Так, буква «А» читается в слоговом письме Секвойи как «ГО». Предводители «чирокского народа», например Элиас Бондинот, естественно, приняли это первое современное индейское письмо в высшей степени восторженно. В 1828 году начала выходить первая чирокско-английская газета «Чирок-ский Феникс», а затем и другие издания, печатавшиеся уже только по-чи-рокски, — «Чироки мессенджер» (1844), «Чирокский альманах» и т. д.

Фанатичным расистам штата Джорджия, где в начале XIX века жило подавляющее большинство племени чироки, неугоды были когда-то «воинственные индейцы». Теперь же им стали неугоды и мирные чироки, хозяйственные успехи и культурный прогресс которых буквально приводили их в бешенство. Они требуют от федерального правительства изгнать индейцев. В 1828 году, когда президентское кресло в Белом доме занял ярый ненавистник индейцев Эндрью Джексон, этот план изгнания индейцев проводится в жизнь. Жертвой его в первую очередь становятся те, кто поверил торжественно данному слову и сменил оружие на плуг, — племя чироки.

Чироки первыми среди североамериканских индейцев составили собственную конституцию и заменили старые племенные советы выборным двухпалатным парламентом! Свои законы они объединили в несколько законодательных сводов. И вот теперь органы Унии и штата Джорджия отменили эти чирокские законы, а самому племени грозило изгнание. Предводитель племени Джон Росс обращается к президенту Соединенных Штатов, пишет петицию в Верховный суд Унии. Но все тщетно: ведь чироки еще владеют 7 миллионами акров прекрасно возделанной земли. К тому же на чирокской территории обнаружено золото! Теперь уж ничто не спасет чироков. Власти «подготовили договор»: чироки должны продать правительству свои земли — 7 миллионов акров за 4 миллиона 500 тысяч долларов. Акр земли за полдоллара! Но и этим дело не ограничилось. Не давать же краснокожему деньги на руки! Деньги за землю чироки не получают. Они будут положены в государственную казну! Сами американские власти понимали, что на это не пошли бы даже отсталые индейские племена, жившие, например, в Калифорнии, не говоря уже о племени чироки — культурнейшем североамериканском племени той поры.

Поэтому, согнав силой 400 из 17 тысяч членов племени чироки на «общеплеменное» собрание, колонизаторы заставили это «всенародное» собрание одобрить договор! И этот жульнический акт был «ратифицирован» американским сенатом! Впрочем, чироки не признали этот мошеннический договор. Но через три года им пришлось ощутить силу «закона». Против чирокских земледельцев двинулась большая, хорошо вооруженная американская армия под командованием генерала Уинфилда Скотта, которая, занимая одну чирокскую деревню за другой, согнала индейцев в концентрационные лагеря. Согнав всех чироков, войска погнали племя на вновь отведенную ему «Индейскую территорию» за Миссисипи, на пустынный тогда американский запад. Из 14 тысяч участников этого марша смерти 4 тысячи, преимущественно дети, погибли в дороге. Ведь путь за Миссисипи длился более полугода.

За Миссисипи были изгнаны и другие племена, жившие на юго-востоке США, — чикасавы, чоктавы, крики и, наконец, мужественные семинолы, некогда тоже принадлежавшие к племени криков. Крики жили на юге США (в бассейнах рек Таллапуса и Чаттахучи). Из бассейна реки Чат-тахучи часть криков уже после «открытия» европейцами Северной Америки ушла во Флориду, тогда еще испанскую, и, смешавшись с остатками местных индейских племен, образовала новое племя семинолов.

Хотя Флорида была колонией Испании, в 1818 году североамериканские войска под командованием генерала Джексона напали на семинолов. Позднее Джексон во Флориде за короткий срок истребил по меньшей мере треть семинолов. Когда Флорида перешла к США, семинолов вынудили подписать договор (это произошло в 1823 году в Маультри), по которому они «отказывались» от большей части своих земель на полуострове Флорида в пользу США. Но если «белая сторона» нарушала почти ежегодно другие «нерушимые», «святые» и «вечные», договоры, то что стоило ей через девять лет отменить и договор, заключенный в Маультри...

В 1832 году Соединенные Штаты попрали «нерушимый договор» и приказали семинолам покинуть Флориду и переселиться за Миссисипи. Се-минолы не подчинились. Восемь лет войска Унии вели войну против немногочисленных семинолов, объединившихся с флоридскими неграми. Руководил семинолами один из прославленнейших героев индейских войн, мужественный вождь Осеола. Не раз семинолы брали военную инициативу в свои руки. В Форт-Кинге они убили верховного правительственного уполномоченного генерала Томпсона, напали на карательный отряд майора Дейда и полностью его уничтожили и т. д.

Но в конце концов Осеола был разбит, пленен и заключен под стражу сначала в Чарлстоне, а затем в Форт-Маультри. Свободолюбивый Осеола не перенес неволи. Взяв у тюремщиков под каким-то предлогом свой воинский наряд, Осеола накинул себе на шею петлю и удавился. А семинолы, чироки и другие восточные племена были изгнаны за Миссисипи и поселены на так называемой «Индейской территории», в нынешней Оклахоме.

Оклахома и поныне является штатом, где наиболее высок процент индейского населения. После переселения сюда пяти главных изгнанных с юго-востока племен им отведено было 20 миллионов акров земли. «Навеки». Но в действительности весьма ненадолго. Нужно иметь в виду, что вопрос о земельной собственности был в Северной Америке одной из основных сторон индейской проблемы, а в Латинской Америке (как мы увидим в заключительной главе) даже ее самой существенной стороной. Дошла очередь и до оставшейся у племени чироки земли в этой до недавнего времени совершенно не интересовавшей белых

поселенцев части Оклахомы. И снова правительство нарушает «нерушимые договоры». Снова у чироков отнимают почти все земли, которые несколько лет назад им были отведены.

Только у одного этого индейского племени постепенно было отнято 81 200 000 акров земли. До 1866 года индейцам чироки были навязаны один за другим двадцать четыре договора о земле, и каждый из них был «окончательным и бесповоротным для обеих договаривающихся сторон»! Та же участь постигла семинолов, криков, чоктавов и чикасавов...

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ЧУЖИЕ В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ

После «военной победы» над индейцами прерий можно было уже беспрепятственно «очистить» Северную Америку — «индейский материк» — от индейцев, загнать их за ограду резерваций в надежде на то, что они там вскоре все вымрут. В самом начале этой главы нужно напомнить об одном обстоятельстве, которое допускало и даже как бы узаконивало все жестокости в отношении коренного населения страны. В США в отличие от латиноамериканских республик индейцы не пользовались правами гражданства. По законам Соединенных Штатов индейцы считались, в сущности, иностранцами, которым с формально-правовой точки зрения нечего было делать в США! Напомним также, что еще до возникновения резерваций на «принудительное пребывание» в заранее определенной области были обречены племена, изгнанные с юго-востока США, главным образом ранее упоминавшиеся пять больших, развитых в культурном отношении племен — чироки, чоктавы и другие. Их поселили в области за Миссисипи, получившей название Индейской территории. Первоначально тут жили только индейцы этих племен. Но когда позднее выяснилось, что и за Миссисипи земля дает урожай, Индейская территория была лишена «неприкосновенности», и границы ее открылись для европейских поселенцев. В конце концов здесь был создан американский федеральный штат Оклахома. Глава, которую мы посвящаем последнему столетию истории североамериканских индейцев, начинается именно здесь, в Оклахоме, единственном из американских штатов, где индейцы не живут в резервациях и где индейские племена, опять же в первую очередь чироки, уже к моменту переселения на Индейскую территорию достигли значительного уровня экономического и культурного развития. И до сих пор эти племена принадлежат к числу наиболее развитых индейских племен в США. Поэтому американские власти, а часто и американисты называют их «пятью цивилизованными племенами» («Five civilized tribes»). Под цивилизацией в данном случае разумеется белая, европейская цивилизация. Однако еще вопрос: не отвечала ли в большей мере потребностям индейцев востока Северной Америки их собственная, относительно высокая и соответствующая естественным условиям их страны цивилизация, чем цивилизация, которую им навязывали? Впрочем, цивилизация европейцев оказала на членов «пяти цивилизованных племен» далеко не столь разительное воздействие, как предполагалось. В результате первой

переписи населения на Индейской территории выяснилось, что из 18 827 чироков старше десяти лет 3487 не умеют ни читать, ни писать, из 9296 чоктавов не умеют читать и писать 2445. Среди криков было 40 процентов неграмотных, а у последнего из «пяти цивилизованных племен» число неграмотных составляло 55 процентов!

Кроме того, в результате распродажи общинной земли отдельных «цивилизованных племен» лучшую ее часть заняли европейские колонисты со своими черными сельскохозяйственными рабочими — первоначально рабами. И теперь даже на «неприкосновенной» Индейской территории индейцы не составляют большинства! Из 178 098 обитателей Индейской территории тогда было более 100 тысяч европейцев, 18 600 негров и только 55 тысяч индейцев. Притом распродажа общинных земель способствовала разложению прежнего демократизма племенного строя, уничтожила равенство индейцев, ослабила сознание принадлежности к племени и породила 50 тысяч неимущих «частных собственников» и несколько индейских богачей, каким был, например, чоктав Вильсон Н. Джоунс, владевший 17 тысячами акров земли, 5 тысячами голов скота, угольными шахтами, магазинами, 75 лошадьми и т. д. Но эти индейские богачи, разумеется, весьма редкое исключение.

Создание Индейской территории стало, таким образом, одной из форм принудительного поселения туземцев Северной Америки на ограниченном, отведенном государством пространстве. Другой значительно более частой и жестокой формой были резервации. Еще и сейчас в резервациях живет свыше двух третей индейского населения США. Некоторые авторы этой политики создавали резервации с откровенным намерением довершить физическое уничтожение индейцев, разрушить их национальное и моральное единство. Резервации обычно учреждались на землях, малопригодных для сельскохозяйственного производства. В первые десятилетия существования резерваций они были перенаселены, и голод, свирепствовавший в них, лучше всего помогал претворять в жизнь планы сознательного уничтожения индейцев. Небольшие финансовые пособия, которые бюро по делам индейцев выплачивало отдельным племенам в качестве возмещения за отнятую у них землю, конечно, не могли устранить нужду. У голода было много надежных помощников — прежде всего чрезвычайно плохое медицинское обслуживание, вернее, отсутствие его. У индейцев, не погибших в резервациях, хотели вытравить их национальное самосознание. Действуя в соответствии со старой, но все еще надежно действующей формулой «разделяй и властвуй», в резервациях соединяют представителей разных племен и даже разных языковых групп. Не понимая друг друга, индейцы в резервациях, чтобы общаться, вынуждены были прибегать к английскому языку. А крупные племена, еще совсем недавно наводившие страх на индейкофобов, были рассредоточены и расселены по разным резервациям. Так, некогда могущественные дакоты Сидящего Быка живут в одиннадцати резервациях двух штатов США, а племена, составлявшие прославленную Лигу ирокезов, расселены по девяти резервациям.

Резервацию конца XIX века мы рисуем, надо признаться, достаточно черными красками, но и намерения многих первых расистских создателей резерваций были достаточно черны. Для примера процитируем высказывание человека наиболее авторитетного — федерального поверенного по делам индейцев, — человека, который больше всех других в государстве должен был заботиться о достижении взаимопонимания с индейцами. И этот господин через год после принятия закона о резервациях (в отчете за 1872 год) так характеризует цели и идеалы официальной «индейской политики»: «Необходимо отчетливо сознавать, что в отношениях цивилизованного государства с дикарями (!) не может стоять вопрос о чести нации. С дикими людьми нужно обращаться так же, как с дикими животными. Это значит держаться с ними так, как в данной ситуации проще и выгоднее: воевать, нанести им поражение или, наоборот, спастись от них бегством. Индеец должен себя чувствовать в резервации до такой степени хорошо, а за ее границами до такой степени плохо, как это будет угодно правительству. Те из них, что окажутся послушными, получают еду и государственную охрану. А тех, что будут вести себя плохо, необходимо незамедлительно покарать или уничтожить...»

В XX веке в резервациях, безусловно, многое изменилось к лучшему. Рузвельт, правительство Кеннеди, а после смерти Кеннеди и его преемники осуществили различные полезные мероприятия. Но сами по себе резервации в Северной Америке остались поныне. И они по-прежнему отражают расистскую идеологию своих прежних создателей.

Антииндейский расизм — позорная глава истории США. Он имеет давние корни. Белые расисты не стеснялись в выражениях по адресу индейцев. Их называли то «злыми» и «кровожадными», то «равнодушными ко всему на свете», утверждали, что они невосприимчивы к образованию, «невероятно ленивы», «коварны», «нечистоплотны» и т. д. ... Да, ни одного дурного свойства не забыли приписать им расисты. Немецкая исследовательница Липе нашла одну весьма типичную «характеристику» индейцев, написанную архаичным языком XVII века: «Индейцы почти поголовно дурные и грубые или заслуживающие презрения, медлительные, тупые, недалекие и ничтожные люди, как и сами евреи». Старый расист говорит здесь то, что в Соединенных Штатах некоторые люди будут еще слово в слово повторять в просвещенном XX столетии. В республиках Южной и Центральной Америки антииндейский расизм хотя и существовал, но никогда не декларировался официально и тем более не был как-либо узаконен. Да это было бы и трудно осуществимо в странах, где лица индейского происхождения подчас составляют более 90% населения. На севере Америки еще в пору колонизации положение было совершенно иным. Колониальные власти нередко объявляли индейцев неполноценными язычниками. Даже создание Североамериканской демократической республики не принесло бесправным индейцам сколько-нибудь существенных перемен к лучшему. Об этом свидетельствует хотя бы уже то обстоятельство, что более 150 лет индейцы не считались гражданами Соединенных Штатов, между тем как и федеральные власти, и власти

отдельных штатов бесцеремонно распоряжались участью этих «чужеземцев». Характерен следующий, казалось бы, невероятный факт. Законодательное собрание штата Колорадо некогда совершенно серьезно обсуждало проект закона, по которому на территории штата предполагалось истребить всех скунсов и индейцев! Согласно этому проекту, люди, с успехом охотившиеся на скунсов или индейцев, должны были получать также определенные денежные вознаграждения! Эта официальная антииндейская идеология полностью овладела сознанием многих белых американцев. Сохранилось, например, письмо одного из первых колонистов Калифорнии: «.. Я часто спорил с Гудом об индейцах. Гуд считает, что надо убивать каждого мужчину и юношу, но индеанок следует оставлять в живых. А мне было ясно, что мы должны убивать и индейских женщин...» До самого конца XIX века расисты (например, майор Уильям Эмори) выступали в печати с требованием немедленного и полного физического уничтожения всех североамериканских индейцев. Правда, такое требование не встретило в США широкой поддержки. Наряду с экстремистскими антииндейскими эйхманами, по счастью, жили в ту пору на севере Америки и люди, носившие в сердцах светлые идеалы Авраама Линкольна...

Итак, индейцев отправили в резервации. Они лишились свободы и земли. Впрочем, не всей: та небольшая часть пригодной для обработки земли, которая находилась на территории резерваций, все еще принадлежала индейским племенам. И тогда враги индейцев наносят еще один удар с целью лишить их последних остатков общих племенных земель.

8 февраля 1877 года конгресс Соединенных Штатов принимает закон, позднее получивший название «закона Дауэса». В первом параграфе его говорилось следующее: «.. Президент Соединенных Штатов Америки имеет право разбить земельные угодья резервации на участки и распределить их между индейцами!» Таким образом, общинная земля индейских племен в резервациях попадала во владение «частных собственников».

А первое право собственника — право продать свое имущество. Индейцы продают последнее, что у них еще оставалось, — надел общинной земли. Отражением глубокого кризиса, вызванного поражениями в борьбе, учреждением резерваций, а затем и полным обнищанием индейцев становится религия. Среди индейцев получают распространение религиозные обряды, связанные с употреблением наркотического средства — пейотля. Новая религия называлась Пляской духов — по названию коллективного танца, входящего в ее ритуал. Создателем ее был пророк Вовока, индеец из племени пайуте (родился в 1856 году). Вовока предрекал приход мессии, который вновь вернет индейцам власть над их страной. Такие мессианские представления возникали довольно часто. Напомним хотя бы известного нам Тенскватаву. Но ни одно из предшествующих учений индейских пророков о возвращении утраченного рая не нашло такого отклика у индейцев, как учение Вовоки. Экстатическая Пляска духов вскоре исполнялась почти у всех племен прерий. Пляска духов — трагическая fuga в память о поражении, которое потерпели североамериканские индейцы, — навлекла на них еще одну беду, послужила поводом для новых массовых кровавых расправ. Когда 29 декабря 1890 года безоружные дакоты тайком собрались у речки Вундэд-Ни для исполнения ритуального обряда, белые расисты напали на них и убили более 400 человек, в том числе десятки индейских детей. На каком основании? Индейцы исполняли свой танец за пределами резервации. А ведь, согласно существующим предписаниям, индеец ни на шаг не смел преступить ее границу! Кровавая американская Лидице — Вундэд-Ни — вызвала бурю протеста со стороны честного большинства нации Линкольна. Прошел только год после Вундэд-Ни, и индеец отважился перейти рубеж «концентрационного лагеря», вступить на территорию своей родины, на землю Америки, где теперь разрешалось жить только белым людям. Звали этого индейца Стоящий Медведь. Министр внутренних дел приказал немедленно арестовать смельчака. Но у Стоящего Медведя было достаточно мужества для того, чтобы защищать себя перед судом. Более того, он превратил свою защиту в обвинение против инициаторов всех этих жестоких преступлений.

Борьба индейцев за свои права, поддержка их прогрессивной общественностью США вынуждает правительство пойти на ряд уступок. Так, 3 мая 1901 года «пять цивилизованных племен», живущих на Индейской территории, получили американское гражданство. По другому закону право гражданства предоставлялось индеанкам, вышедшим замуж за гражданина США. Но унижительное запрещение покидать резервацию оставалось в силе. Из резерваций индейцы вышли фактически только в годы первой мировой войны, когда Америка нуждалась в каждом солдате, даже «краснокожем». Их призвали в армию защищать под Верденом и на бельгийских границах свободы своей «родины». И тем индейцам — ветеранам войны, которым удалось пережить ее ужасы, конгресс вместо медалей и пенсий по -инвалидности также даровал американское гражданство (в соответствии с законом от 6 ноября 1919 года).

После первой мировой войны в связи с ростом богатства победивших Штатов кое-что из золотого дождя перепало и индейским резервациям, главным образом потому, что на территории некоторых из них была обнаружена нефть и нефтяные компании были вынуждены платить индейским племенам за использование их земли (так, например, было с осэджами).

В эти же годы разворачивается и самое значительное общественное движение индейцев Соединенных Штатов. 22 ноября 1922 года в пуэбло Санто-Доминго собралось 123 делегата всех индейцев пуэбло штата Нью-Мексико — вожди и жрецы девятнадцати местных племен. Характерно, что его участники вспоминали о крупнейшем восстании индейцев Новой Мексики — восстании индейцев пуэбло, вспыхнувшем в 1680 году и продолжавшемся несколько десятилетий (в результате чего индейцы временно обрели самостоятельность). Однако теперь, несмотря на заметный радикализм, индейцы пуэбло стремились добиться улучшения своего положения парламентским путем. Они обратились в американский сенат, направили делегацию к президенту и

т. п. В сенате им удалось добиться некоторых уступок. Однако реакция правой американской печати была знаменательной: пресса назвала жителей пуэбло дословно «язычниками и агентами Москвы!» С тех пор все индейцы пуэбло штата Нью-Мексико знают, что где-то существует некая сочувствующая индейцам Москва. Свою землю они вернули только после прихода в Белый дом Франклина Делано Рузвельта.

Но еще до Рузвельта индейцы добились одной значительной победы. 2 июня 1924 года конгресс принял следующий закон: «Все индейцы, которые до сего времени не получили американского подданства и которые живут на территории США, данным законом объявляются гражданами Соединенных Штатов Америки». Сам по себе этот закон, разумеется, не улучшил тяжелого экономического положения индейцев, не поднял их культурного уровня, но он по крайней мере похоронил недостойный тезис, согласно которому североамериканский индеец в собственной стране считался иностранцем, не имеющим права на что-либо претендовать.

Существенное изменение к лучшему происходит только в 1933 году, когда президентом Соединенных Штатов становится Франклин Делано Рузвельт. В рузвельтовскую эпоху бюро по делам индейцев возглавляет Джон Колье, вероятно самый выдающийся из всех «уполномоченных по делам индейцев», когда-либо возглавлявших это ведомство. Колье вместе с другими реформаторами готовит для Рузвельта проект закона, вступившего в силу уже через год после того, как новый президент занял свой пост.

Согласно этому закону, получившему название Индейского реорганизационного акта («Indian Reorganization Act — IRA»), индейцами считаются лишь лица индейского происхождения, которые являются членами какого-либо признанного правительством племени, а также все их потомки, которые сами себя считают индейцами и живут в пределах резерваций (следовательно, и метисы). В восемнадцати статьях Реорганизационного акта провозглашался ряд основных положений. В том числе новым законом предусматривалось для индейских племен:

1. Право политического и экономического самоуправления.
2. Право на племенной суд.
3. Прекращение дальнейшего раздела общинной земли между «индейскими частными собственниками».
4. Создание индейских производственных и потребительских кооперативов, дабы освободить индейцев из-под власти скупщиков, и т. д.

Большая часть статей законопроекта Колье была принята и одобрена (новый закон вошел в историю под названием Акт Уиллера — Говарда). Одновременно правительство Рузвельта увеличило финансовую помощь индейским резервациям. За счет государственной казны индейцам была возвращена часть насильственно отобранной у них земли. Во многих резервациях выросло поголовье скота, повысились урожаи.

Затем наступает вторая мировая война. 25 тысяч молодых индейцев опять уходят воевать за Соединенные Штаты. Многие из них в годы войны стали национальными героями США (например, крик Эрнст Чилдерс, лейтенант Джек Монтгомери из племени чироки, индеец племени пима Аира Хейес и др.). Однако более всего победе Соединенных Штатов, а следовательно, и делу союзников способствовали 3600 навахов, прикомандированных ко всем боевым соединениям, сражавшимся с японцами в Тихом океане. Они служили в подразделениях связи и передавали на своем родном языке нешифрованные приказы и сообщения. Японская разведка и служба подслушивания до последних дней войны ломали голову, тщетно пытаясь расшифровать перехваченные тексты на никому не известном языке индейского племени. С окончанием второй мировой войны, собственно, и завершается хотя и краткий, но весьма важный период новейшей истории североамериканских индейцев — 12 лет пребывания у власти правительства Рузвельта. За эти годы индейцы достигли в резервациях относительно больших успехов, которые, однако, можно считать прогрессом лишь в сравнении с бедствиями предшествовавших десятилетий.

Но Рузвельт умер, и Колье в бюро по делам индейцев сменил другой человек. Первые послевоенные годы приносят индейцам Соединенных Штатов значительное ухудшение их положения. Индейцы снова утрачивают землю. Из 138 миллионов акров земли за Миссисипи, оставшейся у индейцев в ту пору, когда началось разделение общинной земли между «индейскими частными собственниками», к 1947 году они потеряли уже 86 миллионов акров. Но и сохранившийся небольшой земельный и лесной фонд индейских племен продолжает скудеть. Так, например, в 1947 году президент Трумэн подписал закон, по которому некое акционерное общество получило право занять обширную территорию, принадлежавшую одному из индейских племен Аляски. В Южной Дакоте само правительство США отторгло у дакотов значительные посевные площади и превратило их в военный полигон. Формально «по закону» стоимость отнятой у индейцев земли должна быть возмещена, и возмещена немедленно. Ну, а на деле было по-иному. Когда, например, у калифорнийских индейцев была отнята вся их земля, за нее была назначена до смешного низкая выкупная цена — всего 5 миллионов долларов. Это было в 1856 году. Но и поныне калифорнийские индейцы не получили ни цента!

А потом наступает новый, можно надеяться, уже последний кризис. Он начинается с приходом очередного руководителя бюро по делам индейцев Диллона С. Майера (1950). В годы войны Майер был чиновником государственного департамента, и его главной задачей было создание лагерей для проживающих в США японцев, чтобы они не могли помогать Японии шпионажем и диверсиями. Со своей задачей Майер справился успешно. Война кончилась. Люди стали про нее забывать. Но только не Майер. Заняв пост

«правительственного уполномоченного по делам индейцев», он применяет к ним те же методы, какие использовал против интернированных потенциальных врагов США. А результаты? Заглянем хотя бы в резервацию черноногих в штате Монтана. Уполномоченным бюро по делам индейцев Майер назначил в эту резервацию полицейского начальника одного из лагерей для японцев. В те годы здесь было 4500 индейцев, которые жили почти исключительно доходами с малопродуктивной земли. Годовой доход одного индейца в этой резервации составлял во времена Майера 355 долларов — в четыре раза меньше, чем официальный прожиточный минимум гражданина США. При этом пастбища резервации черноногих агенты бюро продали одиннадцати компаниям. Таким образом, за один год черноногие потеряли еще 105 тысяч долларов.

Человеком, стоявшим за кулисами этих грязных сделок, которые вели к дальнейшему ограблению голодающих индейцев, был не кто иной, как известный американский сенатор-реакционер Маккарен. Год спустя сами чиновники ведомства Майера заставили черноногих (в Орегоне) продать принадлежащие племени леса, причем индейцы получили всего треть самой низкой цены. И такая же судьба постигла тогда почти всех индейцев, живших в резервациях. Так, у навахов средний годовой доход семьи из восьми человек составлял тысячу долларов, что в шесть раз меньше годового прожиточного минимума белой семьи из четырех человек. Вот еще несколько примеров. В США, стране, занимающей первое место в мире по выработке электроэнергии, почти все жилые помещения двух главных дакотских резерваций (91 процент) не имели в ту пору электричества! И половина этих «квартир» состояла из одной комнаты. А школьное образование? Сто тысяч навахов во время этого нового «индейского кризиса» посылали в среднюю школу только 350 мальчиков и девочек. А каковы последствия этого неудовлетворительного положения? До сих пор 40 процентов индейцев, проживающих в США, не умеют читать и писать! Не более утешительны и результаты медицинского обслуживания: по последним официальным данным, средняя продолжительность жизни индейца в США составляет 41,4 года, в то время как остальные граждане доживают примерно до 69,7 лет.

Диллон С Майер был и автором, точнее, соавтором, так называемой терминационной и релокационной политики, нашедшей свое выражение в 1-й терминационной акте (Termination act) и Акте о перемещении (Relocation act) 1952—1953) Первый из этих законов передавал «попечение» о резервациях властям отдельных штатов. Майер говорил индейцам: «Избавившись от попечения и надзора федеральных властей, вы станете значительно более свободными». Однако действительной целью этой политики было не освобождение индейцев, а освобождение «индейских дел» от контроля общественного мнения страны. После того как «забота» о делах индейцев была возложена на власти отдельных штатов, местные капиталистические фирмы получали возможность успешней — «в местных масштабах» — завладеть прежде всего минеральными богатствами, открытыми на территориях некоторых индейских резерваций. Индейцы столь единодушно выступали против этого закона, что во время президентства Джона Фицджеральда Кеннеди от терминационной политики практически отказались. Другим «изобретением» Майера была «релокация», то есть перемещение индейцев из резерваций в города. Ее также демагогически пытались выдать за стремление освободить индейцев. В данном случае освободить экономически Майер указывал на тот давно известный факт, что в многочисленных резервациях (в них до сих пор находится примерно 400 тысяч индейцев) индейские племена живут в нищете. Индейцы якобы от нее, если покинут резервации и переселятся в города. На основе Акта о перемещении бюро по делам индейцев во времена Диллона С. Майера оплачивало переселенцам из резерваций расходы на переезд и кормильцу индейской семьи найти работу в городе. Но как только индеец находил в городе какое-либо занятие, бюро «вычеркивало» его из своих списков и такой переселенец переставал существовать для правительственного уполномоченного по делам индейцев и РУК Голденджени. Нетрудно догадаться, какую работу может найти в городе неграмотный; неквалифицированный индеец, часто к тому же не владеющий английским языком. Разумеется, самую тяжелую, временную, низкооплачиваемую, на которую в США нанимают исключительно «цветных» — неквалифицированных негров и особенно пуэрториканцев гно, обство Нововведения Майера, следовательно, ни в коей мере не способствовали решению индейской проблемы в США, а; напротив, делали положение индейцев еще более тяжелым. В 50-е годы углубилось также расслоение среди индейцев. И в резервациях, и за их пределами. Возникла тонкая прослойка преимущественно мелкой индейской буржуазии — владельцы магазинов, богатые фермеры. Индеец — крупный буржуа, как, например, вождь племени чироки У. У. Килер, вице-президент американского нефтяного концерна «Филипс петролеум компани», — исключительно редкое явление. Основа существования современных североамериканских индейцев, оставшихся в резервациях, — земледелие и скотоводство. Самые обездоленные индейцы — это те, у кого в доразвельтовские времена была отнята земля. Они вынуждены искать сезонную работу у фермеров. Так, индейцы из штата Айдахо уходят на уборку хмеля, более трети всех членов канадского племени микмак подрабатывает на уборке картофеля у фермеров североамериканского штата Мэн. Некогда столь

могущественных и богатых чироков Оклахомы возят работать на хлопковые плантации Арканзаса. Квакьютли из Британской Колумбии в рыболовный сезон нанимаются подсобными рабочими на местные консервные фабрики и т. д.

Впрочем, многие индейцы сейчас используют растущий интерес американцев к отечественной «экзотике» и полукустарным способом изготавливают различные изделия своих племенных ремесел, которые находят неплохой сбыт. Другим и куда более худшим следствием этого интереса стала отвратительная практика превращения индейцев в выгодную статью бизнеса. Индейцы, часто в соответствии с инструкциями служащих разных «Америкен экспрес», «Кук» и тому подобных компаний, демонстрируют туристам различные «воинственные танцы», одеваются отнюдь не по обычаям своего племени, а по образцам, распространяемым сотнями голливудских кинобоевиков, разбивают для белых туристов вигвамы, устраивают для них многочисленные празднества, участвуют в представлениях и делают еще бог весть что.

Так доллары, которые приносит индейцам оживление туризма, превращают недавних гордых хозяев североамериканских прерий и Скалистых гор (к счастью, далеко не всех) в скоморохов. Голливуд тоже нанимает индейцев на свои съемки, где они в сотнях вестернов изображают «индейцев», но, конечно, не такими, какими они были в действительности, а такими, какими их желает видеть буржуазная публика, любящая, когда ей щекочут нервы. Таково было положение индейского населения Соединенных Штатов в годы «нового индейского кризиса», в ту пору, когда во главе бюро по делам индейцев стоял Диллон Майер.

Но индейцы выступили с протестом против попыток Диллона Майера и ему подобных ввергнуть их в еще большую нищету. И решительнее всего против этой политики (которую особенно рьяно проводили власти штата Нью-Йорк) выступили те, кто вместе со своими двоюродными братьями — чироками всегда принадлежали к числу самых передовых народностей индейской Северной Америки, — Лига ирокезов. Они подняли не томагавки. Они подняли голос протеста. И его услышал весь мпр. Все народы, ибо мужественные ирокезы обратились в Организацию Объединенных Наций. 23 октября 1950 года представители Лиги ирокезов выступили в здании ООН с жалобой, в которой, в частности, говорилось:

«Соединенные Штаты и другие так называемые западные державы показывают пальцем на страны Восточной Европы и Ближнего Востока... В то же время США силой навязывают индейцам шести наций свое господство над ними. Во время прошлой сессии американского конгресса были внесены три законопроекта, которые в случае их принятия будут означать уничтожение Конфедерации шести наций. Эти законы будут насильственно навязаны народу, который не имеет своего представительства в правительстве, принимающем такие законы, и у которого нет никакого желания быть представленным в таком правительстве».

Далее авторы жалобы Лиги ирокезов обращаются к народу Соединенных Штатов: «Несколько лет назад вы выиграли великую войну. И мы воевали на стороне ваших генералов. Нам говорили тогда, что мы сражаемся за демократию, за права малых народов... Но почему теперь вы желаете порвать священные соглашения между вашей страной и шестью нациями?.. Ваши спекулянты землей приходят, чтобы обмануть и ограбить нас... ирокезов, некогда великую и могучую нацию...» Так говорили североамериканские индейцы, обращаясь к самой авторитетной аудитории мира...

После 1955 года движение индейцев США встречает в их собственной стране уже большее понимание. Тут сыграли свою роль и некоторые новые важные факторы. В первую очередь неоспоримые результаты официальной переписи населения, свидетельствовавшие о том, что число индейцев в США (а также в Канаде и на Аляске) все увеличивается. Ведь сегодня в США живет в два раза больше индейцев, чем в начале столетия! При этом естественный прирост индейцев в два раза обгоняет рост остального населения США. Весьма существенным образом меняется и отношение общественности Соединенных Штатов и Канады к индейцам. Постепенно с конца пятидесятих годов возникает некий общенациональный комплекс вины за несправедливости и обиды, нанесенные «краснокожим братьям», первоначальным обитателям Нового Света. Например, Кастер, герой антииндейских военных экспедиций, даже в глазах рядового американца превращается в кровавого убийцу. Выражением этого комплекса вины становится стремление загладить ее. Неожиданно появилось множество охотников помогать индейцам, начиная с американских церквей и кончая американскими президентами.

Но индеец хочет сам искать выход из создавшегося положения, хочет сам решать индейскую «проблему». Поэтому он прежде всего должен декларировать свои взгляды, обращаясь к этой другой, неиндейской Америке. Правда, он выражал их уже неоднократно. Начиная с выступлений великого Текумсе и кончая постановлениями ежегодных, регулярно проходящих съездов верховной и пока самой массовой организации индейцев США — Национального конгресса американских индейцев (НКАИ). Но первым в самом деле общенациональным и к тому же весьма реалистическим выступлением индейцев США была общеиндейская конференция, которую ее участники назвали «Голосом американских индейцев». Эта важная по своему значению конференция собралась не только по инициативе самих индейцев, но и по инициативе Чикагского университета, одного из наиболее авторитетных высших учебных заведений Соединенных Штатов.

Итак, инициаторами конференции были не только индейцы. Но делегатами ее в отличие, к примеру, от Пацкуарской конференции, сформулировавшей требования индейцев Латинской Америки (о ней мы будем говорить позднее), были исключительно индейцы США. Официальным организатором конференции был Национальный конгресс американских индейцев. Он пригласил в Чикаго многочисленные делегации всех индейских племен Соединенных Штатов. Но поскольку организаторы конференции стремились к тому, чтобы она была максимально представительной и отражала все существующие оттенки

взглядов, а такого рода собрание скорее напоминало бы по числу участников олимпиаду, чем рабочее совещание на высшем уровне, НКАИ в сотрудничестве с Чикагским университетом провел в девяти основных индейских областях США (Восток, Юг, Оклахома, область Великих озер, Юго-Запад, Южные и Северные прерии, Северо-Запад и Калифорния) местные конференции, которые должны были выработать предложения для главной встречи в Чикаго. Тем же, кому не удалось принять участие и в этих предварительных конференциях, предложено было высказать письменно свое мнение о современном положении индейцев США и о возможных формах решения индейской проблемы. Такие письма приходили. И каждое (некоторые из них были позднее опубликованы) красноречиво отражает неудовлетворительное экономическое и культурное положение большинства североамериканских индейцев и целых племен.

Чикагская конференция, подготовка к которой велась в благоприятной обстановке, созданной президентом Джоном Ф. Кеннеди и его правительством, открылась 13 июня 1961 года. Это была, несомненно, самая значительная и представительная встреча коренного населения Северной Америки за все существование США. На нее собрались 476 индейцев, представлявших 90 главных индейских общин. Чикагская конференция, проходившая восемь дней, вновь подтвердила основные требования индейцев — политические, экономические, требования в области медицинской и культурно-просветительной. Заключительная декларация конференции лишь иными словами повторила тезисы программного документа Национального конгресса американских индейцев, в котором политика федерального правительства (его стремление растворить индейцев в «обществе американских граждан» и таким путем повысить их жизненный уровень, лишив их в результате этой «интеграции» национальных особенностей и вообще всех «индейских черт») была прямо названа «нереалистической и разрушительной»!

Участники конференции заявили также: «Мы не требуем от Соединенных Штатов ни благотворительных мероприятий, ни покровительства. Не требуем даже доброй воли. Мы требуем лишь, чтобы был понят характер нашей проблемы и чтобы признание ее специфики стало исходным пунктом любой политики, любого мероприятия». И далее индейцы говорят: «Наш мир (Америка индейцев. — М.С.) исчез. Нам достались лишь жалкие клочки нашей страны. Но мы намерены сохранять и развивать даже эти клочки с такой заботливостью и честностью, с какой это сделали бы любой другой малый народ, любая этническая группа, стремящиеся сохранить самое себя, свое существование в качестве самостоятельной национальности».

Подводя итоги, можно сказать, что Чикагская конференция уже не уделяла главного внимания экономическим или социальным проблемам. Не требовала в первую очередь возвращения индейцам стольких-то и стольких-то гектаров земли. Так же как не ставила (в отличие от предшествующих конференций) на первое место требование, чтобы американское правительство увеличило экономическую и социальную помощь индейцам.

Это самое значительное общеиндейское собрание за всю историю Соединенных Штатов прежде всего подчеркнуло тот факт, что североамериканские индейцы представляют собой самостоятельную национальность с собственной исторической традицией и культурой. Лишь будущее покажет, в какой мере заключительный манифест Чикагской конференции опирался на реальные возможности развития. Для читателей книг и любителей фильмов об индейцах эти «новые североамериканские индейцы» выглядят, может быть, неожиданно. Внуки Винету¹, Херонимо и Сидящего Быка, естественно, кое в чем отличаются от своих дедов. Точно так же и борьба за будущее, борьба, которая их ожидала после Чикагской конференции и ожидает сейчас, будет не похожей на сражения, в которых участвовали герои книг об индейцах. Но это будет борьба столь же справедливая, столь же оправданная, как и оборонительные бои их предков. Это ощущение правоты своего дела прозвучало 13 июня 1961 года в Чикаго особенно сильно. В первой фразе заключительной декларации, в которой мы слышим «голос американских индейцев», отчетливо заявлено: «Мы верим, что индейский народ, так же как все другие народы мира, может и имеет право расти и развиваться...»

Говоря о подъеме, который переживают в эти годы североамериканские индейцы, мы можем взять в качестве примера самую большую индейскую группу Северной Америки — сто тысяч навахов, принадлежащих, впрочем, к числу беднейших индейских племен США.

Прежде всего у них улучшилось дело образования. Навахи основали несколько новых школ, где обучение ведется на родном языке. Благодаря этому увеличилось число грамотных навахов, умеющих читать и писать по-навахски. Навахи стали издавать собственную газету, которая печатается алфавитом, составленным для этого племени американскими этнографами Лафаржем и Харрингтоном (с использованием латиницы). Газета называется «Адахуонииги». Совет племени старается улучшить медицинское обслуживание навахов, состояние которого до сих пор весьма неутешительно. Поскольку самым опасным и распространенным врагом навахов является туберкулез, племя построило небольшой легочный санаторий. Кроме того, навахи в сотрудничестве с некоторыми американскими санитарно-просветительными организациями предприняли шаги для предупреждения туберкулеза. Они организовали несколько передвижных выставок о туберкулезе, обошедших все навахские деревни. На своей территории навахи построили несколько мастерских и лесопильный завод, который преуспевает и приносит общей кассе немалые доходы. Существенное развитие получило и скотоводство.

Улучшение экономического положения позволило племени послать молодых навахов в американские университеты и профессиональные школы.

И так же как навахи, за последние десять лет несколько улучшили условия своей жизни большинство индейцев Соединенных Штатов. Особенно те, кто покинул резервации еще до введения релокационной политики, главным образом в годы второй

мировой войны, когда США испытывали недостаток в рабочей силе. Они приобрели не только квалификацию, но и постоянную работу на промышленных предприятиях и в мастерских. Вопреки клеветническим измышлениям североамериканские индейцы проявили исключительные способности в освоении ряда промышленных профессий. Особенно хорошо индейские рабочие зарекомендовали себя в металлообрабатывающей промышленности.

Совершенно особое положение среди индейского рабочего класса занимает многочисленная группа индейцев американского северо-востока. Когда-то — еще до начала войны — в этой области строился большой стальной мост, который должен был соединить берега реки Св. Лаврентия. На канадской стороне мост кончался на территории резервации могауков.

Строители стального гиганта попросили могауков помочь при монтаже высотных конструкций. И местные индейцы проявили исключительные способности к высотным монтажным работам. Они карабкались по стальным конструкциям с такой поразительной уверенностью, что руководство фирмы, строившей мост, незамедлительно предложило ряду могауков заключить с ними долготелный контракт. Большинство из них согласилось, покинуло резервацию и ушло на новые стройки. Примеру могауков вскоре последовали индейцы ряда других племен американского северо-востока. В настоящее время на монтаже высотных конструкций по всем Соединенным Штатам работают главным образом представители ирокезских «шести народов». А поскольку наибольшее число высотных зданий строится в самом большом человеческом муравейнике мира — восьмимиллионном Нью-Йорке, то самая большая группа ирокезских рабочих трудится именно здесь. Так индейцы пришли в город, территорию которого 300 лет назад продали голландским купцам за несколько метров материи. Индейские рабочие принимали участие в строительстве, вероятно, всех без исключения грандиозных небоскребов на прославленном Бруклин Нейви Ярде, приветствующих каждого, кто прибывает в Нью-Йорк со стороны моря. Ирокезские рабочие даже создали в Бруклине собственный «индейский квартал» с церковью, где богослужение ведется на языке сенека.

Помимо индейских рабочих и индейских студентов, за последний период истории индейцев Северной Америки, который мы берем на себя смелость назвать «индейским ренессансом», резервации покинули также многие художественно одаренные представители отдельных индейских племен, особенно племен американского юго-запада. Они уезжали в Академию индейского изобразительного искусства, основанную в американском городе Санта-Фе. Между тем ведь до недавнего времени изделия индейских ремесленников, как мы знаем, служили лишь забавными сувенирами для падких до экзотики посетителей резерваций. Академия в Санта-Фе начинает проявлять серьезный интерес к современному искусству индейцев и прежде всего старается развить художественный талант наиболее одаренных индейских юношей и девушек. Из Академии вышла целая плеяда ныне широкоизвестных индейских мастеров изобразительного искусства. Назовем хотя бы наиболее знаменитого из них — наваха Тсиннаджинни. Но интерес к произведениям современных индейских художников не ограничивается вниманием к творчеству выпускников этой индейской Академии.

Широкий отклик вызвали, например, картины Паблиты Веларде — таоской индеанки из пуэбло Санта-Клара — и фрески Ма-Пе-Ви из пуэбло Сан-Ильдефонсо, гравюры художника-самоучки из племени кикапу Скай-бака и рисунки индейца потаватоми Вуди Крамба. Вновь оживает слава резчиков из различных племен американского северо-запада, особенно квакиютлей. Высоко оцениваются сейчас специалистами и корзины, сплетенные калифорнийскими индейцами, и гончарные изделия индейцев пуэбло. Этим образцам индейского искусства был открыт доступ в американские и западноевропейские галереи многих музеев (например, выставляются изделия супругов Мартинес из пуэбло Сан-Ильдефонсо, лауреатов премии Американского института художественной архитектуры, французской премии «Академические пальмы» и т. д.).

Изобразительное искусство, бесспорно, наиболее ярко свидетельствует о стремлении североамериканских индейцев создать свою новую, современную культуру, явно выходящую за рамки старой, традиционной культуры отдельных племен. Причем современное индейское изобразительное искусство, так же как другие формы новейшей культуры североамериканских индейцев, в большей степени, чем на традиции старой индейской культуры, ориентируется на нынешние потребности индейцев и особенно на те запросы, которые у них возникнут в будущем. Эту общую тенденцию лучше всего выражают слова индейского художника Ллойда Кива (чиро-ка по племенной принадлежности), который принял участие в первом конгрессе индейских мастеров изобразительного искусства, состоявшемся в марте 1959 года в аризонском городе Таксоне: «Будущее индейского искусства — именно в будущем, а не в прошлом. В поисках образов для индейской художественной продукции мы должны наконец перестать оглядываться назад».

Эти, несомненно, правильные принципы после окончания «эры Майера» начали применять в своей работе не только современные индейские художники США и Канады, но — и это гораздо важнее — практически все массовые организации североамериканских индейцев: Индейский комитет при американской ассоциации гражданских прав, Объединение для защиты американских индейцев, Ассоциация индейских прав, действующая в штате Пенсильвания, Братство туземцев Аляски, Ассоциация по делам индейцев Нью-Мексико и особенно верховная организация индейцев США — Национальный конгресс американских индейцев (НКАИ) с резиденцией в Вашингтоне.

Этот благоприятный индейский ветер еще более усилился, когда к власти пришел президент Джон Ф. Кеннеди. Кеннеди и ранее проявлял глубокое понимание индейской проблемы в США, ее сущности, путей ее решения. Позднее, уже будучи президентом США, он нашел время, чтобы написать предисловие к одному из лучших американских обзоров — «Книге наследства

индейцев» («The heritage book of Indians»), где прямо называет позорной политику США в отношении индейцев. Дошедшие до нас сообщения свидетельствуют о том, что Кеннеди готовил довольно радикальное изменение индейской политики Соединенных Штатов. Но преждевременная трагическая смерть не дала Джону Кеннеди осуществить эти намерения.

Быстрое развитие индейского движения, его частичные успехи, а также недовольство подавляющего большинства североамериканских индейцев, особенно тех, которые до сих пор живут в резервациях (и, как правило, в чрезвычайно тяжелых условиях), создали почву для созыва Чикагской конференции представителей всех индейских племен, населяющих США. Инициатором созыва этой конференции был Национальный конгресс американских индейцев, о чем мы уже рассказывали выше.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

КОЛОНИАЛИЗМ ПРОТИВ ИНДЕЙЦЕВ - ИНДЕЙЦЫ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

Итак, в Северной Америке большинство индейцев пришло в соприкосновение с европейскими колонизаторами значительно позже 1492 года. И как мы видели, многие группы индейского населения были побеждены только во второй половине XIX века. В Южной и Центральной Америке, где и поныне живет более 95 процентов всех американских индейцев, сложилось совсем иное положение. Испанские (и португальские) конкистадоры сразу же после «официального» открытия Америки Колумбом стремятся завладеть всеми практически доступными областями этой части «индейского дома».

К середине XVI века во всей «испанской Америке» только арауканы продолжают бороться против захватчиков, и покорить их Испании так и не удалось. Конкиста была завершена. Но колониальные державы, и прежде всего Испания, под владычеством которой в XVI—XVIII веках находи-; лось 90 процентов всех американских индейцев, по-прежнему хотели получать все больше богатств от эксплуатации Нового Света. Как и ранее, завоевателей в первую очередь интересуют золото и серебро, с самого начала представлявшие собой основную статью экспорта индейского континента. Эта «жажда золота» отражала общепризнанные в ту пору представления, согласно которым золото и серебро являлись единственным источником и единственным мерилем богатства. Однако сокровища, награбленные конкистадорами в Америке, были растрачены. А чтобы добыть новые, конкистадорам нужно было заставить обездоленных индейцев работать на себя.

Принудить их к этому пытался еще Колумб. В первой же американской колонии Испании — на Эспаньоле — он в 1495 году ввел своеобразный «золотой налог». Каждый индеец каждые три месяца обязан был сдавать наполненный золотом каскавелъ (нечто вроде маленького колокольчика). Впрочем, введение этого налога не оправдало ожиданий, поскольку у большинства индейцев на Гаити золота не оказалось и они даже не знали, где и как его добывать. Тогда Фердинанд и Изабелла, чтобы навести порядок, приказывают Колумбу повесить на шею всем, кто обязан платить золотую дань (то есть всем индейцам старше 14 лет), особые таблички, на которых сборщик податей будет записывать, сколько уже выплачено.

Однако организованная, продуманная «экономическая» эксплуатация индейцев связана уже не с именем Колумба, а с именем

Николаса Ован-ды. С 1503 года, когда Ованда стал губернатором Эспаньолы, начинается новый после официального открытия Америки период индейской истории.

Ованда (а затем и его преемники) прибегает к новому способу эксплуатации индейцев. Испанских поселенцев, большей частью обедневших кастильских идальго, наделяли индейцами вместе с их хозяйствами. Эти индейцы, формально считаясь свободными, объявлялись вассалами испанской короны, которая вверяла их опеке энкомендэро. Энкомендэро вменялось в обязанность опекать своих вассалов и особенно заботиться об их религиозном воспитании (в чем им должны были помогать специально назначенные духовники, так называемые курас доктринерас). За эту опеку индеец обязан был работать на своего энкомендэро и оказывать ему личные услуги. Первоначально энкомьенда даровалась энкомендэро пожизненно — «на одну жизнь». После его смерти индейцы и их земля возвращались королевской казне. Но энкомендэро, естественно, стремились сохранить надел для своих потомков и всеми средствами боролись за продление энкомьенды. Согласно так. называемому «Real Provision 4», изданному в марте 1536 года, действие энкомьенды было продлено на «две жизни», позднее на три, а в 1704 году — на четыре. Впрочем, королевские постановления носили, в сущности, формальный характер, поскольку неофеодальное дворянство в американских колониях отнюдь не намерено было отказываться ни от своих «вассалов», ни от их земель. Эта чисто феодальная система была упразднена только в 1718 году, когда она уже полностью изжила себя и объективно тормозила экономическое развитие испанских владений в Новом Свете.

Итак, абсолютное большинство американских индейцев вплоть до начала XVIII века жило под властью энкомендэро. Хотя испанское законодательство недвусмысленно возбраняло превращать индейцев в рабов, энкомьенды были своеобразной формой рабства в латиноамериканских странах. Индеец не имел права уйти от своего энкомендэро, отказаться работать на него и т. д. Энкомьенды некоторых аристократов достигали огромных размеров. Например, энкомендэро Хуан Харамильо «опекал» в Новой Испании 130 тысяч индейцев!

Однако в «испанской Америке» существовали немногочисленные группы индейцев, которые не «опекались» ни одним из энкомендэро и жили в так называемых редуക്ഷонес. Это были индейцы, противившиеся оседлому образу жизни и отказывавшиеся работать на полях и в шахтах завое-зателеи. Испанская колониальная администрация насильственно их кон-дентрировала в существующих или чаще во вновь основанных поселениях под надзором специального чиновника, которого называли коррехидор де пуэблос индиос. По наименованию этих чиновников такие индейские редукции в более поздние годы обычно назывались коррехимъенто. В совместном пользовании любой из них находились общинные владения — ресгуардо. Каждый год они делились на три части. Первая должна была служить индейцам редукции и разбивалась на парцеллы, отдававшиеся в личное пользование. Вторую составляли пастбища. Доход с третьей шел на уплату некоторых налогов и финансирование каха де ла комунидад — важного института, существовавшего почти во всех индейских редуциях колониальной эпохи и выполнявшего роль своего рода «национального страхования» членов общины. Каха помогала вдовам и сиротам, предоставляла финансовые вспомоществования сыновьям касиков, поступавшим в светские и духовные учебные заведения, и т. д.

Жизнь большинства индейцев с незапамятных времен и до наших дней связана с землей. Проблема земельной собственности имела поэтому для всей постколумбовой истории американских индейцев первостепенное значение. Часть земель, которыми индейцы «владели» в доколумбову эпоху, была отнята у них на основе энкомьенды вопреки всем королевским законодательным постановлениям. Обширнейшие сельскохозяйственные угодья отторгла у индейских общин церковь, которая во многих областях «испанской» и «португальской» Америки под конец колониальной эпохи стала крупнейшим земельным собственником. Часть земель непосредственно узурпировала корона. Индейцам, индейским общинам фактически остались лишь владения редукций. И когда энкомендэро и церковь сочли, что отнятая у индейцев земля уже более или менее прочно перешла в их собственность, они набросились на ресгуардо (а вместе с ними и все те, кто явился на индейский континент слишком поздно, с новыми волнами переселенцев в XVII и начале XVIII века). Особо острую борьбу за свою землю вели в колониальщц период индейцы Новой Гранады (современной Колумбии). Благодаря трудам американистов Х. Фриде и О. Капдеки лучше всего мы знаем как раз историю этих социальных боев. Борьбу индейских общин за свою землю очень затрудняло то обстоятельство, что ее формальными владельцами испанская колониальная администрация делала вождей отдельных индейских редукций, которые, руководствуясь примером своих испанских соседей, нередко рассматривали общинные земли как свою личную собственность и претендовали на исключительное владение ею.

На индейцев, живущих в редуциях, колониальная система также возлагала множество повинностей. Основной из них была обязанность платить трибут. Трибут платили все индейцы от 18 до 50 лет. Освобождались от этого налога только индейские вожди и их сыновья, а в Перу — все еще существовавшие йанакуны.

Наконец, долгое время были освобождены от налогов все тлашкаланцы за услуги, оказанные ими конкистадорам при завоевании Мексики. Но самой тяжелой повинностью для индейцев были принудительные работы. В испанских колониях Америки их, как правило, называли мита. Название это знакомо нам по эпохе инков. Но какая разница между митой в Тауантинсуйу и митой в колониальной Америке! Мита была разного рода. Была мита пастушья, мита, возлагавшая на индейцев обязанность прислуживать в домах королевских чиновников, но самой страшной была мита в рудниках. Индейские горняки — пролетарии из пролетариев тогдашней Америки, несомненно, подвергались наиболее жестокой эксплуатации.

Два доверенных лица испанского короля (Хорхе Хуан и Антонио Ульоа), которые в первой половине XVIII века путешествовали, выполняя его приказ, по американским колониям Испании, чтобы составить тайное донесение о подлинном положении в них, сообщали, что «на основе миты колониальная администрация посылает индейцев на принудительные работы продолжительностью до 300 дней в году». За весь этот каторжный труд индеец получал 14—18 песо! То есть немногим более одного песо за месяц работы! Из «жалованья» колониальная администрация удерживала еще до его выплаты 8 песо налога и 3 песо за рабочую одежду. Таким образом, самый прилежный индеец за целый год рабского труда не получал и ломаного гроша. Более того, «повинности» его часто превышали годовой заработок, и для оплаты «долга» приходилось трудиться сверх положенного срока. Фактически рабочий вынужден был работать непрерывно. Испанские хронисты той поры неоднократно повествуют о том, что индейцы, едва узнав о предстоящей отправке на работы, предпочитали без промедления покинуть жен и детей и скрыться в горах. Даже холод анд-ских вершин не страшил их так, как рабский труд в рудниках.

Но вернемся к энкомьендам... Когда через двести лет они были отменены, латифундистам удалось превратить их в асьенды — огромные поместья. Кое-где, особенно в Эквадоре и Перу, индейцы до сих пор остаются полузависимыми от землевладельца. После 1810 года, когда пришел конец испанскому владычеству над бывшим вице-королевством Новая Испания, на его огромной территории было лишь 4944 больших сельскохозяйственных владений: 3749 асьенд и 1195 скотоводческих ферм. Из этого явствует, что подобного рода земельные угодья непосредственно возникли из энкомьенд, занимавших многие тысячи гектаров. Нужно также заметить, что, кроме энкомьендэро, часть индейцев эксплуатировали сами королевские колониальные власти. «Королевские индейцы» были обязаны работать с 15 до 60 лет. Трудились они главным образом в рудниках, на строительстве дорог, мостов, казенных зданий и т. п. Их работой непосредственно руководил местный коррехидор.

Раз уж речь зашла о коррехидорах, очевидно, будет уместным коротко рассказать об организации испанской колониальной администрации, поскольку она, безусловно, оказывала влияние на судьбы широких групп индейского населения. Вице-королевство Новая Испания было создано в 1535 году. В последние годы испанского господства оно занимало территорию нынешних Мексиканских штатов и южную часть территории нынешних США — штаты Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Невада, Юта, Аризона и частично Колорадо, Вайоминг и Орегон. Другим главным испанским вице-королевством в Америке было Перу, образованное в 1542 году. Значительно позднее в менее важных областях «испанской Америки» были созданы еще два вице-королевства: Новая Гранада (нынешние Колумбия и Панама) — в 1718 году и Ла-Плата (нынешние Аргентина и Уругвай) — в 1776 году.

Вице-король имел широкие полномочия: он был личным наместником короля в колониях, командующим всеми войсками, он же назначал из предлагаемых епископами лиц католических сановников и т. д.

В некоторых районах «испанской Америки» мы находим также особые, самостоятельные в административном отношении колонии, не пользовавшиеся, однако, правами вице-королевств, — так называемые «генеральные капитанаты» (например, генеральный капитанат Гватемала, который управлял территорией Центральной Америки, генеральный капитанат Венесуэла, генеральный капитанат Чили и т. д.).

В колониальную эпоху индейцы жили не только в деревнях, но и в городах. Настоящих городов после ста лет правления испанцев в Америке насчитывалось примерно 250. В них существовали органы местного самоуправления — кабильдо. Разумеется, «самоуправления» богатых креолов. Кабильдо состояли из городских советников (рехидоров), которыми руководил староста — алькальд. Здание кабильдо вместе с храмом и резиденцией королевских чиновников образовывали *каса реаль* — центр города. Среди 250 вновь возникших латиноамериканских городов достойны упоминания не многие — Мехико, Лима, Буэнос-Айрес, Кордова и несколько других. Но один среди этих городов заслуживает особого внимания. Это Потоси.

Потоси! Город, отцом которого была неукротимая алчность, а матерью — блестящее серебро. Город, за несколько лет ставший крупнейшим во всем тогдашнем мире. Город, где была настоящая гора из чистого серебра. Ее случайно открыл через несколько лет после завоевания Тауан-тинсуйу индеец по имени Вильярроэль, находившийся на службе у завоевателей. Несчастные соплеменники Вильярроэля, загнанные позднее в серебряные рудники высокогорного Потоси, чьясьякратно проклиная «первооткрывателя». Как только испанцы обнаружили в буквальном смысле слова «кладезь серебра», о котором прежде говорилось лишь в самых фантастических легендах, их уже ничто не могло остановить. Карл V дал городу гордое название «Вилья Империял де Потоси» («Имперский город По-тоси») и получал за это ежемесячно тонны серебра из неисчерпаемой горы. Через двадцать лет после основания Потоси насчитывало 120 тысяч жителей, а в 1580 году — 160 тысяч. Уже тогда он был самым многолюдным и самым богатым городом во всей Америке. Главная площадь Потоси той поры отчасти напоминала Пятое авеню в Нью-Йорке, отчасти — парижские Елисейские поля. А на его окраине — дабы от них не потускнел блеск серебряной метрополии — в 139 наскоро выстроенных деревнях влачили нищенское существование индейцы и тысячами погибали, согнанные испанскими чиновниками на основании миты. Высокогорная стужа, вечное голодание, многочасовая каторжная работа в шахтах и вдобавок еще разреженный воздух высот ежедневно, ежечасно сокращали число жителей индейских гетто Потоси. Но убыль в рабочей силе быстро возмещалась: в рудники массами пригоняли новых рабочих. Лишь одно поддерживало индейских горняков — кока. С утра до вечера они жевали ее листья, но кокаин, временно поднимая жизненный тонус, тоже убивал их. Индейцы Южной и Центральной Америки в эти бедственные для них годы столкнулись не только со «светским» колониализмом.

Вскоре они познакомились и с римско-католической церковью — с ее духовниками, монахами, миссионерами, с ее идеологией. Деятельность католической церкви среди индейцев «испанской (и португальской) колониальной Америки» мы можем разделить на три периода, которые возьмем на себя смелость назвать по именам отдельных орденов, игравших на каждом из этих этапов главную роль в миссионерской активности церкви. Первый — доминиканский, второй — иезуитский и третий — францисканский.

Наибольшую терпимость проявили первые — доминиканцы. Именно среди них оказалось несколько «белых ворон», которые не принимали участия в ограблении коренных жителей Нового Света и пытались в меру своих сил помочь индейцам (как, например, мичоаканский епископ Васко де Кироза), или интересовались индейской культурой (Бернардино де Саахун), или даже защищали интересы индейцев (Бартоломе де Лас-Ка-кас). Относительно великодушные доминиканцы были также авторами плана учреждения в Америке католических миссий. Отцом этой идеи называют Педро де Кордобу, осуждавшего (и несомненно, с полным основанием) создание энкомьенд и рекомендовавшего организовать миссии, где индейцы под присмотром «братьев» возделывали бы почву, укреплялись в «святой вере» и где бы о них заботились. Ранние пропагандисты миссий, люди благородной души и чистого сердца, пытались направить их деятельность в такое гуманистическое русло. Ведь первую миссию в Америке попробовал основать лучший из лучших — Бартоломе де Лас-Касас.

К тому же многие доминиканские монахи находились в ту пору под влиянием идеалов «Утопии» Томаса Мора и верили, что осуществят в своих миссиях упования великого мечтателя. Но американская действительность нуждалась не в мечтателях, а в реалистах. И с этой невероятно жестокой действительностью заставляя индейцев вплотную соприкоснуться колонизаторы в капюшонах — посланцы иезуитского ордена.

В 1540 году папа Павел III утвердил статут Братства Иисусова. И иезуиты сразу же принялись за дело. Сначала они отстаивали интересы церкви в Европе, выступали в поддержку усиления власти папы на церковном соборе в Триденте, а затем разбрелись по разным странам. Но для нового, чрезвычайно динамичного ордена Европа оказалась мала. И вот каждый месяц из Кадиса (а также из Лиссабона) начинают отплывать караваны судов с новыми миссионерами. Право основывать миссии первоначально сохраняли за собой испанские иезуиты. Позже двери в Новый Свет открываются и перед некоторыми другими иезуитскими провинциями. Иезуиты не удовлетворяются, как доминиканцы, учреждением отдельных миссий, но с самого начала стараются завладеть в различных местах Америки целыми областями, в которых они могли бы затем неограниченно господствовать, наживаясь на эксплуатации индейцев. Первую попытку создания такого «государства в государстве» иезуиты предприняли в Боливии, а затем — с большим успехом — в центральной части южноамериканского континента, на гигантском пространстве, которое, собственно, включало в себя территорию всего нынешнего Парагвая, севера Аргентины, Уругвая и даже бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул-и-Парана.

О том, как быстро действовали иезуиты, лучше всего свидетельствуют две даты. Первый иезуит появился в Парагвае в 1608 году, а в 1611 году орден уже получает от испанского короля Филиппа согласие на создание самостоятельной, независимой от кастильских колониальных властей иезуитской империи. Иезуиты добились, чего хотели. Собственное государство! Б отдельные «редукции» из джунглей приводят до сей поры свободных индейцев и заставляют их работать на плантациях иезуитов.

Религиозное воспитание, о котором иезуиты прежде столько говорили, теперь их не слишком заботит. Зато они интересуются производством парагвайского чая — йерба матэ, получением дохода от его продажи, ценами на мировом рынке. Один ученый подсчитал, что Паракариа — иезуитское государство и вместе с тем коммерческое предприятие — ежегодно получала от рабского труда своих индейских овецек 900 процентов чистой прибыли! Аргентинский историк Лугонес, который по поручению аргентинского правительства изъездил позднее всю обширную территорию «миссионес», определил общую сумму, полученную иезуитами за 160 лет существования их империи, в 10 миллиардов крон! И не удивительно. Ведь своим рабам они не платили ни полушки. Когда патеры Омеро и Марсиель де Лоренсана начинали свою деятельность, они соznали и навечно закрепили за вновь основанной миссией 50 семейств (подобные миссионерские поселения называются «редукциями»). К концу существования иезуитской империи (1767 год) 2860 иезуитов владели 717 тысячами индейцев. Где те времена, когда короля Филиппа благодарили за разрешение «воспитывать в божьей вере язычников», живущих на берегах Параны... Когда в 1750 году по договоренности между испанским и португальским королями часть территории иезуитской империи (которая как-никак формально принадлежала испанской короне) была уступлена Португалии, иезуиты просто-напросто не подчинились решению испанского короля Филиппа VI и объявили Португалии войну! Паракариа более пяти лет воевала с португальскими войсками, и это была одна из удивительнейших войн — война, получившая название «иезуитской» (между прочим, иезуитская армия, насчитывавшая 60 тысяч солдат, разумеется индейских, представляла самую крупную военную силу на всем континенте). Тут уж кончилось терпение и у папы, и у столь католического монарха, каким был испанский король. Сын Фердинанда Карл III в 1767 году изгнал иезуитов из Америки. И еще одно любопытное обстоятельство: во всей Паракарии, как известно, жили исключительно индейцы и иезуиты, другие белые не имели доступа в иезуитскую империю. Однако же после ухода иезуитов в Паракарии оказалось несколько тысяч метисов. Если учесть, что иезуит должен строго блюсти целибат, тут воистину не обошлось без чуда!

Когда иезуитский орден был изгнан из Испании, а следовательно, и из ее "колоний, его место заняли францисканцы. Начинается

третий период деятельности миссионеров среди индейцев. Сферой ее францисканцы почти исключительно избрали Калифорнию, одну из тех земель, которые давно составляли часть «испанской Америки» — вначале вице-королевства Новой Испании, а позднее Мексиканской республики. Основателем калифорнийских миссий принято считать францисканского миссионера Хуниперо Серра.

А поскольку францисканские миссионеры в ту пору сосредоточили свои усилия на одной, не слишком обширной области, то на их примере можно лучше всего ознакомиться с деятельностью католических орденов среди индейского населения и в особенности с реакцией на нее со стороны индейцев. Пример этот тем наглядней, что Калифорнией и ее индейцами полностью завладели францисканцы, так же как некогда индейцы континентальных областей Южной Америки целиком находились под властью иезуитской деспотии. Ведь и все значительные современные города Калифорнии (и по соседству с ней) первоначально были францисканскими миссиями и до сих пор носят свои первоначальные названия: Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Диего, Санта-Барбара, Санта-Клара, Санта-Фе. Эль-Пасо, Монтерей, Сан-Антонио и другие.

Калифорнийские францисканские миссии ставили перед собой одну цель: в буквальном смысле слова «наловить» индейцев, привести в миссию и обратить в веру Христову, а затем «отрапортовать» о числе вновь крещенных язычников. Современный калифорнийский американист Кук псыывает ряд таких «кампаний». Так, например, в 1805 году патер Пе-ральта отправился из миссии Санта-Клара на охоту за индейцами. Те, естественно, защищались, и экспедиция применила против них оружие. Пятеро были убиты, остальные бежали, и францисканцы доставили в миссию лишь 25 индейских женщин, которых затем крестили. Интересно, что миссии соперничали между собой в борьбе за индейские души. Так, например, сохранилось письмо францисканца, который сваливает вину за свой неуспех в деле обращения индейцев в святую веру на некоего патера Саррио, который якобы помешал охоте на племя тула-ров. В другом дошедшем до нас письме, датированном сентябрем 1819 года, патер Аморосо пишет, что в миссии Сан-Рафаэль ему удалось крестить 100 индейцев из области Тамал. И это, дескать, были те, «кто пережил конкисту, которую вела против них миссия Сан-Франциско».

Условия жизни индейцев во францисканских миссиях были ужасными. Индейцам, выполнявшим тяжелые земледельческие работы, францисканцы оставляли лишь жалкие крохи из того, что те выращивали. Кук не поленился обстоятельно подсчитать, сколько калорий содержалось в пище, выдававшейся индейцам в отдельных калифорнийских миссиях в 1783—1815 годах. Ограничимся здесь лишь главными миссиями:

Миссии	Калории в день
Сан-Диего	955
Сан-Фернандо	1420
Санта-Барбара	1115
Сан-Мигель	865
Сан-Антонио	715
Ла-Соледад	1535
Санта-Клара	1165
Сан-Хуан-Батиста	1080
Монтерей	650

Общезвестно, что крестьянин, выполняющий тяжелую физическую работу, должен получать по меньшей мере 4 тысячи калорий ежедневно.

Наряду с голодом и неволей индейцев убивали различные инфекционные болезни, нередко завезенные из Европы. Опять предоставим слово цифрам. Они потрясающи. Так, например, в 1806 году из каждой тысячи индейских новорожденных умирало 365. Согласно другому сообщению, детская смертность в миссии Санта-Клара составляла несколькими годами позже 542 ребенка на тысячу родившихся, а в миссии Сан-Хуан-Батиста — даже 577!

Итак, рабский труд, голод и эпидемии — вот что принесли калифорнийским индейцам францисканские миссионеры (да и не только францисканцы и не только в Калифорнии). Голод, болезни, неволя, каторжный труд — и вот результаты: в 1770 году, когда в Калифорнию пришли первые миссионеры, там жило 135 тысяч индейцев, в 1823 году их уже было только 100 тысяч, а в 1848 году — 88 тысяч. Тремя годами позднее — 73 тысячи! За очередные пять лет вымирает еще одна четвертая часть индейского населения. За последующие пять лет — новая треть. После того как Мексика проиграла войну с Соединенными Штатами и вместе с другими своими «провинциями» потеряла и Калифорнию, францисканские миссии приходят в упадок. Прекращается и всякая их деятельность среди индейцев.

Католическая и многие протестантские церкви, разумеется, оказывали воздействие на индейцев и в полукOLONиальную эпоху — но об этом позднее. Пока мы лишь констатируем тот факт, что с экономической, социальной, культурной и медицинской точек зрения влияние церкви на индейцев Южной и Центральной Америки имело столь же негативные последствия, как и влияние «светских» колонизаторов.

Весь комплекс вопросов, связанных с тяжчайшим национальным и социальным положением коренных жителей Америки, принято

называть индейской проблемой. Индейская проблема в отдельных странах нынешней Латинской Америки возникла в тот день, когда испанские (а в Бразилии португальские) конкистадоры установили свою власть над индейцами и ввели во вновь приобретенных владениях свои экономические и политические порядки. Конкиста, колониальное господство, да и республиканское правление практически носили антииндейский характер. Массы индейского населения этих стран, как мы видели, были превращены в бесправный объект воздействия политических, экономических и социальных учреждений. Всякого, кто занимался или занимается решением индейской проблемы (разумеется, в пользу индейцев), в специальной литературе обычно называют индигенистом.

Первым предшественником индигенистов, первым, кто еще на Эспаньо-ле выступил в защиту индейцев, бесспорно, был доминиканский монах Антонио де Монтесино. «Индигенистские» взгляды Монтесино нашли выражение в его знаменитой проповеди, произнесенной в последнее предрождественское воскресенье 1511 года в одной из деревенских церквей Эспаньолы. Эту имевшую широчайший отклик проповедь сохранил для нас в своей «Истории Индии» последователь Антонио де Монтесино епископ Бартоломе де Лас-Касас.

В проповеди, которую Монтесино начал цитатой из Библии: «Я — есмь глас вопиющего в пустыне», он публично и чрезвычайно резко обвинил испанцев в том, что они слишком жестоко обращаются с индейцами и принуждают их к самым тяжким работам. Он говорил испанцам: «... На каком основании вели вы столь несправедливые войны против миролюбивых и кротких?.. Разве они не люди? Разве нет у них души и разума?» — т. д.

Понятно, что проиндейская речь Монтесино вызвала крайнее возмущение собравшихся испанцев. Эспаньольские белые даже обратились потом к самому губернатору острова — сыну Колумба Диего Колону. В результате появилась жалоба, посланная самому королю, в которой утверждалось, что доминиканский монах Антонио де Монтесино отказывается его величеству в праве поступать с индейцами по собственному усмотрению.

Это и последующие выступления Монтесино, а также вышеупомянутая жалоба впервые заставили королевский двор более глубоко заняться индейской проблемой.

Ранее индейцы почитались абсолютно бесправными существами, по сути дела, их не считали за людей. Спустя три года после открытия Америки сам двор (приказом от 12 апреля 1495 года, адресованным епископу Сонсеке) распорядился продать в рабство всех доставленных в Испанию индейцев.

Выступление Монтесино вынудило королевский двор заняться правовым статусом американских туземцев. С этой целью король назначил комитет, членами которого, помимо духовенства, были и крупнейшие испанские правоведы того времени.

Первых американских колонистов, сочувствовавших индейцам, противников рабства, представляли в этом комитете французсканец Алонсо де Эспаль и доминиканец Антонио де Монтесино. Комитет собирался более двадцати раз.

Несмотря на противодействие большинства его членов, ссылавшихся на тезис Аристотеля, согласно которому на свете есть существа «высшие» и «низшие», и «низшие» в силу своей «природы» должны служить «высшим», Монтесино добился признания за индейцами права на личную свободу и человеческое обращение.

Это положение легло в основу так называемых «Бургосских законов» («Leyes de Burgos»), которые представляли собой первое законодательное установление касательно индейцев во всей истории Америки. Они были подписаны королем 27 декабря 1512 года. «Бургосские законы» в пору своего опубликования касались лишь индейцев Антильских островов, и прежде всего коренных жителей острова Эспаньолы. Однако семь лет спустя Испания организует конкисту «твердой земли» — материка. И первой ее целью являются обширные земли, лежащие на другом берегу Карибского моря, — Мексика.

В 1521 году завоевание Мексики было завершено. В пору, когда Кортес учиняет массовую резню последних индейских защитников Теночтитлана, уже вступает в борьбу за права индейцев их, по всей вероятности, самый прославленный защитник из числа испанцев и из рядов духовенства — Бартоломе де Лас-Касас. Личность и идеалы Касаса настолько известны, что нет необходимости здесь снова напоминать о них. Однако больше, чем главный труд Лас-Касаса — «Кратчайшее сообщение о разорении и истреблении индейцев» («Indiarum devastations et exidii narratio brevissima»), — нас интересует предпринятая им попытка практического решения индейской проблемы в духе своих представлений.

Убедив короля в справедливости своих воззрений, он вместе с несколькими другими доминиканцами в 1520 году едет в Куману.

План Лас-Касаса прост. Он хотел создать некую независимую индейскую территорию, куда доступ белым был бы запрещен.

Доминиканские монахи должны были обучать здесь индейцев обрабатывать землю, изготавливать плуги и другие орудия земледелия и т. п. Для реализации этого плана король наделил Лас-Касаса землями на Жемчужном Берегу. Король удовлетворил и другую просьбу Касаса, строго запретив всем белым без исключения появляться в миссии Лас-Касаса.

И тем не менее проект Лас-Касаса провалился. В малодоступной Ку-мане ни один испанец не принимал приказа короля всерьез. И когда Лас-Касас уже находился на территории своей «миссии», в «неприкосновенную» землю вторгается экспедиция Гонсалеса де Окампо, который охотится здесь за рабами для шахт и плантаций, расположенных поблизости Антильских островов. Касас едет к губернатору, чтобы просить его о вмешательстве. А тем временем в миссии истребляет индейцев экспедиция Кастьяно. Так был похоронен план Лас-Касаса — первая попытка практического решения индейской проблемы.

После того как Мексика была завоевана, в новую колонию прибывают тысячи светских и духовных переселенцев.

Идеалы Бартоломе де Лас-Касаса долгое время не находят у них ни- 'какого отклика. Первым его последователем стал шестидесятилетний доминиканец Васко де Кирога. Деятельность его развернулась среди тарасков, в селении (ныне городе) Пацкуаро, на берегу одноименного озера.

Главным принципом Кироги было поистине революционное для своего времени требование: «Мы должны повысить жизненный уровень индейцев до уровня европейцев». Для достижения этой цели Кирога предлагал ряд индигенистских мероприятий. Уже тогда он совершенно правильно отводил первостепенное место в решении индейской проблемы земельной собственности. Он рекомендовал и впредь сохранить общинное землевладение. Кирога чрезвычайно решительно выступал против энкомендэро, которые пытались захватить землю тарасканских общин. Он выдвинул также идею создания своего рода индейских кооперативов.

Кирога понимал, что повышение жизненного уровня индейских земледельцев непосредственно зависит от культуры возделывания земли. И потому рекомендовал устраивать специальные курсы, где бы индейских земледельцев знакомили с культурой земледелия тогдашней Европы.

С требованием улучшить условия труда индейцев связано и другое требование Кироги, имевшее поистине революционное значение. Он предлагал ограничить продолжительность рабочего дня индейцев шестью часами.

Как мы видим, пацкуарский миссионер Васко де Кирога опередил свое время на целых четыре столетия. Индигенистские идеалы Кироги затрагивали не только экономическую сторону индейской проблемы. Его волновали также социальные и педагогические ее аспекты. Первым во всей Америке Кирога стал строить для индейцев так называемые оспиталес, которые, однако, вовсе не представляли собой, как можно было бы заключить по их названию, больницы; в них размещались прежде всего органы индейского самоуправления (не забудьте, что речь идет о XVI столетии), а также общинные «кооперативные» мастерские. В таких оспиталес были и приюты для индейских детей.

Кирога, не обладавший писательским талантом Бартоломе де Лас-Касаса, оставил крайне незначительное «литературное наследство». Этим, видимо, и объясняется, почему о нем сейчас редко вспоминают, хотя он, бесспорно, опередил своих современников (не исключая самого Лас-Касаса) в том, что частично осуществил свои индигенистские идеалы (здания его оспиталес до сих пор стоят в Пацкуаро), и в том, что первым преодолел чисто благотворительный характер обычных индигенистских акций, поставив во главу угла при решении индейской проблемы вопросы экономические, и прежде всего земельный вопрос. Таким образом, Васко де Кирога был первым подлинным индигенистом в истории Латинской Америки. Индейскую проблему пытались решить и сами индейцы.

В колониальную эпоху решение ее они видели преимущественно в вооруженной освободительной борьбе. Революционное движение индейцев было исключительно широким и многообразным. Колонизаторы, разумеется, не были заинтересованы в том, чтобы о тысячах индейских восстаний и мятежей узнал мир. Дело, однако, не только в этом. Колумбийский американист Хуан Фриде отмечает в своей статье «Индейцы и история» («LOP indios y la historia»), что история борющегося и воюющего индейца в колониальную эпоху и культура индейцев постеколумбовой поры, помимо уже указанных причин, намеренно игнорировались еще и для того, чтобы не только настоящее, но и прошлое латиноамериканских стран (в данном случае Колумбии) было представлено исключительно «как история белых». Но хотя мы должны постоянно помнить, что Америку в отличие от иных районов мира, которые мы теперь называем «развивающимися», в значительной мере заселили представители других рас, а именно белые и черные, однако в обеих главных индейских областях — в Месоамерике и Андах — индейцы до конца колониального периода имели абсолютное численное превосходство, которое в андской области (например, в Боливии и сейчас девять десятых населения составляют индейцы плюс индейские метисы), а также в некоторых районах Месоамерик (в Гватемале, на Юкатане и т. д.) сохранили и "доныне.

Если попытаться проследить всю историю национально-освободительного движения индейцев Латинской Америки в колониальную эпоху, то пришлось бы начать с первого восстания гаитянских индейцев против бесчеловечных порядков, установленных на этом острове еще Колумбом, — восстания, вспыхнувшего на Эспаньоле всего через год после «официального» открытия Америки.

На «твердой земле», то есть на самом Американском континенте, первое большое индейское восстание вспыхнуло _в центральноамериканском Чиापаса, штате, который теперь является частью Мексиканской республики. В 1524 году (всего через два года после завоевания этой области конкистадорами) здесь поднялись на борьбу пять индейских племен. Семью годами позже взбунтовались ацтеки в бывшем Теночтитлане, ныне городе Мехико. Затем — к северу от города Мехико — индейцы тогдашней Новой Галисии. В 1616 году — тепехуаны, а после них индейцы, населявшие стратегически важный Теуантепекский перешеек.

В Перу вскоре после завоевания Тауантинсуу и убийства последнего инки — Атауальпы разгорелась длительная партизанская война, руководимая его преемниками («неоинками»). Особенно широкий размах она приобрела в то время, когда во главе перуанских индейцев стоял Манко Второй. В 1565 году следующий инка, Титу Куси, подготовил восстание на территории всего опустошенного Тауантинсуу, но кто-то выдал заговорщиков и до восстания дело не дошло. В 1572 году казнью Тупака Амару (Первого) заканчивается вооруженная борьба послеписарровских инков. Центр индейского сопротивления переносится теперь в

джунгли, в труднодоступные области у восточных склонов Анд. В начале XVII века на передовые испанские позиции нападают хиваро, а затем, в 1742 году, далее на юг — кампы, предводительствуемые легендарным вождем, которого испанцы называли Хуан Сантос и который сам себя величал Атауаль-па Апо Инка. Этот Атауальпа неоднократно побеждал испанские войска, посланные против его свободной Кампской республики. И кампы сохранили независимость до смерти своего вождя (1756 год). Некоторые из индейских восстаний колониального периода были направлены против миссионеров, монастырей, иначе говоря, против церкви и ее служителей. Во время одного из таких антимиссионерских восстаний погиб, например, видный чешский миссионер иезуит Индржих Вацлав Рихтер. Другой представитель чешской провинции Братства Иисусова, патер Тадеаш Энис (из Чеканиц), оставил нам дневник, в котором мы находим пространное описание освободительного движения гуарани — индейцев, составлявших основную массу населения иезуитского государства Паракариа. Еще один пражский иезуит, Йозеф Нейман, даже написал по-латыни целую книгу о непрекращающейся антииезуитской борьбе индейцев северной Мексики. Книга эта была издана в Праге в 1724 году под названием «История восстания, которое против миссионеров Братства Иисусова и их помощников подняли народы индейские, в особенности тарахумары в Северной Америке и в королевстве Новая Кантабрия, кои уже почти полностью были обращены в веру католическую».

Однако революционные выступления индейцев чаще всего были направлены не только против миссионеров, но и против системы колониального грабежа в целом. Вот почему первый удар всегда обрушивался на деятелей колониальной администрации. Так было и во время так называемой революции Тупака Амару (Второго). Тупак Амару Второй, по-испански называвшийся Хосе Габриэль Кондорканки, был, бесспорно, одним из величайших революционных вождей, каких имели индейцы после 1492 года. Родился он в 1742 году в общине Суринама (провинция Тинта). Молодость его прошла в значительно более благоприятных условиях, чем у остальных молодых индейцев андской области. В то время как другие, подчиняясь жестокой мите, целый год трудились в рудниках, Хосе Габриэль Кондорканки, отец которого был куракой (эту инскую должность переняла и использовала колониальная администрация), был послан на учение в Куско. В родной край он вернулся образованным, просвещенным человеком. Испанцы сумели оценить его достоинства, а поскольку принципом политики всех колониальных властей является стремление привлечь на свою сторону туземную верхушку и местных вождей, они оказывали Хосе Кондорканки исключительное благорасположение. Его утвердили в должности кураки и даже даровали ему дворянство и титул маркиза де Оропес. Но в отличие от многих других этот индейский маркиз не дал купить себя. С ужасом и гневом наблюдал он, как на основе миты индейцев из «его» деревень, точно скот, сгоняют в рудники, откуда они никогда уже не возвращаются, и ненавидел коррехидоров, под непосредственным руководством которых действовала вся система жестокой эксплуатации индейцев.

Сначала Хосе Кондорканки искал мирных путей для исправления этой системы. Курака Кондорканки писал об ужасах колониального произвола письма и петиции, но безрезультатно. И тогда он пришел к выводу, к которому 180 лет спустя вновь придут деятели индейского движения: нужны не реформы, а революция! И начал готовиться к борьбе.

Он провозгласил себя никой, прямым потомком последнего тинтайского писарровских инков — Тупака Амару Первого, и принял его имя. Началось восстание с казни одного из наиболее ненавистных индейцам всего Перу колониальных чиновников — коррехидора тинтайского. И уже в этом первом революционном акте явственно выступает продуманная концепция восстания.

Ненавистный колониальный палач был не просто убит, а публично — можно даже сказать «официально» — судим и казнен восставшим народом. Произошло это 10 ноября 1780 года на площади в Тунгусуке. Тунгусука превратилась затем в центр, в сердце объятой восстанием страны. Со всех сторон устремлялся в Тунгусуку непрерывный поток индейцев. Тупак Амару предстает перед нами не только как великий революционер, но и как великий государственный деятель. Индейское движение устами своего вождя формулирует программу революции, и соратники Амару разносят ее по всему западу Южной Америки. Эта программа включает в себя требование отмены миты, отмены института коррехидоров и многое другое. Был в ней еще один пункт, в котором ярче всего проявился гуманизм программы индейцев, воюющих за свою независимость, — требование свободы и для черных рабов!

Но Тупак Амару Второй не останавливается на этом. Он впервые формирует индейское правительство — хунту привада. И стремится к созданию широкого антиколониального фронта, выражая готовность идти ради этого на союз с некоторыми представителями землевладельцев и духовенства. Он хочет использовать ненависть креолов (белых, родившихся в Америке) к испанским колониальным чиновникам, рожденным в Европе, которые высокомерно относились не только к индейцам, но и к своим креольским соотечественникам. К сожалению, эта попытка Амару не увенчалась успехом. Священники с самого начала восстания решительно выступали в защиту колониальных властей.

Стотысячная повстанческая армия сразу же, еще в ноябре, у Сунгарари наголову разбила силы Испании. И тогда Тупак Амару совершил свою первую ошибку. Куско после победы повстанцев у Сунгарара был беззащитным, но Тупак Амару, вместо того чтобы ввести свою армию в бывшую столицу Тауантинсуу, взятие которой индейскими силами значительно повысило бы и без того огромный престиж восстания и его вождя, вернулся в Тунгусуку. Через короткое время более чем стотысячное войско Тупака Амару снова выступило в поход и двинулось на юг, освобождая по пути одну провинцию за другой (13 декабря 1780 года армия последнего инки достигла озера Титикака). Во время этого великого похода было освобождено 24 провинции, и их индейское население во все возрастающем числе присоединялось к освободительной армии. Но и враги не дремали. Пока Тупак Амару

расправлялся с испанскими властями на юге.

Испанцы по всему вице-королевству в страшной спешке создавали из всех, кого можно было поставить под ружье, батальоны и полки, один за другим покидавшие Лиму и спешившие в Куско. И когда армия Тупака Амару вернулась из похода и собиралась «прямо с ходу» взять Куско, было уже поздно. Древняя столица не распахнула своих ворот перед законным преемником инкского трона. Индейские воины были утомлены маршем в несколько тысяч километров, между тем как испанцы в Куско не испытывали недостатка ни в людях, ни в вооружении. После непродолжительной осады и сражения в предместье Куско, ко трое завязалось между индейской армией и испанцами 18 января 1781 года и не принесло победы ни одной из сторон, инка решил отойти от города. Испанцы, разумеется, постарались воспользоваться подавленным настроением в армии инки. Они начали с того, что удовлетворили требования, с которыми Тупак Амару Второй начинал свое восстание. Они объявили о ликвидации института коррехидоров и отмене «реитарго» ненавистной индейцам обязанности ежегодно покупать навязываемые коррехидором изделия европейского производства (для индейцев эти предметы часто были совершенно бесполезны, а для того, чтобы заплатить за них, приходилось отдавать последнее). Намерения инки простирались значительно дальше. Но то, что испанцы приняли его первоначальные требования, естественно, дезориентировало многих индейцев из стана Тупака Амару. Кроме того, всем «мятежникам» (за исключением, конечно, самого Тупака Амару и его ближайших сподвижников) испанцы обещали полную амнистию, если они сложат оружие. Наконец, они сулили 20 тысяч золотых песо тому, кто схватит предводителя восстания и живым доставит колониальным властям. Предатель нашелся. И даже в самой семье инки. Его кум Франсиско Сайта Крус, метис из Куско, капитан армии инки и священник из Ланги со своими помощниками вероломно пленили инку и передали испанцам. Далее все шло заведенным порядком: короткое и чисто формальное судебное разбирательство, а затем казнь инки, его жены, детей, родственников и соратников.

Однако величайшее в истории Америки индейское восстание продолжалось. В Перу войска инки возглавил теперь его сводный брат Диего Кристоаль Тупак Амару. Он перенес свою ставку из Тунгусуки, родного города Тупака Амару, в расположенный несколько южнее Асангаро в провинции того же названия, и оттуда руководил военными действиями до тех пор, пока испанцы, убедившись, что силой им не одолеть индейцев, сами не попросили мира. Одновременно они вновь заявили, что удовлетворят все требования казненного инки и отменяют миту, «подати» и церковную десятину. Но Диего Кристоаль Тупак Амару и слышать не хотел о мире с испанцами. В нем еще жива была память о том, как расправились с инкой враги. В конце концов красноречивый кусканский епископ Мос-коса, выдававший себя за друга индейцев, все-таки убедил Диего Кристоаля в честности намерений испанцев. Москоса послал новому предводителю индейских войск письмо, в котором заверял индейцев: «Услышьте, дети мои, голос своего пастыря, который вас ищет и просит [принять предлагаемый испанцами мир] не для того, чтобы подвести вас под меч, не для того, чтобы пролить кровь вашу, не с той целью, чтобы вы понесли наказание, а из благорасположения и миролюбия, свойственных духу святой церкви...» Индейцы согласились на условия мира, которые им предлагали испанцы. 26 января 1782 года подписанием мирного договора в Сикуани закончилась война между индейцами и колонизаторами. Итак, мертвый инка победил. А его живые преемники и последователи? Вскоре после заключения мирного договора, когда они вернулись в свои деревни и остались без охраны собственной индейской армии, их схватили и казнили! Всех до одного.

Так завершилось великое индейское восстание, которое мы обычно называем по имени его предводителя «восстанием инки Тупака Амару Второго». Однако мощное восстание, возникшее в областях Перу, населенных кечуа, вызвало цепную реакцию — десятки других индейских восстаний и мятежей, охвативших, по сути дела, всю испанскую колониальную империю в Америке. Наиболее значительным среди них было выступление аймара. Возглавлял его Тупай Катари, провозгласивший себя преемником великого инки. Аймарское восстание вскоре охватило всю территорию современной Боливии. Вождь восставших Тупай Катари полагал, что источником всех бед индейцев является не только несправедливый социальный строй, установленный в Америке колониальной Испанией, но и белые, как таковые. Поэтому конечной целью, восстания Катари стало изгнание всех белых из Америки. Когда осажденные в Ла-Пасе испанцы попросили Тупая Катари сообщить им условия капитуляции, в его ответе среди других пяти пунктов содержалось и требование, чтобы «все европейцы [то есть белые из Европы, а также и американские белые — креолы] вернулись в свои [европейские] страны!» Тупай Катари действительно неуклонно изгонял и изгнал белых из всех районов боливийского Альтиплано, которыми овладела его армия. Он даже приказывал уничтожать весь скот (овец и коз), принадлежавший белым. Но и Тупай Катари, властитель Боливии, вследствие предательства одного из своих приближенных, капитана Томаса Липе, был взят в плен и вместе со всеми членами своей семьи казнен.

В восстании Тупая Катари отчетливо проявились взгляды группы индейских деятелей, которые видели причину всех страданий индейцев в присутствии белых в их Америке. Причем в представлениях этих индейских революционеров колониального периода осуществление индейских требований обычно связывалось с реставрацией доколумбовых порядков, и прежде всего с реставрацией индейских государств (которые казались теперь им, не имевшим возможности сравнить, утраченным земным раем, что, разумеется, было глубоким заблуждением). В Новой Испании и в гватемальском генеральном капитанате имело место несколько подобных же попыток. Такой характер носило, например, крупное восстание майя на Юкатане, известное как восстание Кан-Эка. Вождь этого восстания, вспыхнувшего в 1767 году, принял имя последнего из непобедимых правителей петенских майя из

Тайясаля. Идеал доиспанского майяского государства был настолько жив среди майя, что одно имя Кан-Эка за короткий срок привело в ряды индейской армии десятки тысяч воинов. В это же время и также под знаменем реставрации докортесовых порядков разгорелось большое восстание тарасков в Мичоакане, которым руководил племенной вождь Педро Вильярэаль, провозгласивший себя прямым потомком доколумбовых тарасканских правителей. Восстание охватило более ста деревень. Наряду с восстаниями майя и тарасков наиболее характерной для этого направления была конспиративная деятельность индейца, называвшего себя Мариано. Колониальные власти раскрыли готовящийся им мятеж в самый канун сепаратистской мексиканской национальной революции первого десятилетия XIX века. Мариано стремился возродить ацтекское государство и те порядки, которые господствовали в нем во времена Монтекумы Второго.

Индийские предводители, которые пытались решить индейскую проблему и вернуть свободу, «очистив» Америку от белых (подобно Тупаю Ка-тари) либо возродив доколумбовы индейские государства и восстановив господствовавшие в них порядки (как этого хотел Мариано), не считались с реальностью. Вожди третьей группы индейских восстаний, к которой относится и восстание Тупака Амару Второго, искали осуществление целей в социальной сфере. Тупак Амару был первым из тех, кто выдвинул собственную, четко сформулированную социальную программу. Он предлагал освободить индейцев путем отмены всех институтов, способствовавших их эксплуатации, и в ходе борьбы действительно уничтожал эти институты. Целью руководимого им восстания было создание социально справедливого общества. Общества, в котором была бы устранена эксплуатация. В первую очередь Тупак Амару Второй стремился освободить индейцев. Ведь он был вождем индейских масс. Вместе с тем Тупак Амару — реалист, и поэтому его цель — освобождение всех эксплуатируемых континента. С первого дня восстания он стремился объединить индейские массы с неграми и белыми американцами — креолами. Если, например, программным лозунгом Тупая Катару был лозунг «Америка для индейцев!», то Тупак Амару Второй впервые выдвигает некую собственную «доктрину Монро» — «Америка для американцев». Для американцев белых, черных и «краснокожих». Для американских трудящихся.

Социальная программа великого индейского революционера представляла для правящих классов колониального общества значительно большую опасность, чем лозунги всех других руководителей национально-освободительных войн американских индейцев. Вот почему они всеми силами старались оторвать белых и черных американцев от этого социального революционного движения. Тупаку Амару не удалось привлечь на свою сторону креолов. (Исключением было лишь восстание «городских индейцев» > в горняцком центре Оруро в Верхнем Перу, вспыхнувшее под влиянием движения Тупака Амару. Креолы присоединились здесь к восставшим индейцам и совместно разгромили королевский гарнизон.) Ведь большинство все еще немногочисленных, родившихся уже в Америке белых так или иначе было тогда причастно к эксплуатации основной массы трудящихся, которую составляли на Американском континенте индейцы, и социальная борьба южноамериканских индейцев объективно была направлена против их интересов.

В колониальную эпоху в «испанской» и «португальской» Америке произошло свыше тысячи индейских вооруженных выступлений. Восстание Тупака Амару Второго было самым значительным из них. Лучший знаток этого периода колониальной истории Америки Б. Левин мог с полным основанием констатировать: «Революционное движение, возглавлявшееся Тупаком Амару, бесспорно, было величайшим социальным восстанием в истории всех трех частей Америки».

«Индийцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\) →](#)

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ИНДЕЙЦЫ В РЕСПУБЛИКАХ

В первой четверти XIX века говорящая по-испански континентальная Америка добилась независимости от Испании. На месте испанских вице-королевств и генеральных капитанатов образовался ряд молодых креольских республик. Но креольских лишь по составу и характеру своих правительств. Преобладающую же часть населения их еще составляют индейцы.

Только в одной из латиноамериканских стран, причем самой важной и густонаселенной, — в Мексике, индейцы активно участвовали в антииспанской сепаратистской революции. Здесь мы должны напомнить, что к началу мексиканской революции в стране жило 3700 тысяч чистокровных индейцев, то есть 61,5 процента населения. К тому же в стране насчитывалось примерно 20 процентов метисов, следовательно, индейская кровь текла в жилах более четырех пятых населения Мексики.

Активное участие индейских масс в мексиканской антиколониальной революции имело совершенно исключительное значение для будущего индейцев. На протяжении целого столетия, вплоть до конца десятих годов нашего века, главным центром индейского революционного движения была Мексика. Точно так же и «индигенистская» деятельность была сосредоточена до конца первой четверти XX века почти исключительно в Мексике, где возникает большинство теоретических индигенистских трудов. И до сих пор Мексика остается основным центром организованного индейского движения всей Латинской Америки. Поэтому мы, желая ознакомиться с условиями жизни индейцев в молодых латиноамериканских республиках и с путями, которые предлагались для решения индейской проблемы, должны будем сосредоточить свое внимание прежде всего на Мексике.

В Мексике антииспанское движение возглавили люди, которые требовали не только освобождения креолов, но и освобождения индейцев. Благородный мексиканский священник Мигель Идальго, руководитель народного восстания 1810 года, призывая к изгнанию колонизаторов, вместе с тем требовал, чтобы земли, отнятые у индейских общин (эхидо) как испанскими чиновниками, так и креольской буржуазией, были возвращены этим общинам. Возглавленная Мигелем Идальго революция приобрела в результате этого с самого начала характер аграрной революции. Напомним еще раз, что вопрос о земле был если не самым важным, то, во всяком случае, одним из важнейших требований индейской революционной программы. Вдохновленные

лозунгами Идальго, массы индейцев вступали в освободительные армии и, не медля, стихийно осуществляли выдвинутое Идальго требование возврата земли, отнятой у них сначала энкомендэро, а затем владельцами латифундий.

Против этой народной революции выступили не только испанские колониальные власти. Против нее выступила, руководствуясь классовыми интересами, креольская буржуазия и, разумеется, в первую очередь церковь — крупнейший земельный собственник Мексики. Вот почему после того, как революция была подавлена, а ее вождь был схвачен, церковь вопреки своему обычаю не стала защищать своего слугу — священника Идальго. 31 июля 1811 года мексиканский национальный герой священник Мигель Идальго был казнен.

Но народ уже нельзя было запугать. После смерти Идальго и поражения его армии по всей Мексике снова формируются партизанские войска. Во главе их становится продолжателем дела Идальго, также священник, Хосе Мариа Морелос. Партизанская армия вскоре овладела всей страной, за исключением нескольких городов. Морелос созывает республиканский парламент и выдвигает свою революционную программу. И снова индейцы не были забыты. Морелос провозглашает равноправие рас. Священник Морелос отменяет также церковную десятину, освобождая тем самым индейцев от тягчайшего ярма, и даже требует конфискации и раздела церковных земель! Морелос провозглашает также, что в свободной Мексике индеец может занимать любой, в том числе и самый высокий пост. Поэтому индейцы поддерживают Морелоса так же, как поддерживали Идальго. В революционной армии мы встречаем индейцев многих племен, особенно много в ней было сапотеков. Но и армия Морелоса терпит поражение. 22 декабря 1815 года Морелос, так же как Идальго, был казнен.

В 1821 году, когда начала бурлить вся «испанская Америка», Мексика наконец получает независимость, завоевание которой подготовили великие вожди национально-освободительного движения — Идальго и Морелос — и многие тысячи неизвестных революционных солдат, в том числе множество индейцев. Однако освободительную борьбу мексиканского народа на последнем этапе возглавляют уже не вожди типа Морелоса и Идальго, а ставленники креольских латифундистов. Поэтому и в Мексике молодая республика не принесла индейцам подлинного социального освобождения, не говоря уж о национальном. В некотором отношении — и мы в этом позже убедимся на конкретном примере андской области — экономическое положение индейцев, то есть индейских крестьян, в свободных республиках на самом деле еще хуже, чем в колониальный период. Ключевым вопросом и яблоком раздора на протяжении целого столетия оказывается проблема земельной собственности индейских общин (в Мексике их сейчас называют эхидо). Многие республиканские законы и многие республиканские правительства стремились разделить эти находившиеся в совместном владении членов эхидо земли между «индейскими частными собственниками». Но все эти разделы земель эхидо всегда имели для индейских земледельцев трагические последствия. Там, где земли были разделены, задолжавшие индейские «частновладельцы» вскоре, как правило, вновь продавали свои наделы перекупщикам или непосредственно хозяевам асьенд, земельная собственность которых росла поэтому быстрее, чем во времена испанского господства.

Вскоре после окончания революции экономическое положение мексиканских индейцев резко ухудшается, усиливается их пролетаризация. В центральной Мексике индейцы практически утратили всю обрабатываемую землю и почти все стали пеонами в асьендах креольских латифундистов. Мексиканские индейцы работали с рассвета до темна. Недельный заработок индейского батрака на асьенде составлял в центральной Мексике 9—18 килограммов кукурузы. Еще более тяжелыми были условия жизни индейских пеонов на кофейных плантациях Юкатана и Чиапаса. Несмотря на гарантии, данные индейцам конституцией 1824 года, они, в сущности, оставались рабами плантаторов. Особо тяжким было положение индейцев, находившихся в личном услужении. Напомним, к примеру, что еще в середине XIX века креолы-плантаторы пользовались правом первой ночи.

Неуклонное ухудшение положения побуждает мексиканских индейцев к поискам более радикальных способов решения своих проблем. В национально-освободительной борьбе впервые начинают принимать участие индейские интеллигенты. Небольшая группа этих первых индейских интеллигентов Мексики приходит к выводу, что решение индейской проблемы может принести только самостоятельное, независимое от других групп населения, особенно от креолов, национальное развитие индейцев.

Взгляды этого «автономистского» течения выразил Хуан Родригес Пуэбла, чистокровный индеец, в своем труде «Конституционный индеец» («El indio constitucional»). Автономистские и сепаратистские требования, сформулированные в труде Родригеса, становятся во второй четверти XIX века программой революционного национально-освободительного движения индейцев Мексики. Лозунгом этого движения (центром его была северная Мексика) было создание конфедерации местных индейских племен, совершенно независимой от мексиканского государства и его креольских правительств.

Главными участниками этой сепаратистской борьбы были северомексиканские яви и несколько индейских племен в Соноре и Синалоа (майо, пима, папаго и т. д.), поднявшие ряд восстаний (в 1825, 1826, 1828, 1830, 1832 годах). Борьба яков за свою свободу прекратилась, собственно, уже в XX веке (в 1927 году). Невероятно упорное сопротивление яков «цивилизации», «порядкам белого человека» в республиканский период истории Латинской Америки напоминает трехсотлетнюю борьбу чилийских арау-канов в колониальную пору.

Однако донорские яки не единственная группа индейцев Мексики, пытавшаяся в республиканский период добиться с оружием в руках удовлетворения своих требований. На протяжении XIX века в Мексике произошло около сотни индейских мятежей. Причем, по иронии судьбы, о значительной части этих относительно недавних индейских восстаний мы знаем гораздо меньше, чем об

индейских восстаниях колониального периода. Большинство их было вызвано стремлением отдельных правительств ликвидировать совместные земельные владения индейских ИХИДО, подвергнув их разделу. На этой почве вспыхнуло, например, большое восстание хуастеков в мексиканском штате Веракрус (1847). Ту же причину имело восстание тарасков, живущих в окрестностях Масамитлы в штате Мичоа-кан. Целью других восстаний мексиканских индейцев — так же как целью бесконечных выступлений яков на севере страны — было возвращение всей полноты власти в Мексике в руки индейцев. Многие индейские повстанцы мечтали также о воскрешении мертвых индейских государств. Особенно сильную вдохновляющую роль играют воспоминания о мощи и славе «ацтекской империи». Самая популярная из индейских революций, участники которой стремились восстановить ацтекское государство, известна в истории Латинской Америки под названием «бунт в Экацинге» (штат Идальго). Его вожди Карлос Тапистеко и Эпнгменио де ла Пьедра разработали план создания современной индейской монархии. Главой ее должен был стать один из двенадцати индейцев, в жилах которых в то время все еще струилась кровь могущественного Монтекумы. Весьма сходные цели преследовало и восстание юкатанских индейцев в 1840 году. Руководители его мечтали о воскрешении славы и могущества здешних майяских городов-государств. Волна восстаний охватила индейцев ряда оо-ластей Мексики. В 1848—1849 годах индейские восстания вспыхивают и в самом центре Мексики. В связи с увеличением численности креолов, и метисов восстания ставят уже своей целью не отделение от Мексики, а решение таких жгучих социальных проблем, как раздел крупных землевладений, повышение оплаты труда индейцев, работающих в асьендах, ликвидация профессиональной армии и замена ее народной гвардией и, наконец, ограничение влияния духовенства в общественной жизни.

Восстание, выдвинувшее такую программу, называют иногда «восстанием в Сьерра-Горда-де-Шичу» — по месту зарождения этой поздней пан-мексиканской революции. Восстание охватило Гуанахуато, Сан-Луис-По-тоси, Керетаро, нашло отклик даже в штатах Тамаулипас, Пуэбла и в та-расканском Мичоакане.

14 мая 1849 года индейское войско, возглавляемое выдающимся революционером Элеутерио Кирсом, огласило свои требования в Рио-Верде (штат Сан-Луис-Потоси). Восстание было жестоко подавлено, его вождей, и в первую очередь Кирса, казнили. Но индейцев уже нельзя было заставить отказаться от выдвинутых восставшими требований. К слову сказать, генерал Бустаманте, потопивший в крови восстание, уже в 1849 году называл индейцев, сражавшихся за свои социальные права, «коммунистами». Насколько нам известно, это первый, но далеко не последний случай в истории Америки, когда попытку решить индейскую проблему объявлялись «коммунизмом».

Положение индейцев в Мексике несколько улучшилось, когда впервые президентом страны стал индеец-сапотек, любимый герой Латинской Америки Бенито Хуарес. Хуарес родился в 1806 году. До 12 лет Хуарес говорил только по-сапотекски, по-испански он не знал ни слова. Да и на что знание испанского сапотекскому пастуху? Однако много лет спустя этот мирный индеец возглавит борьбу против самозванного «мексиканского императора» Максимилиана Австрийского, марионетки французского императора Наполеона III. По зову мексиканских ультрареакционеров и на деньги парижского банкира Жаккера он прибыл в Мексику и объявил себя «новым воплощением бога Кецалькоатля».

Намерения «габсбургского Кецалькоатля» были, разумеется, по своему существу крайне реакционны. Но многие мексиканские индейцы, скажем правду, относились к новоявленному императору куда более положительно, чем к республиканским правительствам. Дело в том, что раздел индейских общинных земель во времена этого диковинного габсбургского государства в Новом Свете полностью прекратился. А затем законом 1865 года Максимилиан официально признал право индейских общин на совместное владение землей (против которого противники Максимилиана — либералы — решительно выступали), а также провозгласил индейских пеонов — безземельных крестьян, работающих на асьендах, — полноправными гражданами своей империи. Кроме того, габсбургский самозванец снискал симпатии некоторых индейцев тем, что неустанно подчеркивал давние традиции индейской империи в Мексике, между тем как республиканские правительства, в особенности опять же либералы, естественно, предпочитали повторять лозунги Французской революции, говоря о равенстве всех мексиканцев. Но индейский полураб, который и в Мексике либеральных президентов работал на латифундиях по пятнадцать часов в день, вовсе не был убежден, что он обладает теми же правами и является таким же свободным гражданином, как и его хозяин — асьендадо. И вот в период правления Максимилиана индейцам вместо пока лишь фиктивного и неубедительного тезиса о равенстве всех граждан предлагается сентиментальный (и, разумеется, совершенно нереальный) идеал возвращения к старым золотым временам «ацтекской империи». Индейской империи, во главе которой по собственной воле и на французские деньги стал Максимилиан Габсбург.

Всего через несколько лет авантюра Максимилиана завершилась полным провалом. Мексика президента Хуареса сумела одолеть императора и его французских солдат. А «новый Кецалькоатль» Максимилиан был заслуженно казнен мексиканскими приверженцами Хуареса, который правил Мексикой еще долгое время после победы над Габсбургом.

Президент-индеец Хуарес стремился по мере сил служить на благо своим соплеменникам. Однако во времена президента Комонфорта либеральное правительство, членом которого был и Хуарес, приняло закон (закон Лердо), причинивший индейцам тяжелый ущерб. Стремясь ограничить земельные владения церкви, уже лишившей Мексику не менее 55 процентов всех земельных угодий, оно издало закон Лердо, лишивший гражданские и церковные корпорации права владеть землей. Но под

действие этого закона подпали... и индейские общины. Закон Лердо, отменяя общинное землевладение, привел к тому, что земли индейских общин попали в руки «частных собственников», а это для индейцев Мексики имело самые печальные последствия. И так, хотя в период «реформ» (годы правления президента Комонфорта и особенно наиболее значительного индейского политика республиканского периода Хуареса) было многое сделано для демократизации страны, для равноправия индейцев, важнейшая для индейцев социально-экономическая проблема — земельный вопрос — не была разрешена. Более того, аграрная политика этого периода объективно ухудшила положение индейцев.

Среди делегатов учредительного собрания 1857 года, где ведущую роль играли Комонфорт и Хуарес и где были приняты многие реформы (среди них и закон Лердо), мы должны упомянуть еще одного депутата — Пон-сиано Арриагу.

Депутат Арриага глубже других своих современников понял сущность индейской проблемы. В памфлете «Частное мнение о праве собственности» («Voto particular sobre le derecho de propiedad») он так говорит об индейских неонах: «Пока несколько лиц владеют бескрайними пространствами земли, часто не возделываемой ими, земли, которая могла бы прокормить миллионы людей, эти миллионы — огромная масса, составляющая большинство населения государства, — страдают от ужасающей нищеты». И Арриага приходит к убеждению, что «этот народ [индейцы] нельзя сделать свободным, а тем более счастливым, даже если сотни конституций и миллионы законов провозгласят его абстрактные права; все это будет лишь прекрасной, но неосуществимой теорией, пока действует такая абсурдная система собственности».

Решением индейской проблемы в Мексике, по мнению Арриаги, должна быть земельная реформа: раздел необрабатываемых земель в асьендах и отмена феодальных привилегий.

Труд Арриаги и индигенистские концепции Франсиско Пиментеля возникли в благоприятной для индейцев атмосфере Мексики 50—60-х годов. После смерти Хуареса судьба мексиканских индейцев резко изменяется. И опять к худшему. Наступает период новой диктатуры, диктатуры бывшего сторонника Хуареса Порфирио Диаса. Хотя в его жилах текло три четверти индейской крови, Диас окончательно обездолил мексиканских индейцев. Он отобрал у общин последние остатки земли, а затем, чтобы привлечь в страну иноземный, в первую очередь североамериканский капитал, предложил эту землю заграничным компаниям. Так почти за четыре десятилетия его диктатуры более 30 миллионов гектаров земли перешло в собственность иностранцев. А индейский крестьянин? В штате Морелос, например, 99,5 процента всех крестьянских семейств было полностью лишено земли, а в «самом индейском» штате южной Мексики — Оахаке — даже 99,8 процента! Американские же фирмы и частные владельцы, вроде известного газетного магната Херста, приобрели здесь поместья площадью до 2 миллионов гектаров.

И вновь в ряде областей Мексики индейцы берутся за оружие, чтобы защитить то, что у них еще осталось. Такой характер носит, например, восстание племен яки и сери, предводительствуемое легендарным вождем индейских войск Хакеме.

Однако гораздо более значительным революционным выступлением индейцев не только Мексики, но и всей Америки была так называемая «война каст», начало которой относится еще к 40-м годам. В результате ее на Юкатане и в прилегающих к нему областях возникла независимая индейская территория. В конце первой половины XIX века юкатанское местное правительство и немногочисленные юкатанские креолы попытались добиться независимости от Мексики и мексиканских федеральных властей. В ту пору (и поныне) индейцы племени майя составляли более 95 процентов населения Юкатана. Поэтому местным креольским сепаратистам, хотели они того или не хотели, пришлось привлечь индейцев к борьбе с центральным мексиканским правительством. Майя видели в споре двух правительств удобный случай для выступления в собственных интересах. И как только креольские сепаратисты раздали им оружие, они в июле 1847 года обратили его не против Мексики, а против местных владельцев асьенд. В течение нескольких недель индейцы овладели всем Юкатаном, за исключением двух-трех городов. Местное юкатанское правительство, оказавшись в критическом положении, предложило майя начать переговоры. Вождь умеренного крыла индейских повстанцев Хасинто Пат, вступивший в переговоры с властями, был убит повстанцами. Крупнейшее в истории постколумбовой Мексики восстание индейцев продолжалось. Юкатанскому правительству пришлось отречься от своих сепаратистских намерений и просить помощи у мексиканских федеральных войск. К концу 1848 года майя были оттеснены в юго-восточную часть Юкатана. Здесь, на нынешней мексиканской территории Кинтана-Роо, они удержались и создали независимое индейское государство. В центре Кинтана-Роо в 1851 году майя основали новую столицу Чан-Санта-Крус, которая стала резиденцией высшего властителя свободных майя Сесилио Чи. Майяская республика просуществовала в Кинтана-Роо почти 60 лет. Только в 1901 году, ровно через 50 лет после основания новой майяской метрополии, мексиканские войска диктатора Диаса захватили ее.

Но через несколько лет началась великая национальная революция, во время которой против этого консервативного самодержца восстала вся Мексика. Отряды генерала Браво, сражавшиеся со свободными майя по приказу Диаса, покидают восточный Юкатан, а так и не покоренные майя, называвшие себя «крусоб», наконец могут вернуться в свою столицу Чан-Санта-Крус.

Окончательный мир с Мексикой они заключили только в середине 30-х годов нашего столетия.

Так индейцы крусоб прожили на свободе даже тридцать пять лет «порфириевской диктатуры» в Мексике. Но в эпоху президента Диаса за интересы индейцев — впервые на американском континенте — начинают бороться и первые социалисты — Альберто Санта-Фе, Хуан де Мата-Ри-вера, Феликс Рикельме, Хосе Мариа Гонсалес и их органы печати «Эль социалиста», «Ла революцион социаль», «Ла интернациональ» и другие. На страницах этих газет и журналов мы находим немало правдивых

свидетельств о тогдашнем положении индейцев. Так, в журнале «Ла революсион сосиаль» Санта-Фе следующим образом говорит об индейцах и индейской проблеме: «В конце XIX века под сенью законов, выдающих себя за мудрые, справедливые и философски обоснованные, мексиканские индейцы остаются не чем иным, как рабами белых...» Затем «Ла революсион сосиаль» обращается к статистике: «Число индейцев превышает шесть миллионов, число белых не достигает и трех. Если большинство позволяет меньшинству угнетать себя — это признак трусости. Но потомки Куате-мока (последнего вождя ацтеков. — М. С.) никогда не были трусами. Довольно нищеты! Вы, индейцы, являетесь тем классом Мексики, который создает ценности, вы полезный класс, вы [подлинные] властители Мексики!»

Как мы видим, первые социалисты тоже допускали основную ошибку, которая была свойственна и многим другим друзьям индейцев, а именно придерживались взгляда, согласно которому все белые — эксплуататоры, а все индейцы — эксплуатируемые. На самом же деле в дореволюционной Мексике эксплуатируемыми были не только индейцы, но и бесчисленные креолы и метисы. И общее недовольство всех их, собственно, и породило великую мексиканскую национальную революцию. Было бы ошибкой считать — как это иной раз делается — мексиканскую национальную революцию 1910—1917 годов «индейской революцией». Однако безземельные индейские крестьяне вместе с другими группами мексиканского народа, бесспорно, были носителями прогрессивных идеалов революции.

Вождем революционных крестьянских масс стал индейский метис Эми-лиано Сапата. В 1911 году, когда буржуазное правительство Мексики не желало выполнить главное требование индейских крестьян — провести земельную реформу в штате Морелос, он создал Революционную хунту. 28 ноября того же года хунта провозглашает составленную Сапатай программу «план Айалы», основным пунктом которой было возвращение прежним владельцам земли, грабительски отобранной у них за годы диктатуры. И хотя в этой программе не упомянуто об индейских общинах, речь шла прежде всего о них. «План Айалы» вызвал горячий отклик у всех индейских племен Мексики. Индейцы видели в нем возможность решения стержневого вопроса индейской проблемы — вопроса о земельной собственности. Поэтому большое число индейцев южных штатов вступило в революционные войска Эмилиано Сапаты. На севере страны за те же требования сражались отряды под предводительством прославленного Панчо Вильи. Сила этих преимущественно индейских воинских формирований в конце концов заставила буржуазное правительство Каррансы включить в новую, прогрессивную конституцию и провозглашенное Сапатай решение аграрного вопроса. Оно заключалось не только в возвращении земли, отнятой у индейцев во время диктатуры Диаса и еще ранее по закону Лердо, но и предполагало раздел земли латифундистов, даже той, которую у индейских общин отняли энкомендэро и конкистадоры.

В правительстве Каррансы принятию этих установлений способствовали наиболее прогрессивные деятели, и среди них в первую очередь Андрее Молина Энрикес, который еще в 1911 году опубликовал так называемый «план Тескоко», требовавший раздела всех асьенд площадью более 2 тысяч гектаров. Однако радикальные мероприятия, провозглашенные в конституции Мексиканской республики, и особенно ее знаменитая 27-я статья о «национализации», остались лишь на бумаге. За весь период своего правления Карранса вернул индейцам только 450 тысяч акров отнятой у них земли. Это в сто раз меньше того, что возвратил им двадцатью годами позднее Ласаро Карденас. В конце 1917 года революция завершилась. Победившая в ней буржуазная группировка Каррансы упрочила свою власть. Она тоже пытается подменить революционное решение индейской проблемы, как и всех других вопросов, неким реформистским решением, устраивающим буржуазию.

Карранса ищет человека, способного выполнить такую задачу. Среди молодых мексиканских американистов он находит этнографа, как раз занятого подготовкой самой фундаментальной этнографической монографии из всех, какие когда-либо были написаны в Мексике. Имя этого талантливое ученого — Мануэль Гамио. У молодого Гамио наряду с научными устремлениями были и явные политические амбиции. Предложение правительства Каррансы открывает перед ним путь к политической карьере. Так зарождается официальный индигенизм. Чтобы выполнить задачу, возложенную на него Каррансой, Гамио создает на государственные деньги институт, получивший название Управление этнографии. Однако институт этот должен был заниматься не только этнографическими вопросами. Главным его назначением было искать такие формы решения индейской проблемы, которые в духе каррансовской концепции отвлекли бы индейцев от революционного пути, намеченного по примеру Советской России учредительным съездом Коммунистической партии Мексики 14 сентября 1919 года.

И Гамио довольно скоро, за каких-нибудь несколько лет, выработал на основе своих этнографических знаний такой реформистский вариант решения индейской проблемы, который стал затем основой доктрины современного официального индигенизма. В книге «Создается новая Мексика» («Насиá ип Мехи́ко пиево») он предлагает, в сущности, два средства для решения индейской проблемы: во-первых, интенсифицировать процесс смешения индейцев с представителями других рас... и, во-вторых, дать стране единый язык (под этим подразумевалось, что те, кто говорит лишь на индейских наречиях, должны быть обучены испанскому языку).

Гамио — первый, за ним Касо, Мендисабаль и другие официальные ин-дигенисты хотели решить индейскую проблему путем различных культурных реформ, религиозного воспитания, замены индейского языка испанским и даже официальной поддержки биологического смешения рас, стремясь, попросту говоря, лишить индейцев их национальной самобытности, сознания

принадлежности к многомиллионной массе индейского населения Мексики и Америки. Они рассчитывали также — и это особенно важно, — что для индейцев уже не будет столь заразителен тот путь решения национального вопроса, пример которого давал Советский Союз. Гамио предлагал единственный рецепт — национальное самоубийство целых индейских групп и народностей в качестве решения национальной проблемы и культурные реформы в качестве решения проблем социальных! Необходимо упомянуть и другую крайне реакционную концепцию Гамио, касающуюся основного вопроса индигенизма и всей американской этнографии: кого считать сегодня индейцем? Ответ на этот вопрос дает ученик Гамио Мигель Леон-Портилья: «По его [Гамио] мнению, индейцами нужно считать тех [лиц], которые в своей материальной и духовной культуре сохранили высокий процент обычаев или характерных черт доиспанского происхождения». Антииндейская направленность этого определения совершенно очевидна: индейский рабочий и вообще всякий индеец, обладающий привычками и идеалами человека современной эпохи, согласно такому определению, уже не индеец. К тому же вполне естественно, что тех, кто еще сегодня сохраняет образ жизни, какой вели индейцы до Колумба, то есть полтысячелетия назад, будет становиться все меньше и меньше. Эти положения Гамио, наиболее четко сформулированные в книге «Размышления об индейской проблеме» («Consideraciones sobre el problema indigena»), восприняла, а затем в своей практической и особенно теоретической деятельности развила и конкретизировала значительная группа реформистских специалистов по индейской проблеме. Мы уже неоднократно встречались с понятиями «индигенизм» (или «индигенистика») и «индигенисты». Эти понятия чрезвычайно важны для всей нашей книги, для индейцев, а главное — для понимания политического положения Латинской Америки XX века. Что же такое индигенизм? Индигенизм (индигенистика) занят поисками путей решения индейской проблемы. Какое же различие между индигенистикой и американистикой? Американистика изучает материальную и духовную культуру, а также историю американских индейцев, индигенистика же изучает, ищет пути повышения жизненного уровня современных индейцев, в отдельных случаях — возможности их национального освобождения. Сейчас индигенисты — это прежде всего практики, осуществляющие свои идеалы. Они не только решают теоретические проблемы, но и активно содействуют улучшению социальных и национальных условий, в которых живет коренное население Америки. О доктринах современного индигенизма не знают даже многие люди, занимающиеся проблематикой современного национально-освободительного движения, проблематикой развивающихся стран, или знают чрезвычайно мало. И многие из тех, кто впервые слышит о его существовании, полагают, что индигенизм является неким инструментом буржуазии, изобретенным ею для овладения индейскими массами. Этот не совсем верный взгляд возник потому, что ныне под маркой индигенизма активнее всего выступают мелкобуржуазные реформистские теоретики (большой частью креолы), хотя нередко и исполненные гуманистических идеалов, но ни в коей мере не являющиеся истинными руководителями прогрессивного индейского движения. Но следует ли отвергать индигенизм только по той причине, что сейчас его обычно представляют эти мелкобуржуазные реформаторы? Безусловно, не следует. Пока существует в Америке индейская проблема, до тех пор имеют и будут иметь свое обоснование теории (а еще более практические начинания), направленные на улучшение неудовлетворительно ныне национального, экономического и культурного положения индейцев. Мелкобуржуазному индигенизму социалистическая наука, которая сейчас уделяет столько внимания развивающимся странам и их населению, должна противопоставить индигенизм социалистический. Но об этом позднее. Официальные индигенисты — Гамио и его многочисленные современные последователи — считали и считают себя единственными вожаками и единственными защитниками индейцев. Но какие это вожаки и какие защитники? Ведь вся ныне уже довольно сложная теоретическая концепция официального индигенизма в конце концов сводится к простому уравнению: никаких индейцев = никакой проблемы.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(20\)](#) →

[Оконные блоки!](#)

Окна, двери и светопрозрачные конструкции. Замер и дизайн-проект бесплатно!
www.sokna.ru · Москва

[Индивидуальные путешествия](#)

Советы консультанта по отдыху , выбор отелей
www.renaissancetour.ru

[Туры выходного дня](#)

Выходные в Европе

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[ART4.ru - музей](#)

актуального искусства. Первый частный музей в России.
www.art4.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

ПУТЬ К ПАЦКУАРО

Мексиканские Соединенные Штаты — центр, в буквальном смысле слова сердце, одной из главных индейских областей Америки. Той области, которую в ее доколумбову эпоху мы называем Месоамерикой. Из всех республик, возникших на этой территории в XIX веке, нас больше всего должна интересовать именно Мексика, где поныне живет более трети американских индейцев. Ту же роль, какую, с точки зрения индейцев, в Месоамерике играет Мексика, в андской области — следующем важнейшем индейском центре Америки — играет Республика Перу. И потому попытки решения «индейской проблемы» — индигенистские постулаты, а позже и сами индигенистские акции в Перу — имеют значение и для индейцев, живущих вне этой республики, особенно для индейцев соседних с ней стран (Эквадора, Боливии, Чили и т. д.). Перуанская республика, как и другие латиноамериканские республики, родилась в результате антиколониалистской борьбы креолов. Однако в Перу и в остальных андских странах индейцы приняли в этой борьбе значительно меньшее участие, чем в Мексике. Причина тут прежде всего в печальном опыте самих индейцев, который они обрели в десятках и сотнях национально-освободительных выступлений, и в первую очередь в период восстания Тупака Амару Второго, когда креолы выступали на стороне испанских колониальных властей, и потому у перуанских индейцев были все основания ничего не ожидать от замены владычества испанских колонизаторов властью креолов.

Великие освободители Южной Америки от ига колониализма Сан-Мартин и Симон Боливар, воодушевленные высокими идеалами Французской революции, идеями равенства и гражданских свобод, пытались, как могли, помочь индейцам. Первый предводитель перуанских патриотов генерал Сан-Мартин отменил так называемый «индейский налог», который коренные жители Перу должны были платить испанцам. Он запретил также пользоваться термином «индиос» (индейцы) или «натуралес» (туземцы) и приказал впредь называть их лишь «сыюдаданос» (граждане).

Позднее движение перуанских патриотов возглавил Симон Боливар. Но именно он, этот значительнейший из освободителей Южной Америки, своими революционными законами, своими установлениями объективно нанес индейцам большой ущерб. 4 июля

1825 года он издал три декрета, согласно которым, помимо прочего, земля, до той поры находившаяся в коллективном владении индейских «общин» (комунидадес) и отдававшаяся во временное пользование отдельным членам этих общин, стала личным достоянием индейских «граждан». Новые «землевладельцы», естественно, могли свои участки продать — и продавали. Последствия оказались трагическими. Многие индейцы были совершенно разорены той самой республикой, которая руководствовалась великими идеалами гражданских свобод. А когда Боливар покинул Перу, в августе 1826 года президентским декретом снова был введен «контрибусьон де индигенас» — «индейский налог», который должен был частично возместить дефицит государственного бюджета. Этот налог был вновь отменен лишь во второй половине XIX века. В течение всего этого столетия велись споры о том, что, собственно, полезней для индейцев. Одни считали, что выгодней для них коллективное владение землей, и воскрешали «комунидадес», провозглашая необходимость возврата им уже разделенной земли, другие запрещали общины. К тому же на политическое развитие в Перу (и в соседних республиках — Боливии и Чили) длительное время оказывал влияние спор из-за части Тихоокеанского побережья, вылившийся наконец в так называемую Тихоокеанскую войну (1879 — 1883), в результате которой Перу потеряло свои южные департаменты, а Боливия вообще утратила выход к морю. Для обеих индейских республик поражение в Тихоокеанской войне было тяжким потрясением. Естественно, что для реального решения индейской проблемы, для улучшения жизни индейцев в ту пору не оставалось средств. Наоборот, латифундисты в горных областях Перу усиливают эксплуатацию индейцев, увеличиваются разнообразные личные повинности, а некоторые правительственные чиновники обращаются с коренным населением своей страны буквально как со скотом. Наиболее жестоким эксплуататором индейцев в республиканский период был, несомненно, префект департамента Анкаш Норизга. Против него в 1885 году и вспыхнуло большое индейское восстание под предводительством Педро Пабло Атуспариа. Восставшие в конце концов захватили и главный город перуанской провинции Юнгай. Правительство подавило это восстание с большим трудом. Другим восстанием, вспыхнувшим спустя 30 лет, руководил высший офицер перуанской армии, индеец-кечуа по происхождению, принявший имя героя борьбы эквадорских кечуа против конкистадоров — Раминьяуи. Огромная индейская армия двигалась тогда на Лиму, и уже казалось, что Перу станет республикой, хозяевами которой, как во времена инков, будут индейцы. Лишь объединенным силам армии президента Биллингхерста удалось разбить кечуанское войско Раминьяуи. Следующая волна восстаний индейских крестьян в Перу прокатилась в 1922–1925 годах.

Многие лимские чиновники восприняли восстание Атуспариа лишь как свидетельство грозящей Перу «индейской опасности». Этот страх перед индейцами был, так сказать, оборотной стороной дела, выражением трагизма тогдашней ситуации. В то время как индейцы, составлявшие абсолютное большинство населения этой многомиллионной республики, жили в горах (в Сьерре), все правительственные учреждения находились на побережье (Косте) — в Лиме, где местная буржуазия, гордая тем, что принадлежит к белой расе, подчас смотрела на своих индейских сограждан как на дикарей.

Во второй половине XX века это ложное сознание превосходства у белых перуанцев почти исчезло. Но в XIX веке оно объективно еще оказывало влияние на мышление многих перуанских политиков и законодателей. Официальные круги в Перу не были тогда склонны к каким бы то ни было акциям, способным улучшить экономическое и социальное положение индейцев. И потому сами индейцы вновь и вновь искали путь к освобождению в вооруженной борьбе, в бунтах, восстаниях, мятежах. Одновременно на политическую арену выступают многие благородные, по большей части креольские интеллектуалы (писатели, философы, юристы, врачи), пытающиеся помочь развитию коренного населения своей родины. Еще до того как начали выдвигать свои предложения и проекты первые настоящие перуанские индигенисты, берут слово прогрессивные перуанские писатели. Во второй половине XIX века Перу становится колыбелью так называемого «литературного индигенизма».

До сих пор мы говорили об индигенизме как о политическом инструменте, как о доктрине, сторонники которой ищут или полагают, что ищут, способ наилучшего и окончательного решения индейской проблемы в Америке. Но со второй половины XIX века в Америке, и особенно в андских странах, мы встречаемся также с рядом литературных произведений, главные герои которых — индейцы, главная тема — индейский вопрос. Но здесь он не трактуется в форме эссе или глубокого и всестороннего аналитического исследования, а наглядно раскрывается в судьбах персонажей. Авторы изображают повседневную жизнь андских индейцев, их нравы и обычаи, уделяют внимание индейскому фольклору, короче говоря, стараются понять и показать ценность культуры коренного населения своей страны. Литераторы-индигенисты не пытались дать рецепт решения индейской проблемы, но своими произведениями старались пробудить совесть и разум человечества, призывая не мириться с жестоким уделом коренного населения Америки.

Классическим примером литературного индигенизма, произведением, к которому в полной мере относятся наши предшествующие слова об индигенистской литературе, была повесть кусканской писательницы Клоринды Матто де Турнер «Птицы без гнезда» («Aves sin nido»). Книга впервые вышла в 1889 году в Испании, затем в Англии и скоро разлетелась по всей Америке. Лучшей оценкой значения этой индигенистской книги является то, что ее называли индейским вариантом «Хижины дяди Тома». Повесть вышла с посвящением большому другу индейцев, мыслителю, каких было немного в Латинской Америке XIX века, Мануэлю Гонсалесу Праде, чьи радикальные взгляды до сих пор оказывают влияние на деятельность многих южноамериканских индигенистов. Мануэль Гонсалес Прада — политик, писатель, педагог, радикальный антиклерикал, видный общественный деятель Перуанской республики — сумел понять то, чего, собственно, не понял ни один из креольских лидеров, а

именно что «настоящее Перу — это не группы креолов и чужеземцев, населяющих узкую полосу земли между Тихим океаном и Андами, [истинная] нация — это индейские массы, живущие в восточной, горной части страны». В журнале «Коррео дель Перу» Мануэль Гонсалес Прада публикует одновременно три баллады, которые поистине знаменуют переворот в индигенистской литературе. (Называются они «Стрелы инки», «Атауальпова вечеря» и «Эль Митайо»). Особенно характерной для отношения Гонсалеса Прады к индигенистской проблеме была последняя из перечисленных баллад, «Эль Митайо», посвященная индейцам, загнанным на рудники и обреченным на рабский труд «несправедливым законом белых господ». Но наиболее ярко воззрения Мануэля Гонсалеса Прады выражены в его статье «Наши индейцы» («Nuestros indios»). Один из лучших знатоков творчества Прады, перуанский литературовед Эугенио Чанг Родригес писал: «В этой статье Гонсалес Прада говорит нам, что республика есть продолжение вице-королевства и что индейцы по-прежнему являются жертвой старых порядков, основанных на угнетении человека человеком. Губернаторы, асьендадо — так теперь по-новому именуется феодалы, сменившие коррехидоров и касиков. Болтовня правящих [классов], обещающих этому эксплуатируемому племени помощь, есть не что иное, как бесстыдное лицемерие. Индеец в республике живет хуже, чем его дед и прадед во времена вице-королевства...» В «Наших индейцах» Гонсалес Прада впервые в Южной Америке указывает также на решающее значение земельного вопроса в комплексе вопросов, составляющих в совокупности так называемую «индейскую проблему». Однако он ограничивается лишь утверждением, что «там, где асьенды на побережье занимают площадь в 4—5 тысяч фанег, там, где поместья в горах измеряются 30 и даже 50 легуа 2, там нация неизбежно должна быть разделена на господ и рабов». В своих индигенистских трудах Мануэль Гонсалес Прада не дает никаких практических рекомендаций, но в «Наших индейцах» есть высказывание о том, как достигнуть решения индейской проблемы: либо «мы смягчим сердца порабощенных, либо дадим им почувствовать нашу силу». Не может быть спора о том, какому варианту решения индейской проблемы автор отдавал предпочтение. Индигенистские воззрения Мануэля Гонсалеса Прады, его деятельность как поэта, прозаика и эссеиста нашли необыкновенно широкий отклик среди общественности Перу и соседних стран. Романтические представления о некоей буколической идиллии, какой казалась креольским друзьям индейцев жизнь «этих простых, добрых поселян», были вдребезги разбиты.

Самым ярким свидетельством зарождения значительно более реалистического проиндейского движения, возникшего в Перу под влиянием Гонсалеса Прады, стал выход первого в истории Америки индигенистского журнала. Он назывался просто «Индеец» и был основан в начале XX века Сантьяго Хиральдо, депутатом перуанского национального собрания от одного из индейских округов Сьерры. Вскоре возникла и первая перуанская индигенистская организация — Проиндейское объединение («Asociación pro-indígena»), созданное в 1909 году писательницей Дорой Майор и Педро Суленом. В 1912 году Проиндейское объединение начало издавать свой печатный орган — журнал «Эль дебер проиндигениста» («Долг проиндигениста»).

Журнал перестал выходить в тот год, который имел исключительное значение для американских индейцев, — в год победоносной Великой Октябрьской социалистической революции в России. Идеалы этой революции оказали непосредственное влияние и на тех, кто пытался найти решение индейской проблемы. Уже упоминавшийся д-р Чанг Родригес решительно заявляет: «Со времен Французской революции ни одна другая революция, ни одно другое событие не имело такого резонанса среди интеллигенции испанской Америки, как большевистская революция. Социалистические идеалы распространились в Новом Свете, пробуждая интерес к европейской социалистической литературе. Материалистическое объяснение истории было применено к решению самых различных проблем, в том числе и индейской. Социалистические постулаты придали ей современную окраску, новый характер». Спустя год после этого выходит индигенистское исследование Гильдебранда Кастро Поса, где указывается, что индейская община является удобной основой для перехода к более высокой форме хозяйства, к земледельческому кооперативу! А вскоре после издания труда Кастро была опубликована рожденная «светом с Востока» книга Луиса Валькарселя «Буря в Андах» — настоящая декларация радикального индигенизма (хотя у автора он направлен против всех белых вообще). Социалистические идеи, приходившие из свободной России, не только придали «новый характер» взглядам прогрессивных перуанских индигенистов, но прежде всего революционизировали сами индейские массы на всей территории бывшего Тауантинсуйу, и особенно в Перу, этом «становом хребте империи инков». Креольские помещики и буржуа и их правительства, чтобы не утратить всего, должны были дать индейцам хоть что-нибудь. В 1919 году был издан закон, подтверждавший, как и в Мексике, право индейцев на общинную землю. Но и это не остановило роста революционного движения индейцев. Индейцы андских республик, так же как индейцы Мексики, боролись не только за свои земли, но и за свои политические и национальные права.

Перуанское правительство делает новую уступку. Оно выступает инициатором созыва Индейского национального конгресса, и хотя в конгрессе, который собрался в 1921 году, наряду с представителями революционных индейских сил принимает участие и индейская мелкая буржуазия, он принес властям горькое разочарование. Делегаты резко выступали как против латифундистов, так и против духовенства и правительства. Более того, делегаты конгресса создали Комитет в защиту прав Тауантинсуйу. Название этого комитета свидетельствовало о том, что идеи объединения индейцев андских земель по-прежнему живы. А поскольку комитет не получил от правительства достаточных прав, в 1922 году все Перу охватывает большое индейское восстание, опирающееся опять-таки на традиции инкского государства. И предводитель восстания вновь принимает титул инки.

Во избежание новых индейских восстаний правительство (в это время во главе Перу стоит президент Аугусто Легия-и-Сальседо)

начинает искать пути улучшения жизни индейцев. Никогда ранее, да и никогда позднее не было издано столько «индейских законов», как за время так называемого Онценио (одиннадцатилетия) — то есть одиннадцатилетнего прат вления президента Легии. Были составлены не только отдельные законы, но и целые индейские, точнее, проиндейские, своды законов. Один лишь законодательный проект профессора Хосе Луиса Абарка-Ариаса содержал 13 глав и 134 параграфа, охватывающих буквально все стороны индейской проблематики. Но самым объемистым оказался законодательный проект кечуанского юриста Атилиа Сивиричи. В нем было 1743 параграфа!

Однако в 20-е годы в Перу не только предлагались, а порой и принимались проиндейские законы. Президент создал и первые индигенистские учреждения, и прежде всего «Ведомство по делам индейцев», входившее в состав министерства экономического развития. Затем, в мае 1922 года, было создано и так называемое «Patronato de la Raza Indigena», что в переводе означает «Институт по охране индейской расы». И наконец, самого себя президент объявил новым «Виракочей», то есть новым воплощением этого некогда высшего божества некоторых групп перуанских индейцев, имевшего, по преданию, белую кожу! Наряду с проиндейскими законами современный Виракоча издал и множество других установлений, по своим последствиям оказавшихся чисто антииндейскими. Самым жестоким из них было установление о так называемом *Conscripcion Vial*, по которому индейцы — члены комунидадес ежегодно должны были определенное время бесплатно выполнять общественно полезные работы, главным образом при постройке дорог. Это было возобновление — лишь под другим названием — той самой миты, которая была таким бедствием для индейцев в колониальную эпоху. А поскольку под предлогом строительства дорог различные провинциальные чиновники опять-таки без зазрения совести эксплуатировали индейцев, вскоре после объявления этого закона во многих областях Перу вспыхнуло новое большое индейское восстание. И когда в 1930 году Легия был наконец свергнут, индейцы во многих местах страны сожгли правительственные списки, по которым их посылали на эти ненавистные работы.

Таким образом, для нас очевидно, что после окончания мексиканской национально-демократической революции центр национально-освободительной борьбы американских индейцев постепенно переместился в андскую область, и прежде всего в Перу (в начале 20-х годов). Свидетельством этого было возникновение «самой индейской» политической партии за всю историю Латинской Америки — Народного революционного союза Америки (*Alianza Popular Revolucionaria Americana*) — АПРА.

Впоследствии (опять-таки в Перу, а частично и в других странах Америки) появились группы, пожалуй «еще более индейские», чем АПРА, но ни одна из их программ не нашла и не находит у индейцев такого отклика, как программа АПРА.

АПРА, которая, по замыслу ее организаторов, должна была стать отнюдь не политической партией, а широким латиноамериканским антиимпериалистическим движением, возникла в 1923 году. Подлинным ее создателем был молодой перуанский радикальный политик Виктор Рауль Айя де ла Торре. Возникновению АПРА способствовало несколько обстоятельств. Прежде всего, революционизирующее воздействие Великой Октябрьской социалистической революции; имел значение также тот опыт, который Айя приобрел, участвуя в революционном антиклерикальном движении еще тогда, когда учился в аргентинской Кордове. Не был оставлен без внимания также опыт мексиканской революции. Ведь Айя де ла Торре продолжительное время был секретарем одного из наиболее видных мексиканских деятелей той поры Хосе Васконселоса. И наконец, воздействие огромного роста индейского революционного движения. Индейская проблема становится одним из главных вопросов, которые намерена была разрешить АПРА, придававшая современным индейцам Америки особое значение. Именно она требует назвать Латинскую Америку Индоамерикой.

Апристы с полным основанием рассматривают индейскую проблему как проблему экономическую. Именно поэтому их программа, принятая в 1931 году, предусматривает (когда АПРА придет к власти) в качестве основополагающего решения индейской проблемы возврат индейцам отнятой у них земли. Помимо этого, АПРА выдвигает проект создания «индейского ведомства», федерализации Перу и образования «индейских провинций» с широкой внутренней автономией. Основой изменения индейской экономики должна стать сельскохозяйственная кооперация. По представлениям Айя де ла Торре, кооперативы будут создаваться на основе индейских айлью. О том, что АПРА хорошо уяснила тесную связь индейской проблемы с проблемой аграрной, свидетельствует также работа Сако, одного из главных теоретиков этой партии, «Аграрная программа апризма» («*Programa agrario del aprismo*»). Таким образом, индейская проблема для АПРА является проблемой не расовой, а социальной. Из других пунктов индигенистской программы АПРА заслуживает внимания требование о создании при каждом министерстве индейских отделов, требование запрета производства и продажи коки, крепких алкогольных напитков и т. п. Индейская политическая партия, влияние которой вскоре распространилось за пределы Перу, резко выступила и против возрастающей угрозы фашизма, причем выступила с позиций американского индейца. Айя писал: «Мы должны преградить путь нацистскому фашизму. Капитализм плох, но расизм еще хуже. В «Майн кампф» Гитлер ясно дает понять, что... и народ Латинской Америки неполноценная раса. Если европейские евреи преследовались и притеснялись под предлогом «нечистоты» их расы, то чего могут ожидать индейцы и метисы, составляющие восемьдесят пять процентов населения нашего континента» (то есть Индоамерики).

АПРА выступала и с рядом других программных положений: она требовала объединения всех республик Индоамерики, национализации промышленности, передачи в международное пользование Панамского канала; провозглашала солидарность «со всеми народами и со всеми угнетенными классами». Весьма радикальная для своего времени программа АПРА нашла

восторженных сторонников не только в Перу, но и в ряде других, главным образом индейских, стран Индоамерики. Подавляющее большинство индейцев и индейских метисов (а они в то время составляли 91 процент всего населения Перуанской республики) отдало свой голос, конечно, только тем из них, кто смог принять участие в новых президентских выборах, проводившихся с участием АПРА, за апристского кандидата, основателя партии Айя де ла Торре. Однако в результате мошеннического подсчета голосов президентом стал кандидат крупной буржуазии Санчес Сер-ро. Вскоре после выборов АПРА была запрещена.

Программа АПРА на первый взгляд кажется весьма близкой нашей точке зрения. Но только на первый взгляд. Ведь, согласно основному апристскому тезису, идеи Маркса и Ленина пригодны только для Европы, а сам марксизм является продуктом капиталистической Европы XIX века и совершенно не подходит для Индоамерики XX века. Айя де ла Торре утверждает также, что не существует какой-либо всеобщей «исторической схемы». Такая схема исключила бы из истории, в частности, Индию, Древний Китай и прежде всего индейские культуры доколумбовой Америки. Нынешняя Индоамерика якобы полностью отличается как от Европы, так и от Северной Америки, да и от всего остального мира. Индоамериканцы — особая нация, возникшая в результате смешения индейцев с европейскими переселенцами и в небольшой мере с неграми. Словом, Индоамерика не такая, как весь остальной мир, и потому инструмент, с помощью которого изменяется облик мира в других местах, то есть научный социализм, для Индоамерики непригоден. Эту догму, к которой в итоге сводится все апристское учение, справедливо осудили многие латиноамериканские марксистские теоретики, например Мартинес де ла Торре, Хулио Антонио Мелья, Сесар Гуардиа Майорга и особенно Хуан Варгас. Варгас в своей книге «Апризм и марксизм» («Aprismo y marxismo») называет утверждение апристов относительно того, будто учение марксизма-ленинизма нельзя применить к латиноамериканским условиям, «самой большой из всех неправд».

В послевоенные годы АПРА и ее руководитель Айя де ла Торре полностью предали идеалы своей «молодости», предали миллионы своих индейских избирателей, которые все еще отдают им голоса. Таким образом, в «современных» методах решения индейской проблемы проявляются две крайности: официальные индигенисты (начиная с Гамио), которые, в сущности, предлагают разрешить ее путем ликвидации индейцев как самостоятельного этнического элемента, и АПРА, которая хотела бы сделать наполовину индейцами, или, точнее, индоамериканцами, и тех жителей американских республик, расположенных к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, в чьих жилах вообще нет ни капли индейской крови.

К национальному и социальному освобождению индейцев приведут не АПРА, не официальный индигенизм, не Айя де ла Торре и не Мануэль Гамио, то есть не мелкобуржуазный радикализм, не реформизм. Это сделает другой класс и другие люди. Человек, сформулировавший идеи социалистического индигенизма, уже жил тогда, когда Айя де ла Торре создавал АПРА. Имя его — Хосе Карлос Мариатеги. Вместе с ним и с партией, которую он позднее основал в Перу, к индейцам придет их будущее. Хосе Карлос Мариатеги родился 14 июля 1895 года в многодетной семье перуанского пролетария. В четырнадцать лет он стал подсобным рабочим в типографии газеты «Ла пренса», которую тогда редактировал либеральный перуанский политик и деятель культуры А. Улоа. Наряду с идеями, которые пропагандировала эта газета, на молодого рабочего большое влияние оказали воззрения Мануэля Гонсалеса Прады. Молодому типографу, обнаружившему литературный талант, издатель «Ла пренса» предоставил первую возможность выступить в печати. Он предложил Мариатеги место редактора спортивного отдела. Так, как бы с черного хода, в перуанскую журналистику вступил публицист, которому до сих пор нет равного. На свое маленькое жалованье Хосе Карлос покупает первые книги и знакомится с идеалами научного социализма. Он читает труды Маркса и Ленина. А позднее, когда в 1917 году в России победила социалистическая революция, Мариатеги был одним из первых в Перу, да и во всей Латинской Америке, кто ее восторженно приветствовал. Вот что говорит Мариатеги в автобиографии, написанной им по просьбе аргентинских товарищей: «С 1918 года, когда я был уже по горло сыт креольским политиканством, я обратился к социализму». Мариатеги обратился к социализму, ибо пришел к убеждению, что только социализм способен разрешить индейскую проблему. Мариатеги сам подчеркивал: «К осознанию роли индейцев в нашу эпоху я пришел не благодаря книжной эрудиции или эстетической интуиции, а также не путем теоретических выкладок, но потому, что стал социалистом. ...»

Индейской проблеме Мариатеги посвятил ряд своих работ. В 1924 году он основал журнал «Амаута» (на языке кечуа, государственном языке империи инков, «амаута» означает «ученый»). В те годы это был, очевидно, самый значительный теоретический журнал во всей Латинской Америке. Наряду с другими задачами журнал ставил перед собой цель способствовать решению индейской проблемы, и притом решению на основе научного марксистского мировоззрения. Для пропаганды идей социалистического индигенизма Мариатеги использовал и другие перуанские журналы, а также трибуну первой конференции коммунистов Латинской Америки (состоявшейся в 1929 году в Буэнос-Айресе) и первого конгресса революционных профсоюзов Южной Америки в Монтевидео. Принципиально важное значение имела статья Мариатеги, написанная им для нью-йоркского отделения Телеграфного Агентства Советского Союза. Эта статья и ряд других работ вошли в книгу Мариатеги, которую можно назвать (в ее индигенистских частях) классическим трудом марксистского индигенизма. Эта книга называется «Семь очерков интерпретации перуанской действительности» («Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana». Лима, 1928). «Индейская проблема, — пишет Мариатеги, — порождена нашей [то есть феодально-капиталистической] экономикой. Корни ее уходят в систему частного землевладения». Этот основной тезис социалистического индигенизма, раскрывающий существо индейской

проблемы, Мариатеги повторил на конгрессе революционных профсоюзов в Монтевидео. «Индейская проблема, — говорил он, — это не расовая проблема, а экономическая и социальная». Понимание этого открывает перед Мариатеги единственно логически возможное решение индейской проблемы: материальное и духовное возрождение индейцев невозможно без изменения социально-экономических условий. Полемизируя с апристским теоретиком Л. А. Санчесом, Мариатеги пишет: «Я только констатирую, что слияние, или соединение, индигенизма и социализма может поразить лишь того, кто не видит содержания и существа явления». «Социализм, — пишет он далее, — выражает требования трудящихся масс. А в Перу четыре пятых народных масс, трудящихся, составляют индейцы». Вот почему, говорит Мариатеги, «наш социализм не был бы „перуанским" и даже не был бы социализмом вообще, если бы не солидаризировался с требованиями индейцев».

Мариатеги с юных лет был тяжело болен. В конце концов ему ампутировали ногу. Казалось, все кончено. Но Мариатеги не сдается. Друзьям, которые опасались за его жизнь, он пишет: «Я как стрела, которая не имеет права упасть, не достигнув цели». И он не «падает», не достигнув цели. Мариатеги создал Социалистическую партию Перу (которая вскоре была переименована в Коммунистическую партию Перу), ставшую революционным отрядом международного коммунистического движения. Мариатеги привел эту партию в ряды III Интернационала. Он успел также разоблачить перед лицом всей Латинской Америки поверхностную и в своей сущности реакционную мелкобуржуазную идеологию АПРА. Он умер молодым, ему тогда едва исполнилось 35 лет. В последний путь его провожали сотни тысяч перуанцев, главным образом индейцев. Участники траурной процессии пели «Интернационал». И это символично: ведь Хосе Карлос Мариатеги указал индейцам на единственно правильный путь решения их проблемы — на необходимость слияния их борьбы за национальную социальную свободу с международным революционным движением.

В результате объединения с социализмом индейское движение во всех андских странах, и особенно в важнейшей из них — Перу, чрезвычайно усилилось. Об этом свидетельствует, например, такой факт: во время очередных выборов в Перу кандидат Киспе-и-Киспе — индеец и коммунист — вопреки всем интригам и несмотря на то, что большинство индейцев вообще не могло участвовать в выборах, получил более 20 процентов голосов.

В другой главной индейской области Америки, в Мексике, социалистические идеалы также начинают оказывать заметное воздействие на индейское движение. Это влияние еще более усилилось, когда в 1934 году президентом Мексиканской республики был избран крупнейший государственный деятель Латинской Америки XX века Ласаро Карденас. Предки Карденаса были индейцами. Но не только этим объясняется интерес Карденаса к индейскому вопросу. Еще будучи губернатором штата Мичоакан, где основную часть населения составляют тараски, одна из наиболее значительных индейских народностей Мексики, Карденас всеми силами старался способствовать решению индейской проблемы.

Общая оценка периода правления Карденаса в Мексике, разумеется, не входит в задачу этой книги. Наиболее ярким проявлением его радикальной антиимпериалистической политики, безусловно, была национализация иностранных монополий, добывающих нефть на территории Мексики.

Исключительное внимание мы должны уделить его проиндейской деятельности. Он лучше, чем кто-либо из мексиканских политиков, понимал, что индейцам нужна прежде всего земля. К тому времени в Мексике был принят ряд законодательных постановлений, согласно которым индейским общинам должны быть возвращены их земли. Важнейшим среди них был закон от 23 апреля 1927 года о разделе и возврате земли и вод. Но индейцам пришлось еще долго ждать, прежде чем содержащиеся в этом и других законах обещания возместить причиненные им убытки стали в сколько-нибудь ощутимой мере претворяться в действительность.

Американский этнограф и лингвист У. К. Таунсенд, проживший в индейских деревнях Мексики почти все шесть лет пребывания Карденаса у власти, назвал Карденаса «первым президентом индейцев». И он был прав. Карденас хорошо знал, в каких ужасающих условиях живут тараски. И он пытался изменить эти условия с того самого дня, когда впервые вступил в президентский дворец. Прежде всего Карденас начал претворять в жизнь закон о возвращении земли эхидо. За годы своего правления он вернул индейским общинам в два раза больше сельскохозяйственных угодий, чем все его предшественники, вместе взятые, — 40 миллионов акров. Карденас, человек, которому не чужды были социалистические идеалы, понимал, разумеется, что возвращение земли эхидо, в которых теперь жило во много раз больше индейцев, еще не разрешит всех трудностей. Поэтому он искал путей резкого увеличения продуктивности сельскохозяйственного производства в эхидо с помощью современных технических средств, искусственного орошения и т. п. Правительство Карденаса создает особый институт — Национальный банк кредита эхидо, назначением которого было поощрять, причем не только с помощью кредитов, развитие сельскохозяйственного производства в эхидо, а также готовить для общины агрономов, зоотехников, механиков, врачей, работников сферы социального обслуживания и др.

На территориях, еще не захваченных иностранным капиталом, например в области Лагуна (в штатах Коауила и Дуранго), правительство Карденаса предоставляет безземельным индейским крестьянам землю для создания новых общин, притом уже типа крупных сельскохозяйственных кооперативов, большие плантации технических культур в тропических областях Мексики революционное правительство почти полностью национализировало. Так, в собственность юкатанских майя были переданы огромные хенекеновые плантации. В высшей степени революционные для своего времени мероприятия правительства Карденаса

существенно повысили жизненный уровень мексиканских индейцев. Племена яки, самому мужественному индейскому племени Мексики, еще в 20-е годы несколько раз с оружием в руках поднимавшемуся на защиту своей земли, Карденас вернул 800 тысяч акров сельскохозяйственных угодий, присвоенных североамериканскими компаниями. А на реке Яки правительство построило плотину Ангостура, чтобы задержанные ею воды орошали земли индейцев.

Во время посещения индейской деревни в Соконуско Ласаро Карденас обещал индейцам, что «двери президентского дворца будут открыты для всех рабочих и крестьян». Он был первым президентом за всю историю Америки, который это обещание выполнил. Впрочем, Карденас не брал и не имел намерения брать на себя роль спасителя индейских крестьян. Но своими мероприятиями, направленными на социализацию мексиканской экономики, он сумел настолько активизировать индейские массы, что их собственные усилия, прежде всего в деле организации сельскохозяйственных кооперативов, во много раз увеличивали возможности правительства. Таким образом, Карденас не только пытался разрешить индейскую проблему, но и практически решал ее. На помощь себе он призвал десятки американистов, превосходно разбиравшихся в индейской проблематике Мексики. В числе их был автор монументального этнографического обзора «Индейское население Мексики» («Las poblaciones indígenas de México») Карлос Басаури, профессор Анхело Корсо, а также многие индейские деятели, например Хенаро Васкес, министр труда в его правительстве.

Хенаро Васкес был автором плана создания авторитетного правительственного учреждения, призванного заниматься решением всех аспектов индейской проблемы. К 1 января 1936 года Карденас создал такое учреждение. Оно называлось Департаментом по делам индейцев (El departamento de asuntos indigenas). По своим правам, масштабу и особенно по своим целям оно оставило далеко позади все подобного рода учреждения, существующие в других латиноамериканских странах. Собственный опыт Карденаса, приобретенный за годы общественной деятельности в Мичоакане, и выводы, к которым пришли его советники, а позднее и сотрудники «индейского департамента», привели президента к убеждению, что одной аграрной реформой нельзя разрешить индейскую проблему во всех ее аспектах. Поэтому, помимо решения основного вопроса — аграрного, — он осуществил и ряд других мер, которые в комплексе должны были способствовать улучшению как социальных, так и культурных условий жизни мексиканских индейцев. О многих из них он сказал в речи, произнесенной в 1937 году в общине Тепекуакулько (предложения Карденаса, высказанные в этой речи, получили название «плана Тепекуакулько»). Карденас планировал, например, поощрять и поддерживать развитие традиционных индейских ремесел в общинах; организовать в индейских областях широкую сеть медицинских учреждений (для этой цели был создан Департамент социальной гигиены и здравоохранения в деревне, который спустя год после создания располагал уже 159 врачами, 111 аптекарями, 250 медицинскими сестрами). Только за один 1938 год этот департамент оказал бесплатную помощь примерно миллиону пациентов, преимущественно индейцам. При Карденасе были значительно ограничены производство и продажа в индейских деревнях пульке и других алкогольных напитков. (Ведь к тому времени взрослый индеец тратил на пульке в среднем до трети своего заработка.) Правительство Карденаса также много внимания уделяло вопросу обучения индейских детей на родном языке и индейских языках вообще. И в этой столь важной составной части индейской проблемы годы правления Карденаса принесли в полном смысле революционный поворот. Строительству индейских школ предшествовало широкое этнографо-лингвистическое изучение основных индейских групп Мексики, и в первую очередь «карденасовских» тарасков. Для проведения этих исследований Карденас поручил д-ру Мариано Сильва-и-Асевесу создать Мексиканский институт лингвистических исследований. Директор нового института пригласил сотрудничать с ним на поприще составления азбук индейских языков, словарей и т. д. ряд ведущих ученых всего мира. Главным его советником стал виднейший американист профессор Морис Сводеш. Из чехословацких лингвистов в этой работе принял участие Честмир Лоукотка. Когда были разрешены основные лингвистические проблемы, правительство приступило к осуществлению плана создания школ для индейских детей. Были построены новые школьные здания, выпущены учебники на индейских языках и, главное, подготовлены индейские учителя. Карденас придавал особое значение подготовке индейских учителей, которые, по его мнению, должны стать основными проводниками культурной революции, призванной изменить духовную жизнь индейской деревни, притом изменить более круто, чем изменила аграрная реформа экономическое и социальное положение индейцев.

Наиболее яркой иллюстрацией идеалов, которыми при решении индейской проблемы руководствовались Карденас и его друзья Чавес, Ороско, Карлос Басаури, Хенаро Васкес и особенно популярный Ломбардо Толедано, могут служить выдержки из книги «Мир идей индоамериканского учителя» («Ideario del maestro indoamericano»), своего рода библии индейского учителя. Написал ее ближайший сподвижник Карденаса, выдающийся этнограф и теоретик в области педагогики Анхело Корсо.

Корсо прежде всего предостерегает от опасности вытеснения индейских языков испанским, говоря при этом, что «любой индивидуум может научиться различным языкам, но никогда не научится столь же точно, как на родном языке, выражать свои мысли». Вся система индейского обучения, как ее понимало карденасовское поколение индигенистов, была изложена в «Плане обучения индейцев», содержащемся в этом труде.

Обучение в школах, где преподавание велось на индейских языках, должно было иметь три этапа: 1) подготовительный курс (двухлетний); 2) основной курс (также двухлетний) и 3) так называемый «высший

цикл» (минимально трехлетний).

Этот «высший цикл», помимо общего образования, должен был дать индейцам полеводческие, зоотехнические, гигиенические и другие знания.

Характерно, что в одной из глав этого основополагающего труда, знакомящего нас с постановкой индейского образования, перед каждым учителем ставится задача: пропагандируй, распространяй среди индейцев социализм. Почему? Потому что «социализм является самым гениальным изобретением человечества, добывающегося экономической и общественной справедливости...

Социализм — это равенство, справедливость и братство».

Вот какие мысли высказывались во второй половине 30-х годов в Мексике. Но наряду с укреплением союза между индейским движением и движением социалистическим в ту же пору все большее распространение получает и «гамиоский» вариант индигенизма, представляющий собой некую мелкобуржуазную самокритику всего того, что привело коренное население Американского континента к его нынешнему состоянию.

Взгляды этого «официального» варианта индигенизма широко рекламировались во время Первой панамериканской индигенистской конференции, по иронии судьбы проходившей именно в Мексике и именно в конце правления Ласаро Карденаса (с 14 по 19 апреля 1940 года). И к тому же еще в Мичоакане, в городе Пацкуаро, где прежде жил Карденас и где жили все его индейские — тарасканские — предки.

Уже сам факт, что такая конференция состоялась, — факт немаловажный, несмотря на то, что она в своей деятельности исходила из теоретических основ официального, то есть умеренного, реформистского индигенизма. Этот факт указывал на то, что индейская проблема существует и приобретает первостепенное значение почти во всех американских странах.

Конференция занималась в основном тремя проблемами: организацией обучения на индейских языках, координацией и объединением действий индейцев и, наконец, земельным вопросом.

Наибольшее внимание было уделено вопросу обучения на национальных индейских языках. Относительно аграрной реформы конференция не заняла сколько-нибудь решительной, принципиальной позиции; она, по существу, обошла эту проблему.

Рассмотрев вопрос о координации действий, делегаты конференции постановили создать панамериканские органы, призванные «руководить индигенистской деятельностью всей Америки».

Первым и главным из них стал Панамериканский индигенистский институт. Верховным органом индигенистского движения считаются «панамериканские индигенистские конгрессы». Они должны собираться и в самом деле регулярно собираются каждые пять лет.

19 апреля 1940 года была принята заключительная резолюция этой первой общеамериканской индейской конференции. Позднее этот день был провозглашен Днем индейцев, который с тех пор ежегодно празднуют все индейцы Америки и все их друзья во всем мире.

Пацкуарская конференция вопреки неблагоприятной роли официальных индигенистов стала важным переломным моментом в истории латиноамериканских индейцев. Ведь, несмотря на все попытки уничтожить индейцев как самостоятельную и самобытную часть населения Латинской Америки, их становится все больше. Неизменно возрастает их роль и влияние. Поэтому индейцы могут смело смотреть в будущее. В грядущее завтра, исполненное великих надежд.

«Индейцы без томагавков»

[Следующая глава >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Милослав Стингл

НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ

Пацкуарская конференция имела для латиноамериканских индейцев примерно такое же значение, как Чикагская конференция для

преимущественно неиндейцы. И хотя мы можем найти в этой конференции существенные недостатки, одно все же остается чрезвычайно важным. Она стала трибуной, с которой перед общественностью всего субконтинента, от Рио-Гранде-дель-Норте до Огненной Земли, выступило его коренное население. Она позволила индейцам заявить о своем праве принять участие в определении будущего Латинской Америки, напомнить, что, кроме общих проблем Латинской Америки, есть и специфическая, чрезвычайно сложная индейская проблема, а главное, во всеуслышание заявить: «Мы существуем!»

Впрочем, для ряда стран континентальной Латинской Америки нет особой надобности подчеркивать наличие в них индейцев. За исключением Уругвая, в каждой из них живут большие индейские группы. По крайней мере в четырех странах (Боливии, Перу, Эквадоре и Гватемале) индейцы составляют абсолютное большинство населения. В иных государствах, таких, как Мексика, Парагвай, Гондурас, Сальвадор, индейцы составляют большинство вместе с метисами. Во многих других странах живут еще сотни тысяч индейцев.

Теперь время предоставить слово статистике, которая скажет нам сколько индейцев живет в Латинской Америке и как они распределяются по различным странам. Но прежде необходимо напомнить, что более девяносто пяти процентов американских индейцев живет ныне — как и в до-колумбовы времена — к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, от границы которая отделяет Северную Америку от Латинской. Это соотношение

известно точно. И все же в определении численности латиноамериканских индейцев нам приходится (и не только нам) полагаться лишь на приблизительные цифры. Переписи населения в разных странах, естественно, проводятся в разное время. Статистики расходятся уже в основном вопросе: кого считать индейцем. При этом часто получалось, что государственные органы некоторых латиноамериканских стран заранее ликвидировали сотни тысяч индейцев, чрезмерно сужая свое определение понятия «индеец». Вот хотя бы несколько примеров. При переписи, проводившейся в Панаме в 1940 году, все население этой республики было разделено на «цивильное население — граждан» и «туземцев». Притом к «цивильному населению» (читай — цивилизованному), согласно инструкции, были отнесены «все группы населения, которые живут в рамках политико-социальной структуры республики, включая представителей индейской народности». Настоящими же индейцами та же инструкция предписывала считать лишь тех, «кто сохранил племенную организацию и живет в самых неприступных горных областях и на заболоченных территориях побережья Панамского перешейка». Разумеется, такой подход исключает из числа индейцев подавляющее большинство коренных жителей Панамы.

При переписи, проводившейся в том же году в Перу (чисто индейской республике), инструкция предоставляла лицам, осуществлявшим ее, полное право по собственному разумению решать, кто индеец, а кто метис. Причем во всех случаях, когда «расовая принадлежность неясна», рекомендовалось записывать такого человека метисом. Затем, уже при общем подсчете, метисы и белые были объединены в одну категорию белых. Так из статистических таблиц одним махом была вычеркнута почти половина индейского населения этой республики! Сами официальные индигенисты исключили из рядов индейцев еще сотни тысяч людей, подчеркивая (как это делал Альфонсо Касо), что только «если человек пользуется исключительно индейским языком, мы можем считать его индейцем». Еще более проблематичен «критерий культуры», если при этом индейцем считается лишь такой житель Америки, который сохранил многие черты материальной и духовной культуры доколумбовых индейцев! Итак, при установлении действительного количества латиноамериканских индейцев нам приходится полагаться на приблизительные подсчеты, хотя бы и подкрепленные полученными ранее данными по этой важной проблеме. Так, Уолтер Уилкоккс в 1929 году, определяя количество коренного населения Америки, привел цифру — 14 миллионов человек. Джильберто

Лойа в 1935 году назвал цифру — 17 миллионов. И наконец, приблизительные данные, считающиеся наиболее вероятными, цифра, названная знаменитой Пацкуарской конференцией, — 30 миллионов индейцев. Однако в это число в некоторых странах включены и метисы.

Наиболее точной можно считать цифру, которую называет профессор Панамериканского университета в Панаме североамериканец Берендт. По его подсчетам, в 1943 году в Америке было 23 миллиона чистокровных индейцев. К 31 декабря 1961 года число чистокровных индейцев Америки возросло до 31 миллиона 500 тысяч. Если мы предположим, что в англосаксонской Северной Америке живет примерно 775 тысяч индейцев (560 тысяч — в США, 200 тысяч — в Канаде и 15 тысяч — на Аляске), то на Латинскую (то есть Южную и Центральную Америку) придется около 30 миллионов 750 тысяч индейцев. Эта цифра соответствует также результату подсчетов профессора Берендта плюс естественный прирост населения, а он в Латинской Америке самый высокий в мире — около 27 процентов. При этом прирост индейского населения в южноамериканских республиках, как правило, значительно выше, чем прирост креольского населения. Быстрее всего — и это естественно — возрастает число метисов. Определить хотя бы примерное число метисов еще труднее, чем чистокровных индейцев. Но метисов в Латинской Америке по меньшей мере столько же, сколько индейцев.

Положение метисов (здесь мы говорим лишь об индейских метисах, поскольку в Латинской Америке, разумеется, есть и мулаты, и небольшое число полуиндейцев-полунегров, которые называются самбо) не во всех латиноамериканских странах одинаково. Кое-где они представляют — в социальном отношении — промежуточную группу населения, причем индейцы всегда стоят на нижней ступени общественной лестницы. В других местах метисы разделяют с индейцами их трагическую участь и потому присоединяются к их требованиям, а иногда и к их борьбе.

В Латинской Америке индейцы и метисы в общей сложности составляют около 70 миллионов. Это огромная цифра. Вот почему центральный орган индигенистской печати предлагает, чтобы Латинская Америка, население которой, за исключением земель западной части Южной Америки, является не менее чем наполовину индейским, в будущем называлась не Латинской, не по языку, навязанному ей конкистадорами, а Индейско-иберийской, то есть по происхождению двух основных групп ее населения. Это наименование уже начинает входить в практику. В дальнейшем и мы будем пользоваться этим более точным названием Латинской Америки.

Более 30 миллионов чистокровных индейцев и по крайней мере 40 миллионов южноамериканских и центральноамериканских метисов, в чьих жилах тоже течет индейская кровь, представляют в политической жизни Индейско-иберийской Америки огромную силу. Силу, которую уже нельзя игнорировать. Значение индейцев и лиц индейского происхождения определяется прежде всего их численностью. И не только численностью, но и их высоким приростом. Причем число их растет не только абсолютно, но и относительно. Во времена Колумба в Америке жило около 14 миллионов индейцев. А ныне, несмотря на жестокий конкистадорский геноцид, на бедствия и страдания, принесенные колониализмом, несмотря на кошмарные условия, в которых нередко еще и сегодня живет индейский пролетариат, индейцев и метисов вдвое больше, чем в начале столетия, и в четыре раза больше, чем в 1492 году! Но роль, значение индейцев для будущего политического развития республик Индейско-иберийской Америки определяется не только их численностью, хотя и это важно; главное же заключается в том, что, находясь в тягчайшем положении, подвергаясь жестокой эксплуатации, трудящиеся индейцы в силу своих классовых интересов должны быть заодно с самыми прогрессивными политическими элементами своих стран, с пролетарским движением креольских масс и международным пролетарским движением. А это объединение сил индейского, метисского и креольского пролетариата в конце концов революционным образом решит казалось бы столь «неразрешимую» индейскую проблему в ее социальном (то есть в первую очередь аграрном) и национальном аспектах.

В Индейско-иберийской Америке (а также к северу от Рио-Гранде-дель-Норте) индейцы и метисы преимущественно живут в деревне. Исключая малочисленные индейские этнические группы, населяющие джунгли Бразилии, Венесуэлы, Гвианы, Центральной Америки, Чако, вымирающие на Огненной Земле и в перуанской Монтане, девять десятых индейского населения Индейско-иберийской Америки живет сейчас почти так же, как в пору появления первых европейцев — в деревенских индейских общинах (по-испански *комунитад*). Индейская *комунитад* в Индейско-иберийской Америке — важнейшая общественная единица. Основной характерной чертой индейской общины было совместное владение землей. Эти общины (в древней Мексике — *кальпулли*, в Андах — *айлью*, ныне — *эхидо*, *парсиалидад* и т. д.) отнюдь не являются «индейским изобретением». По крайней мере до начала нынешнего тысячелетия наши славянские предки жили подобными же общинами. Только зарождение феодализма приносит в наши страны частное землевладение. До этого в Индейско-иберийской Америке дело попросту не дошло. В некоторых областях (особенно в Мексике второй половины XIX века) у индейских общин были полностью отняты земли, но в результате революции, а главное — в период правления Карденаса большей части этих общин земли были возвращены.

Индигенисты и регулярно созываемые ими панамериканские конгрессы также, разумеется, не могли игнорировать индейскую общину. Они решительно требовали сохранения общинного землевладения. Но при этом они в духе идеалов официального индигенизма искали путей, чтобы нарушить ее иной раз почти герметическую непроницаемость, открыть ее для креольского мира, искали путей включения ее в «интегрированное общество» той или иной американской республики. Требование сохранения основ совместного владения неотчужденными эхидальными землями, безусловно, справедливо. Совместное владение общинной

землей, которую индейские крестьяне к тому же и обрабатывают зачастую коллективно, значительно облегчит в будущем переход индейских земледельцев к коллективному хозяйству социалистического типа. Но означает ли это, что нынешнее состояние — то есть совместное владение землей в индейских общинах — удовлетворяет индейцев и что требования радикальной аграрной реформы излишни? Отнюдь нет. Да, индейские крестьяне некоторых общин совместно владеют землей, этим основным средством производства. Однако сколько ее, этой земли?

Когда кастильский королевский двор одной рукой писал декреты о неприкосновенности земли индейских общин, другой он одновременно щедро одаривал американских энкомендэро индейцами, а заодно и их землями. В результате большую часть своей общинной земли индейцы потеряли еще, в колониальную эпоху. «Республиканские» латифундисты присваивали себе земли из того же фонда. Однако требованиям будущей социалистической экономики индейского земледелия уже не удовлетворяет и «коммунидад». Сегодня она еще спасает индейца от полной нищеты, сегодня еще остается его защитой, его прибежищем, где он может жить среди равных себе, равных по языку и по бедности. Но будущее и в индейской деревне принадлежит коллективному хозяйству — земледельческому кооперативу высшего типа.

Каково же современное состояние индейской общины? В целом можно сказать, что в нескольких странах Америки общины донныне сохранили часть своей земли в совместном и неделимом владении. Наиболее обширные земельные массивы принадлежат индейским общинам в Мексике. Эхи-до располагают здесь несколькими десятками миллионов гектаров. Впрочем, мексиканские эхидо — специфическая, наиболее прогрессивная форма, в которую трансформировалась первоначальная индейская община, чьи основы следует искать еще в ацтекском кальпулли. Многие индейские общины в Боливии и Перу после победы национально-демократических революций и проведенных затем земельных реформ тоже частично расширили свои владения, а иной раз даже изменили и внутреннюю структуру.

Однако в целом индейские общины (за частичным исключением Мексики) испытывают большую нехватку земли. В колониальный период и первое столетие республиканской эпохи им удалось сохранить лишь незначительную часть своих земель, а жить на ней и кормиться приходилось все большему числу членов общин. Увеличению же сельскохозяйственной продукции (что соответствовало бы постоянному росту населения, существовавшего исключительно за счет доходов с общинной земли) препятствовало слабое оснащение общин техникой.

И сейчас, как прежде, индейцы выращивают на общинных полях кукурузу, бобы, овощи, а в Андах — картофель.

Животноводческие общины разводят овец, лам, крупный рогатый скот. Поскольку урожай с общинных земель, как правило, не удовлетворяет даже потребностей самих членов общины, они не могут продавать свою продукцию и, следовательно, получать денежные средства. Зачастую общины (например, в перуанской Сьер-ре) вообще не связаны с рынком. Низкие денежные доходы, а подчас и полное их отсутствие, невозможность получить необходимые кредиты не позволяют индейским общинам приобретать для повышения продуктивности земледелия современную сельскохозяйственную технику, осуществлять мелиорационные работы, покупать сортовые семена, племенной скот, искусственные удобрения и т. д.

Индейцы часто бывают вынуждены покидать общины просто потому, что доля дохода, которая приходится на каждого из них, значительно ниже прожиточного минимума. Так, в 1941 году «Единый арауканский фронт» сообщил, что положение членов арауканских общин в Чили катастрофическое, так как на одну индейскую семью в среднем приходится лишь 80 килограммов зерна в год! И ничего больше! Поэтому индеец, которому общинная земля не обеспечивает самого низкого прожиточного минимума, или индейский безземельный крестьянин, даже не являющийся членом общины, вынуждены наниматься к латифундистам.

Земельные реформы в Мексике, а частично и в Боливии, ограничили права крупных землевладельцев, однако в Южной и Центральной Америке до сих пор сохранилась система латифундий и на них до сих пор батрачат миллионы индейцев-пролетариев. Другие работают на крошечных клочках земли, которые арендуют у латифундистов, расплачиваясь за них чаще всего долей урожая. Такой же по существу нефеодалный характер носят и всевозможные личные услуги, которые в различных областях Америки индейцы должны оказывать представителям государства и церкви, а чаще всего местному латифундисту. Например, в перуанской Сьерре такой весьма распространенной формой частных услуг является понгеахе. Всего несколько лет назад юрист-кечуа Сивиричи был вынужден написать в своей книге об индейском праве в Перу: «Поного, на которого распространяется понгеахе, — это самый настоящий раб... с ним обращаются как с рабочей скотиной. Рабочий день его начинается с рассветом, а заканчивается много позже захода солнца...» Наряду с понгеахе кечуа из окрестностей Куско и сейчас еще должны нести разные личные повинности; таковы, например, фаэна — обязанность выполнять различного рода работы по ремонту дорог, строительству мостов и т. д., митани — обязанность индейских женщин ежегодно от недели до месяца прислуживать на кухне в асьенде и т. п. Эти личные повинности распространяются как на мужчин, так и на женщин, и даже индейские дети обязаны оказывать «услуги». Например, в некоторых областях Боливии индейские дети должны выполнять килья-чакареро — во время уборки урожая бесплатно охранять поля от животных и птиц, васеапонго — бесплатно пасти стадо хозяина и уэртапонго — в течение недели работать в хозяйском саду.

Специфической формой эксплуатации индейских земледельцев является уасипонго. Эта форма весьма распространена в Эквадоре. Уасипонгеро батрачит на полях латифундиста. При этом уасипонгеро получает лишь часть заработанного, остальное идет на уплату аренды за участок земли, который ему предоставляет латифундист. Таких уасипонгерос в

современном Эквадоре свыше 500 тысяч.

Земледелием, в меньшей мере скотоводством занято большинство современных индейцев Южной и Центральной Америки — членов индейских общин, мелких землевладельцев, сельскохозяйственных рабочих и уасипонгерос. А остальные, если не упоминать о небольших группах индейцев, добывающих себе пропитание собиранием съедобных плодов и охотой в лесных районах Южной Америки, — это ремесленники, рабочие промышленных предприятий, преимущественно рудников. Ремесленники изготавливают для продажи ряд традиционных индейских изделий (так индейцы Коста-Рики делают оригинальные ткани, окрашенные пурпуром, который добывают из моллюсков *turax purpura*; индейцы с юга Коста-Рики, из области Никойя, в большом количестве производят отличную керамику, разрисованную тушью, и т. п.). И так же, как в Коста-Рике, чрезвычайно разнообразна продукция индейских ремесленников всей Индейско-иберийской Америки. Доходы их во многих странах довольно высоки. Например, в 1948 году индейские ремесленники Гватемалы продали на 4 551 000 кецалей ' текстильных изделий, а за прочую свою продукцию получили еще 6 187 000 кецалей. Ремесленные мастерские некоторых индейских семей и общин постепенно превращаются в настоящие промышленные предприятия, привлекающие все большее число индейцев, главным образом из голодающей деревни. Растет не только численность индейских ремесленников, но и объем их продукции. Так, до недавнего времени второй по важности статьей экспорта республики были соломенные шляпы, изготовленные эквадорскими индейцами. В целом ремесленным производством шляп в Эквадоре занимается более четверти миллиона индейцев. Чрезвычайно распространена и текстильная продукция другой эквадорской индейской племенной группы — знаменитых отавалов, которые сами продают свои изделия на рынках всей Южной Америки.

Индейский промышленный пролетариат уже сейчас относительно многочислен. В промышленности занято примерно 350 тысяч южноамериканских и центральноамериканских индейцев. Самая многочисленная часть индейских рабочих — горняки. Особенно важную роль индейский рабочий класс играет в андских странах. Например, в боливийской горной промышленности, продукция которой в 1938 — 1945 годах составляла 94,9 процента всего экспорта этой страны, 85 процентов рабочих составляют индейцы. Подобное же положение существует и в соседнем Перу. Владельцы рудников (в Боливии после победы демократической революции 1952 года рудники были национализированы) используют труд индейцев в таких масштабах, потому что рудники, как правило, расположены на большой высоте над уровнем моря (3800—5000 метров) и индейцам, коренным жителям высокогорных районов, легче выдержать суровые условия этих мест. Большое число индейских рабочих, занятых в горнодобывающей промышленности андских областей, придало индейский колорит ряду городов, главным образом в Боливии (особенно в округах Льяльязуа, Катави, Оруро, Пулакайо).

В других отраслях промышленности и на транспорте индейских рабочих значительно меньше, причем их труд в основном использовался на традиционно индейских промыслах: так, в Колумбии (в Пахаро, Манаура и Баия-Онда) на добыче морской соли заняты почти одни индейцы. В Венесуэле много индейцев племени гоахиро работает в нефтяной промышленности. В нефтяном центре Маракаибо венесуэльское правительство даже вынуждено было выстроить для гоахирских рабочих отдельный квартал (Сирума), где индейцы имеют собственную школу, медицинский пункт, стадион и т. д.

Итак, в деревнях, а теперь уже вследствие массового бегства индейцев из голодающей деревни и в городах работают миллионы и миллионы индейских крестьян, ремесленников и рабочих, принимая участие в создании богатств обширной части света, простирающейся от Рио-Гранде-дель-Норте до Огненной Земли. Они создают богатства. .. Но что из этих богатств принадлежит им? Как живут сейчас 32 миллиона индейцев и значительная часть метисов, насчитывающих несколько десятков миллионов человек? Как правило — плохо. Мы уже познакомились с условиями жизни индейцев в общинах. Жизненные условия, питание индейских сельскохозяйственных рабочих латифундий или индейских горняков, занятых на оловянных рудниках Перу и Боливии, пожалуй, ничуть не лучше. Без преувеличения можно сказать, что в ряде областей Индейско-иберийской Америки индейцы в буквальном смысле голодают. Питание современных индейцев неудовлетворительно не только с точки зрения количества, но и в качественном отношении. Основную пищу месоамериканских индейцев составляют кукуруза и бобы; в другой области расселения индейцев — в Андах — это картофель и киноа. Все остальное — мясо, молочные продукты, жиры, сахар, а порой даже овощи и фрукты — для подавляющего большинства индейцев редкое лакомство. Статистические данные свидетельствуют, что сейчас лучше других питаются индейцы Мексики и часть чилийских арауканов. С питанием индейцев андских стран, особенно Эквадора и Перу, дело обстоит значительно хуже. Обследование, проведенное Американским христианским кооперативным союзом в индейских республиках Анд, вскрыло такой, например, ужасающий факт, что из 20 тысяч новорожденных индейцев в Эквадоре на протяжении первого же года жизни умирает треть — более 6 тысяч детей! Следовательно, среди андских индейцев самая высокая в мире смертность. А средняя продолжительность их жизни колеблется от 32 до 40 лет! Плохое питание порождает болезни. Катастрофическая нехватка витамина В (а частично и витамина С) вызывает множество заболеваний (по преимуществу глазных и кожных), от которых страдают значительные группы индейского населения.

Медико-санитарные условия жизни современного населения Индейско-иберийской Америки, особенно в андских странах, исключительно неблагоприятны. Наряду с недостаточным питанием тут играет немалую роль несоблюдение правил гигиены и слабое развитие здравоохранения. Помимо туберкулеза, заболеваний пищеварительного тракта, венерических болезней, черной

оспы и других широко распространенных болезней, население ряда мест страдает еще от специфически «индейских недугов». Например, жители боливийского высокогорья часто болеют так называемой «сурумпи» (снежной слепотой). Самый опасный и распространенный из «индейских недугов» — опсосоцероз («mal torado»), которым страдают десятки тысяч индейцев во влажных областях юга Мексики и Гватемалы. Болезнь, которую вызывает бактерия *oposocera volvus*, завезенная в Америку африканскими невольниками, поражает зрение и, если больному вовремя не оказана медицинская помощь, часто приводит к слепоте. В районе какао-плантаций Чианаса, главном очаге этой ужасной болезни, и сейчас обычное явление — своеобразные «караваны» слепых индейцев, соединенных веревкой, которых ведет индеец, еще не утративший зрения. Борьбу с этой болезнью Панамериканский индигенистский институт поставил одной из своих первых задач.

Здоровью индейцев Южной и Центральной Америки наносят тяжелый ущерб также алкоголизм и особенно жеванье листьев коки. Обе эти привычки, от которых страдают главным образом индейцы Анд, имеют явные социальные корни. Индейцы пьют, потому что зачастую не видят иного выхода из нищеты, жуют листья коки, потому что кокаин помогает забыть о голоде и усталости. Практически индеец никогда не бывает «хроническим алкоголиком», однако пьет и довольно много во время различных празднеств или в кризисной ситуации. А потом снова месяц или даже полгода может даже не попробовать чичу пульке или вирапу (перебродивший сок сахарного тростника). Значительно опаснее для здоровья индейцев кока. Различные национальные и международные организации и учреждения пытались добиться ограничения производства коки, установления контроля за ее потреблением, стремясь предохранить от пагубной привычки прежде всего индейскую молодежь, но все их попытки в этом направлении пока что успеха не имели. До сих пор существуют районы, где листья коки жуют все взрослые индейцы. Причина — повторяем — ясна. Кока помогает забыть о голоде и усталости, жажде и холоде. У тех, кто нещадно эксплуатирует индейцев на плантациях и в рудниках Андского нагорья, две возможности: дать индейцу одежду, питье и главное — пищу или позволить ему жевать листья коки. Разумеется, они выбирают последнее. Это дешевле. А главное, тех, кто потребляет кокаин, делают рабами этой привычки. Тем зловещее тот факт, что некоторые предприниматели (в Эквадоре, Перу и особенно в Колумбии), чтобы связать по рукам и ногам индейских рабочих, выдают им часть заработка листьями коки! В перуанской Сьерре «плата кокаином» подчас составляет до 50 процентов их нищенского заработка.

Так живет индейское население Южной и Центральной Америки. С одной стороны, мы видим быстрый рост индейского населения и частичное развитие современной национальной культуры некоторых индейских племенных групп; с другой — кризисное экономическое и социальное положение больших групп индейского населения. Разумеется, нельзя не видеть различий. Многие правительства — мексиканское, коста-риканское, перуанское — пытаются улучшить условия жизни индейцев в своих странах. Тем не менее миллионы индейцев Южной и Центральной Америки все еще голодают, страдают от различных болезней, спят на голой земле, ходят босые, не имеют теплой одежды и, хоть трудятся до изнеможения, живут в нищете.

«Отец кубинской независимости», великий Хосе Марти, которого приводили в негодование тяжелые условия жизни индейцев (в ряде стран они до сих пор почти не изменились), приходит к недвусмысленному заключению: «Или мы освободим индейца, или тяжесть [его доли] преградит [Америке] путь вперед». То, что без экономического, социального и национального освобождения индейцев не может быть подлинного освобождения Индейско-иберийской Америки, ныне уже общепризнано. Теперь, через четверть века после Пацкуарской конференции, почти никем не отрицается наличие в Америке индейской проблемы. Не видят ее только те, кто не хочет ее видеть. К сожалению, подобного единодушия нет во взглядах на то, каким образом эту проблему разрешить. Бесспорно, наибольшей популярностью и распространением пользуются в настоящее время воззрения так называемого официального индигенизма, приверженцы которого в послевоенные годы стали проводить в жизнь основополагающий тезис Гамио о возможности решения индейской проблемы путем различных, преимущественно культурных реформ. Прежде всего непосредственно на родине официального индигенизма сотни энтузиастов, членов индигенистских центров, участвуют в разных начинаниях с целью улучшения условий жизни индейского населения.

Мы оставили индигенистов в пору их первого крупного успеха, имевшего немалое значение для индейского движения, — во время Пацкуарской конференции. Как же развивалось индигенистское движение после этой конференции? Безусловно, оно достигло довольно значительных результатов, главным образом организационных. Национальные индигенистские институты были созданы почти во всех странах Южной и Центральной Америки. Стали выходить и несколько индигенистских журналов: два панамериканских — «Америка индигена» и «Бюллетень индигениста» и ряд национальных — «Гватемала индигена», «Бюллетень индигениста ве-несолано», «Аксон индигениста», «Перу индигена». По инициативе индигенистов были приняты десятки законов в защиту прав индейцев. Обучение на индейских языках, пусть в ограниченных пределах, ныне уже не является привилегией одной Мексики. 25 июня 1949 года в Куско состоялась Вторая панамериканская индигенистская конференция. Проблемы, стоявшие в ее повестке дня, по сравнению с проблемами Пацкуарской конференции были еще более узкими и менее существенными для изменения социального и национального положения индейцев. Вот, к примеру, некоторые из них: роль музея в сохранении индейской культуры; вопросы питания перуанского индейца; воспитание индейской женщины; дошкольное воспитание индейского ребенка; окончательный состав азбуки языков кечуа и аймара и т. д. Вопросам культуры и здравоохранения было уделено основное внимание, тогда как политические и экономические проблемы почти не затрагивались.

После Кусканской конференции официальные индигенисты начали проводить в жизнь различные «программы помощи». В Мексике они реализовали несколько таких программ. Располагая относительно небольшими средствами, они сконцентрировали свою деятельность в немногочисленных центрах. В Мексике такие центры назывались Индигенистскими координационными центрами (*Centro coordinador indigenista*). Такие ИКЦ уже существуют в Гуачомике (область Сьерра-де-Чуауа), в Тласиаке (штат Оахака) для миштеков и в Темаскале для масатек. Наглядной иллюстрацией индигенистской деятельности ИКЦ может служить, например, деятельность центра для цельталей и цоцилей в городке Сан-Кристо-баль-лас-Касас в штате Чиapas. Сотрудники центра позаботились о постройке шоссе, соединившего цельтальские деревни с окружающим миром, построили небольшую индейскую больницу для членов этих двух племен, сделали восьми тысячам индейцев прививки от тифа и черной оспы, начали обучение до той поры неграмотных индейцев как на цельтальском, так и на цоцильском языках. Однако преподавание на родном языке осуществлялось лишь два первых семестра, в дальнейшем обучение велось уже по-испански. Этим, собственно, исчерпывалась вся, бесспорно весьма похвальная, деятельность индигенистов. Кардинальный для повышения жизненного уровня индейцев вопрос — вопрос аграрный — индигенисты в данном конкретном случае, по сути дела, обошли, предоставив индейцам лишь 500 гектаров ранее не возделывавшейся земли, принадлежавшей штату Чиapas.

Для осуществления своих программ официальные индигенисты получают также финансовую поддержку из-за границы, особенно из США. В послевоенное время официальное индигенистское движение тесно сблизилось с Организацией американских государств. Помощь из Соединенных Штатов поступает как непосредственно от государственного департамента, так и от различных неправительственных учреждений, например от Корнелльского университета. Правительственные круги США приняли участие главным образом в обширной индигенистской программе так называемых «сервисное кооперативос» (*servicios cooperativos*), которые в определенных индейских областях должны взять на себя заботу о повышении продуктивности сельского хозяйства, здравоохранения, школьном и внешкольном образовании. Договоры об этих «сервисное кооперативос» были заключены с большинством американских республик, имеющих значительное индейское население (Боливией, Перу, Парагваем, Эквадором и Гватемалой). Вопросом ликвидации неграмотности среди индейцев, особенно среди жителей тропических джунглей, занимается и американский Летний институт лингвистов (*Summer Institute of Linguistics*), уделяющий, впрочем, основное внимание научным лингвистическим проблемам. Наряду с проиндейскими программами помощи, осуществляемыми в Индейско-иберийской Америке или самими официальными индигенистами, или правительством США и на его средства, а ныне и многими организациями богатых западноевропейских стран, в решении индигенистских проблем принимают участие и различные международные организации: Международная организация труда, уделившая положению индейского рабочего в Центральной и Южной Америке особое внимание на специальном заседании в Женеве в 1953 году. Международная организация по вопросам просвещения, науки и культуры при ООН (ЮНЕСКО), Организация по продовольствию и сельскому хозяйству при ООН, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и др. Самая обширная из программ помощи — так называемая Андская миссия (*Mision andina*), в реализации которой участвуют многие международные организации, — распространяется, собственно, на всю населенную индейцами территорию Колумбии, Эквадора, Перу и Боливии и разбита на ряд этапов. Цель этой Андской миссии — полностью соответствующая духу официального индигенизма — сводится к интеграции индейского населения, «включению индейцев в жизнь народов этих стран». Свою деятельность в последние годы Андская миссия развернула в Колумбии — в области Каука; в Перу, где она создала ряд «центров» — очагов культурной и экономической помощи (сначала в Викоше, а затем в целом ряде индейских департаментов Перу, например в Аякучо, Апуримаке и Хунине). В Боливии Андская миссия уделяет сейчас основное внимание улучшению санитарно-гигиенических условий жизни индейского населения. В Эквадоре, где она осуществляет свою программу уже довольно долго, в настоящее время функционируют шесть индигенистских центров, в составе которых, кроме руководителя, есть агроном, врач, социолог и специалист, ведающий вопросами образования, обучением индейцев на их родных языках. Андская миссия строит специальный институт, где будут готовить индигенистских инструкторов для работы среди индейцев горных районов Перу. Готовится также переселение безземельных индейцев в не освоенные еще перуанские долины Тамбопата и Инамбариа. При университете в боливийском городе Кочабамба создается специальный центр для повышения квалификации индейских агрономов и т. п.

Есть также «программы помощи», которые финансируют Американская федерация труда, западногерманские и норвежские профсоюзы. Различные шведские и бельгийские организации принимают участие в одной из «индейских программ», безвозмездно предоставляя так называемые «запакованные школы». ЮНЕСКО готовит для индейских общин всевозможных экспертов. Главным центром этой проиндейской деятельности ЮНЕСКО, или, точнее сказать, подчиненная ему организация КРЕФАЛ, символически выбрала Пацкуаро.

1960 год стал в известной мере поворотным в истории официального индигенизма. В этом году умер Гамио (вскоре после Третьей панамериканской индигенистской конференции, которую он подготовил и которая по своей программе и результатам ничем не отличалась от предыдущей, Кусканской). Новым президентом Панамериканского индигенистского института становится значительно более прогрессивный американец Мигель Леон-Портилья, снискавший мировое признание и как один из известнейших современных знатоков духовной культуры доколумбовой Мексики. Еще вместе с Гамио руководящие посты в организациях официальных индигенистов заняли известные этнографы (иногда антропологи), принадлежащие к левому лагерю

(некоторые из них даже состоят или состояли в Компартии Мексики). Например, профессор Хуан Комас, д-р Рикардо Росас, д-р Гонсало Агирре Бельтран, д-р Деметрио Соди и др. Вместе с этими людьми, которые, безусловно, хотят помочь индейцам, социалистические индигенисты могут начать широкий, серьезный и дружественный обмен мнениями, который принесет бесспорную пользу конечной цели всякой подлинной индигенистской теории — поискам наиболее приемлемого и прогрессивного пути решения индейской проблемы. А успешных поисков такой оптимальной индигенистской модели (социалистические индигенисты имеют тут надежный компас в наследии Хосе Карлоса Мариатеги) требует теперь не только тяжелое положение коренного населения Америки, их требуют и сами индейцы.

Отдельные проекты, даже если их авторами движут самые искренние побуждения, естественно, не могут целиком разрешить все экономические и социальные аспекты индейской проблемы в Латинской Америке, хотя в интересах истины мы должны признать, что многое было уже осуществлено и в некоторых странах в отдельные периоды (например, в Гватемале в пору правления президентов Арбенса и Аревала, в Перу при современном военном правительстве и особенно в Чили при правительстве Народного единства) в этом отношении были предприняты шаги кардинального значения.

Однако, так же как в Северной Америке (мы приводили в качестве примера племя навахов), и в Латинской Америке свои экономические и социальные проблемы должны будут решать в первую очередь сами индейцы. Здесь, пожалуй, уместно еще раз напомнить об основном отличии между положением индейского населения в Северной и в Латинской Америке. В Северной Америке индейцы по преимуществу живут в резервациях, которые представляют собой небольшие индейские автономные территории, как бы самостоятельные административные единицы. Несмотря на множество совершенно очевидных недостатков, такие резервации имеют ныне для индейцев и одну существенную выгоду. Они усиливают у них ощущение принадлежности к данному племени, помогают (хотя бы в теории) сохранить родной язык и некоторые черты национальной культуры.

В Латинской Америке положение совсем иное. Индеец живет здесь среди других отдельных креольских, а то и негритянских, граждан республики, границы которой при этом отнюдь не совпадают с границами расселения отдельных индейских групп. Так, например, представители одной из крупных индейских народностей Латинской Америки — аймара — живут в Перу, Боливии и даже в Чили.

Дело в том, что создатели этих латиноамериканских республик первоначально не учитывали возможности самостоятельного, своеобразного развития индейских народностей, да, как правило, и не сочувствовали такому развитию. Так, например, прославленный латиноамериканский революционер, герой борьбы за независимость от Испании генерал Сан-Мартин вскоре после того, как взял в свои руки власть в одной из самых заселенных индейцами стран Америки — Перу, издал декрет, по которому коренное население страны не разрешалось более именовать индейцами; теперь индейцев следовало называть перуанцами. Естественно, что с изданием этого декрета индейцы, вчерашние подданные испанского короля, не стали перуанцами, ничем не отличающимися от перуанских белых и перуанских негров.

Хотя 10 февраля 1825 года Симон Боливар заявил в перуанском конгрессе, что «освободительная армия (креолов) вернула сынам Манко Ка-пака свободу, которую у них отнял Писарро», однако, в сущности, и он не стремился полностью освободить индейцев. По его представлениям, жители Южной Америки — это некая «Raza nueva» (новая раса) или «Raza torapa», как ее тогда называли (torapa — коричневый, смуглый). Новую нацию, новую расу составляет все население Латинской Америки: белые, негры, индейцы и метисы. Все члены этой «новой американской народности» имеют равные права и равные обязанности. Такое понимание индейской проблематики, разумеется, не отвечало реальному положению вещей и не удовлетворяло требованиям, за которые индейцы Анд сражались во время бесчисленных восстаний колониальной эпохи. А потому эта идея, вернее, даже эта мечта великого освободителя так и осталась лишь мечтой. Мечтой неисполнившейся и неисполнимой.

Со времени провозглашения декрета, подписанного Сан-Мartiном, прошло уже сто пятьдесят лет. Естественно, что ситуация в Латинской Америке изменилась. Ныне мы встречаемся тут с двумя в корне противоположными тенденциями: с одной стороны, это тенденция к ассимиляции индейцев, с другой — тенденция к формированию современных самобытных индейских народностей, а возможно — и наций. Ассимиляция явно постигнет огромное большинство мелких индейских племен, особенно примитивных обитателей востока Южной Америки. Но как будут развиваться большие индейские группы Латинской Америки, например кечуа, которых в андской области живет не менее шести миллионов? Сформируются ли они в современную индейскую нацию или перуанские кечуа в самом деле превратятся в перуанцев, боливийские — в боливийцев, эквадорские — в эквадорцев и т. д.? Точный ответ на этот вопрос даст только будущее.

Поскольку в этой книге нас интересуют лишь индейцы, мы уделим внимание второму из двух названных вариантов — тенденции к созданию современных индейских народностей, а возможно — и настоящих наций. Вспомним прежде индейские племенные группы, которых этот вопрос касается более всего. К ним, например, принадлежат мапуче (чилийские арауканы), тараски в Мичоакане, мексиканские отоми, сапотеки и миште-ки мексиканской Оахаки, четыре гватемальские группы: мам, кекчи, как-чи-кель и киче, пипилы в Гондурасе и т. д. Однако самым актуальным остается вопрос возможного формирования в современную нацию в полном смысле этого слова двух уже упомянутых андских групп — кечуа и аймара, а также юкатанских майя. Причины приоритета этих этнических групп в процессе создания современных наций следует искать в их далеком прошлом. Что касается самой многочисленной из них — кечуа, то мы должны вернуться во времена Тауантинсуйу, в империю

инков. Как известно, инки на всей территории своей обширной и густо населенной империи (то есть примерно на миллионе квадратных километров) вводили кечуа как единый общегосударственный язык.

Они кечуанизировали десятки индейских племен, а во вновь захваченные земли посылали говорящих на языке кечуа колонистов, часто живших ранее в непосредственном соседстве со столицей Куско. Таким образом, язык кечуа получил широкое распространение. И сейчас на нем говорит около 7 миллионов индейцев, занимающих компактную территорию сопредельных районов в Перу, Боливии, северном Чили, Аргентине, Эквадоре и на юге Колумбии. Аймара, древний народ, обитающий на Альтиплано, в окрестностях озера Титикака, еще в доинкские времена аймаризи-ровали своих соседей; этот процесс ассимиляции продолжается. В настоящее время, например, завершается аймаризация чрезвычайно интересной небольшой этнической группы уру-чипайя. Ныне аймара занимают обширную территорию в Боливии и южном Перу, составляя на ней подавляющее большинство населения. Майя на Юкатане и в соседних областях Месоамерики также составляют на своей довольно значительной территории 65—100 процентов населения. Кроме того, в период великого национально-освободительного восстания (вторая половина XIX века) майя вернули своим городам и селениям чисто индейский облик. И даже относительно слабое развитие капиталистических отношений в населенной индейцами деревне, как оказывается, не мешает постепенному формированию в странах Латинской Америки современных индейских наций. Большим препятствием является, пожалуй, параллельное формирование в тех же республиках креольских народностей.

Другой объективный фактор — это зарождение индейской буржуазии, чему способствует ряд благоприятных условий, таких, например, как разложение множества общин или возрастание интереса к изделиям индейских ремесленников, благодаря чему некоторые семейные мастерские превращаются в довольно большие и процветающие предприятия и т. д. О росте индейской буржуазии за последние годы свидетельствуют и результаты переписи населения в Боливии (1950 год). По ним видно, что торговой деятельностью и даже мелкими финансовыми сделками занимались 16 500 боливийских индейцев.

Вместе с формированием индейских народностей, а возможно, и наций, развивается вполне современная и вместе с тем самобытная национальная культура этих важнейших индейских групп. Для примера обратимся лишь к самым многочисленным — к современным кечуа. На Третьем панамериканском конгрессе индигенистов была принята универсальная азбука кечуа, которая затем была введена в школах всех населенных кечуа областей. Этой фонетической азбукой ныне печатаются кечуанские газеты (например, «Кипу» в Боливии, еженедельник «Федерация эквадорских индейцев» и т. д.) и уже довольно большое число кечуанских книг. Еще в первые послевоенные годы деятельность кечуанских просветителей в этом отношении ограничивалась записью и публикацией произведений фольклора. Но сейчас выходят и написанные на родном языке книги кечуанских прозаиков и поэтов. Назовем хотя бы Хосе Сосу из Аргентины, Хорхе Кальвимонтеса и Хуана Уальпаримаки из Боливии. Можно было бы также назвать не менее десяти крупных кечуанских поэтов из Перу, Луи-са Кордера Леона из Эквадора и других. Весьма важно, что произведения, созданные писателями-кечуа, читаются и за пределами республик, где живут их авторы. Например, в 1951 году в Боливии был отмечен Кечуанской национальной премией, которой удостоиваются лучшие произведения литературы на кечуа, перуанский поэт-кечуа Андреа Аленкастре Гутьеррес за поэму «Ильмани». Язык кечуа завоевывает также эфир. Ряд радиостанций в андских странах, в том числе и мощная католическая радиостанция «Голос андских гор» (в Эквадоре) ведет передачи на этом языке. Самая широкая сеть вещания на языке кечуа существует сейчас в Перу, где ею руководит прогрессивный индигенистский деятель Эрнесто Норе. На кечуа вещают также Московское радио и Радио Гаваны (последнее ведет еще передачи на языках аймара и гуарани). В музыке композиторов-кечуа, как и в кечуанской литературе, можно отметить переход от чистого «копирования», «пересказа» музыкального фольклора к созданию вполне современных произведений, восходящих, однако, к традициям народной музыки. Крупнейшим представителем современной музыки кечуа является Гевара Очоа, создатель ряда симфонических произведений, посвященных главным образом темам из истории и современной жизни кечуа. Своего рода вершину современной национальной культуры той индейской народности, которую мы выбрали в качестве примера, бесспорно, представляет собой возникновение национальной кечуанской кинематографии. В 1961 году в Перу был завершен первый фильм на языке кечуа («Кукули»). На фоне старой кечуанской легенды о медведе, который унес девушку, в нем рассказывается о повседневной жизни индейцев андских гор.

И наоборот, в Латинской Америке только еще начинает развиваться подлинно индейское народное образование, хотя, например, в Мексике существуют сотни школ, где — по крайней мере в первых классах — обучение ведется на индейских языках.

В некоторых республиках индейские массы попытались разрешить свои проблемы, играя активную, иногда даже главенствующую роль в демократических революциях. Мы уже говорили о десятках индейских восстаний, вспыхнувших в Южной и Центральной Америке. Все они потерпели поражение. Но вместе с тем уже трижды на протяжении XX столетия побеждали революции, во время которых индейские пролетарские массы выступали в союзе с пролетариатом — креольским и метисским. Характерно, что все три победоносные прогрессивные американские революции нашего века возникли в индейских республиках. И все эти три революции зародились и победили под лозунгом, который был главным пунктом революционной программы индейцев, — лозунгом, требовавшим радикальной аграрной реформы.

Если мексиканская революция была первым шагом к установлению социально и национально справедливого строя в Индейско-иберийской Америке, то гватемальская революция — десять лет пребывания у власти демократических правительств

президентов Аревало и Арбенса, была вторым таким шагом.

Гватемала! Это также страна с преобладающим индейским населением. И она прежде всего пытается разрешить именно индейскую проблему. По закону о земельной реформе 1952 года 110 тысячам гватемальских крестьян-индейцев была возвращена земля, отнятая у них американской компанией «Юнайтед фрут компани» и местными латифундистами. Но и гватемальская революция — крупнейшая американская революция своего времени — потерпела поражение. Ныне в Гватемале, как и прежде, двум процентам населения, креольским помещикам, принадлежит 65 процентов всей земли, а 30 процентами владеет «Матушка Юнай», и только у индейского крестьянина снова нет ни пяди.

Первая из славных американских революций нашего века разгорелась в полуиндейской Мексике, вторая возникла в индейской Гватемале, а третья вспыхнула в Боливии, стране, где самый высокий процент индейского населения на всем континенте. Это революционное выступление особенно важно для истории американских индейцев, ибо первую скрипку в революционном оркестре здесь играл рабочий класс. Боливийская национальная революция, главной силой которой были индейские горняки, привела к власти правительство политической партии НРД (Национальное революционное движение), не только осуществившей земельную реформу, но и национализировавшей всю горнодобывающую промышленность страны. Самую крупную земельную реформу в континентальной Америке руководитель НРД Пасо Эстенсоро символически провозгласил в Укуренье, традиционном центре революционного движения кечуанских пеонов, точно на том месте, где в бою с помещиками пала одна из прославленнейших героинь современной истории революционной борьбы индейцев — индеанка-кечуа Мария Барсола. На этот праздник сошлись индейцы со всей Боливии, со своими «вихпалами» (индейскими знаменами) и «путути» (обрядовыми музыкальными инструментами). До конца 1962 года аймарским и кечуанским крестьянам было возвращено почти 4 миллиона гектаров земли (95 тысяч дополнительных земельных наделов получили индивидуальные хозяйства и 82, тысячи — несколько тысяч индейских общин). Помимо того, индейским общинам горного плато была предоставлена для возделывания обширная территория тропических низин на востоке республики. Для охраны своих прав боливийские крестьяне создали крестьянскую милицию, а горняки-аймара — вооруженную рабочую милицию.

В последующие годы в ведущих кругах боливийской народной революции обнаружилось идейное разногласие. В 1964 году в результате военного переворота был свергнут установленный революцией режим. Ликвидация завоеваний боливийской революции была одновременно — не побоимся так сказать — поражением боливийских индейцев. Однако ни эта, ни другие неудачи уже не помешают индейцам занять прочное место на политической арене Америки.

Итак, индейская Америка уже пришла в движение. Тут мы должны обратить внимание читателей на то, что было бы ошибкой сводить все виды усилий, направленных на национальное и социальное освобождение индейцев, лишь к двум видам: революционному — к национально-освободительному движению, пропагандируемому социалистической индигенистикой, и к ограничивающемуся культурными реформами в соответствии с буржуазной теорией официального индигенизма. Путей решения индейской проблемы много, они так же многообразны, как многообразны и сами нынешние условия жизни индейцев. Австрийский американист Мартин Гузинде, миссионер и представитель реакционной, так называемой культурно-исторической школы в этнографии, долгие годы проведенный среди самых отсталых индейских племен Огненной Земли, предложил, например, в целях решения индейской проблемы выселить этих индейцев на несколько необитаемых островов (в своем меморандуме чилийскому правительству он писал, что они «все равно непригодны для продуктивного ведения хозяйства»). Вокруг этих «индейских» островов он полагал воздвигнуть искусственные преграды, чтобы к ним не могли подходить суда. Всем белым, кроме американистов, доступ на эти острова должен быть воспрещен под страхом смерти. Согласно этому «индигенистскому» проекту, индейцы были бы полностью изолированы от остального мира и могли бы жить по обычаям своих неолитических предков, так что американисты, единомышленники Гузинде (которым был бы разрешен доступ в этот «заповедник»), получили бы возможность наблюдать поистине уникальное явление. Это решение превратило бы индейца в некий пассивный музейный объект научного познания; ведь эти «человеческие резервации» ничем бы не отличались от уже существующих заповедников, в которых, например в восточной Африке, сохраняются вымирающие экзотические животные.

Многие деятели, нередко из кругов, близких официальному индигенизму, занимают в корне противоположную позицию. Они предполагают, что радикальное улучшение условий жизни индейцев приведет к их полной ассимиляции белыми. Сторонникам этого взгляда еще в своих «Семи очерках» ответил Мариатеги: «Ожидать эмансипации индейцев как следствия активного (стимулируемого) смешения индейцев с белыми переселенцами было бы антинаучной социологической наивностью. Наивностью, в лучшем случае достойной примитивного мышления импортеров метисных пород баранов... Азиатские народы, ни в чем не превосходящие индейский народ, прекрасно освоили важнейшие динамические и творческие элементы западной культуры, не восприняв при этом европейской крови».

В другом месте своей классической работы Мариатеги выдвигает два основных требования к решению индейской проблемы: «Индейскую проблему необходимо решать на социальной основе — и решать самим индейцам». Там, где индейцы начинают уже объединяться в своей борьбе с интернациональным социалистическим движением, там перед ними открываются реальные перспективы такого решения. Но и сами индейцы, как и креольские индигенисты, находят десятки иной раз чрезвычайно

своеобразных путей решения этой проблемы. Прежде всего остановимся на вопросе, как некогда говорилось, «расовой чистоты». Подобно некоторым пндигенистам, многие индейские племена единственную возможность самосохранения видели в абсолютной «расовой чистоте». Поэтому они чрезвычайно упорно противились какому бы то ни было общению с белыми. Своего рода аналогией попыток индейцев сохранить «расовую чистоту» является убеждение, что современная индейская культура (а вместе с ней и вообще возрождение индейского образа жизни) может возникнуть лишь на почве чисто индейских (доколумбовых) традиций. Это, казалось бы, патриотическое убеждение не имеет реальной основы. Латиноамериканские индейцы подчас находили и еще более своеобразные пути «решения» индейской проблемы. Так, например, они искали единственную надежду в различных религиозных мессианских движениях, подобных широко распространенной Пляске духа североамериканских индейцев. Одним из примеров таких движений могут послужить хотя бы беспорядки, которые произошли в 1867 году в племени чамула в мексиканском штате Чиapas. У чамулов появилась молодая девушка Чечев, которая создала собственное религиозное учение, объединявшее чамульские религиозные представления с христианскими. Учение Чечев нашло широкий отклик. Индейцы провозгласили провозвестницу учения живой святой своей хилиастической веры. Однако по понятиям Чечев новая религия нуждалась и в собственном Христе. И она повелела распять своего племянника, а когда тот умер на кресте, провозгласила его «Иисусом Христом индейской расы». Это фанатическое движение, вызвавшее многочисленные антиправительственные беспорядки, было с большим трудом подавлено мексиканскими войсками.

Вернемся теперь к теме революции. История революционного движения в Индейско-иберийской Америке не оканчивается тремя ступенями — боливийской, гватемальской и в довоенные годы мексиканской. Вратами в подлинно человеческую, полнокровную жизнь стала только четвертая ступень. Эту роль сыграла Куба — кубинская революция. Для индейцев она открыла самый притягательный из всех американских образцов общественный строй, социалистический путь — единственный из возможных путей. Она была первой революцией в Латинской Америке, которая сумела коренным образом разрешить центральную проблему латиноамериканских трудящихся масс — проблему земельного голода. Она отняла землю у латифундистов и отдала ее народу. Осуществив коренную аграрную реформу, кубинская революция сделалась знаменем, надеждой всей трудящейся Америки — и индейцев. И эта революция, в короткий срок излечившая столько недугов, обременявших и до сих пор обременяющих страны и народы Индейско-иберийской Америки, провозгласила себя революцией социалистической. Слава о Кубе и о социализме, несущем с собой справедливость, распространилась по всей Америке. Индейцам приходится задуматься: кто вернул кубинскому народу землю, которую у него до этого только отнимали? Кто вернул ему честь и свободу? Справедливая революция, социализм. Кто, следовательно, и индейцу даст землю, свободу и честь? И они отвечают себе: следуй примеру Кубы, наша надежда — социализм. Индейцев привлекает не только замечательное разрешение аграрной проблемы, но и другие деяния кубинской революции. Их восхищает необычайно быстрая ликвидация на Кубе неграмотности и особенно решение «расовой проблемы». На Кубе мало индейцев, но там живут негры, белые, китайцы, метисы. И у всех у них теперь равные права, одинаковые обязанности. Революция на Кубе полностью искоренила и существовавшую ранее негласную расовую дискриминацию в социальной сфере. Американский журнал «Лайф» опубликовал в 1961 году большую статью о жизни перуанских индейцев в высокогорной андской долине, отрезанной от всего мира. Автор рассказывает об индейцах-горцах, жизнь которых не изменилась со времени появления первых испанцев. Не изменился и владелец долины. Вся земля в этой долине, где расположено несколько кечуанских деревень, принадлежит одному креольскому латифундисту, прямому потомку давнего энкомендэро. Индейцы никогда его не видели: хозяин живет в городе и всеми делами вместо него ведает управляющий именем. Американский журналист говорит далее, что эти индейцы, живущие в изоляции, ничего не знают о мире и не могут произнести по-испански ни одной фразы. Но одну фразу, один испанский лозунг знают все индейцы забытой долины. Лозунг этот — «А ¡а Сибана!» — «По кубински!». Заканчивая свою статью, американский журналист спрашивает: «Неужели и индейцы пойдут кубинским путем?» Да, пойдут. Обязательно пойдут. Ибо этот путь — их великая надежда, единственная надежда.

В 60-е годы многие принципы кубинской революции воспринимает следующее весьма значительное латиноамериканское правительство, на этот раз пришедшее к власти мирным путем, в результате парламентских выборов. Правительство Народного единства (Unidad Popular) в Чили, стране, тоже имеющей весьма многочисленное индейское население, состоящее главным образом из членов некогда воинственной группы арауканов (мапуче), тех самых мапуче, «Ахиллов Америки», о которых мы уже знаем. Каковы, собственно, были судьбы чилийских индейцев после того, как в конце XIX века они все же отказались от суверенитета в пользу Чили? В соответствии с принятым законом для них было создано свыше 3 000 «резерваций», где под охраной правительства они, казалось бы, могли жить по-прежнему, в духе своих представлений. Договор, подписанный в конце XIX столетия, обещал каждой арауканской семье по 6 гектаров земли. Но годы шли, мапуче теряли все больше земель и таким образом тоже становились бесправными полурабами, батраками на чужих латифундиях. Первая половина XX века довела этих «Ахиллов Америки» до глубокого социального и культурного кризиса, из которого вроде бы уже не было выхода. Но затем и перед этими индейцами засветилась надежда. Надежда, носящая имя Unidad Popular. Правительство президента Сальвадора Альенде в самом начале своей деятельности недвусмысленно провозгласило, что хочет возместить весь урон, нанесенный коренному населению Чили. И, не ограничиваясь словами, быстро осуществило обширную земельную реформу, разделив при этом и сотни латифундий, созданных на земле, некогда отнятой асендадо у арауканов. Чилийские индейцы должны были не только получить

назад все земли, которых они лишились за годы жизни под властью республики. *Undidad Popular* было первым правительством на Американском континенте, которое хотело вернуть арауканам и земли, отобранные у них во времена конкисты! Аграрный вопрос — одна из главных составных частей индейской проблемы. Но не единственная. Поэтому Сальвадор Альенде был первым чилийским президентом, который пригласил в правительственный дворец представителей арауканов и предложил им сотрудничать с *Undidad Popular* при выработке законодательных основ для создания условий, способствующих устранению всех остальных «болезней», от которых страдают чилийские индейцы. Такой законодательный проект был затем общими усилиями правительства Народного единства и представителей арауканов действительно разработан. В нем заново выдвигалось требование возврата всех когда-либо отнятых у арауканов земель. Далее закон предусматривал поддержку эффективных методов земледелия путем внедрения в него современной сельскохозяйственной техники. Закон также исходил из того, что индейские общины и сельскохозяйственные кооперативы, которые будут созданы в Араукании, должны будут получить от правительства Народного единства значительные кредиты. В культурной области планировалось создание на арауканской территории сети школ не только для индейских детей, но и для неграмотных взрослых. Обучение в них предполагалось вести как по-испански, так и по-араукански.

Поэтому арауканы в самом деле могли считать приход к власти *Undidad Popular* своей победой. Победой, завершившей битвы Лаутаро, Каупо-ликана, Коло-Коло, Петантару. Не удивительно, что подавляющее большинство арауканов решительно поддерживало движение Народного единства и что одной из самых мощных манифестаций в поддержку *Undidad Popular* была манифестация арауканов в Сантьяго-де-Чили. Это была, правда, весьма своеобразная политическая манифестация. Возглавляли ее арауканские мачи — заклинатели со своими колдовскими бубнами, за ними шли нынешние токи — вожди — и тысячи индейцев.

В сентябре 1973 года в результате офицерского путча правительство *Undidad Popular* было свергнуто. Но его планы-проекты, его попытки решения индейской проблемы в Чили не забыты. В конце 60-х годов приходит к власти прогрессивное национальное правительство в еще одной южноамериканской стране — Республике Перу. Причем любое позитивное изменение в этой республике, населенной таким большим количеством индейцев, само по себе имеет огромное значение и для индейцев других южноамериканских государств. Перуанское национально-демократическое прогрессивное правительство начало осуществлять широкую земельную реформу, согласно программе, которая (и это, безусловно, имеет символический смысл) получила название «Инка». Эта реформа основана на принципе: «Земля принадлежит тем, кто ее возделывает». В отличие от десятков проиндейских законов, принятых в Перу, например, во время одиннадцатилетнего правления президента Легуа и его предшественников, на этот раз постановление о земельной реформе было быстро проведено в жизнь, и почти через пятьсот лет после завоевания индейского Перу конкистадором Писарро индейское население вновь получило значительную часть отнятой у него земли. Но многие перуанские индейцы трудятся также в горнодобывающей промышленности. Осуществление плана «Инка» принесло и этим рабочим значительные улучшения. Прогрессивное национально-демократическое правительство Перу решилось национализировать огромные минеральные богатства своей страны. И в первую очередь были национализированы рудники знаменитой «*Cerro de Pasco corporation*» («Корпорация горы Паско»), где работают почти исключительно горняки-индейцы. По плану «Инка» была также осуществлена «*Acción Cívica*» («Гражданская акция»), в результате которой даже в отдаленных частях страны для индейского населения были организованы центры здравоохранения и социального обслуживания, где практически все лечение предоставляется индейцам бесплатно. Такие центры были, между прочим, организованы и на судах, проникающих по рекам в недоступные для иных видов транспорта области восточного Перу — в так называемую Монтанью, чтобы индейские обитатели здешних джунглей получили хотя бы самую необходимую медицинскую помощь.

Наиболее ярким проявлением заботы правительства Перу о национальной культуре индейцев явился закон 1975 года, по которому язык кечуа — язык инков — объявлен вторым государственным языком республики. Одновременно в населенных индейцами областях Перу язык кечуа был введен в обязательную школьную программу. Кроме того, по решению правительства существенным образом расширяется использование языка кечуа массовыми средствами информации. Улучшить социальные и культурные условия жизни индейцев стремится и соседний с Перу Эквадор, отдельные правительства которого также начали осуществлять целый ряд «индейских проектов».

Таким образом, ныне решением индейской проблемы занимаются в Латинской Америке как правительства отдельных республик, так и особые, индигенистские учреждения. Общий фронт деятельности индигенизма расширяется, а в его ориентации проявляется все больше различных установок. Наряду с продолжателями дела Гамио, то есть с представителями официальной, традиционной школы индигенизма, сейчас выступают и многочисленные другие ученые, занимающиеся исследованием путей решения индейской проблемы в Америке. Назовем среди них хотя бы известного чилийского мыслителя-марксиста Алехандро Липшуца или мексиканцев Рикардо Посаса и Исабелу Горкасигас.

Если уж речь зашла об индигенистах и индигенизме, мы вынуждены еще раз констатировать, что индигенизм был порожден существованием индейской проблемы в Америке. И что, следовательно, пока существует в Америке индейская проблема, будет по логике вещей существовать и люди, которые на самых различных уровнях пытаются ее решить. В этом смысле индигенизм

вполне обоснован. Но, с другой стороны, мы не можем не сознавать, что само существование индигенизма способно увести многих с правильного пути. Почему? Да потому, что некоторые индигенистские модели стремятся решить исключительно индейскую проблему, отделяя и как бы полностью изолируя индейцев от окружающего общества, от всей жизни современной Америки. Но ведь индейцы теперь живут в Америке не одни. А отделять, отграничивать, например, латиноамериканского безземельного индейца от безземельного креола означало бы отделять индейца от его естественных союзников. Таким образом, и в Латинской Америке речь должна в первую очередь идти о том, чтобы объединить борьбу индейцев с борьбой остальных групп и социальных слоев общества, а не ослаблять перспективы и надежды индейского движения изоляцией индейцев от остальных, неиндейских жителей латиноамериканских стран. Итак, индигенизм — во всех его вариантах — с полным правом требует, чтобы в Америке, и особенно в Латинской Америке, были окончательно решены индейские проблемы. Однако мы добавим: и не только индейские! Не только!

Наряду с индигенистскими организациями в Латинской Америке уже десятки лет существуют организации самих индейцев. Если взглянуть на историю отдельных латиноамериканских государств в XX веке, мы встретимся, например, в еще доальендовском Чили с хорошо организованным «Арауканским фронтом», который был инициатором созыва всечилийского индейского конгресса. Такой же поистине всеболивийский конгресс провели в период правления президента Вильяроэля при участии полутора тысяч делегатов индейцы Боливии. Индейское революционное движение в Перу первоначально развивалось под руководством Федерации йанаку-нов (йанакунами, как мы знаем, в Туантинсуйу называли бесправных инкских пролетариев) и псевдорадикальной АПРА, существовал и ряд других индейских организаций, иногда даже именовавших себя «политическими партиями». В Мексике действовало несколько национальных организаций отдельных индейских племен и народностей — например, сапо-теков, масатеков, миштеков и тарасков (в мичоаканском городе Чаран тараски издавали одну из крупнейших индейских газет, печатавшихся на национальных языках; называлась она «Митакуа» (по-тараскански «Ключ»). Кроме того, в Мексике существует Национальный союз индейской молодежи («Confederación nacional de jóvenes indígenas»).

В Эквадоре, где индейцы и метисы составляют абсолютное большинство населения, революционным индейским движением руководит Коммунистическая партия Эквадора, как непосредственно, так и через массовую политическую организацию — Конфедерацию эквадорских индейцев, возникшую в результате стремления индейцев объединить свои силы. Некоторые индейские племена и группы даже выдвинули в XX веке требование создать в Латинской Америке самостоятельные индейские государства (об этом же, как о возможном решении индейской проблемы, говорили и некоторые делегаты VII конгресса Коминтерна, проходившего в 1935 году в Москве).

С автономистскими требованиями выступила некогда в Перу и группа индейцев, организовавших так называемую децентрализованную партию. «Децентралисты» требовали разделения Перу на автономные республики с учетом национального характера отдельных областей страны. В XX веке существовало лишь одно действительно независимое индейское государство, да и то очень недолго. Это была так называемая «Кунская республика». Куны — довольно многочисленное индейское племя, живущее на Панамском перешейке, как на материке, так и на близлежащем острове Сан-Блас и нескольких других небольших панамских островах. Эти индейцы, имевшие весьма развитое чувство независимости, в течение всего колониального периода сохраняли почти полную свободу. Затем, в 1790 году, Испания заключила с ними, так же как с арауканами, договор, по которому признала полный суверенитет кунов. Такую же свободу предоставила им и Колумбия, которой — до тех пор, пока Панама не отделилась от Республики Колумбия и не объявила себя независимой — принадлежала и племенная территория кунов. И в новых условиях куны столь же бережно продолжали охранять свой «суверенитет» и чистоту племени. Строго запрещали своим женщинам общение с белыми или другими пришельцами, а если уж у индеанки из этого племени рождался нечистокровный ребенок, мать должна была сама его убить. Такой неписанный, но строго соблюдавшийся закон сделал из кунов одно из немногих чисто индейских племен современной Америки (то есть таких, в которых нет метисов). В двадцатые годы нашего столетия панамское правительство попыталось покончить с их почти полной независимостью. Куны выдержали и этот натиск. А затем племенной совет, который существует у кунов сотни лет, в 1925 году объявил о создании независимого государства — Кунской республики. Президентом был избран кунский вождь Неле, государственным секретарем — Куна Кантуле. Несколько государств заявили о дипломатическом признании новой республики, явно рассчитывая создать здесь для себя «удобные позиции», ибо территория Кунской республики лежала прямо у входа в столь стратегически важный Панамский канал. В конце концов панамское правительство поняло, какая опасность ему угрожает, и предложило кунам полную автономию, но только в рамках Панамской республики. Куны приняли предложение и отказались от независимости.

В последний период истории индейцев Латинской Америки, за те сорок лет, которые прошли со времени памятной Пацкуарской конференции, индейские массы Латинской Америки сильно активизировались. Пацкуарская конференция проходила в пору второй мировой войны. И хотя антифашистская борьба не коснулась непосредственно Латинской Америки, хотя латиноамериканские индейцы в отличие от своих североамериканских братьев непосредственного участия в войне не принимали, все же и для индейцев эти события имели огромное значение. Уже упомянутый индигенист-марксист Алехандро Липшуц отмечает, что, с точки зрения индейцев, эта война была... «войной за новый порядок... и против суперкапиталистического треста». А потому она была также войной индейцев и афро-американцев. Вторая мировая война расширила кругозор индейцев Латинской Америки.

Теперь они находили примеры для решения индейской проблемы и за пределами своего континента. Тот же Липшуц в своей книге «Индоамериканизм и расовая проблема в Америке» («El indioamericanismo y el problema racial en las Américas», Santiago de Chile, 1944), например, говорит: «Ясный и весьма выразительный образец с нашей американской индигенистской точки зрения представляет сообщение из города Уфы, столицы Башкирской автономной республики, обнаруженное нами в «Moscow News» от 13 марта 1943 года... «Ромео и Джульетта», «Гамлет», точно так же как почти все произведения Байрона, Бернарда Шоу, как стихи Роберта Бернса, как рассказы и романы Джека Лондона и Эпто-на Синклера, были переведены на башкирский язык... почему же то, что доступно башкирам, калмыкам и иным племенам восточной и азиатской России, которые в Центральной Европе всегда ошибочно считались архидикими, не может быть доступным нашим арауканам, аймара, кечуа, индейцам Эквадора, Колумбии, Мексики и т. д.?» И этот пример решения национального вопроса в Советском Союзе, пример создания равноправных советских республик нерусских народов на Кавказе, в Поволжье, в Средней Азии, для многих индейцев и руководителей их национально-освободительного движения становится единственным вдохновляющим примером. Наряду с заразительным примером политического и экономического освобождения этих народов, прежде страдавших под царским игом, индейцы находят в СССР и образец реального решения своих культурных проблем. Особенно близко им решение вопросов, связанных с развитием национальных языков. «...Постоянным экономическим и культурным развитием многих народностей Советского Союза доказано, что забота о собственном (национальном) языке, который прежде казался обреченным на гибель... впервые открывает двери для действительного развития всех экономических и культурных сил народа. И более того, многоязычие Советского Союза не только не стало препятствием для его стабильности и единства, но как раз напротив — его стабильность и единство основаны именно на его национальной политике».

Выдающийся, радикальный в свое время перуанский индигенист и замечательный знаток доколумбовых древностей Перу Луис Валькарсель писал: «Только в социализме моя индейская принадлежность находит свое политическое выражение». То, что сумел почувствовать еще четыре десятилетия назад прославленный перуанский индигенист, сейчас сознают почти все индейцы Южной и Центральной Америки. Уже в 1927 году Ма-риатеги мог провозгласить: «Родственность индейско-индигенистского движения, мировому революционному движению настолько очевидна, что ее даже не нужно доказывать».

Эту родственность индейцы Латинской Америки уже сознают. Ее подтверждает и богатый опыт их собственной борьбы, опыт кубинской революции, а также опыт их участия в мексиканской, гватемальской и боливийской революциях, успехи, достигнутые перуанским национальным правительством, и, разумеется, важный пример проиндейской деятельности правительства Народного единства в Чили.

Но прежде всего они сознают собственную силу, собственные возможности. Их свыше тридцати миллионов. По крайней мере в два раза больше, чем в то время, когда на их континент вступил первый конкистадор. Гамлетовский вопрос уже не стоит перед индейцами.

Они прошли кровавую купель конкистадоров и «духовную купель», уготованную им различного рода миссионерами, их не сломил гнет колонизаторов, королей олова и латифундистов. Они пережили все. Не умерли. И не умрут, не вымрут завтра. Завтра? Что будет завтра? На этот вопрос ответить трудно. Каковы перспективы формирования современных индейских наций, как будут решены многие другие индейские проблемы, покажет само будущее. Но мы глубоко убеждены, что в завтрашней Америке индейцы займут подобающее место. То место, которое принадлежало им на всем протяжении истории этого континента, на протяжении тридцати тысяч лет, пройденных вместе с нами, читателями этой книги.

«Индейцы без томагавков»

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)